

Джин Сосин

ИСКРЫ СВОБОДЫ

Воспоминания ветерана радио

Перевели с английского Ольга Поленова и Иван Толстой

Copyright 2008

*Глории посвящается
Я помню чудное мгновенье...
Пушкин*

*To Gloria
I remember the wondrous moment...
Pushkin*

ОГЛАВЛЕНИЕ

- [Иван Толстой. Рыцарь Свободы](#)
- [Джин Сосин. Предисловие к русскому изданию](#)
- [Джин Сосин. Предисловие к английскому изданию](#)
- [От признательного автора](#)
- [Введение: Моя дорога на *Радио Свобода*](#)
- [Глава 1. Концепция и рождение *Радио Свобода*](#)
- [Глава 2. Мы – в эфире!](#)
- [Глава 3. Искры начинают возгораться](#)
- [Глава 4. Обмен идеями между Востоком и Западом](#)
- [Глава 5. Хрущев выпускает антисталинского джина](#)
- [Глава 6. От *Освобождения* к *Свободе*](#)
- [Глава 7. Программы и конференции в 60-е годы](#)
- [Глава 8. Мюнхенские годы, 1966-1970](#)
- [Глава 9. *Радио Свобода*: покровы сброшены](#)
- [Глава 10. Переходный период: 1971-1975](#)
- [Глава 11. От застоя к гласности и перестройке: 1976-1985](#)
- [Глава 12. Советская эра идет к концу](#)
- [Глава 13. От Горбачева к Ельцину](#)
- [Глава 14. *Радио Свобода* в новую эру свободы](#)
- [Приложение](#)
- [Примечания автора](#)
- [Библиография](#)
- [Иллюстрации](#)

РЫЦАРЬ СВОБОДЫ

Если собрать все, написанное о Радио Свобода за прошедшие полвека, соберется целый шкаф печатной продукции. Кто только не писал о Свободе! Руководители радиостанции рассказывали о главных политических коллизиях в эпоху своего правления, делая при этом упор на ближайшую родственницу Свободы – Свободную Европу. Американские, немецкие, итальянские и другие западные журналисты комментировали назначения и скандалы на станции. Конгресс Соединенных Штатов неоднократно проводил слушания, на которых обсуждалась судьба американского радиовещания по окончании холодной войны. Агенты полудюжины мировых разведок выступали с грозными отчетами о своей, судя по всему, невыполненной работе. Читатели старшего поколения, вероятно, помнят многочисленные пропагандистские книжки с названиями, вроде «Антенны направлены на Восток» или «Клевета в эфире». За 50 лет вышло бесконечное множество интервью, публикаций, откликов и досужих домыслов, относящихся к зарубежным голосам. Появилась книга интервью парижской сотрудницы Радио Фатимы Салказановой, воспоминания мюнхенского редактора военной программы Валерия Коновалова, большой том записок «фирменного голоса» станции – Юлиана Панича.

Тем не менее, цельной книги о Свободе с обстоятельной историей, политикой и портретами да сих пор не было. Тем более – истории Русской службы, самой крупной и самой старой на Радио. Можно только гадать, почему не оставили своих записок ветераны-эмигранты: кто-то умирал, кто-то уходил со станции обиженным, кто-то ждал свободы слова в России и не дождался.

Как бы то ни было, за всех русских воспоминания о Радио написал американец – Джин Сосин. Его преданности Свободе также хватило бы на всех сотрудников. Сосин начинал еще в 1952-м с рядовой должности в Нью-Йоркском отделении за полгода до первого эфира, взошел по служебной лестнице до руководителя программного отдела в Нью-Йорке и заместителя директора, работал и в Мюнхене, организовывал различные конференции и выступления, а уходил на пенсию в августе 1985-го перед самым началом перестройки. Не раз побывав в Москве и совершив несколько путешествий по России, Сосин все пенсионные годы продолжает внимательно следить за развитием станции.

Так любят своих детей – заботливо, в меру строго, ожидая достойных результатов. Джину (или, как в былые годы его полувсерьез называли, Евгению Эдуардовичу) все здесь дорого – люди, программы, документы, ибо все это создано при нем, благодаря ему и его единомышленникам.

Радио, назвавшееся Свободой, взяло на себя двойную ответственность: говорить правду и сохранять гордое имя. Сосин рассказывает, чего стоит защита Свободы. Он знает, он – ее рыцарь.

Иван Толстой

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Я хотел бы выразить Радио Свобода Радио/Свободная Европа мою признательность за перевод и он-лайнную публикацию «Искр Свободы».

Я благодарен Тому Дайну, бывшему президенту РС/ РСЕ; Россу Джонсону, старшему советнику Радио и научному сотруднику Гуверовского института, и Дональду Дженсену, бывшему директору Отдела Связей, а ныне директору Отдела исследований, за проявленный интерес и поддержку. Особая благодарность Мартинсу Званерсу, старшему помощнику директора Отдела Связей, - его энергию, чувство локтя и практические советы нельзя переоценить.

Моя признательность – директору Русской Службы РС Марии Клайн, веб-редактору Антону Ширяеву и Кимберли Конгер.

Я также благодарен Питеру Дж. Поттеру, бывшему главному редактору Pennsylvania University Press, за помощь в получении нами международных прав, директору Pennsylvania University Press Сэнфорду Тэтчеру и его помощнице Дженифер Нортон за право на цифровую публикацию фотографий.

Наконец, у меня не хватает превосходных степеней, чтобы выразить меру моей благодарности Ивану Толстому и Ольге Поленовой: Ивану – за его неутомимые усилия по превращению русской версии в точное воспроизведение оригинала. Ольге – за ее блестящий окончательный вариант перевода под общей редакцией Ивана. Я почти уверен, что сам написал это по-русски! И теперь перед русскими читателями мой рассказ о полувекковой борьбе Радио Свобода за демократию на их родине.

Эту публикацию на сайте Русской Службы я хочу посвятить памяти Андрея Дмитриевича Сахарова, со дня рождения которого 21 мая минует 87 лет. Вместе с Еленой Георгиевной Боннер, его женой и соратницей, они без усталости боролись за демократические свободы и права человека. Надеюсь, эта книга наглядно покажет, насколько их идеалы были созвучны ценностям Радио Свобода, которое помогало распространять их и в годы холодной войны, и сегодня. Хочется вдохновить наших читателей примерами героизма людей, подобных Сахарову. Заодно с зарубежными единомышленниками они зажигали искры свободы.

Джин Сосин

Каждый человек имеет право на свободу убеждений и на свободное выражение их; это право включает свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ.

Статья 19 Всеобщей Декларации прав человека, 1948

ПРЕДИСЛОВИЕ К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Трудно переоценить значение вашего вклада в уничтожение тоталитарного режима в бывшем СССР. Но не менее важны ваши усилия сейчас в деле информирования русских слушателей о событиях в нашей стране и во всем мире.

Послание

Президента России Б.Н.Ельцина

Радио Свобода

в связи с сорокалетним юбилеем станции.

Март 1993

Эта книга – об американской радиостанции *Свобода (РС)*, которая в длительной борьбе с советской сверхдержавой одолела, казалось, непобедимую кремлевскую пропагандистскую машину и помогла выиграть холодную войну. Начиная с марта 1953 года *Радио Освобождение* вело непрерывные передачи на СССР; в 1959-м радиостанцию переименовали в *Радио Свобода*. Свою главную задачу Радио видело в ослаблении контроля компартии над информацией, что в результате ускорило падение режима. Начиная с 1953 года слабый голос радиостанции шаг за шагом превращался в мощнейшее средство массовой коммуникации. Проникая через железный занавес, он заставлял прислушиваться к себе миллионы русских, украинцев и других народов Советского Союза. И по сей день для них, живущих уже в независимых государствах, *Радио Свобода* остается живым голосом демократии.

В качестве сотрудника я появился в редакции *РС* за несколько месяцев до первого выхода в эфир и с тех пор, в течение 33 лет, готовил передачи и

руководил сначала Нью-йоркским отделением, затем был старшим советником (иногда и.о. директора) в штаб-квартире в Мюнхене и, опять в Нью-Йорке, директором планирования – уже после того, как в 70-е годы радиостанции *Свободная Европа* и *Свобода* слились в одну организацию.

Многие документы, на которые я ссылаюсь, в том числе и секретные, прежде не публиковались и хранились в моих папках. Среди них попадаются уникальные источники по истории *Свободы*: пленки с передачами и распечатки программ, устные свидетельства, служебные инструкции и материалы проводившихся под нашей эгидой конференций, где выступали американские и западноевропейские профессора и журналисты – специалисты по Советскому Союзу. Я цитирую отрывки из передач с участием ведущих американских и европейских ученых: широкий спектр их взглядов разительно отличается от догматической марксистско-ленинской доктрины Кремля.

История радиостанции знала много переломных моментов. Ее деятельность сопровождалась активным вмешательством КГБ, который терроризировал и запугивал сотрудников. Не исключено, что убийство двух из них в Мюнхене, в 50-е годы, дело его рук.

Агенты КГБ не раз проникали на *Радио* под видом разного рода перебежчиков, которые потом, по возвращении обратно в СССР, не жалея красок, описывали *Радио Свобода* как теплое место для пособников нацистов и агентов ЦРУ. Какая-то доля правды в этом была: поначалу штат приходилось набирать из эмигрантов в Западной Европе, и среди бывших советских граждан попадались воевавшие на стороне немцев. Верно и то, что в течение первых восемнадцати лет финансовую поддержку нам тайно оказывало ЦРУ. Серьезнейшая угроза нависла над радио в 1971 году, когда этот покров пал и само существование радиостанции, так сказать, её *raison d'etre*, оказалось под угрозой из-за мощной кампании, развернутой тогдашним председателем Сенатского комитета по иностранным делам Дж. Уильямом Фулбрайтом.

Уникальный состав сотрудников *Радио* – эмигрантов из СССР, представлявших разные этнические группы с собственными политическими взглядами, - часто приводил к конфликтам между русскими и инородцами. Отголоски их разногласий прорывались и в эфир: от некоторых передач русской и украинской служб несло, например, откровенным антисемитизмом.

Нелегко было приспособить американские принципы вещания к изменчивой поступи четырех бурных десятилетий послесталинской советской истории. То хрущевская оттепель, то брежневские заморозки, разрядка и застой, то горбачевские гласность с перестройкой, приведшие к распаду Советского Союза, то, наконец, зачатки ельцинской демократической России и появление независимых государств на территории бывшей империи. Возможно, звездный час *Радио Свобода* пришелся на август 1991 года – время неудавшегося путча против Горбачева и Ельцина. Корреспонденты *Радио*, стоя в Белом Доме бок о бок с демократическими лидерами, вели свои передачи на весь мир, а главное – на широчайшую аудиторию в самом Советском Союзе. "Ребята, - сказала им вдова Андрея Сахарова Елена Боннэр, - вы были на баррикадах с нами". (1)

Собственно говоря, мы были на баррикадах с первого дня появления *РС* в эфире – 1 марта 1953 года. По прихоти истории в ту ночь Сталин пережил удар и 5 марта скончался. Мало кто из нас, первых сотрудников, мог надеяться, что сбудутся наши мечты: отменят цензуру, разоблачат сталинские преступления, малые народы СССР обретут право на самоопределение, и расцветет религиозная свобода. Но самым важным было возрождение в обществе

свободного выражения мысли, вскормленной идеями и информацией с Запада и борьбой за права человека, которую вела кучка мужественных диссидентов внутри страны. После чего последовало падение советского режима, Коммунистической партии и развенчание самого Ленина.

Не чудо ли вообще, что группа американцев, неискушенных в тонкостях международного вещания, соединила свой талант и энергию с такой же группой непрофессионалов – озлобленных жертв советской тирании, которые только и думали, как бы отомстить этой власти за все причиненное им горе! Понадобились годы драматических сдвигов за пределами Советского Союза и внутри него, чтобы благодаря этому невероятному альянсу был построен прочный мост, соединивший западный мир с миллионами слушателей, для которых стало привычным считать передачи *Радио Свобода* выражением собственных заветных мыслей, надежд и разочарований. Советские руководители - от Горбачева и Ельцина до генерала КГБ – оценили этот вклад радиостанции. Особое значение имело признание нашей деятельности такими фигурами, как Андрей Сахаров, Александр Солженицын и другими знаменитыми борцами с диктатурой. Они рисковали своей свободой и даже жизнью, чтобы с нашей, главным образом, помощью донести до мировой общественности и своего народа самиздатские материалы с требованиями гражданских прав, отнятых режимом.

Теперь, на пороге нового столетия, Россия и её ближнее зарубежье вступают в беспокойный период социального и экономического развития. Миссия *Радио Свобода* остается прежней: служить проводником демократических идей, разоблачать ксенофобию, национализм и все еще витающий призрак однопартийной системы – наследие бывшего Советского Союза, которые по-прежнему угрожают независимости, добытой упорной борьбой многострадального народа.

Автор.

ОТ ПРИЗНАТЕЛЬНОГО АВТОРА

За добрые советы и поддержку на разных этапах написания этой книги я хотел бы выразить мою благодарность следующим лицам:

Сотрудникам бывшего программного центра *Радио Свободная Европа/Радио Свобода* в Нью-Йорке Альберту Аркусу, Ирине Дутиковой, Саре Гассан и Ирине Клионской; в Вашингтоне – Джейн Лестер за ее постоянную готовность ответить на все мои вопросы, Полу Гоблу за ценные замечания по прочтении первого варианта рукописи, Ларисе Силницкой, которая делилась со мной взглядами на положение дел в русской редакции; Марку Роудсу и Сьюзан Жили – сотрудникам ИнтерМедиа, державших меня в курсе опросов фокус-групп в новых государствах, входивших прежде в СССР.

Анатолий Шуб, посвятивший свою жизнь изучению России, просмотрев рукопись, дал много прицельных советов. Николас Шитц и Лизетт Матано из Отдела личных фондов библиотеки Джорджтаунского университета познакомили меня с бумагами Джона Лодизена. Дороти Сарджент, прежде чем отправить архивы своего покойного мужа в библиотеку им. Трумэна, пригласила меня для ознакомления с ними. Ценные замечания сделал, по прочтении рукописи, сотрудник *Baltimore Sun* Скотт Шейн.

Я особенно благодарен Кевину Клоусу, пригласившему меня консультантом на 40-летие *Свободы* и в избранный круг на московские юбилейные торжества. Благодаря ему, мне удалось посетить новую штаб-квартиру *PCE/PC* в Праге, собрать материалы и записать некоторые беседы. Хочу поблагодарить пражских сотрудников: Маргарет Раух, Вацлаву Косикову, Лехослава Гавликовского, Бонни Михалку, Роберта Жиллетта, Дональда Дженсена, Гюльнару Патаридзе, Юрия Гендлера, Марио Корти, Льва Ройтмана, Владимира Тольца, Тенгиза Гудаву, Романа Купчинского и Ричарда Каммингса. Ценные сведения об изучении нашей аудитории и об оценке наших передач слушателями предоставил в мое распоряжение Джин Парта, многолетний руководитель мониторингового проекта. Слова моей признательности - Наташе Зубер, работавшей в Мюнхене помощником директора *Радио*, а до этого в Нью-Йорке моим секретарем, в начале 1960-х.

Сотрудница «Московского радио» (теперь «Голос России») Соня Бережкова, защитившая в МГУ диссертацию по *РС*, рассказывала мне, как воспринимается наша радиостанция в постсоветский период. Нина Крейтнер, биограф Александра Галича, также оказала мне помощь в работе.

Израильтянин Евгений Лейн очень ясно показал важность передач *Радио Свобода* для моральной поддержки тех, кто желал эмигрировать и сопротивлялся давлению советских властей. Моя общая благодарность советским эмигрантам разных этнических групп – и работавшим на *Радио*, и их мужественным соотечественникам-диссидентам, оставшимся на родине. Они укрепляли нашу веру в то, что из многих путей мы выбирали правильный.

Среди американских ученых я хочу упомянуть моих близких друзей Роберта В.(Билла) Даниэлса и Мориса Фридберга. В бурной истории *Радио Свобода* они использовали свой заметный авторитет для защиты Радио от наших внутренних, американских оппонентов и помогали улучшать программы советами, участием в дискуссиях и просто – выступая в нашем эфире.

Благодарю главного редактора издательства Пеннсильванского университета Питера Дж. Поттера, настоявшего на мемуарной форме книги: соединении личных наблюдений с документальным изложением фактов.

Кропотливый труд старшего редактора Пегги Гувер значительно улучшил мой текст.

Из близких, я признателен Томасу П.Льюису за профессиональные литературные советы и скрупулезную работу над Указателем; Барбаре Уэнглин и Маргарет Харпер из Публичной библиотеки в Уайт Плейнс, всегда находившим ответы на мои бесчисленные вопросы; Эдварду Казинцу из Нью-Йоркской Публичной библиотеки; Арчу Паддингтону из «*Фридом Хаус*», а также Арлин Лейтер, Шейле Саймон и доктору Филиппу Дж.Герину-младшему, которые дали мне, пенсионеру, возможность заниматься творческим трудом.

Постоянно подбадривала меня и моя семья: сын Дональд, невестка Джоанна, внук Ники (который, наконец, получит ответ, если, конечно, спросит: «А чем ты занимался, дедушка, во время холодной войны?»), Джойс и Адриан Хиршхорны – моя невестка и ее муж. Моей особой благодарности заслуживает дочка Дебора – профессиональный редактор, чей зоркий взгляд значительно облегчил работу прочих редакторов. И не в последнюю очередь - моя жена Глория. Хочу искренне поблагодарить ее, в течение полувека мы вместе изучали Россию, писали и рассказывали об этой удивительной стране. Ее редакторский опыт и прямо сыщицкая страсть в поисках точного слова утвердили ее в роли лучшего друга и сурового, дельного критика. *Не случайно*, как говорят русские, я посвящаю эту книгу ей – с благодарностью и любовью.

ВВЕДЕНИЕ:

МОЯ ДОРОГА НА РАДИО СВОБОДА

Радио Свобода не было еще и в проекте, когда вскоре после окончания второй мировой войны меня заинтересовала русская тема. Интерес к советско-американским отношениям в то время был весьма высок, что делало заманчивой карьеру специалиста по Советскому Союзу.

В 1947 году я поступил в Русский институт при моей alma mater - Колумбийском университете. Согласно принятому незадолго до этого законопроект, ветеранам второй мировой войны предоставлялось право бесплатного обучения. Двухгодичный курс на степень магистра предусматривал изучение пяти дисциплин и одну специализацию: экономика, история, правоведение, политология, язык или литература. До войны, будучи студентом, я изучал французский язык и литературу, а во время прохождения службы на Военно-морском флоте штудировал японский в Университете Колорадо, после чего был направлен в Вашингтон в шифровальный отдел военной разведки. В свободное время я пытался изучать русский язык и делал это с большой охотой, поэтому естественно, что в Колумбийском университете я выбрал русские предметы.

В 1949 году, после двух лет учебы в Русском институте, мне был выдан сертификат о его окончании и одновременно присвоена степень магистра по русскому языку и литературе на Факультете славянских языков, где я затем продолжил заниматься своей докторской диссертацией, пока в 1950-м не сдал устные экзамены. Руководил факультетом Эрнест Дж. Симмонз – видный специалист по русской литературе девятнадцатого и советской литературе двадцатого века. Именно на его курсе по Достоевскому я встретил Глорию Донен – она тоже поступила на Факультет славянских языков после военной службы. Увлечение ею и русским языком я перенес на летние курсы 1948 и 1949 годов в Миддлбери (штат Вермонт).

Мы поженились в июне 1950 года и два месяца спустя отправились в Мюнхен в составе Колумбийского Бюро прикладных социальных исследований в рамках Гарвардского проекта изучения советского общества. Проект финансировался ВВС США по контракту, заключенному с Русским исследовательским центром в Гарварде. Целью его было дать социальную и психологическую оценку сильных и слабых сторон советской системы путём опроса разного рода беженцев, учитывая невозможность получения такой информации внутри СССР.

Большая часть из сотен опрошенных эмигрантов были советскими гражданами, размещенными в западногерманских лагерях. Угнанные в Германию на принудительные работы отступающими нацистскими армиями, эти перемещенные лица остались на Западе после окончания второй мировой войны. Выпускники Русского исследовательского центра при Гарвардском университете составили ядро американской команды интервьюеров. Когда Бюро закончило свою работу, мы с Глорией стали работать непосредственно на Гарвард. Богатый годовой опыт работы за границей с перемещенными лицами дал нам прекрасную возможность почувствовать жизнь людей при сталинском режиме и неоценимый опыт общения на живом русском языке. (2)

Наша группа, собравшаяся под доброжелательным руководством Раймонда Бауэра, специалиста по советской психологии, включала многих будущих

специалистов по СССР. (3) По своему служебному положению мы приравнивались к званию капитанов, и хотя не носили форму, пользовались многими льготами американских офицеров в оккупированной Германии. Во время нашей службы в Мюнхене начались две другие крупные американские акции в послевоенной Европе. Во-первых, 4 июля 1950 года открылось *Радио Свободная Европа*, вещавшее на государства Восточной Европы, которые после второй мировой войны попали в зависимость от Кремля. Во-вторых, открылся *Институт по изучению СССР*, позже присоединенный к *Радио Свобода*. Сотрудники его набирались из перемещённых лиц и бывших военнослужащих - перебежчиков из Советской Армии. Когда в 1953 году *Радио* вышло в эфир, Институт стал снабжать его материалами и организовывать научные конференции с участием американских и западноевропейских специалистов. Институт помогал также набирать для радио штатных журналистов, редакторов, дикторов, технических работников, научных сотрудников и др.

Гарвардский проект включал опросы не только русских, украинцев и белорусов, но и представителей неславянских национальных меньшинств Советского Союза. Весной 1951 года я ездил с представителем Проекта Фредериком Уайлом в Ульм - город в верховьях Дуная (между прочим, это родина Альберта Эйнштейна). Там мы встретились со старшинами татарской общины в изгнании, которая называлась Идель-Урал. Это были татары с Поволжья, жившие в обветшалых бараках пригорода Ной-Ульм. Сидя на койках в комнатах, разделённых одеялами, мы с гордыми потомками древних азиатских покорителей славян беседовали на нашем *lingua franca* – по-русски. Позже некоторые из них пришли на *Радио Свобода* и вместе с другими выходцами из Советской Центральной Азии и Кавказа повели передачи из Мюнхена на своих родных языках - для оставшихся в СССР соотечественников.

Проект заканчивался в июне, и летом 1951 года мы вернулись в Нью-Йорк. Я начал подыскивать себе место, где мог бы применить свои знания, одновременно работая над диссертацией. В 1952 году я подал заявление в Нью-Йоркскую штаб-квартиру только что созданного *Американского Комитета за освобождение народов России*. Вскоре он стал называться *Американским Комитетом за освобождение от большевизма (Амкомлиб)*, который занялся созданием новой радиостанции под названием *Освобождение*. Как и *Свободная Европа*, она базировалась в Мюнхене, но в отличие от нее ставила своей целью вещание на Советский Союз.

В Нью-Йорке образовалась маленькая группа русских писателей-эмигрантов, готовившая тексты радиопередач. На Бориса Шуба, американского руководителя группы, произвело впечатление мое знание советской проблематики, особенно мой опыт общения в Европе с бывшими гражданами СССР, к тому же я свободно говорил по-русски, и он взял меня в помощники. Меня ожидала увлекательная карьера на международном радио, которое высвечивало закрытое советское общество искрами свободы.

КОНЦЕПЦИЯ И РОЖДЕНИЕ РАДИО СВОБОДА

Сталин плавает один у себя на подмосковной даче и вдруг начинает тонуть. Колхозник, случайно проходящий мимо, бросается на помощь и вытаскивает его. Благодарный Сталин предлагает своему спасителю всё, что тот пожелает.

- Товарищ Сталин, - просит колхозник, - пожалуйста, никому не говорите, что это я ваш спаситель.

В конце 40-х годов, в эпоху президентства Гарри Трумэна, руководитель Министерства обороны и Государственного департамента поняли, какую роль может сыграть в идеологической борьбе с коммунизмом созданная на американские деньги радиостанция. Вооружившись талантами восточноевропейских и советских эмигрантов, можно было пробиться через железный занавес, (4) превратившийся за время холодной войны в непроницаемый ледяной щит.

После войны Дж.Ф.Кеннан – выдающийся американский эксперт по России – был политическим советником Госсекретаря. В 30-е годы он работал в посольстве США в Москве, а позже, в 1952-м, был назначен послом. Идею сдерживания сталинского режима он впервые изложил в статье «Основы советского управления», опубликованной в июле 1947 года в журнале *Foreign Affairs* под псевдонимом "X". Благодаря его инициативе и с помощью влиятельных государственных и частных лиц вскоре были созданы две радиостанции: *Свободная Европа (PCE)*, которая в 1950 году начала вести передачи для слушателей подсоветской Восточной Европы, и *Радио Освобождение* (позднее - *Радио Свобода*), вещавшее на Советский Союз, - в 1953-м. Обе станции финансировались Конгрессом через Центральное разведывательное управление (ЦРУ) и располагались в Мюнхене, действуя независимо друг от друга, пока к середине 1970-х не слились в одну организацию.

Деньги для *Радио Освобождение* шли через *Амкомлиб - Американский Комитет за освобождение народов СССР*, зарегистрированный в штате Делавэр 18 января 1951 года. С мая того же года, чтобы умиротворить русских руководителей различных эмигрантских групп, которые были против "СССР" в названии, он стал называться *Американским Комитетом за освобождение народов России*. В марте 1953 года он был снова переименован – теперь уже в *Американский Комитет за освобождение от большевизма*, что точнее отражало общую цель борьбы многонациональных эмигрантских групп. В 1956 году слова "от большевизма" были опущены. Так было до 1964 года, когда *Американский Комитет за освобождение* стал *Комитетом Радио Свобода*. Сама же станция получила название *Радио Свобода* еще в 1959-м.

Предполагалось, что статус частной компании вызовет большее доверие к передачам *Радио Свобода* как независимого источника в противовес *Голосу Америки* - официальному рупору США. Поэтому, когда на международных форумах советские дипломаты обвиняли своих американских коллег в том, что эмигрантское радио "вмешивается во внутренние дела советского государства", им отвечали, что это частная радиостанция, которая не контролируется правительством. Чтобы поддержать этот миф, был создан попечительский совет, куда вошли несколько именитых американцев. Трое из них были уже прославленными журналистами, ранее работавшими в СССР: Уильям Генри Чемберлин, Исаак Дон Левин и Юджин Лайонз. (5)

Лайонз, многолетний старший редактор журнала *Reader's Digest*, стал первым президентом *Амкомлиба*. В 30-е годы он вернулся из СССР, полностью разочаровавшись в социалистическом эксперименте, некогда его привлекавшем. На президентском посту он пробыл недолго, но остался одним из попечителей. В феврале 1952 года президентом был выдвинут адмирал Алан Дж. Керк, бывший посол США в Советском Союзе. Вскоре, по состоянию здоровья, он ушел, но перед тем успел привлечь для работы в Мюнхене и Нью-Йорке ряд эмигрантов, образовавших позднее основную группу сотрудников *Радио Свобода*. Керк в 1952 году сменил вице-адмирал Лесли К. Стивенс – бывший военно-морской атташе в Москве. Именно Стивенс был президентом в момент открытия *Радио* и в первые 18 месяцев его существования, пока в октябре 1954-го не уступил этот пост Хауленду Сардженту.

Наше нью-йоркское отделение, расположенное этажом выше какого-то банка (по адресу: Манхэттен, 6 Ист 45-я Стрит), мало напоминало помещение радиостанции: не имея своей студии, оно скорее было похоже на редакционную комнату небольшой газеты. Только посетив в 1954 году штаб-квартиру *РС* в Мюнхене, я почувствовал, что мы часть действующей радиосети. Мой новый начальник Борис Шуб, руководитель Нью-йоркского программного отделения, родился в Америке в семье известного писателя и публициста Давида Натановича Шуба. Старший Шуб знал в свое время Ленина, Троцкого, Бухарина, Плеханова, Засулич, Аксельрода и других руководителей Российской социал-демократической рабочей партии, расколовшейся в 1903 году на две фракции: радикальное большинство (большевики) и умеренное меньшинство (меньшевики). Шуб считал себя скорее "европейским социал-демократом", нежели меньшевиком, хотя и был близок к таким вождям, как Плеханов. Борис же похвалялся перед друзьями, что свой политический выбор он сделал ещё в 1916 году, в возрасте четырех лет: когда отец представил его Троцкому, Борис отказался от его рукопожатия, сказав, что тот «похож на черта». Однако катание на спине Бухарина вспоминал с симпатией. Бухарин с Троцким жили в Нью-Йорке ещё до революции 1917 года и знали Шубов, дом которых был постоянным местом встреч всякого рода революционеров и противников царской власти. (6)

В юности Борис встречался с антисоветскими политическими фигурами, в частности, с Керенским – премьер-министром Временного правительства (1917) - и вырос, полный решимости освободить русский народ от диктатуры, которая в его сознании была угрозой миропорядку и тяжким бременем для народа. К сорока годам, в 1952 году он уже считался в западных политических кругах опытным пропагандистом. Работал в качестве политического консультанта в

Берлине на американской государственной радиостанции RIAS*, вещавшей на немецком языке из американского сектора на Восточную Германию, и помогал с книгой Вальтеру Кривицкому – высокопоставленному советскому агенту-перебежчику. Но важнее всего, что в 1950 году он опубликовал увлекательную книгу *Выбор*, где утверждал, что только "восстановив с русским народом былой альянс", мы, объединив наши идеи и идеалы, совместными усилиями избавим его от кремлёвского ига. (7)

В 1952 году я начинал координатором в нью-йоркском программном отделе, но вскоре стал de facto заместителем Шуба. Моей обязанностью была помощь сотрудникам, обеспечение их нужными книгами и периодикой. В те дни советская почта отказывала нам в подписке, поэтому обычно я шёл в ближайший офис к Фредрику Прегеру – издателю, который симпатизировал нашей юной организации, - и забирал у него отложенные для нас московские газеты. Наш программный отдел должен был готовить тексты для отправки в Мюнхен, где *Радио Освобождение* готовило студии и набирало персонал в ожидании передач на Советский Союз. Тесные связи с эмигрантами позволили Шубу в 1952 году составить из них одаренный коллектив штатных сотрудников и фрилансеров. Некоторые из них ещё до революции боролись с царизмом. Отец Шуба, например, был известен тем, что написал запрещенную в СССР биографию Ленина (которого он терпеть не мог), переведенную на ряд языков. Позже, в 70-е годы, на русском языке вышла другая его книга – *Политические деятели России*, пробившаяся в диссидентскую Москву и другие города СССР вместе с прочей гонимой литературой, издаваемой на Западе. Среди бывших меньшевиков самым знаменитым был Юрий Петрович Денике, который играл активную роль в послереволюционной политической жизни Казани, а в эмиграции работал в научно-исследовательском отделе Информационного агентства США в Вашингтоне и пользовался среди литературных коллег глубоким уважением. (8)

Борец с марксизмом Роман Гуль – наш главный редактор – параллельно редактировал почтенный эмигрантский "толстый" *Новый Журнал*. (9) Два других писателя, бывшие офицеры Красной Армии, перешли на Запад в конце второй мировой войны: капитан Михаил Коряков, журналист из Сибири, оставшийся в Париже, и подполковник Владимир Юрасов, бежавший из оккупированного Берлина в Западную Германию и проходивший у нас в Мюнхене опросы по Гарвардскому проекту. (10)

Среди постоянных фрилансеров был отец Александр Шмеман, священник и декан Свято-Владимирской Духовной Академии в графстве Вестчестер (штат Нью-Йорк). Вместе с Борисом Шубом они организовали еженедельные *Воскресные беседы* - не только для тайно верующих, но и для тех, кого не удовлетворял марксистско-ленинский атеистический миропорядок и кто хотел заполнить духовную пустоту своей жизни. Вместо нудных проповедей и прописной литургии, он и с теми, кто веровал и кто только интересовался, говорил на религиозные и этические темы с равным спокойствием. Более тридцати лет каждую неделю выступал отец Александр со своими пятнадцатиминутными беседами. У него был свой широкий круг почитателей, но особенной популярностью пользовался он у русской интеллигенции, в

---

* RIAS – Radio in the American Sector (англ).

** Гуль Роман Борисович (1896-1986) – русский зарубежный писатель *Прим перев.*

частности, у Александра Солженицына до его высылки в 1974 году. Ещё в Москве в начале семидесятых он как-то сказал западным журналистам, что эти беседы для него подобны «молитве в храме». У Шмемана был спокойный доверительный голос, казалось, он ведет задушевный дружеский разговор. (11) Иногда он приводил в студию сына Сергея, который впоследствии окончил Гарвардский университет, получил Пулитцеровскую премию по журналистике и стал зарубежным корреспондентом «Нью-Йорк Таймс», возглавив московское бюро газеты. И вышло так, что сын полюбившегося в России радиосвященника, много лет словом Божиим боровшегося с советским казенным атеизмом, описывал в 1991-м крушение СССР.

В течение всего рабочего дня я старался говорить с эмигрантами по-русски, впитывая все их понимание советской действительности и сочувствуя их непримиримому отношению к режиму. Моё стремление думать и чувствовать себя русским дошло до такой степени, что однажды, в понедельник после православной Пасхи, когда Коряков пришёл на работу и, троекратно поцеловав каждого, провозгласил "Христос Воскресе!", я ответил ему тем же, несмотря на мои еврейские корни.

Под вдохновенным руководством Шуба наш Нью-йоркский отдел приготовил запас передач на «вечные темы»: они должны были идти вслед за выпусками новостей, рассказывая слушателям о вещах, запрещенных советской цензурой. Возникло несколько серий передач, державшихся потом в эфире годами: *Запретные страницы*, например, восстанавливали труды репрессированных авторов – Бабеля и Пильняка; *Выздоровление от коммунизма* содержало признания разочаровавшихся западных коммунистов, в частности, Артура Кестлера; в рубрике *За вашу и нашу свободу* читались выдержки из Александра Герцена и других русских дореволюционных демократов, чья борьба с царизмом была созвучна нашей критике советского режима; серия *В точном смысле слова* высмеивала штампы советского "новояза" в духе Оруэлла; разоблачению мифа о плачевной судьбе русских эмигрантов посвящались *Наши земляки за рубежом*; выступая перед нашим микрофоном, они рассказывали о том, как успешно влились в американскую жизнь и с любовью вспоминали свое отечество.

Шуб и Володя Юрасов создали также цикл под названием *Подполковник Панин*, в котором вымышленный подполковник Советской Армии Юрасов-Панин обращался к гражданским лицам и советским военнослужащим в Восточной Европе, клеймя диктатуру и неизменно сводя выступление к одному выводу: только «власть свободно избранных представителей народа» избавит Россию от всех её бед. В передачах удачно сочетались острый политический ум Шуба и юрасовское знание советской жизни; ему в свое время удалось бежать из ГУЛАГа, сменить фамилию и офицером попасть на фронт. Борис обычно мерил комнату шагами, раздражаясь идеями и обрывками фраз, а Юрасов тут же превращал всё это в разговорную речь. Они как бы дополняли друг друга: приземистый, неистовый Шуб и высокий широкоплечий Володя, похожий на немецкого боксера Макса Шмелинга. При всем взаимном уважении, они часто ссорились. Однажды я застал их на полу: прервав свои писания, они сцепились, как школьники. Я уж подумал, что они дерутся, но они поднялись, рассмеялись и снова сели за свою передачу.

Вскоре Борис поделился со мной взглядами на редактуру передач. Он руководствовался, пожалуй, больше политическими, нежели стилистическими критериями, а литературную правку оставлял Гулю. У

него была одна цель: все передачи должны стать эффективным средством психологической войны. Через пару лет, когда я стал заведовать нью-йоркским программным отделом, мне пригодилось его тонкое умение.

Наконец, к 1960 году наш маленький отдел стал целым подразделением со своими настоящими студиями и машинописным бюро, откуда, по договорённости с *Люфтганзой*, мы отправляли записи специальной почтой в Мюнхен – ни факсов, ни телексов в ту пору ещё не было. С появлением спутников мы стали пользоваться космической связью: срочные программы передавались туда немедленно и могли сразу идти в эфир. Компьютеры, естественно, принесли нам электронную связь.

С самых первых дней существования нью-йоркский продукт был частью мюнхенской программной сетки, включавшей новости, обзоры периодики и тематические передачи, готовившиеся штатными сотрудниками *Радио* на месте. Поначалу, когда к тексту требовался ещё и звук, мы делали записи в какой-то аудио-видео студии на соседней Мэдисон Авеню. Шуб, например, долго учил Сергея Дубровского, московского актёра, ставшего позднее нашим ведущим диктором, как правильно читать текст знаменитой дореволюционной песни *Вы жертвою пали*. На похоронах друзей она вызывала неизменный прилив глубоких чувств:

Вы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу,
Вы отдали всё, что могли, за него,
За честь его, жизнь и свободу. (12)

В песне говорится о страданиях жертв жестокого царского режима, которых держали в цепях в сырых тюрьмах и казематах. Заканчивалась панихида на обнадеживающей ноте:

А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая.
Но грозные буквы давно на стене
Уж чертит рука роковая!
Настанет пора – и проснется народ,
Великий, могучий, свободный!
Прощайте же, братья, вы честно прошли
Ваш доблестный путь благородный!

Возрожденная песня, по мнению Шуба, должна была служить орудием против Сталина, поскольку она призывает народ к победе. Дубровский вкладывал всю душу в чтение, а Борис, добиваясь идеального исполнения, заставлял его повторять снова и снова, особенно строки о деспоте, выделяя каждый звук, подобно голливудскому режиссеру, без конца требующему: «Дубль!»

Новые горизонты политического мышления открылись мне, когда я познакомился с другими знаменитыми революционерами, бежавшими от советской тирании. Владимир Зензинов, которого кое-кто называл "святым", был вождем социал-революционеров (эсеров), победивших Ленина на выборах в Учредительное собрание в 1917 году; известными меньшевиками были Ираклий Церетели и его соратники – Борис Николаевский, Соломон Шварц с

женой Верой Александрович и Рафаил Абрамович. Они тесно сотрудничали с *Социалистическим вестником* и американским либеральным журналом антикоммунистического направления *New Leader*. Эфир близился, и нью-йоркский программный отдел становился центром интеллектуальных идей.

Одним из моих первых приобретений была покупка для нью-йоркского отдела *Большой Советской Энциклопедии (БСЭ)*, вышедшей в Москве в 1950 году. Это была настоящая сокровищница советской лжи и подтасовок. Пятый том её содержал несколько страниц славословий Лаврентию Берия, пресловутому руководителю тайной полиции и члену Политбюро в последние годы жизни Сталина. Целую страницу занимала его приукрашенная фотография. Спустя несколько месяцев после смерти Сталина, в 1953 году, Берия арестовали, и все подписчики *БСЭ* получили на замену страницы со статьей о Беринговом море и предписанием: взять ножницы или бритву и вырезать страницы 21-24 вместе с портретом (чьим – не оговаривалось), а вместо них вставить новые. Берия был вычеркнут из советской истории, но в библиотеке *Радио* я хранил оба варианта и в течение многих лет удивлял и забавлял гостей этим живым примером переписывания своего недавнего прошлого послесталинским режимом. (13)

В свои сорок лет Шуб по-прежнему оставался *enfant terrible*, не признающим никаких авторитетов и прямолинейным в критике коллег по работе. Несмотря на это, мы уважали его за подход к делу, талант и преданность идее демократической России. Сколько раз мы обедали вместе, и всегда я с видом прилежного ученика слушал его рассуждения о том, как *Радио* может воздействовать на взгляды и предубеждения наших слушателей в Советском Союзе. Он понимал, что аудитория, на которую мы собираемся вещать, с подозрением отнесется ко всему, что просто переиначит советскую картину мира. Он признавал гордость и ранимость народа великой державы, победившей фашизм ценою 20 миллионов человеческих жизней. Знал он и то, что многих воодушевляли провозглашенные Лениным идеалы социализма и что отношение к капиталистическому миру все еще сохранялось враждебным. И Шуб предлагал бороться за "лояльных советских граждан", а не просто за готовых врагов советской власти.

Он осознавал, с какими невероятными трудностями мы столкнемся, переубеждая людей, на которых ежечасно обрушивается лавина официальной пропаганды. Пытаясь выйти за ее пределы, они сталкивались с обвинениями, исходящими от радио, полного эмигрантов, выбравших, как считалось, теплую жизнь за рубежом. С другой стороны, Борис был убежден, что миллионы советских людей недовольны своей жизнью; вместо улучшений в своей материальной и духовной жизни, которых все ждали после войны, их втянули в рискованную холодную войну с бывшими союзниками. Должны же их привлечь чистые голоса, говорящие без всякого акцента на современном русском или другом родном языке, - не американцы или англичанине, а соотечественники, которые выразят их собственные чаяния на прочный мир, свободу слова, лучшую жизнь. В отличие от *Голоса Америки* или *Би-би-си*, где, в основном, говорят о жизни в США и Великобритании, наше *Радио* должно было стать *внутренней* радиостанцией, пусть и расположенной за пределами СССР.

В декабре 1952 года Шуба направили в Мюнхен для работы с нанятыми эмигрантами – готовить на пару с американским советником Мэннингом Уильямсом торжественное открытие радиостанции, запланированное на 1 марта 1953 года. Уильямс – «тертый москвич» - после второй мировой войны работал

в американском посольстве, а затем редактировал иллюстрированный журнал *Америка*, русскоязычное издание Американского информационного агентства, чем-то напоминавшее *Life*. В Москве во время войны работали также и другие американцы – Айзек Пэтч, Томас П. Уитни, Фредерик Баргхорн и Роберт К. Такер – крупные впоследствии советологи, внесшие в работу *Радио* много ценного.

Офисы и студии радиостанции помещались на Лилиентальштрассе, в северной части Мюнхена, в бывшем административном здании аэропорта Обервизенфельд. Именно сюда в сентябре 1938 года прилетели британский и французский премьер-министры Невилл Чемберлен и Эдуард Даладье, направляясь на встречу с Адольфом Гитлером. Переговоры покончили с независимостью Чехословакии, а слово «Мюнхен» связали с нравственным падением.

К моменту выхода радиостанции в эфир, в марте 1953-го, у нас уже было шесть студий. В первой за глухим стеклом у микрофона сидел русский диктор. Сперва он читал последние известия, за ними - обзор западной печати, после чего шли тематические программы. Многие из них готовились в Нью-Йорке, но часть составлялась тут же - соответствующей русской группой. Все эти материалы записывались техниками на пленку и отправлялись на передатчик, расположенный в другой части Западной Германии. В соседних студиях работа была организована так же, только дикторы читали на других языках.

В целом это все было похоже на ООН в миниатюре: славяне соседствовали с грузинами, армянами и восточного вида коллегами из среднеазиатских республик СССР. Между собой сотрудники разных национальностей говорили по-русски и по-немецки, так что американскому или британскому руководителю хотя бы один из этих языков приходилось знать.

На ежедневных совещаниях каждый национальный отдел обсуждал, что выбрать для эфира из утренних сообщений западных телеграфных агентств и пиратских перехватов ТАССа. Наряду с законными тассовскими подписчиками, РС получало мгновенный доступ к советской официальной версии событий и порой переманивало аудиторию на свою сторону быстротой сообщений.

Сотрудники получали также распечатку ночных передач внутренних советских радиостанций, полученных путем слежения за эфиром. Когда в 1954 году я в первый раз попал на *Радио Освобождение*, я был поражен отделом мониторинга, где целая стена приемников работала круглые сутки, записывая коротковолновые передачи из крупнейших городов Советского Союза. Архивы тех лет хранили записи исторических событий: скажем, похорон Сталина с речами Хрущева, Маленкова, Берии и других членов "коллективного руководства", клявшихся в верности усопшему диктатору, а тайно лелеявших захват власти. Выдержки из советских трансляций давали нам яркиц звуковой материал для комментариев и размышлений на тех этапах существования режима, когда прошлое в очередной раз переписывалось и приспособлялось для нужд новой линии Партии.

Кто составлял ядро мюнхенской радиостанции в те дни? Важнейшую роль играли два американца, хорошо знавшие русский язык и начавшие карьеру на *Радио Освобождение*, - Фрэнсис С. (Ронни) Рональдс и Джеймс Кричлоу. Работая при Маннинге Уильямсе, они на многие годы определили облик радиостанции. Бывший сотрудник журнала *Time* Рональдс поочередно работал то на *Голосе Америки*, то на нашем *Радио*, которое он возглавил в 1970-е годы.

Меня всегда поражала его любовь к русской культуре. Он, например, мог наизусть читать длинные *Стихи о Прекрасной Даме* великого поэта-символиста Александра Блока.

Кричлоу, друживший со многими русскими эмигрантами, ярко описал их позднее в своих живых и ценных мемуарах, посвященных годам на *Радио* и последующей деятельности в Вашингтонском Правлении Международного радиовещания. (14) Рональдс и Кричлоу, как и я, были горячими приверженцами взглядов Бориса Шуба на необходимость демократизации советской аудитории. Перефразируя известные слова Достоевского о долге русской литературы перед Гоголем ("Мы все вышли из гоголевской *Шинели*"), кто-то сострил: "А мы - из шубы Шуба".

В разноликую группу эмигрантов, нанятых Борисом и Ронни, входил парижанин Владимир Вейдле, именитый историк искусства и литературный критик, ставший в эти начальные годы первым редактором русских программ. Незадолго перед тем он выпустил пронизательное исследование "*Russia: Absent and Present*" («Россия была и обретенная»), которое известный оксфордский профессор и критик Исая Берлин высоко оценил в *Санди Таймс*, назвав книгу "самым взвешенным, грамотным и содержательным исследованием вклада России в мировую историю трехсот последних лет". (15)

Другой "находкой" Шуба был Виктор Франк, сын знаменитого русского религиозного философа Семена Франка, высланного из Советской России в 1922 году. Виктор пришел на *РС* из *Би-Би-Си*, где он возглавлял Русскую службу. Почти 20 лет он проработал у нас старшим комментатором – сперва в Мюнхене, потом руководя лондонским бюро. Он часто говорил, что правильно построить радиобеседу – все равно, что довести женщину от безобидных ухаживаний до кульминации. Мне кажется, что из всех радиожурналистов именно Франк, глубоко понимавший Россию, приближался по уровню к Анатолию Максимовичу Гольдбергу, старейшему русскому комментатору *Би-Би-Си* - голосу Запада, по всеобщему признанию. Брат Виктора Василий, многолетний сотрудник отдела новостей *РС*, после смерти Виктора в 1972 году составил книгу памяти о нем из записок его русских и американских друзей.

Гайто Газданов попал в Мюнхен из Парижа, где после революции он осел с первой волной эмигрантов. Талантливый писатель с едким умом и вечной сигаретой во рту, он жил, работая ночным таксистом, что оставляло ему время для занятий литературой. Его первый роман *Вечер у Клэр* (1930) имел большой успех и прославил его в эмигрантских кругах Парижа. Начиная с 1953 года и до конца жизни он был редактором на *Радио* в Мюнхене, а потом в Париже. В постсоветской России Газданов получил, наконец, долгожданное признание: его книги выходили более 50 раз, среди них трехтомное издание 1996 года. (16)

Среди русских эмигрантов, взятых на *Радио*, были Борис Оршанский - капитан Советской Армии, перебежавший на Запад после второй мировой войны, и Александр Бахрах, некогда служивший во Франции секретарем у первого русского Нобелевского лауреата Ивана Бунина. Красочным дополнением к группе этих широкообразованных коллег был Леонид Пылаев – горький пьяница из пролетариев, обладатель острого сатирического ума, писавший смешные, иногда грубоватые политические монологи от лица вымышленного Ивана Ивановича Октябрева – эдакого русского Joe Six-Pack или Archie Bunker.

Среди нерусских сотрудников в Мюнхене встречались многие писатели и редакторы - шеф Грузинского отдела Карло Инасаридзе, глава Татаро-

башкирской службы Гарип Султан; каждый из них был беззаветно предан своей родине, болел и переживал за ее будущее. (17)

В отсутствие Шуба Нью-йоркский программный отдел поручался мне, и мы тесно сотрудничали с авторами перед отправкой их текстов в Мюнхен. Это была хорошая практика, особенно пригодившаяся мне через два года, когда я сменил Шуба на этом посту (он ушел на должность политического советника в *Амкомлиб*). *Радио Освобождение* к тому времени встало на ноги, и, несмотря на наши слабые передатчики, мы вскоре навлекли на себя гнев Кремля, который всячески, порой даже зловеще, пытался опорочить и запугать нас.

МЫ – В ЭФИРЕ!

*В ИЗВЕСТИЯХ нет правды,
а в ПРАВДЕ – нет известий.*

«Говорит радиостанция *Освобождение* - свободный голос ваших соотечественников за рубежом». С этими словами мы впервые вышли в эфир 1 марта 1953 года. Сигнал не был сильным: у нас было всего два 10-киловаттных передатчика в Лампертхайме, купленные у *Радио Свободная Европа*. Я уже рассказывал, что мы записывали ежедневные программы в Мюнхене, а затем с поездом и мотоциклетным курьером отправляли их на наш передатчик, находившийся в 200 километрах к Северу. Мы так никогда и не узнали, слышал ли нашу первую передачу кто-то из сочувствующих нам. Но государственные прослушки – те как раз были начеку: через десять минут после начала вещания нас уже глушили.

В годы холодной войны такие радиостанции, как *Би-Би-Си* и *Голос Америки*, глушились не всегда – все зависело от того, какие отношения складывались между Кремлем и Западом. Но нас не оставляли в покое все тридцать пять лет, пока 29 ноября 1988 года горбачевская гласность не положила глушению конец.

Глушение радио

Радиовещание на коротких волнах на большое расстояние эффективно в диапазоне 10-100 м, что соответствует частотам 3-30 мегагерц. В двух словах, короткие волны распространяются над поверхностью Земли, отражаясь также и от ионосферы – газообразного слоя молекул азота и кислорода, наэлектризованных ультрафиолетовым и рентгеновским излучением солнца. Ионосфера расположена на высоте от 60 до 300-400 км от поверхности Земли. Она состоит из нескольких слоев, которые по-разному отражают радиосигнал в зависимости от времени суток или времени года.

Мы направляли сигнал в ионосферу из Западной Европы под таким углом, чтобы отраженные волны попадали точно в нужный район Советского Союза. Глушили же с помощью радиостанций, которые работали на тех же частотах (или очень близких к ним), что и мы. Генерируемый ими сигнал должен был быть сильнее подавляемого сигнала. Точно так же, как тот, кто хочет перекричать собеседника, повышает свой голос, глушилки производили монотонный раздражающий, похожий на завывание звук, окрещенный позднее советскими диссидентами «джазом КГБ».

«Небесные» глушилки работали по принципу радиопередатчиков, посылая сигналы внутри Советского Союза как раз в те районы, на которые были направлены наши волны. Но благодаря тому, что высота ионосферы над Западной и Восточной Европой в течение суток меняется, сигналы советских передатчиков иногда растворялись в пространстве, и тогда радио можно было слушать без помех. Местные глушилки в больших городах были, конечно, намного сильнее описанных. Но прием можно было значительно улучшить, увеличив мощность сигнала. Советские граждане прибегали к разным хитростям: некоторые настраивались на край частотной полосы, другие

покупали заграничные приемники или экспортные модели, у которых диапазон частот был шире, чем у отечественных. Умельцы - «радиодоктора» - ухитрились приспособить для слушания зарубежных радиостанций даже советские приемники. За городом принимать сигнал было легче. Владельцы машин выезжали подальше от центра, а те, у кого была дача, даже записывали передачи на магнитофон.

Конечно, власти могли бы неплохо сэкономить, прекратив выпуск хорошей аппаратуры или изъяв все коротковолновые приемники: оставить, как в колхозах, только громкоговорители. Но был ли в этом смысл? Ведь у Советского Союза, раскинувшегося от Восточной Европы до Тихого океана, - одиннадцать часовых поясов, а для пропаганды нужна коротковолновая связь. Кроме того, радиоприемники как-никак создавали иллюзию демократии, даже если это вело к тому, что режим сталкивался с конкуренцией в лице неподцензурной информации из-за границы. Казалось бы, глушение отрезало враждебные голоса, к тому же все знали, что уголовный кодекс предусматривает наказание за распространение антисоветской информации. Тем не менее, смельчаки и люди любознательные в поисках запретного плода отыскивали в глушении лазейки и, прослушав зарубежную программу до конца, приобщались к объективным новостям и еретическим идеям.

В тот первый мартовский день советские граждане, настроившись на короткую волну, могли услышать наше вступительное слово. Вот некоторые отрывки:

«ДИКТОР: Говорит радиостанция *Освобождение*.

Слушайте нас на коротких волнах, в диапазоне 31-го метра. Наши получасовые передачи повторяются ежедневно каждый час в течение марта от 10 часов утра до 10 часов вечера по центрально-европейскому времени.

Слушайте, слушайте! Сегодня начинает свои передачи новая радиостанция *Освобождение*.

Соотечественники! С давних пор советская власть скрывает от вас самый факт существования эмиграции. Лишь изредка упоминается о ней в печати – и то в связи с каким-нибудь скандальным случаем невозвращения видного лица или с другим, неприятным для Советов фактом, вроде процесса Кравченко.

Во все остальное время о нас не говорят ни плохого, ни хорошего. Нас покрыли могильной плитой молчания, но мы не умерли. Нам хорошо известно, почему Советы не решаются нас даже ругать – в печати и в устных выступлениях: это означало бы постоянно напоминать народу о существовании антибольшевистской России, не нашедшей места на Родине, о России, ушедшей в изгнание от нестерпимого гнета, либо насильственно изгнанной; о России, выступавшей с оружием в руках против большевизма, не прекратившей своей борьбы по сей день и ждущей своего часа.

У каждого сознательного человека в Советском Союзе где-то на самом дне души живет уверенность в том, что такая чудовищная ненормальность, такое попрание разумного и человеческого, каким является большевистская тирания в России, не может длиться бесконечно.

Только эта уверенность и дает силы переносить выпавшие на долю каждого из нас лишения. Вам – неслыханный гнет и физические мучения, нам – горечь изгнания и рассеяние по всему свету». (1)

Далее в передаче опровергалась клевета на эмиграцию, которая, согласно советской пропаганде, была сборищем «белобандитов, реакционеров,

реставраторов и наемников англо-американского империализма». Наоборот, говорили мы, «в подавляющем большинстве современная эмиграция стоит на демократических позициях».

Радио *Освобождение* выступало от имени *Координационного Центра Антибольшевистской Борьбы*. Созданный 16 октября 1952 на конференции в Висбадене (ФРГ) под эгидой *Амкомлиба*, он провозглашал цели, которые русские и нерусские эмигрантские политические группы определяли как «освобождение родины от коммунистической диктатуры». (2) Декларация была приурочена к очередной годовщине «захвата власти большевистскими узурпаторами». Первая передача нашего радио обобщала эти цели:

«Мы противопоставляем этому строю принцип последовательного народовластия, впервые провозглашенного у нас Февральской революцией. Мы – враги как реставрации абсолютизма, так и утверждения какой бы то ни было новой диктатуры на месте большевизма после окончательного его уничтожения. За всеми народностями, населяющими территорию нынешнего Советского Союза, мы признаем право свободного определения своей судьбы на основе демократического волеизъявления. Мы – за полное предоставление свободы совести и права религиозного проповедования. Мы – не только за ликвидацию эксплуатации человека человеком, мы – за ликвидацию эксплуатации человека партией и государством. Мы – за подчинение политики государства интересам свободного развития человеческой личности и поднятие материального и культурного уровня жизни народа.

Счастливая жизнь, о которой так много кричат наши поработители, немислима до тех пор, пока не будет уничтожена система террора, насилия и всех форм рабского труда, пока не будут упразднены чудовищные концлагеря – позор и ужас нашего времени – пока не будут распущены колхозы, и не предоставлено крестьянам право самим выбирать форму землевладения».

Далее отмечалось, что одним из самых больших преступных деяний советской власти было «насилие над творческой деятельностью народа, над культурой страны»:

«Великая некогда русская литература, музыка, живопись, наука – все формы проявления русского гения – поставлены на службу антинародной власти и задавлены чугунным прессом партийной политики. Культурные ценности, накапливавшиеся веками, беспощадно уничтожаются, еще более беспощадно истребляются живые носители культуры. В защиту этой попорченной и раздавленной культуры мы поднимаем свой голос».

Задачи внешней политики были следующими:

«Живя за границей, мы особенно ясно видим страшную опасность, надвигающуюся на Россию и все человечество из-за алчной агрессивной внешней политики большевизма... Все русские люди, живущие за границей, усиленно внушают иностранному миру – посредством печати, в выступлениях на собраниях, посредством писем государственным деятелям Европы и Америки, – что коммунизм и русский народ – не одно и то же, что русский народ втайне враждебен коммунизму и ненавидит своих поработителей.

Эти усилия уже принесли некоторые плоды. Существует много признаков того, что иностранцы начинают это понимать, свидетельством чему может служить обращение американского Конгресса к русскому народу. Но понимают это еще не все. В представлении многих людей Запада народы России все еще рисуются носителями идей мирового коммунизма и той внешней экспансии, которая так восстановила против нашей страны все свободные западные государства. Надо свидетельствовать перед всем человечеством, что коммунистическая агрессия не наша, не русское, не народное дело, а дело рук кремлевского маньяка, мечтающего войти в историю в ореоле распространителя коммунизма на весь земной шар. Чего только ни претерпели наши народы и чем только ни расплачивались за преступную сталинскую политику, за его великие эксперименты! Но от этой последней расплаты, от третьей мировой войны пусть спасут нас все заступники русской земли!

Координационный Центр всегда будет бороться за ликвидацию агрессивной внешней политики Советского Союза, за решительный отказ признать акты этой агрессии. Мы хорошо понимаем, что это может быть достигнуто путем только свержения советской власти и ликвидации большевизма. Разумеется, мы не можем давать вам готовых рецептов, не можем поучать, как свергнуть ненавистную тиранию. Когда наступит решительный час, вы сами лучше нас почувствуете, как надо поступить. Но, очутившись здесь, на свободе, мы убедились, что советская власть скрывает от своих подданных многое такое, о чем знает весь мир: тайны Кремля, тайны МГБ, секреты внешней и внутренней политики в гораздо большей степени известны за границей, чем в самом Советском Союзе.

Свободная мысль приглушена настолько, что о многом не дают не только говорить, даже думать. Наша задача – рассказать то, о чем в Советском Союзе никогда не услышите, снабдить правдивой информацией и помочь освободиться от той паутины, которой советская пропаганда обволакивает ваши души. Знаем, говорить русскому человеку запрещено, слушать позволено только то, что угодно власти. Но одного еще не могут у него отнять - возможности свободно думать.

Слушайте нашу радиостанцию! Слушайте правдивый голос Координационного Центра Антибольшевистской Борьбы!» (3)

Сейчас воинственный тон этой передачи вызывает недоумение, но объяснить его нетрудно. В конце концов, *Радио* финансировалось американцами, которые предоставили возможность группе политических эмигрантов вести открытую борьбу против диктатуры. И хотя год спустя американские начальники отказались от этой стратегии и стали тщательнее проверять содержание передач, открытый призыв к «освобождению» держался в эфире еще несколько лет. Подавление венгерской революции 1956 года показало, что политика «сворачивания коммунизма», провозглашенная Эйзенхауэром, была пустой риторикой. В 1959 году само слово «освобождение» исчезло из названия организации, и она превратилась в *Радио Свобода*.

Несмотря на резкий, иногда даже апокалиптический тон первого и последующих обращений *Радио*, многие фундаментальные и неизменные принципы обозначились уже ясно: дикторы у микрофона едины со своими слушателями в России; мы доводим до соотечественников правдивые сведения,

скрываемые режимом, безоговорочно требуем замены коммунистического порядка демократией, осуждаем принудительный труд и колхозы, отвергаем цензуру и продажную культуру; подчеркиваем опасность советских агрессивных намерений и угрозы новой мировой войны; предсказываем, что строй, не отвечающий чаяниям народа, обречен пасть. Наши дикторы не имели права подстрекать слушателей к восстанию против кремлевских правителей. Самое большее, мы могли сказать: «Когда придет решающий час», но и в этом случае мы - против «готовых рецептов», оставляя народам Советского Союза самим решать, как им действовать.

Наш взвешенный подход по этому вопросу был результатом тесного сотрудничества русских сотрудников-эмигрантов и редакторов *Радио* – с американскими руководителями. Борис Шуб, приехавший из Нью-Йорка помогать нашему выходу в эфир, считал, что *Радио* не должно ставить перед собой невыполнимые задачи. Нужно, говорил он, принимать во внимание сложную психологию рядового советского человека, у которого было много претензий к режиму, но в то же время он гордился своей страной, победившей нацистских оккупантов, и не доверял голосам из капиталистического мира.

Мы исходили из того, что новости, которые шли за инаугурационным обращением, особо заинтересуют слушателей, и начали с сообщения из Вашингтона: президент Эйзенхауэр назначил Чарльза Болен новым американским послом в Советском Союзе. Поведали, что Болен свободно говорит по-русски: он был переводчиком президента Франклина Рузвельта во время Второй Мировой войны на Тегеранской и Ялтинской конференциях и президента Трумэна в Потсдаме. На своем посту он сменял Джорджа Кеннана, «известного американского дипломата, отлично владеющего русским языком, знатока русской культуры и истории».

Смену послов мы объясняли тем, что после выступления Кеннана в Берлине в октябре 1952 года перед мировой прессой, Кремль потребовал его отозвания. Кеннан утверждал, что сталинский режим препятствует нормальным общественным и культурным контактам западных дипломатов с советским населением и сравнивал искусственную изоляцию послов в СССР с положением интернированных американских дипломатов в Германии после вступления Соединенных Штатов в войну. «В то время, – сообщал диктор, – знатоки советской жизни высказывали предположение, что Кремль просто искал предлога, чтобы потребовать отозвания американского дипломата, который из-за знания русского языка и всем известной симпатии к демократическим устремлениям русского народа был для Кремля нежелательным свидетелем советской действительности».

Далее следовала цитата из статьи Кеннана в *Foreign Affairs* (апрель 1951 г.):

«То, что существует национальное величие, - ясно. И то, что русский народ обладает этим величием, не подлежит никакому сомнению. Это народ, путь которого из тьмы и нужды был тяжелым и отмечен огромными страданиями и трагическими неудачами. Нигде во всем мире огонь веры в достоинство и милосердие человека не выдерживал такой борьбы с вихрями, которые стремились его задуть. И каждый, кто изучает эту борьбу русского духа на протяжении веков, может только обнажить голову, склоняясь в восхищении перед русским народом, который сумел сохранить этот огонь, несмотря на все жертвы и страдания». (4)

Мы сообщали также своим радиослушателям, что Комитет по иностранным делам в Палате представителей единодушно одобрил резолюцию Эйзенхауэра, осуждающую Советский Союз за нарушение договоров, заключенных во время войны.

Затем *Радио* перешло к новостям из Парижа, где в возрасте девяноста шести лет умер русский биохимик Сергей Виноградский. Он был директором Института Экспериментальной Медицины в Петрограде, а «после захвата власти большевиками в 1917 году жил во Франции и в 1924 году был избран членом французской Академии наук».

Упоминалось, что среди русской эмиграции было много людей, которые, покинув Россию, внесли большой вклад в мировую науку. В наших последующих передачах мы намеренно не называли октябрьские события 1917 года народной революцией, сознательно употребляя слова «захват власти», «coup d'état большевиков».

Чтобы еще раз опровергнуть лживые большевистские утверждения, что они якобы представляют весь народ, остаток нашего первого эфира мы посвятили годовщине кронштадтского мятежа моряков-балтийцев в марте 1921 года. Кронштадт – крупная морская база под Петербургом – в семнадцатом году считался оплотом большевизма. В начале моряки и рабочие города поддерживали политику Ленина, но к 1921 году они уже были глубоко ею разочарованы. Когда рабочие Петрограда начали забастовку против невыносимых жизненных условий, власти объявили военное положение. Петроградских рабочих поддержали моряки и рабочие Кронштадта, выступив против режима с лозунгом: «Советы без коммунистов». В ответ Ленин и Троцкий объявили Кронштадт центром контрреволюции, сопроводив обвинение самой бессовестной ложью. Они потребовали сдать крепость, угрожая штурмом. Восставшие отказались. Кронштадт был взят силой оружия, а восстание потоплено в крови: те, кто боролся за большевиков в 1917 году, погибли от рук этих же большевиков.

Радио поведало обо всех фактах, связанных с восстанием, сопроводив их впечатляющими выдержками из *Известий*, ежедневной газеты восставших, которая выходила и распространялась в дни мятежа. Архивы общественных библиотек и частных лиц на Западе помогли нам восстановить историческую правду. Мы познакомили слушателей не только с этими, но и другими «запретными» страницами, или «белыми пятнами», как называла их пресса в эпоху Горбачева. Разговор о событиях русской и советской истории, замолчанных или искаженных советской прессой, превратился в постоянную тему *Радио* последующих четырех десятилетий. Полностью правда о Кронштадте была обнародована только в 1994 году, когда правительство Ельцина реабилитировало повстанцев.

Меня позабавило сообщение из Мюнхена, что наша первая передача подверглась советскому глушению. Стало ясно, что режим знает о нас и готов всеми средствами оградить народ от любой информации, особенно от зарубежных «предателей», не желавших следовать линии официальной пропаганды. В ту пору агрессивный дух заявлений *Радио* меня не очень беспокоил, поскольку я воображал себя одним из «рыцарей» холодной войны, энергично вступивших в героическую схватку с чудовищной диктатурой.

Вскоре после смерти Сталина, когда мой друг Абрахам Брумберг из *Американского Информационного Агентства* приехал из Вашингтона навестить нью-йоркское отделение *РС*, я, полный уверенности, сказал ему, что советский режим долго не протянет. В ответ на мою наивную пылкость он только фыркнул.

Склонность к драматическим эффектам проявилась у Бориса Шуба в том, как он замыслил начало первой передачи *Радио*. Тиканье часов. Затем мрачный голос провозглашает: «Сегодня Иосифу Виссарионовичу Сталину исполнилось 73 года, 2 месяца, 9 дней (пауза, часы тикают)... Время Сталина подходит к концу». И так – следовало начинать каждый эфирный день, напоминая слушателям, что «бессмертный» Сталин все-таки смертен. Однако в январе, после одного из прослушиваний, такой пролог пришлось отменить: кто-то задумался, не надоест ли изо дня в день, а то и год за годом слушать одно и то же. Не представить было себе, что «время Сталина» оборвется так внезапно, стоит только станции выйти в эфир.

На самом деле, со стороны Шуба все это не было рекламным трюком: он чувал что-то и говорил своему брату Анатолию: «Старикан вот-вот даст дуба». Чуткие политические антенны Шуба улавливали всевозможные сигналы: скажем, последние фотографии Сталина, его необъяснимое отсутствие на ряде церемоний, чтение его доклада Маленковым. Так что, Борис вполне закономерно считал, что дни вождя сочтены.

3 марта Московское радио сообщило о смертельной болезни, а через два дня Сталина не стало. Борис прислал мне срочную телеграмму из Мюнхена с просьбой немедленно телеграфировать: кто в январе 1924 года нес гроб с телом Ленина? Он хотел составить передачу таким образом, чтобы прозвучали имена Бухарина, Каменева, Зиновьева и других большевистских вождей, которых годами поносила советская пресса, пока, наконец, их не казнили как предателей во время сталинских чисток 1936-38 годов. Передача должна была напомнить слушателям, что жертвы деспота были верными соратниками Ленина.

Наш исследовательский архив в нью-йоркском отделении был по-прежнему далеко не полным, поэтому мы с Коряковым отправились за информацией в Славянский отдел Нью-йоркской Публичной библиотеки. Через несколько дней была готова передача со списком несших ленинский гроб и их судьбой, например: «Бухарин Николай Иванович... казнен в 1938 году».

Если и есть какое-нибудь слово, наилучшим образом характеризующее политику *Радио*, начатую Шубом и продолженную его преемниками, то это слово *гласность*. Задолго до того, как Горбачев призвал советскую прессу заполнить «белые пятна» (хоть реформаторы и стремились к открытости, правда о прошлом оставалась избирательной), гласность была движущей силой многих программ, подготовленных в Нью-Йорке. Упомянутая уже рубрика *Запретные страницы* посвящалась замолчанным произведениям дореволюционных авторов, неугодных большевиков, социал-демократов антисталинистов. Шуб опирался и на опыт своего отца, и на мнения известного историка-меньшевика Бориса Николаевского, и на взгляды редактора журнала *Time* Марка Вишняка. Вишняк был в свое время секретарем злосчастного Учредительного Собрания, распущенного в январе 1918 года большевиками, получившими всего 25 процентов голосов. Борис убеждал авторов «не сводить счеты» с режимом и не подстрекать слушателей к безрассудным поступкам. Радиостанция должна воздействовать не только на ярых противников советской власти, но и на тех, кто защищал ее, несмотря на очевидные противоречия

между пропагандой и реальной жизнью, с ее подавлением инициативы и убогим бытом.

Как только на Западе появился роман Бориса Пастернака *Доктор Живаго*, *Радио Освобождение* посвятило серию передач чтению книги. Читались также сатирические рассказы раннего Зощенко и роман Евгения Замятина *Мы* – оруэлловский предшественник картины тоталитарного будущего. Шуб сделал также радиопостановку по «Тьме в полдень» Артура Кёстлера, положив ее на бетховенскую *Аппассионату*, которая, как известно, и волновала Ленина, и будила в нем «буржуазные» чувства, не подобающие, по его мнению, истинному революционеру.

Одним из самых изобретательных авторов в нашем нью-йоркском программном центре был Михаил Коряков. Сибиряк, газетчик, он пошел на войну в чине капитана. Сталинский режим он не переносил, и, работая после войны в советском посольстве в Париже, решил бежать. Добравшись до Америки, он вскоре поступил к нам и быстро нашел применение своим журналистским способностям, написав за двадцать лет тысячу «радиогеничных» программ. Это были особые программы, рассчитанные на слушание в условиях глушения: они состояли из коротких и сжатых фраз, которые неоднократно повторяли основную тему радиопередачи. Одна из коряковских серий называлась *Гласность* – когда Михаила Горбачева не было и в помине. Как все образованные русские, Коряков знал, какие положительные эмоции вызывало это слово в XIX веке у всех либеральных общественников. В его программах постоянно подчеркивалось значение открытости – необходимого условия гражданского общества.

Название другой программы подсказало Корякову письмо, присланное на *Радио Свобода* в начале 60-х годов. (Советские радиослушатели писали на подставные адреса, объявлявшиеся в эфире). Шестнадцатилетний радиослушатель из подмосковного города Серпухова хвалил наши передачи и спрашивал: «Слушая вас, мне хочется больше знать о нашей истории. Не могли бы вы завести у себя программу – что-нибудь вроде «Россия вчера, сегодня, завтра?». Коряков пришел ко мне с копией этого письма, и, как всегда, с жаром предложил ответить на письмо юноши целой серией таких передач. Программа стала у нас постоянной – и существует до сих пор, хотя и Корякова уже нет, и Советский Союз сошел с мировой сцены.

Вскоре после выхода *Радио Освобождение* в эфир мы задумались над музыкальной заставкой, по которой слушатели могли опознавать русские передачи и настроиться на нужную частоту, т.к. музыкальный сигнал лучше пробивался через глушение. Борис начал подыскивать подходящую мелодию. Юрий Петрович Денике предложил взять тему из оперы *Князь Игорь* Бородина, сопровождающую слова «О, дайте, дайте мне свободу». Прекрасное было предложение, если учесть, что через несколько лет *Радио Освобождение* переименовали в *Радио Свобода*. И все же остановились на другой, тоже старой мелодии, не такой, правда, известной, но музыкально и психологически равноценной, – *Гимне свободной России* Александра Гречанинова, эмигранта с 1917 года, дожившего в Нью-Йорке до девяноста лет. Слова для гимна он взял из стихотворения Константина Бальмонта, славившего вовсе не большевиков, а краткую демократическую Февральскую революцию 1917 года, свергнувшую многовековое романовское правление и объявившую Временное правительство во главе с Александром Керенским.

Гимн начинался словами: «Да здравствует Россия, свободная страна!», и для большей выразительности музыка исполнялась на челесте, хотя впоследствии и темп и инструментовка менялись вплоть до оркестрового исполнения. И тридцать восемь лет подряд миллионы слушателей в Советском Союзе, ловя Русскую службу, днем и ночью слышали эту мелодию, и даже не зная ее происхождения, связывали ее со «свободным голосом» из внешнего мира. Холодная война давно уже позади, а мелодия звучит, как и прежде.

Нерусские службы

Вещание на других языках народов СССР началось 18 марта 1953 года. Это были армянский, азербайджанский, грузинский и несколько языков Северного Кавказа, включая чеченский и ингушский. (5) Языки советской Центральной Азии были представлены узбекским, казахским, киргизским, туркменским и таджикским. В декабре 1953-го года началось вещание на татаро-башкирском языке. В первый год существования *Радио* ни белорусских, ни украинских трансляций у нас не было: они появились только в 1954-м. В каждой из служб редакторы и журналисты проводили главную линию *Радио*: призывали к освобождению от диктатуры Кремля и передавали достоверные новости о жизни в СССР и за рубежом. Кроме того, каждая служба старалась отразить в своих передачах нужды и интересы своих народов. В этом духе, например, была построена первая передача по-украински - 16 августа 1954 года.

«Дорогие братья и сестры! Украинцы!

Сегодня в первый раз мы обращаемся к вам по *Радио Освобождение*. Мы живем за границей, но наши мысли и сердца всегда с вами. Никакой железный занавес не сможет разделить нас. Сегодня для нас радостный день, потому что по радиоволнам мы можем передать вам наши взволнованные слова приветствия, радости и надежды.

Свыше миллиона нас, украинцев, живет за границей. Долгое время мы рассказывали людям свободного мира правду о жизни в нашей стране. Теперь, с началом украинского вещания у нас появились новые задачи: мы будем говорить с вами и для вас, дорогие соотечественники, потому что там, на нашей Родине, нет ни свободы, ни демократической прессы, ни свободного радио.

Где бы мы ни находились, наши дороги неизменно ведут к Киеву, к городам и селам Украины... Некогда Киевская Русь – колыбель украинского народа – была важным культурным центром, средоточием древних демократических традиций Восточной Европы. Культура Киева – «матери русских городов» – проникала во все уголки Восточной Европы. И позже, во времена Хмельницкого казаки прославили Украину и стали её мощью.

В огне и буре революции 1917 года Украина восстановила свою независимость. В стремлении быть хозяином своей судьбы наш народ провозгласил Украинскую Демократическую Республику. Она была создана демократическим путем – как проявление воли Украинского народа, согласно принципу самоопределения наций. Но Украинская Демократическая Республика пала жертвой большевистской агрессии. Обманым путем, уверяя, что ничего не изменится, агрессоры превратили Украинскую Демократическую Республику в Украинскую Советскую Социалистическую Республику, которая при коммунистической диктатуре стала орудием угнетения украинского народа.

В борьбе против коммунизма наша Родина принесла много жертв на алтарь освобождения. Но мы верим в высшую справедливость. Мы верим, что эти жертвы были не напрасны, и Господь воздаст Украине за все ее страдания. Борьба украинского народа закончится победой.

И вы, украинцы, «как хозяева в своем доме», найдете свое место в «кругу свободных народов». Сбудутся слова Тараса Григорьевича Шевченко: «И будет сын, и будет мать, и будет правда на земле». Ибо «в нашем доме и правда есть, и сила, и жажда воли». (6)

В первые дни нашей работы передачи русской и других славянских редакций контролировались американскими экспертами, знающими русский язык, но проследить за содержанием и тоном передач на экзотических языках Центральной Азии и Кавказа было совершенно невозможно. Откровенно антисоветские и антирусские выпады, несомненно, проскальзывали в эфир. Понадобились месяцы, прежде чем отношения между американскими руководителями и эмигрантами у микрофона устоялись – в пользу усиления американского контроля. А вскоре мне пришлось узнать, кто же на самом деле стоит за *Радио Освобождение*.

ИСКРЫ НАЧИНАЮТ ВОЗГОРАТЬСЯ

- Товарищ, вы почему не были на последнем партсобрании?

- Если бы я знал, что оно последнее, непременно пришел бы.

Когда осенью 1952 года я поступил на *Радио Освобождение*, мне говорили, что *Амкомлиб*, которому мы подчинялись, - частная компания. Слухи, что это – «филиал ЦРУ», тем не менее, ходили. Правда, в те годы ЦРУ еще не успело испортить свою репутацию, это случится позднее, когда вскроются его грубые и неуклюжие действия. В конце концов, думал я, пусть ЦРУ и замешано: что плохого работать на организацию, посвятившую себя борьбе с однопартийной сталинской диктатурой? Мой мюнхенский опыт общения с советскими перемещенными лицами в 1950-1951 годах оставил во мне чувство глубокого сочувствия и ясного понимания судеб этих эмигрантов, изгнанников и невозвращенцев. Возможно, кому-то и казалось, что мы весьма бесцеремонно вмешиваемся в дела другого государства. Я же был уверен, что участвую в крестовом походе и помогаю жертвам коммунизма: благодаря радио они могут донести правду до своих братьев и сестер и духовно поддержать их.

Около месяца я крепился, но не в силах сдерживать своё любопытство, наконец, спросил Бориса прямо в лоб, связаны ли мы с ЦРУ. Он вспыхнул и с негодованием рявкнул: «Что за нескромный вопрос!». Его раздражение подтвердило мои подозрения, хотя ничего больше и не было сказано. Но окончательно дело прояснилось полгода спустя, когда я уже служил в *Амкомлибе*.

В тот день, 17 марта 1953 года, я работал в многолюдном помещении на Вэст 47 Стрит, в самом сердце бриллиантовой торговли. От улицы веяло скорее старым светом, нежели фешенебельной Пятой авеню за углом. Шуба, меня и других штатных сотрудников-эмигрантов отделили от штаб-квартиры *Амкомлиба* и его администрации, располагавшихся на Ист 45 Стрит - возможно, из соображений безопасности: в помещениях находилась секретная документация. Впрочем, причиной могло быть и скрытое предубеждение против «русских».

Тед Стил, помощник адмирала Стивенса – тогдашнего президента *Амкомлиба* - попросил меня зайти в главный офис. Я пробрался сквозь шествие в честь дня святого Патрика, растянувшееся по Пятой Авеню, и вошел в офис Стила. На его румяном лице появилась улыбка: «Джин, у меня для Вас есть хорошие новости, и плохие».

Что за плохие новости? - мелькнуло у меня в голове. Неужели я не прошел проверку? В это трудно было поверить. Ведь я был награжден за службу в штабе морской разведки в Вашингтоне, где я имел дело со «сверхсекретными» японскими кодами и шифрами, и, кроме того, по окончании войны был отмечен среди других приказом военно-морского министра.

«Хорошие новости, - объяснил Стил, - то, что Вы прошли проверку, а плохие - что Вы теперь 'посвященный'». Я понял, что меня ожидает. Он

подтвердил, что *Амкомлиб* и наше радио находятся в ведении ЦРУ, которое содержит их на деньги из секретных ежегодных ассигнований Конгресса. Об этих деньгах знают всего лишь несколько сенаторов и несколько членов Нижней палаты. Стил попросил меня подписать документ о неразглашении этой тайны. Я сдержал обещание, поделившись только с одним человеком – с Глорией.

Только двадцать лет спустя широкая публика узнала о роли правительства в финансировании *Радио Свобода*, а я, все это время выступая перед всевозможными общественными организациями и в учебных заведениях, уверял всех, что представляю частную фирму. Я чувствовал себя весьма неловко, но, скрывая наши связи с ЦРУ, я находил оправдание в защите *Радио* от попыток советской стороны помешать нам.

Один, правда, случай оставил во мне крайне неприятный осадок. В апреле 1961 года наши патроны из Лэнгли (Штат Виржиния) попросили меня и моих коллег Валериана Оболенского и Айзека Пэтча вылететь в Корнельский университет. Дело в том, что специалист по советскому образованию Ури Бронфенбрэннер недавно побывал в СССР

по гранту Фонда экологии человека, который, как он выяснил, скрыто финансировался ЦРУ. А после его поездки на *РС* в Мюнхен наши сверхбдительные попечители забеспокоились, что он и нас заподозрит в связях с разведывательным управлением, и просили его в этом разубедить.

Мы провели добрую половину дня с ним и его коллегами, рассказывая о нашей деятельности и благородных целях, связанных с нею. После чего вернулись домой, уверенные, что развеять его сомнения нам удалось. Действительно, на этом все закончилось. Тем не менее, я постоянно чувствовал противоестественность ситуации, работая в организации, несущей *правду* советским народам и лгущей своему собственному. Так совпало, что когда мы обедали в факультетском клубе, по телевидению выступал президент Джон Ф. Кеннеди с признанием провала антикастровской операции в Заливе Свиней (12) на Кубе. В душе я еще больше терзался своей ролью.

После того как помощь правительства стала общеизвестной, мне стало легче рассказывать о *Радио*, не выдавая его за частную организацию. Никакой враждебности я не встречал, правда, однажды, когда я вошел в аудиторию колледжа Колорадо Спрингс, я увидел на доске написанное мелом предостережение: «Не приходите – это ЦРУ». По иронии судьбы, к этому времени ЦРУ уже давно с нами не работало.

В 1971 году сенатор Клиффорд Кейс приоткрыл завесу и потребовал, чтобы *Радио Свободная Европа* и *Радио Свобода*, если хотят существовать и дальше, открыто финансировались Конгрессом. Сенатор Дж. Уильям Фулбрайт, наоборот, был против, считая оба радио «пережитками холодной войны» (см. об этом гл.9). Это вызвало бурные протесты со стороны американской прессы, и президент Никсон назначил для расследования специальную комиссию во главе с Милтоном Эйзенхауэром. Комиссия пришла к выводу, что свободная информация двух радиостанций отвечает долговременным интересам американской внешней политики. В 1976 году оба Радио слились в одно, и финансирование их Конгрессом продолжилось. Специально созданному *Совету по международному радиовещанию*, члены которого - видные общественные деятели - назначались президентом, поручено было наблюдать за деятельностью *РСЕ/РС*.

Как и многие сотрудники *Амкомлиба*, я не был напрямую связан с ЦРУ. За все время нашего сотрудничества фактически только несколько человек были штатными сотрудниками разведки. Все же в начале своей работы на *Радио* я был вовлечен в атмосферу секретности. Вскоре после того, как я стал «посвященным», я подписал секретный документ, где фигурировал под именем Олдена Гокина. Кажется, имя было выбрано наугад из лондонской телефонной книги. Не помню точно, для чего мне понадобился псевдоним в духе холодной войны, но вся эта затея скоро угазла. За все это время я пару раз посетил Лэнгли – штаб-квартиру ЦРУ в Виржинии - и допросил пару перебежчиков из СССР на наших тайных адресах в Вашингтоне и в Коннектикуте.

Одна из сотрудниц Комитета Элизабет Понд, работавшая у нас над составлением программ, отказалась дать подписку о неразглашении и вскоре уволилась, объясняя свой отказ этическими соображениями. Позже она стала корреспондентом *Christian Science Monitor* в Москве и, кстати, присылала оттуда великолепные материалы.

Поездка в Мюнхен в штаб квартиру Радио

Весной 1954 года я вернулся в Мюнхен, теперь уже в качестве нью-йоркского представителя *РС*, чтобы поработать несколько недель в центре радиовещания. Президентом *Амкомлиба* был по-прежнему адмирал Стивенс, который глубоко любил Россию, ее природу, историю, культуру и литературу. Он описал свои впечатления о стране в книге «Командировка в Россию». Это был благородный, очень воспитанный человек, и работать с ним, во время его недолгого пребывания в должности, было очень приятно.

Накануне моего отъезда Стивенс обратился ко мне с двумя просьбами: зайти в Мюнхене в американский гарнизонный магазин *РХ* (где сотрудники *Радио Освобождение* по-прежнему могли отовариваться) и купить для его жены флакон ее любимых духов. Вторая его просьба была курьерского толка. Он вручил мне секретный документ, который, как он объяснил, нельзя было доверить международной почте. В нем он (и, вероятно, ЦРУ) инструктировал американских начальников в Мюнхене, как избавить *Радио* от роли рупора Координационного Центра Антибольшевистской Борьбы.

Когда в 1951 году был основан Центр, *Амкомлиб*, ссылаясь на Юджина Лайонса, оценил это событие как «историческое» и «огромной важности», обещающее «вселить ужас в сердца Сталина и его Политбюро», когда они узнают, что беженцы из советской страны-застенка, несмотря на разные политические убеждения и на принадлежность к разным национальностям, оказались способными объединиться в борьбе с «красными цепями», опутавшими их страны: «Кремль не сможет скрыть эту новость от своих многострадальных соотечественников, у которых появится надежда, что, в конце концов, они сбросят ненавистное ярмо». (1)

Именно с этой целью *Амкомлиб* и учредил *РС* как рупор Координационного Центра и предоставил ему значительную автономность. Однако после года радиовещания стало ясно, что глубоко засевшая этническая рознь и вражда между различными группами политических эмигрантов привели к полной несогласованности. Центр распался на два враждебных «координационных центра». Каждый считал законным только себя; один объединял русские организации, другой выступал от лица разных национальных меньшинств. В руководство *Амкомлиба* летели камни от экстремистов обеих сторон: русские патриоты обвиняли американцев в стремлении «расчленить» Россию, поощряя

сепаратистские настроения входящих в нее народов. Представители меньшинств называли *Амкомлиб* послушным орудием в руках «русских шовинистов». Нужен был более жесткий контроль со стороны американцев. В этом и был смысл документа, который я вез Роберту Ф. Келли, заместителю адмирала Стивенса в Европе.

Келли заслуживает особой оценки за вклад в работу *Радио*. Он был главным представителем *Амкомлиба* в Мюнхене почти с начала радиовещания и до середины 70-х. «Дядя Боб» Келли, как его ласково (правда, за глаза) называли подчиненные, был мудрым и доброжелательным руководителем. Одновременно он возглавлял *Институт по изучению СССР*. Келли с отличием окончил Гарвардский университет, затем Сорбонну. Он был главой отдела Государственного департамента по делам Восточной Европы (известного больше как Русское отделение), почти с момента его учреждения в 1924 году и до 1937 года, когда он был внезапно (и по глупости) закрыт - вскоре после того, как неискушенный в политике Джозеф Е. Дэйвис стал послом США в Советском Союзе. Келли опекал нескольких молодых дипломатов, ставших позднее советологами и специалистами по русскому языку, в их числе - два московских посла Джордж Ф. Кеннан и Чарльз Болен. (2) Келли был не только дипломатом, но и знатоком русского языка и истории, глубоко разбиравшимся в современной советской жизни. Умело посредничая между иностранцами и советскими эмигрантами, он всеми силами мирил враждующие мюнхенские группировки. Он выполнял инструкции *Амкомлиба* до октября 1954 года, когда президентом стал Хауленд Х. Сарджент, и недолгий период власти Координационного Центра завершился постоянным прямым американским контролем над *Радио*, хотя формально Центр продолжал существование.

На протяжении многих лет Вашингтон практически не вмешивался в работу *Радио*. Этой независимостью *Радио* во многом обязано личности и деятельности Хауленда Сарджента. В конце 40-х годов он служил помощником госсекретаря по связям с общественностью при Гарри Трумене и Дине Ачесоне. В нью-йоркскую штаб-квартиру *Амкомлиба* Сарджент пришел опытным чиновником, очень ценившим интеллектуальное творчество. (Как в последствии президент Клинтон, Сарджент учился в 30-е годы в Оксфордском университете и был стипендиатом Роудса, *(одной из самых престижных стипендий Оксфорда - прим. перев.)*). Он оставался на этом посту до 1975 года. Именно при нем мы стали *Радио Свобода*, именно он усилил его мощь несколькими 250-киловаттными передатчиками, направлявшими в Советский Союз не только новости, но также политические, экономические, культурные, исторические, религиозные, сатирические и музыкальные программы.

Сарджент был убежден, что радиостанция не должна по воле американских пропагандистов заниматься «серыми» или «черными» делами для достижения ближних тактических целей. Он был также уверен: *Радио* нельзя превращать в рупор для мстительных и раздраженных эмигрантов, использующих эфир для пропаганды собственных политических программ, что может отпугнуть многих слушателей, которые хотят строить свою жизнь самостоятельно – имея доступ ко всему разнообразию идей и сведений. Американское правительство и правление *Амкомлиба* полностью одобряли ясную линию Сарджента на Радио: доносить до советских радиослушателей искреннюю симпатию и расположение американского народа, но при этом всегда выражать их собственные чаяния и интересы. Такой подход также служил интересам и американского народа, т.к. превращение главного противника в демократическое государство, несомненно,

уменьшило бы угрозу ядерной войны между двумя сверхдержавами и помогло бы сохранить мир на планете. Позицию Сарджента поддерживал Аллен Даллес, директор ЦРУ, а потом сменивший его Ричард Хелмс. Оба они, включая Корда Майера, их главного представителя, курировавшего *PCE* и *PC*, понимали, что Лэнгли на уровне своего руководства мог свести «на нет» эффективность обеих радиостанций. (3)

Советская империя дает сдачи

Почти два года, с марта 1953 года по декабрь 1954 года, советский режим полностью замалчивал существование *Радио*. Однако постоянное глушение станции доказывало, что Кремль отлично знал о нас и делал всё возможное, чтобы мы затихли. Как я уже говорил, благодаря особенностям распространения коротких волн в ионосфере и все более мощным передатчикам, глушение никогда не было полным.

Осенью 1954 года к глушению добавился террор: двое наших сотрудников-эмигрантов были найдены мертвыми. В сентябре, неподалеку от Мюнхена в реке Изар было обнаружено тело Леонида Карася – белорусского писателя, а через два месяца Або Фаталибей, руководитель азербайджанской службы, был задушен – как мы полагали, советским агентом - у себя дома. Хотя причины смерти Карася остались невыясненными, на *Радио* считали, что его убило КГБ. (4) Другим нашим сотрудникам-эмигрантам звонили из СССР и присылали письма с требованием прекратить сотрудничество с врагом и вернуться домой. Содержание звонков и писем было достаточно однообразным, что убеждало нас: за всем этим стоит Москва.

Сотрудники радиостанции, естественно, были потрясены зловещими знаками внимания со стороны советского режима. Больше всего мюнхенских эмигрантов угнетало присутствие КГБ в Западной Германии и угроза их жизни за пределами коммунистического мира. Конечно, на территории радиостанции были приняты все меры безопасности, но трудно было, попросту невозможно обеспечить защиту в квартире и на улице. Когда я четыре года жил в Мюнхене в конце 60-х годов, один из русских литераторов, бывший советский зэк, как-то посоветовал мне тоже быть поосторожней. Сначала я отмахнулся, сочтя это раздуванием опасности, но через несколько дней, сядя за руль Опеля-седана, предоставленного мне на *PC*, я порезал палец обо что-то острое на руле. И пока ранка не зажила, у меня было гнетущее чувство, что я стал мишенью КГБ.

Даже в Нью-Йорке мой друг и коллега Володя Юрасов часто говорил мне, что спит с револьвером под подушкой. В свое время он был узником ГУЛАГа, бежал оттуда сначала на фронт, с поддельными документами, а потом после войны – на Запад. У себя на родине он был заочно приговорен к смертной казни и вечно боялся попасть в карающие руки КГБ. И хотя Володя дожил до 82 лет, он не переставал приписывать свои проблемы с пищеварением одному давнему обеду в Нью-Йорке, где, он полагал, советские агенты его отравили. Тем не менее, он проработал на *Радио Свобода* почти тридцать лет, сосредоточив свои дарования на интервью с эмигрантами, преуспевшими в разнообразных областях. Как-то раз и я выступил перед микрофоном в его рубрике «Гость недели» с рассказом о научных конференциях, посвященных Советскому Союзу, в которых я принимал участие. (5)

Почти два года мы чувствовали скрытую угрозу нашей радиостанции, исходящую от советских властей, пока она не стала явной: это произошло в декабре 1954 года во время Съезда советских писателей. О предстоящем

события мы начали говорить заранее, и с 4 июля ввели новую рубрику «Писатели в мундирах», посвященную разгрому искусства после Первого съезда писателей в 1934 году. Позже, когда пришло сообщение о присуждении Нобелевской премии Эрнесту Хемингуэю, мы добавили, что Шведская Академия рассматривала в качестве номинантов и двух русских писателей-эмигрантов – Бориса Зайцева и Марка Алданова, чье творчество (наряду с другими заграничными авторами) гораздо достойнее представляло русскую литературу, нежели продукция подневольных партии.

Особенностью передач *РО* в эти годы было частое обращение к советским военнослужащим. Накануне Съезда советских писателей *Радио* объясняло им, что писатели, собравшиеся в Москве, это всего лишь «штамповщики литературной идеологии», и эта резкая критика дополнялась выступлениями заграничных русских и американских литераторов. (6) Суть их выступлений сводилась к отстаиванию свободы самовыражения и к надежде, что писатели в России, как выразился Торнтон Уайлдер, «вновь обогатят нас своей мудростью и гением».

Энергичными были слова Эптона Синклера, сказавшего, что пишет он уже шестьдесят лет только то, что хочет, и «никакая государственная власть никогда не указывает ему, о чем писать». «Может ли кто-нибудь из вас, - добавил он, - советских писателей, похвастаться тем же?»

Мы попросили выступить поэта и журналиста Макса Истмена. Он был известен своими радикальными взглядами и симпатизировал большевистской революции. В начале 20-х Истмен жил в России, был близок к Троцкому и всю свою жизнь ненавидел Сталина. Вернувшись в США, он примкнул к самым ярким противникам советского режима.

Для записи я отправился к нему домой в Гринвич Вилледж. Истмен был высоким и импозантным человеком с копной белокурых волос. (Я вообразил его во время знаменитой стычки с Хемингуэем в 1937 году в редакционном кабинете Максвелла Перкинса в издательстве Сыновья Чарльза Скрибнера. История запечатлелась в духе «Расёмон»: Истмен вспоминал ее совершенно иначе, нежели подавали биографы Хемингуэя). Когда я слушал его рассуждения о том, насколько современные советские писатели отличаются от своих русских предшественников XIX столетия, создавших, несмотря на царскую цензуру, «величайшие творения в мире», я думал, какой же будет реакция советских властей на подобные взгляды с Запада.

Истмен закончил свою речь так: «Нам, живущим в свободном мире, вы, советские писатели, представляетесь как бы теми каторжниками, к которым – после восстания декабристов – обращался Пушкин в своем «Послании в Сибирь». И мне думается, что, обращаясь сегодня к советским писателям, я лучше всего выражу свои чувства, если прочитаю эти непревзойденные строки Пушкина». (7) Истмен читал стихотворение в своем великолепном переводе на английский (он хорошо владел русским и был женат на Елене Крыленко, сестре советского наркома юстиции). Во время трансляции истменовское чтение по-английски шло приглушенным фоном, на котором русский диктор читал стихотворение, знакомое каждому грамотному в СССР.

Подобно Истмену, увидевшему символ в пушкинском послании, Джон Дос Пассос сосредоточился на значении русской литературы XIX века для наших дней:

«Пока классики русской литературы остаются на полках библиотек, людей в Советском Союзе никогда не удастся полностью отрезать от Республики

общечеловеческой литературы. Как бы тщательно фанатики марксистской догмы ни строили свой застенок террора и ненависти, русские классики по-прежнему будут распахивать людям окна в подлинный мир. Надо надеется, что советские писатели – точно так же, как писатели Западной Германии после гитлеровского кошмара – тоже увидят свет и для них кончится долгая ночь духовного гнета. И когда они выйдут на волю, они найдут друзей, которые будут приветствовать их освобождение».

Писатели-эмигранты, обращаясь к съезду советских писателей, делились своим видением. Вот что говорила Александра Толстая:

«Узнав о съезде литераторов в Москве, мне хотелось бы, как дочери Льва Толстого, отметить это событие, поделившись с вами некоторыми моими мыслями... Пусть что угодно рассказывают вам советские пропагандисты про рабство и репрессии во время царского режима, про строгость тогдашней правительственной цензуры – это были детские игрушки по сравнению с тем, что мы видим теперь. То, что делается с литературой в советской России, нельзя даже назвать цензурой. Это – полное порабощение и подчинение литературного творчества.

Правда, и тогда некоторые религиозно-философские сочинения Толстого подвергались цензуре. Так, «Не могу молчать» - статья отца, написанная им против смертной казни, - была запрещена. Но что получилось? Статья эта распространялась в сотнях тысячах экземпляров и облетела не только Россию, но и весь мир. Статью эту читали все русские люди, а сам автор - Толстой - не только не был арестован, он даже не был выслан из пределов России. А пусть попробует кто-либо из советских граждан написать такую статью – не против советского правительства, а статью принципиального характера, осуждающую смертную казнь, и в лучшем случае, злополучный автор окажется в концентрационном лагере!»

Александра Толстая хорошо понимала, под каким давлением находились советские писатели, те, чьи «истинные чувства должны читаться между строк», чтобы отделить их от «злой, крикливой пропаганды». Она призналась, что часто, особенно во время второй мировой войны, «до нас доходили эти искры подлинного творчества русских писателей и поэтов». С отцовским религиозным пылом она призывала их следовать его совету и выполнять волю Божию, любить народ и служить ему. В заключение она сказала:

«Толстой говорил: «Литература должна, как призма, вбирать в себя лучи света, пробуждать лучшее, что есть в людях». Пушкин сказал:

Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта вострепнется,
Как пробудившийся орел.

Без этих полетов мысли и чувства невозможно настоящее творчество в искусстве, в литературе.

Орлы эти в России... Крылья у них завязаны. Всему бывает конец. Придет конец и коммунистическому рабству... Расправят свои могучие крылья наши русские писатели и поэты и снова вознесут русскую литературу на ту высоту, на которой она всегда стояла».

Борис Зайцев, обращаясь к коллегам-писателям, напомнил им:

«Приветствую вас, братья, с открытием съезда. В двадцать втором году, когда сам я был председателем Московского Союза, таких съездов ещё не устраивали. С тех пор прошло много времени. Мы оказались с вами в разных

мирах. У вас - родина, великий наш народ, молодость, сила. Этого у нас нет. Но у нас есть свобода. Мы пишем, о чем хотим. У нас, здешних русских писателей, тесная жизнь, но широкая воля. У вас, может быть, достаток, богатство, но неволя.

От души желаю вам, чтобы на съезде сделан был хоть первый шаг к воле - без этого в нашем деле нельзя.

Поэтому, дай Бог, чтобы те из вас, кому дан талант, могли спокойно, без принуждения выращивать его».

Этот поток посланий западных писателей, клянувший цензуру и взывающий к свободе творчества, должен был привести в ярость советское руководство и заставить его перейти в открытое контрнаступление. Из заключительной речи Алексея Суркова, первого секретаря Союза советских писателей, стало ясно: нам удалось прорваться через глушение и разозлить партийное начальство. Как писали газеты, Сурков заявил: «Не молчат и враги нашей страны и нашей литературы. По случаю съезда был вытащен из ящика с литературным мусором белоэмигрант Борис Зайцев, который прошамкал у белогвардейского микрофона слова ядовитой бессильной злобы». (8)

Сурков обрушился также на Джеймса Т. Фаррелла и руководимый им Американский комитет за свободу культуры, - антикоммунистическую организацию, в которую входило триста писателей, ученых и художников. Из писателей она включала, в частности, Джона Стейнбека, Роберта Пенн Уоррена, Томаса Гарта Бентона.

Все сотрудники *Радио* – и в Мюнхене, и в Нью-Йорке - почувствовали удовлетворение: наконец, советский режим, набросился на нас, хотя название радиостанции и не произнес. Мы расценили это как знак того, что советы не намерены уступать нам аудиторию. Ясно, что в числе наших слушателей были и советские писатели – недаром Съезд был использован для поношения радио. Характерен и от ворот поворот Зайцеву – плодовитому и почитаемому на Западе литератору - названному белоэмигрантом (т.е. монархистом), «шамкающим» по белогвардейскому радио.

Сурков не назвал *Радио* прямо. Первое упоминание в московской центральной прессе появилось 17 апреля 1955 года, когда «*Известия*» написали: «*Радио Освобождение* -орган по распространению грязной лжи и клеветы, созданный американской разведкой, и направленный против созидательного труда демократических стран». Это был не только выпад против нас, заявление таило скрытую угрозу потенциальным слушателям в СССР.

Так началась против нас в советской прессе многолетняя кампания брани и передержек, и годами наши архивы наполнились этими отзывами. Однако нам не нравилось, что Кремль перешел от глушения сигнала – косвенного признания нашей силы - к прямым поношениям. Разумеется, мы упивались тем, как мы доводим до иступления советское руководство, однако не оно было нашей главной аудиторией. Ставя долгосрочной задачей вбивание клина между режимом и народом, внушение недоверия к Кремлю как представителю чаяний народа и предложение положительной демократической альтернативы взамен бесплодной идеологии, мы должны были яснее себе представлять, кто наши слушатели.

Почти два года *Радио* вещало наугад. Уверенность была только в одном: враг знает о нас, глушение и преследования наших мюнхенских эмигрантов – тому подтверждение. Руководство в Москве, видимо, решило, что молчать больше нельзя - слишком многие знают о нас, и после речи Суркова мы

пришли к некоторым общим заключениям о составе наших слушателей. Кроме писателей, слушателями коротких волн, скорее всего, были образованные слои общества: ученые, квалифицированные рабочие, студенты, даже партийные и правительственные чиновники – искатели информации и идей за пределами узкого спектра официальной цензуры. Разумеется, среди наших слушателей было больше мужчин, поскольку женщины были постоянно заняты рутинными хозяйственными делами, от которых мужчины уклонялись. Наши слушатели, скорее всего, были горожане, а не сельские жители. Информацию они получали либо сами, слушая коротковолновые приемники, либо через своих надежных друзей. Возраст слушателей с трудом поддавался определению, но его легко представить в виде колоколообразной кривой: вершина – взрослые, по краям – дети и старики.

Чтобы точнее узнать состав нашей аудитории, в наших ежедневных передачах мы просили слушателей писать нам письма на какой-нибудь безобидный адрес в Западном Берлине или другом городе за железным занавесом. Мы предостерегали не писать ничего, что могло бы насторожить цензуру, но даже на этот шаг мы решились, убедившись предварительно, что после смерти Сталина письма из СССР и обратно проверяются не в таком объеме, как раньше.

В первые годы писем было немного, тем не менее, картина стала вырисовываться. Одни содержали официальную пропаганду и вполне могли быть инспирированы КГБ, хотя не исключено, конечно, что их авторы искренне стояли за советскую власть. Токарь из Тамбова писал: «Вы предатели русского народа, и не вам оплакивать Россию. Но если вы, предатели, снова нападете на советскую землю, вы получите по заслугам. И на этот раз пощады не ждите!» (9)

Другие письма прямо указывали на связь с Комитетом за возвращение на Родину, который был создан в Восточном Берлине в конце 1955 года и обращался к эмигрантам по собственному радио. Некто Игорь Сизов писал: «Вы, мои дорогие друзья, бросили Россию и рассеялись по всему свету. Лучше попросите разрешения вернуться. Может быть, правительство разрешит, и вы сможете честно работать с нами».

Письма с антисоветским содержанием часто не подписывались, как, например, письмо из Минска с поздравлением нашему сатирику Пылаеву (Октябеву). Другие просили подтвердить получение письма исполнением их любимой песни. Письмо из Могилева начиналось так: «Ни один советский человек не верит вашей клевете». После чего слушатель, надеясь, что он усыпил внимание цензора, добавлял: «Впрочем, некоторые верят». Корреспондент из украинского города Львова писал: «Не вздумайте возвращаться на родину. Жизнь идет по-старому, и ничего с вашего отъезда не переменялось». Иногда письма содержали зашифрованную похвалу передачам нашего *Радио*, например: «Спасибо за ваши прекрасные письма. Ваши родные будут рады убедиться, что вы молоды и успешно трудитесь на пользу себе и общему делу».

За многие годы мы получили тысячи писем, и благодаря этой обратной связи убедились: наша аудитория в Советском Союзе обширна и относится к нашим передачам по-разному. Комментируя содержание писем в специальных передачах, мы указывали, что приветствуем эпистолярный диалог, но «не хотим и не намерены толкать наших радиослушателей на антисоветские выступления, что может закончиться печально». Мы надеялись постепенно изменить их мышление, помочь им в переоценке ценностей и взглядов, так, чтобы «в один

прекрасный день советское руководство, лишенное опоры и будущего, отмерло само по себе».

А с середины 1950-х годов *Радио* старалось уже строить свои отношения с советскими слушателями через головы властей. Политические и общественные деятели Запада охотно присоединились к нашей затее, и мы организовали по *Радио* обсуждение недостатков американского общества, что повысило доверие растущей аудитории в СССР. У радиостанции начинал складываться определенный стиль.

Норман Томас - открыто говоривший о социальной несправедливости в США и за границей - шесть раз выдвигал свою кандидатуру на пост президента США от Американской социалистической партии. После одного из интервью на нашем радио, он сказал мне с широкой улыбкой: «А вот по *Голосу Америки* такое не прошло бы!»

Глава 4

ОБМЕН ИДЕЯМИ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

В Москве проводился конкурс на лучший анекдот. Первая премия – три года Сибири

По радиомосту Запад-Восток шли не только новости и тематические программы, но также специальные передачи. Каждая передача была посвящена главному событию, которое обсуждали западные специалисты и эмигранты. Первая передача из этой серии, посвященная Съезду советских писателей, явно удалась. В ней западные писатели единодушно призывали к свободе художественного творчества. Такие же передачи готовились в нью-йоркском отделении *Радио* под руководством Бориса Шуба. Я, как его заместитель, отвечал за их выход в эфир.

Самыми болезненными темами для советского режима, на которых мы сосредоточивали наше внимание, были: свободное от насаждаемой идеологии образование и право рабочих на труд без принуждения. Советская официальная пропаганда хвастливо утверждала, что система советского образования - лучшая в мире, что уровень грамотности в СССР выше, чем во многих капиталистических странах, что для рабочих, благодаря заботам Партии и правительства, созданы прекрасные условия труда, из-за чего забастовки бессмысленны. На этом настаивала и популярная песня: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

На самом деле, несмотря на высокий уровень академического образования, школы были под строгим государственным контролем: смиренная рубашка марксистско-ленинского учения сковала все уровни образования. Трудящиеся, в свою очередь, жестоко эксплуатировались разветвленной бюрократической системой – от кремлевских боссов до самых мелких чиновников во всех уголках страны. Обе темы – свободное образование и права рабочих – казались наиболее подходящими для *РО*. Знакомя слушателей со свободным мнением западных специалистов, мы надеялись помочь им взглянуть на жизнь в Советском Союзе критически.

Свободный голос на 200-летию Московского университета

В январе 1955 года отмечалось двухсотлетие Московского Государственного Университета - старейшего и самого знаменитого ВУЗа России. Это событие стало для нас отличным поводом для приглашения на радио американских преподавателей и ученых, а также интеллигентных эмигрантов.

Университет был основан по инициативе великого ученого, педагога и поэта М.В. Ломоносова, чьи слова «Науки не терпят принуждения» записаны в университетском уставе. Среди его выпускников были Лермонтов, Тургенев, Герцен, Чехов, историк Ключевский, хирург Пирогов, историк и либерал Милюков и многие другие. Университет сыграл выдающуюся роль в развитии русской культуры и общества, прославившись во всем мире своим изучением естественных и социальных наук, а также медицины.

Нередко дискуссии и политическая активность в недрах Московского университета вынуждали царское правительство идти на либеральные уступки. До революции университет был средоточием свободной мысли и катализатором политических начинаний. Из его стен вышли лидеры первого российского парламента - Государственной Думы, муниципального и местного самоуправления (городских дум, земства, профессиональных объединений и др.) и даже злосчастного Учредительного собрания, разогнанного Лениным в 1918 году, когда большевики не сумели набрать там большинство.

При советской власти преподавание перестало быть свободным, и связи с внешним миром почти прекратились. Несмотря на то, что годовщина университета отмечалась во многих странах свободного мира, советская пресса и радио в 1955 году, по непонятным причинам, оставались равнодушными к юбилею. Но мы не дали русскому народу забыть эту славную дату: передачи *Радио* призывали возродить былое величие университета, предоставить ученым свободу в поисках истины и знаний вместе с мировым ученым сообществом.

Среди американцев, которые откликнулись на наше приглашение принять участие в передачах, были университетские руководители, профессора физики и химии и один нобелевский лауреат по физиологии и медицине. (1) Ученых в эмиграции представляли: М.М. Новиков – последний свободно избранный ректор Московского университета (февраль 1919г. - сентябрь 1920 г.), двое бывших преподавателей Университета, несколько его выпускников, а также бывшие профессора Санкт-Петербургского, Киевского и Одесского университетов.

К передачам подключились также редакторы двух университетских студенческих газет – *“Гарвард Кримсон”* и *«Колумбия спектейтор»*. Мне, как выпускнику Колумбийского университета, приятно было услышать, что Гарольд У. Доддс, президент Принстонского университета, упомянул, что, наряду с Принстонским, двухсотлетие Московского университета отмечала и моя alma mater, поставившая тему: «Право человека на знание и его свободное применение». Доддс выразил надежду, что в Московском Университете «скоро будет восстановлена прежняя свобода, и двери международного общения вновь распахнутся для его факультетов и студентов». (2)

Другие представители университетского руководства подчеркивали резкий контраст между условиями преподавания в МГУ и американских университетах. Например, в Нью-йоркском Сити Колледже марксистская догма изучается критически, как и другие политические доктрины. В Хантер Колледже – в то время женском учебном заведении – вот уже 85 лет учатся десятки тысяч молодых женщин независимо от расы, убеждений, веры, цвета кожи и классового происхождения. Преподаватели в приветственных посланиях призывают уважать факты и здравый смысл – единственные авторитеты, как в науке, так и в политике, а не людей, навязывающих свою волю. Джордж С. Каунтс, профессор Педагогического Колледжа Колумбийского Университета, выразил уверенность, что «настанет день, когда мрачный период всецельной диктатуры станет всего лишь страшным воспоминанием. Пусть следующий юбилей будет праздноваться в условиях полного освобождения мысли». Если нынешняя постсоветская демократия выдержит суровые испытания на рубеже веков, то, возможно, к 250-летний юбилею МГУ (в 2005 году) пожелание Каунтса исполнится.

В выступлениях эмигрантов слышна была ностальгия, щемящая тоска по родному университету. Профессор Новиков, впоследствии преподававший в нескольких европейских университетах, обосновавшийся в США после отъезда из России, приветствовал своих «дорогих далеких друзей, профессоров, преподавателей и студентов». Он напоминал, что вот уже 33 года, как он «насильно оторван от Москвы и покинул родину». Но, несмотря на годы разлуки и громадный океан, его любовь к университету не стала менее пылкой.

«Мы иногда завидуем вам – жителям некогда златоглавой Москвы. Но в то же время понимаем, что нам, привыкшим к свободе и независимости, невозможно жить там, где в концентрационных лагерях используется подневольный труд, а обучение в университетах ведется по указке партии. Старый академический лозунг «Не дайте духу угаснуть» забыт, и советскому ученому всегда приходится опасаться, как бы не впасть в какую-нибудь ересь.

Правда, иногда вам выделяют большие деньги. Но, как говорит русская поговорка, «слезы и через золото текут». Для Университета построены прекрасные здания, но напрашивается вопрос: не делается ли это ради рекламы и пропаганды? Или, возможно, чтобы еще пристальнее следить за вами?

Мы с вами всем сердцем, и мы уверены, что недалек тот день, когда духовные цепи падут, и вы воссоединитесь с мировой семьей свободных ученых в качестве ее равноправных членов».

Марк Вишняк, выпускник Московского университета, был секретарем Общероссийского Учредительного собрания, разогнанного большевиками в 1918 году. Он уехал на Запад, где преподавал и писал книги по международному праву, прежде чем стал многолетним пишущим редактором журнала *Time*. В своем выступлении он пожелал будущим выпускникам стать настоящими русскими интеллигентами, имея в виду «мужество говорить «нет» всему, что противоречит разуму и совести, в условиях, когда нет сил, сказать «да» всему истинному и справедливому».

Вишняк говорил об этом за 10 лет до того, как этот идеал мужественного русского ученого воплотился в Андрее Сахарове, ведущей фигуре советского диссидентства.

28 января 1955 года газета *New York Times* напечатала редакционную статью «Двухсотлетие в Москве», в которой *Радио Освобождение* сравнивалась с мостом, соединяющим ведущих ученых Запада, бывших студентов и преподавателей с преподавателями и студентами Московского университета. Эта статья так же, как и другие, посвященные передачам *Радио* о знаменательных датах в Советском Союзе, была следствием моей дружбы с Гарри Шварцем – специалистом-советологом в редколлегии газеты. Мы часто встречались за обедом, всегда в одном и том же китайском ресторанчике Манхэттена, которых там было множество, и я рассказывал Шварцу о последних программах *Радио*, давал ему распечатки наших русских передач, которые он быстро прочитывал. Мое начальство в *Амкомлибе* тоже было довольно похвалой самой влиятельной газеты США. Несколько лет спустя, когда нам грозило закрытие, это сослужило неплохую службу.

Восстание в Воркуте

Основным принципом при составлении программ на *РО* было разоблачение лживых уверений Коммунистической партии и правительства в том, что они защищают интересы трудящихся. Другой задачей было осуждение эксплуатации рабочего класса, показ, прежде всего, что труд рабочих –

принудительный. В июле 1955 года *Радио* отмечало вторую годовщину восстания заключенных Воркуты – одного из многочисленных концлагерей, расположенных в зоне вечной мерзлоты за Полярным кругом. Воркута была частью обширной сети лагерей, управляемых МВД (позже КГБ), официально называемых Главным Управлением Лагерей, сокращенно – ГУЛАГом. Название стало известным в начале 70-х годов благодаря грандиозному самиздатовскому труду Александра Солженицына, документальному роману *Архипелаг ГУЛАГ*.

В Воркуте, покрытой снегом почти 10 месяцев в году, находилось около 300.000 заключенных. Большинство из них было осуждено за преступления – действительные или мнимые – против советской власти. Они жили в невыносимо тяжелых условиях, добывая уголь на 40 шахтах, обеспечивая тем самым 6% от общей добычи угля в СССР. В июле 1953 года под влиянием сообщений о беспорядках, которые произошли в Восточной Германии 17 июня, долго тлевшее недовольство вылилось в открытый бунт. Забастовки быстро распространялись от шахты к шахте, узники отказывались спускаться в забои. Лагерной администрации было вручено обращение из 11 пунктов, с требованием улучшить условия лагерного быта. Это организованное возмущение большевистским режимом напомнило вооруженный мятеж моряков в Кронштадте в 1921 году.

Руководство МВД Воркуты в панике обратилось в Москву за инструкциями, затем пошло на уступки, но они были такими незначительными, что восставшие их не приняли. Забастовка, между тем, охватила около 100 тысяч человек. Некоторые охранники не только отказались стрелять в заключенных, по-прежнему не спускавшихся в шахты, но даже примкнули к ним. Видя, что количество бастующих все возрастает, Москва бросила против них войска МВД, но, несмотря на стрельбу и жестокие меры, восстание удалось подавить лишь несколько недель спустя. Сотни заключенных были убиты или ранены. Воркута успокоилась, но слух о восстании прокатился по всему Союзу, о нем узнали на Западе. Восстание стало символом активной борьбы против коммунистического режима, вынужденного идти на уступки восставших рабов.

О других восстаниях узников ГУЛАГа 1954 года на Западе узнали через год, когда австрийские военнопленные из карагандинского лагеря вернулись на родину. Добравшись до Вены, они рассказали о забастовке 5 тысяч заключенных, которые потребовали пересмотреть сроки заключения и отменить практику сковывания заключенных друг с другом во время работы в цехах. Против восставших МВД использовало танки, пушки и пулеметы, около шестисот человек были убиты, сотни других ранены.

Чтобы поддержать волю заключенных к сопротивлению и рассказать о поддержке Запада, *РО* организовало специальные программы, в которых со словами надежды, поддержки и солидарности выступили известные в Америке и Европе общественные деятели, а также бывший советский заключенный. Среди приглашенных были Элеонора Рузвельт, президент Американской конференции труда (АКТ) Джордж Мини, президент Конгресса промышленных организаций Уолтер Рутер и Норман Томас.

Все выступавшие говорили о поддержке подневольных рабочих в их борьбе с тиранией, о солидарности с ними западной общественности и выражали надежду, что их дело победит. Джордж Мини напоминал, что именно АКТ «первой подняла в ООН вопрос о запрете принудительного труда». Член правления *Амкомлиба* Исаак Дон Левин предоставил Мини карту лагерей ГУЛАГа, составленную на Западе по рассказам бывших заключенных.

Я брал интервью у миссис Рузвельт в ее офисе в здании Объединенных Наций. Она оказалась такой же отзывчивой и человечной, какой я знал ее по телевидению и кинохронике. Она говорила о том, что на Западе все больше растет политическое осознание того, к чему стремятся люди в СССР, и добавила: «Думаю, что давление, оказываемое этими людьми, их вера, их стремление поднять общественное мнение всего мира против позиции советских властей дадут, в конце концов, свои результаты, что принесет свободу людям в Советском Союзе».

Полный текст всех выступлений был издан *Амкомлибом* с предисловием Хауленда Сарджента. (3) Он писал, что по рассказам освободившихся и бежавших из лагерей, голос *РО*, несмотря на мощное глушение, доходил до Воркуты и соседних лагерей. Его слушали советские оккупационные войска в Центральной и Восточной Европе, а также во всех крупных городах Советского Союза. К этому времени мы располагали одиннадцатью коротковолновыми передатчиками, которые вещали на семнадцати языках народов СССР. Он подчеркивал, что тысячи рабочих в Воркутинской области живут рядом с лагерями на положении свободных людей, у них есть радио и газеты, поэтому, работая бок о бок с заключенными, они делятся с ними новостями из-за границы.

Через 30 с лишним лет после того знаменитого восстания шахтеры Воркуты вновь забастовали, чем ускорили падение советского режима и способствовали подъему Бориса Ельцина. По иронии судьбы, к 1995 году авторитет Ельцина среди шахтеров начал резко падать, а в начале 1996-го они уже снова бастовали, требуя улучшения условий труда и выражая недоверие правительству.

Юбилей Достоевского

В феврале 1956 года, после многих лет замалчивания, в Советском Союзе решили отметить 75-летие со дня смерти Ф.М. Достоевского. Мы, со своей стороны, тоже решили принять в этом участие. Ещё совсем недавно, в 1952-м (за год до смерти Сталина) в антологии «Классики русской литературы» его имя даже не было упомянуто. Из-за глубокой религиозности Достоевского и ненависти к социализму его имя коммунисты предали анафеме. Теперь новые власти, продолжая критиковать мировоззрение писателя, решили приобщиться к мировой славе русского гения.

Советские руководители, тем самым, давали нам идеологическую схему, согласно которой советская сторона собиралась трактовать творчество Достоевского. В декабре 1955 года влиятельный литературный журнал «Новый мир» поместил статью В.Ермилова объемом в 64 страницы, где критик, ссылаясь на Горького, сравнил Достоевского по силе художественного изображения с Шекспиром. «Он выразил своим творчеством безмерность страданий униженного и оскорбленного человечества», но в то же время «он яростно сражался против любых поисков реальных путей борьбы за освобождение человечества от унижения и оскорбления». По поводу «Бесов», где Достоевский обрушился на социализм, в статье говорилось, что он «сознательно готов был в некоторых случаях отойти от требований художественности во имя реакционной тенденции». Статья заканчивалась так:

«Мы, советские люди, гордимся нашей идейной преемственной связью с великими прогрессивными русскими писателями и мыслителями, в том числе с нашими прямыми предшественниками, гениальными

революционерами-демократами. Мы гордимся нашей неразрывной связью со всеми передовыми, прогрессивными художниками и мыслителями всех времен и народов, и мы не можем «забыть» и «простить» Достоевскому, как бы мы ни ценили его художественный талант, ослепляющую его мрачную злобу по отношению к лучшим, демократическим силам его эпохи, выраженную в наиболее реакционно-тенденциозных его произведениях. Мы не можем забывать и о том, что и в наше время реакция, церковники и иные мракобесы пытаются использовать его произведения в своих темных целях».

Мы сочли необходимым показать нашим слушателям, что кроме подобной узко марксистской оценки Достоевского есть и другие точки зрения. За месяц до дня юбилея (9 февраля) Борис Шуб начал готовить программу с выступлениями ведущих американских и русских эмигрантских писателей на тему: «Что значит для меня Достоевский?» Для начала мы разослали письма большому числу писателей, объясняя, что *Радио* – это демократическая, антикоммунистическая радиостанция, ведущая передачи для советских людей на 17 языках Советского Союза. Мы пояснили, что *Радио* передаёт для советских слушателей обсуждения различных событий известными западными деятелями и что в связи с предстоящей датой смерти Достоевского мы готовим серию выступлений выдающихся писателей, философов, психологов и художников. Наша цель – показать разнообразие взглядов западного мира на гений Достоевского, мнения о нем как о скептике, верующем, пророке и художнике, о которых наши слушатели, вероятно, не имели возможности узнать из своей собственной прессы. Мы знали: единодушного мнения у наших корреспондентов не будет. Главное, чтобы оценки не повторяли друг друга. Мы просили поделиться личным, интимным впечатлением от чтения Достоевского, неважно, давно он был прочитан или недавно.

Главное было - почтить память Достоевского, который их вдохновил, выразив при этом собственное кредо художественного творчества. Откликнулись многие выдающиеся писатели: У.Х. Оден, Беннет Серф, Джон Дос Пассос, Джеймс Т. Фаррелл, Грэнвилл Хикс, Сидней Кингсли, Джозеф Вуд Крутч, Артур Миллер, Исаак Башевис Зингер и Лайонел Триллинг. В нашу мюнхенскую редакцию пришли письма от Альберта Камю, Бориса Зайцева, Сальвадора де Мадариага, Игнацио Силоне и Анри Труайя.

Отказался только Эптон Синклер, личный знакомый Бориса Шуба, увековечивший его в одной из повестей о Ланни Бадде (из жизни послевоенного Берлина). Он коротко ответил:

«Не хочу вас обижать, но не могу сказать о Достоевском ничего, что бы вам пригодились. На мой взгляд, он психопат и ничему не учит. Я признаю его власть над читателем, так же как и власть кошмаров. Меня они не интересуют. В «Братьях Карамазовых» он нагромождает один ужас на другом, в конце концов, мне это показалось глупостью. К такому выводу я пришел давно. Обратитесь ко мне как-нибудь в другой раз». (4)

В самый разгар кампании Шуб позвонил мне из Голливуда, где он с характерным пылом зазывал на наше мероприятие кинозвезд и продюсеров,

особенно из числа русских эмигрантов. Он сказал, что уговорил Анну Стэн сыграть в короткой сцене для нашего радио роль Грушеньки, *femme fatale* из «Братьев Карамазовых». Стэн уже играла эту роль по-русски, по-немецки (в знаменитом фильме Фрица Кортнера), по-французски и по-английски. Шуб переговорил также с бывшим помощником Сергея Эйзенштейна – Борисом Ингстером, который работал с великим режиссером над классическим фильмом «Броненосец Потемкин». Ингстер сопровождал Эйзенштейна по США и не захотел возвращаться в СССР. Хотя этому и другим проектам по привлечению Голливуда на *РО* не суждено было сбыться, они показывают Шуба как вечного «генератора идей», которые всегда шли на пользу нашим программам. В его воображении согласие русских актеров из Голливуда было прелюдией к их будущему участию в передачах.

Я всегда подозревал, что затеи Шуба часто не нравились Сардженту. Во время этой голливудской авантюры Бориса он был в отпуске. Возможно, Борис специально решил уехать, не спрашивая разрешения Сарджента. Он понимал, что Хауланду, женатому тогда на голливудской звезде Мирне Лой, вряд ли понравилась бы эта самовольная бурная деятельность в кино-столице. Приблизительно за месяц до юбилея Борис писал мне из Калифорнии в своем обычном искрометном стиле о том, как ему видятся наши передачи:

«Что касается нашей аудитории в Советском Союзе, то мы пока не вызываем у нее доверия. Вот в чем я вижу смысл наших передач для советских радиослушателей. Слушатель говорит себе: *Радио Освобождение* - это совсем не плохо. Смотри, какие люди там собрались. Это не просто эмигранты, которым американцы платят за пропаганду. Нет, у них свое мнение, это не последние люди в Америке, радиостанция *Освобождение* – стоящая вещь. Ты только послушай, как они говорят! Неважно, кто там заправляет – американцы, белобандиты, меньшевики или фашисты. Послушай, Петя (разговор может быть где угодно – в ЦК, в колхозе или на стройке), ты слышал, что *Освобождение* говорит о Достоевском? Там и русские выступали, и американцы, и французы. Один говорит, что «Достоевский – второй Христос», а другой говорит, что он психопат. «Интересно», – отвечает Петя. «Оригинально!» - говорит жена какого-нибудь Ивана Ивановича, или какая-нибудь Жукова или дочь полковника МВД в Воркуте, прослушав наши передачи. Вот в чем цель наших передач о Достоевском. С помощью свободомыслия (а не холодной войны) мы должны начать убеждать аудиторию, что *Радио Освобождение* стоит слушать.

Требовать изображения «подлинного Достоевского» (как выразился один чиновник из Нью-Йорка) может только малообразованный человек. Прелесть Достоевского в том, что он состоит весь из противоречий: чистый, отталкивающий, великий, низкий, просветленный, нетерпимый; то он прокликает власть, то очень её любит. И это еще не все. Только свободным голосом на свободной радиостанции можно рассказать об этом». (5)

Послание Артура Миллера заслуживает особого упоминания. Радио было не единственной организацией, просившей драматурга, лауреата Пулитцеровской премии высказать свое мнение о Достоевском. Союз Советских писателей пригласил его с выступлением на торжества в Москву и даже предложил оплачиваемую десятидневную поездку по Советскому Союзу, от чего Миллер отказался. С той же просьбой обратился к нему и Американский комитет за свободную культуру. Этот комитет раньше принимал участие в обращениях

нашего радио к Съезду советских писателей. Миллер только что попал под «огонь», где его называли «левым», а «Американский легион» и Объединение католиков ветеранов войны обвиняла его в связях с подрывными организациями. Как и другие либеральные писатели Америки начала пятидесятых годов, он был жертвою охоты на ведьм, организованной сенатором Джозефом Маккарти в начале 1950-х. Переживания того времени нашли позднее отражение в пьесе «Тяжкое испытание».

Всем трем организациям Миллер одновременно послал следующее письмо:

«Должен признаться, что в получении этих трех приглашений я почувствовал шутку вполне в духе Достоевского. Меня, только что лишённого в Америке права написать сценарий [о детской преступности]; писателя, чьи пьесы несколько лет назад запретили в СССР по причине «космополитичности», теперь приглашают выступить на юбилейных торжествах в честь автора, отбывшего в царской России каторгу, гонимого цензурой и которого еще вчера запрещало советское правительство».

По словам Миллера, ему всегда казалось, что «запрещение в Советском Союзе его книг и трудов других писателей – особенно непростительный акт культурного варварства».

Говоря о проблеме взаимоотношений между искусством и политикой, он отметил, что «сегодня как в Советском Союзе, так и в Соединенных Штатах человек с его [Достоевского] взглядами обязательно подвергся бы осуждению. В Советском Союзе – прямому запрету, если не хуже, в США – неофициальному, но не менее сильному общественному и экономическому ostracismu». В заключение он объявил: «Попытка связать память об этом великом и ужасном человеке хоть с какой-то сегодняшней политической платформой – несостоятельна».

Заявление Миллера, вместе со многими другими, мы послали в Мюнхен. Одновременно я связался с Американским комитетом за свободную культуру, который бросил открытый вызов советскому режиму, полностью напечатав письмо Миллера. *New York Times* посвятила этому событию две колонки, процитировав большую часть заявления. Мы радовались нашей известности: было видно, что *Радио* наряду с осуждением советского репрессивного режима, не боится критиковать в своих передачах и Соединенные Штаты. Случай этот не остался незамеченным: Гарвей Брайт в своей воскресной колонке «Вокруг книг» в *New York Times Book Review* отмечал, что Миллер, хотя и попал впросак, сравнивая американскую несправедливость с советской, все же написал «блестящее эссе», и более того, «поставил Совету в затруднительное положение». Почему? Потому, говорит Брайт, что Миллер, отказавшись от приглашения посетить Советский Союз, дал понять, что он не участвует в игре, цель которой придать юбилею антиамериканскую или, вернее, просоветскую направленность. Совету, полагал Брайт, тайно надеялись, что американское правительство будет препятствовать его выезду из США. Получилось наоборот: «Такой почетный гость, как господин Миллер, лишил советских писателей козыря и поставил их в трудное положение. *Радио Освобождение* передало заявление Миллера, несмотря на его критику США. Оно ставит вопрос, а может ли советское радио также прочесть заявление, в котором в равной мере критикуются США и Советский Союз?» (6)

После серии передач мы надеялись, что *Амкомлиб*, как и прежде, выпустит брошюру с текстами всех участников. Всем была понятна огромная важность того, чтобы западное общественное мнение, в том числе влиятельные люди в

Вашингтоне, были в курсе высокого качества наших передач и тесных связей с интеллектуальной элитой Соединенных Штатов и Западной Европы. Увы, дальше ротапринта дело не пошло, возможно, из-за трудностей с отбором материала, редактированием и затратами.

У меня хранится, по-видимому, единственное полное собрание почти всех высказываний, которые служат замечательным свидетельством влияния Достоевского на многих ведущих литературных мастеров XX века (см. Приложение). Одно из самых интересных признаний принадлежит Исааку Башевису Зингеру, которое я записал в его квартире в Верхнем Уэст Сайте на Манхэттене. За 20 лет до того, как он стал лауреатом Нобелевской премии по литературе, он записал свои размышления о Достоевском. Мы передавали его выступление на идише – редкий случай, когда советские радиослушатели слышали этот язык по радио – и в русском переводе. Зингер начал так:

«Характерно, что все великие писатели в своем творчестве, так или иначе, пытаются ответить на вечные вопросы: какова цель нашего существования? В чем смысл страданий? Есть ли Высший суд? В чем высшее предназначение человека? Произведения Достоевского всегда затрагивают вечные темы и вечные вопросы, существующие во всех религиях и философиях. Достоевский считает, что жизнь человека – это непрерывный кризис. Когда Достоевский изображает человека в состоянии неопределенности, это не случайность, не выдумка и не литературный каприз. Это прямое следствие его мировоззрения. В человеческой жизни нет покоя, она пребывает на колеблющихся весах. Всегда приходится выбирать между добром и злом, жизнью и смертью. В этом отношении Достоевский ближе других писателей, даже еврейских, к иудаизму».

А завершил так:

«Есть много того, или скорее даже все, чему литература в целом, а литература на идише в особенности, может научиться у Достоевского. Нет литературы без морали. Серьезный читатель больше не выносит сладкой болтовни или эстетических вывертов. Литература может существовать только на высоком накале под высоким духовным напряжением, когда все ценности поставлены на карту. Достоевский был игроком не только в жизни. Он был игроком и в своём творчестве, рискуя всем. Он всегда на грани искусства и поденщины, добра и зла, жизни и смерти. Душа его творчества – это свобода выбора». (7)

Мне особенно хотелось познакомить слушателей с посланием Зингера: это был поэтический суд. Ведь совсем недавно, незадолго до смерти Сталина, 24 ведущих еврейских писателя, некоторые - с мировыми именами, были арестованы во время разнузданной антисемитской кампании, которая должна была кончиться массовой высылкой евреев в Сибирь. Только смерть Сталина в 1953-м помешала этому. Через несколько лет стала известна судьба арестованных писателей: они были расстреляны в КГБ.

Разоблачение чудовищных сталинских преступлений против собственного народа началось в конце февраля 1956 года, после секретного доклада Никиты Хрущева на двадцатом съезде партии. Это был шок, который имел глубокие последствия не только для страны, но и для всего мирового коммунистического движения. Мы, на *Радио Освобождение*, быстро поняли, какое огромное влияние окажет это событие на будущее режима и народа, и старались изменить

нашу политику и направление передач в соответствии с сейсмическими сдвигами в порочной советской идеологической линии.

Глава 5

ХРУЩЕВ ВЫПУСКАЕТ АНТИСТАЛИНСКОГО ДЖИННА

После ночной попойки Игорь приводит нового друга в свою захламленную квартиру и говорит, что у него есть говорящие часы. Друг поражен: как это?

Игорь бьет в стену. Из-за стены раздается крик: «Ты что?! Сейчас два часа ночи, сукин сын!»

Секретный доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда партии (24-25 февраля 1956 года) стал важным поворотным пунктом в советской истории. Он пришелся на канун третьей годовщины *Радио Освобождение*. В течение шести часов Хрущев развенчивал сталинский миф - «дорогого и мудрого вождя» - разоблачая, пусть и не полностью, его преступные действия. Позднее в своих воспоминаниях Хрущев писал: «Мы осудили Сталина за его произвол, неоправданные репрессии миллионов честных людей и за его единоличное правление, которое нарушало принцип коллективного руководства». Но это ошеломляющее и фундаментальное разоблачение Сталина и культа его личности в Советском Союзе обнародовано не было. Доклад был прочитан только отдельным группам советских граждан, в первую очередь, членам партии. Однако вскоре известие о сенсационном событии проникло за пределы страны, и вскоре через польских коммунистов на Запад просочился текст речи. Копия оказалась в руках ЦРУ, и Государственный департамент 4 июня 1956 года доклад этот напечатал. (1)

Мы на *Радио* решили как можно шире ознакомить советских слушателей с текстом, дополняя его анализом и комментариями западных специалистов, особенно эмигрантов-историков и политологов. Три года перед этим *Радио* регулярно приводило все новые и новые обвинения против Сталина и его режима, которые теперь признавались, пусть и не полностью, его преемниками. Мы получали в руки хорошие козыри!

В 1958 году Джон Гунтер после четырех поездок в СССР опубликовал книгу – энциклопедическое исследование под названием «Жизнь в сегодняшней России». Благодаря своим наблюдениям, начитанности и беседам с людьми, в этой книге, как и в остальных бестселлерах о других странах, в том числе - о родной Америке, Гунтер проник в самую суть экономической, политической и общественной жизни страны. В СССР ему довелось узнать на собственном опыте, что такое полицейское государство, ставящее палки в колеса свободному журналисту. Тем не менее, он провел блестящий анализ причин хрущевских разоблачений Сталина, и время подтвердило его правоту.

В главе «Десталинизация» он писал, что режим должен был покончить с прошлым, поскольку новые лидеры надеялись заручиться доверием граждан и построить мощную современную индустриальную страну, способную догнать и перегнать Соединенные Штаты. Поэтому советское общество нуждалось в избавлении от драконовских методов тирана: незаконных арестов,

принудительного труда и террора. Наверное, одним из самых пронизательных суждений Гунтера было следующее: хрущевские разоблачения «со временем окажут на Советский Союз самые глубокие эмоциональные последствия. Возможно, в стране со временем появится свободное общественное мнение: в этом истинное и непреходящее значение десталинизации, даже если инициаторы разоблачений и не предвидели этого». (2)

В 1962 году Гунтер и его издатель попросили меня перечитать его труд и внести поправки в первое издание «Жизнь в сегодняшней России» с учетом происшедших перемен. Мне пришлось многое изменить в связи с событиями в России и мире за последние пять лет, но я ничего не мог добавить к его пронизательной оценке секретного доклада Хрущева. Прошло тридцать лет, и его догадка о том, что шоковая терапия, произведенная Хрущевым, в конце концов, приведет к появлению истинного общественного мнения, полностью подтвердилась. Надо отдать должное и *Радио*, которое внесло свой вклад в процесс его формирования.

Весной 1956 года Хауленд Сарджент предложил руководителям, сотрудникам-эмигрантам и специалистам со стороны встретиться и обсудить значение речи Хрущева. Я руководил тогда программным отделом и организовал для его сотрудников деловой обед: мы хотели подтолкнуть наши размышления по этому вопросу и дополнить предложения, направленные Сарджентом руководству *Амкомлиба*. Сарджент выразил надежду, что «тщательно разбирая положения этого основного документа, мы скорее придем к лучшему пониманию нашей миссии и задач, а также уясним главные принципы нашей политики, на которые все мы опираемся». (3)

Мы единодушно решили, что советский режим сменил жесткие сталинские методы в стране и за ее пределами на более изощренные методы психологического характера, понимая, что сейчас не время для крупномасштабной войны или советских военных авантюр. В такой атмосфере соперничества идеологий *Радио* продолжало оставаться самым эффективным средством связи со страной за железным занавесом. Однако вскоре появилось больше возможностей для непосредственных контактов: для нас в СССР, а для некоторых советских граждан и за границей, куда они ненадолго могли выехать. Меньше, чем через три года я сам с горсткой американцев смог совершить пятидневную поездку в Москву, Ленинград и Киев, чтобы познакомиться с советскими реалиями.

Мы считали, помимо всего, что в радиопередачах важно избегать полемики с советским режимом. Лучше сообщать побольше фактов и прочих сведений, приветствуя все положительное, что делается в стране для улучшения жизни народа. Наш старый мудрый политик Юрий Петрович Денике выразил эту мысль словами: «Да, но не достаточно». С самого начала нашего существования мы понимали, что недальновидно и контрпродуктивно делать передачи агрессивными и подстрекательскими, что *Радио* само по себе не свергнет коммунистическую диктатуру, его задача – способствовать эволюционным изменениям в советской системе, в соответствии с законными устремлениями народов Советского Союза. Понятно, что не все сотрудники-эмигранты были согласны с таким умеренным подходом, и, как я уже говорил, по этой причине происходили нарушения политики вещания, особенно в неславянских редакциях. Так было до тех пор, пока американское руководство не добилось постоянного контроля в этих службах.

В течение многих месяцев значительную часть передач *Радио Освобождение* посвящало речи Хрущева: её анализировали западные эксперты, русские эмигранты-социалисты, в частности, Борис Николаевский, звучали газетные передовицы и, что больше всего вредило образу СССР, – возмущенные выступления западноевропейских и американских коммунистов и попутчиков, смотревших в лицо разрушению сталинского мифа.

Но самым сенсационным откликом на разоблачение Хрущева на нашем *Радио* было выступление Натальи Седовой, вдовы Льва Троцкого, убитого в Мексике в 1940 году по приказу Кремля. Нам помог связаться с ней Исаак Дон Левин – член правления *Амкомлиба*, – который и сам был специалистом-советологом. Левин – легендарная фигура в американской журналистике. Молодым человеком он приехал из России и быстро зарекомендовал себя первоклассным журналистом-международником, много раз посещал новую советскую страну и брал интервью у её лидеров. Он также написал книгу об убийце Троцкого. Связавшись со мной и Борисом Шубом, Левин позвонил живущему в Мехико Даниэлю Джеймсу, американскому журналисту, бывшему редактору журнала *New Leader*. Джеймс записал для нас взволнованное выступление Седовой, а мы быстро переправили его в Мюнхен. Я передал перевод Гарри Шварцу, и 9 июля выступление появилось на первой странице *New York Times* под заголовком «Госпожа Троцкая призывает русских свергнуть «режим сталинистов». Причем, в качестве распространителя выступления называлось наше *Радио*.

Ниже я привожу выдержки из этого исторического документа, возможно, по единственному сохранившемуся экземпляру. (4) Обращение к советским гражданам, у которых было весьма искаженное представление о Троцком как о предателе революции и агенте западного империализма, состояло из 1.500 слов и было выдержано в жанре *J'accuse* («Я обвиняю!»). Правда, оно не призывало свергнуть кремлевских диктаторов, как это следовало из заголовка, данного газетой. Представившись «Натальей Ивановной Седовой – вдовой Льва Давидовича Троцкого из города Мехико», она сказала:

«Я обращаюсь к рабочим и крестьянам, и, в первую очередь, к молодежи Советской России.

Нынешние правители – Хрущев, Булганин, Микоян и другие – наследники сталинской диктатуры, ведут настойчивую пропагандистскую кампанию с целью отвести от себя тяжелую волну отчаяния и ненависти к предателям пролетарской революции, волну, родившуюся в ваших сердцах. Это они поддерживали кровавые убийства Сталина, запугивая вас террором и, тем самым, удерживая власть в руках сталинской бюрократии. Сами пропагандистские приемы, с помощью которых они надеются уклониться от ответственности за гнусные злодеяния, выдают в этой правящей клике достойных сталинских последователей...

Возьмите и задумайтесь: кто они такие, прямые наследники полоумного Сталина, назвавшиеся коллективным руководством Советской России? Они признаются на глазах у всего мира, что десятилетиями подряд никто из их коллективного руководства не осмеливался – дрожа за свою жизнь – сделать хоть что-нибудь во спасение жизни миллионов рабочих и крестьян, брошенных в концлагеря. И эти ничтожества осмеливаются требовать от русских рабочих и крестьян немыслимых жертв в борьбе за великое дело. Сколько же еще будут они упорствовать под натиском великих событий? Никогда в жизни не выказали они заинтересованности в улучшении доли трудящихся. Напротив, их

волновала только собственная власть и привилегии, связанные с властью. Как могут они доверять друг другу, если каждый из них отлично знает, что при Сталине они с радостью одобряли все, лишь бы удержать свою власть и положение? События разворачиваются неспешно, однако вряд ли их руководство протянет долго». (5)

Ровно через год, в 1957 году, пророчество Седовой сбылось. Хрущев сам нарушил принцип коллективного руководства и устранил многих своих соратников, назвав их «антипартийной группой». Что же касается фальсификации прошлого, Седова призналась, как горько ей видеть, что многие юные слушатели воспитаны в сталинском духе на «пропитанной ложью» истории. «Потребуется серьезные сдвиги в расстановке общественных сил, сказала Седова, - прежде чем вы, молодежь, сможете добраться до исторической правды».

Переходя к оценке советских обвинений в адрес своего мужа, Седова заявила:

«Вряд ли вы слышали о знаменитой международной комиссии, которая под руководством известного американского философа Джона Дьюи изучала московские процессы 1937-38 годов. Выслушав Троцкого и других свидетелей, а также выдвинутые против них обвинения, комиссия пришла к выводу, что Троцкий и его сын Лев Львович Седов невиновны. Мировая пресса внимательно следила за работой комиссии и ее вердиктом.

Из моего далекого изгнания, где я нахожусь вот уже много лет, мне трудно сказать, сколько людей в России верят обвинениям против Троцкого и его товарищей. За границей больше никто не слушает площадную клевету, будто Троцкий был связан с фашистами, заграничными формированиями, шпионажем и тому подобным. Нынешние правители России смотрят в будущее с уверенностью. Они знают, что в годы правления Вождя все герои пролетарской революции были уничтожены и что никакая сила в мире им не угрожает. Они подписали временное перемирие между собой, назвав его коллективным руководством, понимая, что главная угроза – среди них самих. Но они ошибаются.

Даже слабый удар по тому мифу, который они создали, даже малейшие срывание покрова с их изолгавшегося режима не пройдет даром для новых, подрастающих поколений. Вера в идеалы всегда отличала молодежь. И я убеждена, что искания победят предрассудки, и молодежь не откажется от поиска всей правды. И горе тогда лживым поводырям!»

Вдова Троцкого предрекала, что «прогнившую сталинскую олигархию» не спасет то, что она рядится в одежды Ленина. «Свержение сталинизма – задача русских рабочих и крестьян. Приветствую вас и выражаю глубокую уверенность в вашей победе», - закончила она своё выступление.

Когда Наталья Седова обращалась к советским радиослушателям, ей было 74 года. До окончательной победы над сталинизмом она не дожидая и, наверное, была бы крайне удивлена, что произошло это путем медленных преобразований, начатым компартией, а не в результате восстания народных масс. Не исключено, что она была бы в числе тех, кто обвинял Горбачева в забвении ленинских принципов и переходе на капиталистический путь развития. И все же страстная и неистово приверженная партии вдова Троцкого была бы рада видеть, что ее мужа, в период гласности и перестройки, извлекли из «мусорного ящика истории», куда он в октябре семнадцатого бросал своих оппонентов.

Разумеется, мы были не согласны с резкими заявлениями Седовой, хотя во многом и разделяли её критику новых советских руководителей. Не только её приверженность троцкизму, но и резкий тон и политические аргументы в её выступлении противоречили требованиям сдержанности, которые мы предъявляли нашим авторам. Но мы поступили корректно, передав её обращение, поскольку оно не выражало мнение редакции, а скорее демонстрировало нашу посредническую роль - знакомить советских радиослушателей с различными реакциями за границей и дома на речь Хрущева.

Это событие потрясло и Восточную Европу – особенно Польшу и Венгрию, а также коммунистические партии во всем остальном мире и отдельных мыслящих коммунистов на Западе, которые, узнав правду, вышли из партии. Развенчание Сталина дало возможность *Радио* много лет использовать эту тему в своих программах. Советские граждане, от которых партийные круги таили хрущевский доклад, скоро услышали о нем из передач *Радио Освобождение* и других западных радиостанций. Когда утечка партийной информации стала достоянием всего Советского Союза, радиослушатели могли убедиться в достоверности наших сведений.

Радио старалось делать все возможное, чтобы разрушить миф о непогрешимости партии после ошеломляющих разоблачений её лидерами сталинских преступлений. Из этого, естественно, вытекала причастность к преступлениям нынешнего хрущевского руководства и возникали сомнения в заявлениях, что оно печется о благе народа. Особенно впечатляющими были выступления разочаровавшихся коммунистов и так называемых попутчиков. В начале 1957 года Говард Фаст, знаменитый американский писатель, автор многих книг на политические и социальные темы, порвал с компартией США, в которую он с энтузиазмом вступил почти 15 лет назад. Все это время он был героем не только в глазах советского руководства, присудившего ему в 1953 году Международную Сталинскую премию, но и для рядовых советских граждан, которым особенно нравилось, что он защищал угнетенных рабочих и униженных негров в несправедливом капиталистическом мире. В СССР Фаст был одним из самых известных и читаемых современных американских писателей. Его отречение появилось 1 февраля на первой странице *New York Times*. Свою позицию он определил следующим образом: «Я не против Советов и не против коммунистов, но я не могу больше работать и писать как участник коммунистического движения».

Самым «невероятным», писал Фаст, было для него то, почему Хрущев не закончил свою речь «обещанием реформ, которые гарантировали бы неповторение сталинских преступлений, отменили бы смертную казнь и практику наказания без суда и следствия. Без обещания таких реформ, речь не имеет смысла». По его словам, долгие месяцы, после знакомства с речью Хрущева, он провел в мучительном раздумье о своём будущем. Он сказал также, что восхищается членами коммунистической партии, как преданными борцами за мир, но лично он больше не может подчиняться коммунистической дисциплине. Кроме того, на его решение повлиял неопровержимый факт антисемитизма в СССР на государственном уровне.

Фаст подтвердил, что он был убежденным коммунистом, так как верил в демократию, равенство и социальную справедливость. Речь Хрущева особенно возмутила его, поскольку Фаст на себе испытал американскую систему правосудия: «В 1946 году меня судили и вынесли приговор при таких

обстоятельствах, которые выставляли нашу систему правосудия настоящим посмешищем. Тогда меня утешала вера, что в Советском Союзе человека судят справедливо. Больше я в это не верю». (Фаст получил 3 месяца тюрьмы за неуважение к Конгрессу, когда он отказался сотрудничать с Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности).

В 1957 году мне пришлось присутствовать на одной удивительной встрече Фаста с либеральной и социал-демократической элитой Нью-Йорка, которая была организована журналом *New Leader*. Собравшиеся слушали покаянные речи Фаста с плохо скрываемой иронией, поскольку большинство из них было убежденными антисталинистами. Череда язвительных вопросов, которыми критики терзали Фаста, была прервана Бертрамом Вольфом, заявившим от своего имени, что «как выпускник 29-го» (то есть порвавший с коммунизмом в 29-м) он приветствует «выпускника 57-го». Вольф прекрасно понимал: как бы ни был долг путь Фаста к прозрению, решение писателя будет иметь заметные последствия в идеологической борьбе.

Радио Освобождение подробно рассказывало об отречении Фаста, тогда как в СССР этот факт замалчивался еще полгода. Наконец, в августе «Литературная газета» - орган Союза советских писателей – объявила Фаста «дезертиром» и автором «антисоветского пасквиля». Фаст не принадлежал к числу тех, кто молчит в ответ, и спустя несколько дней он ответил, огласив то, что дипломаты-коммунисты из Восточной Европы, с которыми он приятельствовал в Соединенных Штатах, поведали ему конфиденциально - сведения о хрущевской речи и о самом Хрущеве «ещё более чудовищные, чем документ, который они дополняли». Именно это привело его к решению порвать с компартией. По-видимому, Москва сочла ту августовскую статью недостаточной для окончательной дискредитации Фаста в глазах мирового коммунистического движения, и в январе 1958 года та же «Литературная газета» посвятила ему целую полосу (обычного четырехполосного номера). На этот раз его назвали жуликом, оппортунистом, дикарем и дезертиром, к тому же он оказался «воинствующим сионистом» - продажным, трусливым, подлым и нечестным.

Мы были уверены, что выступление Фаста на *PO*, его непосредственные ответы своим критикам потрясли бы советских слушателей, любивших писателя. Фаст согласился записать выступление на английском языке в нашей нью-йоркской студии. Мы сделали русский перевод и наложили его на оригинал, создав эффект присутствия у микрофона. Фаст нанес ответный удар за «безобразную ругань» и назвал её «выдумкой и бессовестной ложью», добавив, что, насколько он помнит, даже Гитлера так не поносили в советской прессе: «Когда великая и могущественная страна демонстрирует дурной вкус и хулиганские замашки, это можно объяснить только пренебрежением на государственном уровне нормами цивилизованного поведения». Появление статьи, с его точки зрения, было вызвано существованием писателей – «то ли в России, то ли в других краях» - недовольных «различными сторонами» советских порядков. Затем он обратился к «миллионам читателей в Советском Союзе», которые знают и любят его произведения»: все написанное о нем в «Литературной газете» - ложь. «Эта газета, - сказал он, - всегда была послушным орудием в руках партийного руководства в его борьбе против свободного искусства и в стремлении подавить независимое мышление всех писателей страны». (6)

New York Times напечатала выдержки из его выступления и сообщила своим читателям, что Фаст записал его для *Радио Освобождение* в Мюнхене. Мы

были рады рекламе в прессе: это укрепляло нашу репутацию в США как успешных борцов за свободу слова и защитников советских писателей. Но еще важнее для нас была репутация *РО* в глазах советской аудитории. Кумир русской читающей публики обращался к ним с нашей помощью через головы их руководителей и говорил то же самое, о чем неустанно твердили мы с самой первой передачи все пять лет подряд.

Замечание Фаста о несогласии многих русских писателей со взглядами руководства страны подтвердилось вскоре после смерти Сталина, когда появился роман, автору которого суждено было стать первым советским лауреатом Нобелевской премии по литературе. Борис Пастернак – любимый многими в России поэт и прозаик - мало был известен на Западе. Его роман «Доктор Живаго» повествует о герое, который враждебно встретил революцию и советскую власть. Когда роман отказались печатать в СССР, Пастернак переправил его за границу. Мы быстро получили книгу от итальянского издателя Фельтринелли и начали ежедневно его читать без сокращений. Кроме того, мы читали роман также в замедленном темпе, надеясь, что некоторым слушателям удастся его записать и тайно распространить. Когда Кремль в ответ на публикацию романа на Западе развернул гнусную кампанию против Пастернака, *Радио* постоянно передавало отклики и большие статьи, защищающие право писателя правдиво описывать то, что он видит.

Я взял интервью у Говарда Фаста о Пастернаке и его романе. Он, как обычно, много говорил об этической стороне ремесла писателя и осуждал преследования Пастернака в СССР. Во время записи кто-то из отдела новостей сообщил, что Пастернаку только что запретили выезд в Стокгольм для получения Нобелевской премии. Фаст тут же отреагировал на это сообщение:

«Это самая ужасная и отвратительная вещь, которая произошла в СССР за последнее время. Мы знаем, как Борис Пастернак ждал эту премию, как гордился ее получением, как благодарен он был Шведской Академии. Мы стали свидетелями грязной клеветы в его адрес, угроз и брани – полного набора беспредельного хамства со стороны наемной советской критики.

Теперь Пастернак повержен, он отказывается от премии. Каким бы отважным и сильным ни был человек, может ли он выстоять в свои 67 лет – одинокий, оставленный на поругание теми, кто не имел мужества заступиться за него? Неудивительно, что он отказался от премии. Видеть это – мучительно, видеть это – трагично. Многое происходило в Советском Союзе при моей жизни, но ничто не может сравниться по низости с этим спектаклем вокруг Пастернака. Во всей стране он единственный сохраняет достоинство. Я не знаю, что ещё я могу добавить к этому. Одно меня удивляет: как им удалось заставить его отказаться? Может быть, они угрожали ему казнью?

Происходящее уже само по себе кажется таким шокирующим, что трудно понять, как происходило на самом деле. Роман, драма Пастернака, Нобелевская премия, все вокруг её вручения - похоже на кошмар из другого мира, другой планеты. Точно Советский Союз отважился на последний шаг, чтобы показать полное отсутствие своего достоинства. Дальше идти некуда. Интересно, что думают по этому поводу советские писатели?» (7)

Прочитав это взволнованное заявление по радио, мы отдали его в печать. *New York Herald Tribune* в передовой статье поместила выдержки, упомянув наше *Радио* и напомнив читателям, что Фаст долгое время был коммунистом, романы которого любила русская публика, но события 1956 года показали ему «истинную природу советского тоталитаризма».

Что же касается Пастернака, то через тридцать с лишним лет в книге о своем отце Сергей Хрущев пишет, как Никита Сергеевич поддержал кампанию против писателя после того, как его «идеологи» подсунили ему «тенденциозно подобранный набор цитат» из «Доктора Живаго». Однако, получив письмо от Пастернака в разгар травли и преследований, Хрущев приказал: «Хватит. Он признал свои ошибки. Прекратите». (8) Позже Хрущев сожалел о той роли, которую он сыграл в этом деле. В своих мемуарах он осуждал «решение применить полицейские меры, оставившие в душе горький осадок на много лет». Хрущев предлагал опубликовать книгу в СССР и даже оплатить поездку за получением Нобелевской премии в Стокгольм, но писатель неожиданно отказался от премии. Хрущев признался, что так и не прочитал книгу, хотя теперь, задним числом, считает, что надо было мнение о ней вынести на суд читателей. «Кто-то скажет, что мне поздно жалеть, что книга у нас не была напечатана. Да, может быть, поздно, но лучше поздно, чем никогда». (9) «Доктор Живаго» вышел в Советском Союзе только в 1988 году, во времена Горбачева, через 30 лет после опубликования на Западе и чтения по *РО* для старшего поколения советских граждан.

Медведь среди львов

Весной 1956 года наше отделение в Нью-Йорке сыграло скромную роль в пропагандистской кампании вокруг предстоящего визита Хрущева и Булганина в Лондон. Булганин, бывший *de jure* главой советской делегации, т.е. премьер-министр, и Хрущев, генеральный секретарь компартии, отправились туда с целью улучшить отношения с новым правительством консерваторов во главе с Энтони Иденом. Хрущев описывает этот визит в своих мемуарах и в, частности, вспоминает обед, данный в их честь Исполнительным комитетом Британской лейбористской партии и теневым кабинетом. С лейбористами Хрущев чувствовал себя напряженнее, чем с консерваторами, поскольку первые «считали себя представителями рабочего класса». (10)

Обед проходил в Палате общин и сопровождался тостами и речами. Хрущев произнес часовую тираду, нападая на Запад и защищая политику Сталина перед войной. Его выступление вызвало недоумение, и его пытались прервать. Хью Гейтскелл, лидер лейбористской партии, пытался успокоить присутствующих. Затем он вручил Хрущеву список нескольких сот социалистов, содержащихся в заключении в Советском Союзе и Восточной Европе, требуя их освобождения. Кроме того, он выразил озабоченность положением евреев в СССР.

Разъяренный Хрущев грубо отвечал, что в Советском Союзе нет социал-демократов, что Москва не может указывать своим союзникам, что им делать, и что разговоры об антисемитизме в СССР – «чепуха». Вечер закончился перебранкой, причем Джоржд Браун вызвал особый гнев советского руководителя: «Его отношение к нам, - писал Хрущев, - было особенно враждебным. Подумать только, мы были его гостями, а он стал критиковать нашу политику!». (11)

О скандале писали газеты, и даже через несколько дней после того, как Хрущев и К⁰ вернулись в Москву, *Правда* негодовала, обвиняя американский журнал *New Leader* в том, что список заключенных в СССР был составлен в Нью-Йорке. Действительно, журнал принимал участие в составлении такого списка и передал его потом лейбористам. В США группа лейбористских лидеров включила в него 426 фамилий деятелей профсоюзного движения и

социал-демократов, которые исчезли или находились в заключении в странах социалистического лагеря. В документе содержалось требование реабилитировать погибших и освободить оставшихся в живых. Издатель журнала *New Leader* С.М. Левитас, меньшевик по убеждениям, сидевший при большевиках и сбежавший потом в Соединенные Штаты, просмотрел перевод обращения на русский язык и направил 60 адресатам – руководителям компартий и в газеты.

Благодаря тесным связям Бориса Шуба с журналом - его брат Анатолий (Тони) был там редактором с 1949 по 1958 год - мы принимали в этой акции самое непосредственное участие. Не помню, кто был инициатором этой затеи, но Борис Шуб был среди ее главных исполнителей. Мы начали с того, что послали внушительный пакет в Берлин Мелвину Ласки – зятю Тони, редактору немецкоязычного журнала *Der Monat*. Журнал был известен своим антикоммунистическим направлением и существовал на американские деньги. Ласки разослал обращение ведущим коммунистам Восточной Германии.

В связи с этой историей вспоминается забавный случай. Однажды, когда рабочий день уже закончился, я застал Бориса в его закутке, старательно облизывающим марку за маркой и наклеивающим их на конверты. Это были конверты с немецкими марками, предназначенные для дальнейшей рассылки из Берлина. Он показал мне изображения на марках - портреты Карла Либкнехта и Розы Люксембург, - заранее предвкушая реакцию правоверных партийцев, когда они увидят на конвертах эту пару, осмелившуюся выступить некогда против Ленина!

Возвращаясь к визиту советских руководителей в Лондон, скажу, что его подробно освещала русская и другие службы *РО*. В мае 1956 года мы узнали, что Хью Гейтскелл прибывает в США для выступления на конгрессе Международного Союза Швейников дамских изделий в Атлантик-Сити (штат Нью-Джерси). Несколько сотрудников *Радио* встретили главу лейбористов в аэропорту и отвезли в редакцию журнала, откуда Левитас должен был сопровождать его на Конгресс. Для освещения этого события было решено направить одного из наших нью-йоркских корреспондентов - Валериана Оболенского. Ему было поручено записать интервью с Гейтскеллом. На обвинения *Правды*, что Левитас и другие американцы требовали от Хрущева и Булганина освободить бывших профсоюзных деятелей и социал-демократов из тюрем и лагерей СССР и стран «народной демократии» Восточной Европы, Гейтскелл ответил:

«Разумеется, полнейшая чушь, что к освобождению социал-демократов нас понуждали магнаты с Уолл-Стрит или, если хотите, мистер Левитас. Мы и раньше не раз обращались к советскому правительству с просьбой освободить из заключения социал-демократов. Но сдвигов пока нет. Мы передавали наши просьбы через советское посольство в Лондоне, а иногда по почте. У нас тоже есть собственные списки заключенных социал-демократов, составленные на основе надежных источников в Лондоне, а не в Нью-Йорке. Мы действовали, исходя из собственных соображений, к которым журнал *New Leader* не причастен». (12)

Левитаса попросили объяснить, почему *Правда* пишет, что «журнал *New Leader* выполняет самые грязные поручения Уолл-Стрита»? Левитас ответил, что это явная ложь, и добавил, что его «благородная миссия по освобождению социал-демократов просто совпала с действиями лейбористской партии Великобритании. Это движение приобрело сейчас всемирный резонанс». (13)

Описанный мною случай не был единственным, когда Хрущев изливал свое раздражение на западных лидеров рабочего класса. В 1959 году, путешествуя по Америке, он встречался с Уолтером Рутером и другими лидерами американского лейбористского движения и тоже не нашел с ними общего языка: по-видимому, он чувствовал себя лучше среди магнатов американского бизнеса. Турне Хрущева от одного побережья до другого освещали два наших корреспондента - Борис Оршанский из нью-йоркского отделения и Виктор Франк, который ради такого важного события специально прилетел из Мюнхена.

Переоценка роли *Радио Освобождение* в конце 50-х годов

После хрущевского доклада и развернувшихся вскоре венгерских событий, Хауленд Сарджент изложил задачи нашего радио в неофициальном выступлении «Пропаганда и общественное мнение» в манхэттенской *New School* 4 апреля 1957 года. (14) Сарджент поделился своей концепцией, доказывая необходимость вещания на страны за железным занавесом. В-первых, говорил он, необходимо «показать, что значит образ жизни свободного человека», во-вторых, убедить советских людей не следовать слепо призывам своих руководителей, которые порой толкают их к «термоядерному безумию». Но для этого нужна «информация, сеющая сомнения». Он сослался на председателя комиссии по ядерной энергетике Гордона Дина, назвавшего свои обязанности «второй по важности работой в мире», «а первая», - добавил он - «состоит в сообщении рядовому русскому человеку искренних миролюбивых намерений американцев». Сардженту настолько понравилась эта мысль, что брошюру, которую мы готовили в это время о нашей работе, он назвал «Самая важная работа в мире». Возможно, что для многих в Америке это звучало претенциозно, но не для нас, находившихся на линии огня.

Сарджент проанализировал также «уроки венгерской революции». Он сказал, что идея романа Оруэлла «1984» рухнула: хотя «коммунистический режим правит венгерским народом с помощью террора, проработок, посулов и слежки за инакомыслящими, вы, тем не менее, по-прежнему можете сопротивляться самой идеологии и ценностям, которые она проповедует». О влиянии венгерских событий на общественную жизнь в СССР Сарджент сказал:

«Я не думаю, что после них Советский Союз останется прежним. Неизвестно, сколько просуществует он в нынешних государственных границах и изменится ли форма его диктатуры, но я убежден, что события октября и ноября 1956 года представляют собой нечто столь фундаментальное, что Советский Союз уже не сможет оправиться. Я уверен, что события в Венгрии и Польше произвели в умах и сердцах советских людей если не переворот, то, по крайней мере, посеяли семена сомнения и заставили искать честное решение поставленных вопросов. Интеллектуальный «фермент», мне кажется, уже работает, и он заставит впервые после окончания войны прислушиваться к зарубежным передачам гораздо внимательнее, чем прежде».

Он рассказал о роли *Радио* в распространении подобного «фермента» и сослался на письменные инструкции, которым всегда следовало *РО*: «*РО* не призывает к актам открытого сопротивления советскому режиму: это может привести к напрасным жертвам. *Радио* не берет на себя неосуществимых обязательств и не указывает иного пути к свободе и демократии, чем тот, который изберут сами народы СССР».

Сарджент обратил внимание присутствующих на тот факт, что радиовещание ведется не только для советских граждан внутри государственных границ СССР, но также для служащих оккупационных войск в Восточной Европе. Одно из самых драматических обращений *Радио* к советским солдатам пришлось на самый пик интервенции в Венгрию в ноябре 1956 года. На массовом митинге в Мэдисон Сквэр Гарден дочь Толстого Александра выступила по-русски с волнующим призывом, который мы передали в прямом эфире для слушателей Восточной Европы:

«Солдаты, офицеры и генералы Советской Армии! Русские люди и братья!

К вам обращается Александра Толстая – дочь Льва Толстого и президент Международного Толстовского фонда. Сейчас в мире свершаются важные события: Польша и Венгрия борются за свободу. Русские солдаты, где же вы? С кем вы? Понимаете ли вы, какую непобедимую силу представляла во все времена русская армия, та армия, которая освободила русский народ от татарского ига, изгнала в 1812 году из России французов и сломила могущество Гитлера? На чьей вы стороне? На стороне мужественного венгерского народа, который, презрев террор и лишения, страдания, муки и даже смерть, с голыми руками выступил против своих поработителей, точно так же, как во время второй мировой войны русский герой генерал Власов боролся против кремлевских душителей? Или вы с врагами и палачами русского народа, которые заставили вас пролить кровь героев-венгров, борющихся за свою и вашу свободу? Русские солдаты! Мировое общественное мнение с негодованием следит за действиями пресловутых кремлевских палачей, которые, спасая свою шкуру, мечутся, как дикие звери, приказывая обливать кровью землю, освященную героическим венгерским народом.

Вечная память героям. Проклятье кремлевским палачам, поработившим русскую землю. Они опозорили имя русского человека и русскую армию. Восстание венгров потоплено в крови, но священное чувство свободы, любовь к ближнему и чувство справедливости живы. Их невозможно победить с помощью грубой силы, предательства и вероломства, жестоких мук и даже смерти. Русские солдаты! Неужели в вас умерло стремление бороться за правду и свободу, даже если это влечет за собой жертвы и страдания? И если оно у вас живо, неужели оно не разбудит в вас вашу легендарную силу? Неужели вы не остановите безжалостного предательского уничтожения наших братьев-венгров? Неужели вы не встанете, все как один, за свободу против того зла, которое почти на 40 лет заразило нашу Родину? За свободу Венгрии и всех поработенных народов мира?» (15)

Честно говоря, ее искренний, но провокационный призыв к русской армии «восстать» был нарушением нашей политики, запрещающей призывать «к актам открытого сопротивления советскому режиму». Эти правила легко было соблюдать при написании текстов передач, но что делать, когда на митинге выступает известная русская эмигрантка перед толпой, которая все более зажигается, слушая её обращение; и все это идет в прямой эфир! За время существования *Радио* не раз и не два возникала проблема, как сдерживать эмоции участников, и мне лично неоднократно приходилось решать ее.

Другой щекотливой темой в выступлении Александры Толстой была ее оценка Власова. Андрей Власов – знаменитый советский военачальник, сдавшийся в плен немцам в июле 1942 года под Ленинградом вместе со своей окруженной армией. Вместо того, чтобы переждать войну где-нибудь в лагере для военнопленных, он вступил в переговоры с немцами. Они разрешили ему

возглавить армию антисоветски настроенных солдат и офицеров из числа военнопленных, которые надеялись, перейдя на сторону врага, бороться со Сталиным за освобождение Родины. Судя по воззванию, подписанному Власовым, целью Русской Освободительной Армии (РОА) было установление демократических порядков на территории поверженного коммунистического режима. В начале 1945 года РОА участвовала в освобождении Праги, но в конце войны Власов был пойман, привезен в Москву и повешен как предатель.

Хвалить Власова – означало подливать масла в огонь, потому что для советской пропаганды он был пособником нацизма. Кроме того, на нашем *Радио* работали власовцы, бывшие члены этого противоречивого движения. Американская администрация, принимая их на работу, оправдывала свой выбор тем, что это были убежденные противники советской власти, и, в свою очередь, делала все возможное, чтобы оградить себя от критики из СССР, где *Радио* рассматривали как сборище предателей, выступающих против своей Родины. Как бы то ни было, присутствие бывших немецких прислужников не только давало лишний повод для нападок, но и отпугивало от нас других эмигрантов, возмущало определенную часть американского общества. В Мюнхене мне приходилось иметь дело с ними, и мне было не по себе от того, что политика холодной войны свела меня с этими случайными знакомыми.

Обращение Александры Толстой оказало бы более сильное влияние на советские оккупационные войска в начале венгерского восстания. Первые русские солдаты, посланные туда, выказали сочувствие местному населению, и в Москве было решено заменить их на свежие войска из среднеазиатских подразделений. После подавления восстания мы получили следующее письмо из Венгрии: «Революция не погибла, она продолжается. Она началась спонтанно и может обойтись без вас, но если вы сейчас прекратите вещание, вы предадите себя. Поступая так, вы отказываетесь от дела своей жизни, и в таком случае Запад проиграет».

В это же время, примерно в конце пятидесятых годов, у нас с Борисом Шубом была долгая беседа с Владыкой Иоанном – архиепископом Сан-Францисским. Как священник русской православной церкви, он регулярно проводил богослужение по приглашению русской службы *Голоса Америки*. Обсуждая последствия разоблачения культа личности, мы спросили архиепископа, какие силы могут выйти на поверхность. Не колеблясь, тот ответил: «Любые, какие угодно». Подобные ответы наводили на мысль, что наши слушатели стали как никогда раньше восприимчивыми к новым возможностям, о которых они раньше и не мечтали, и что нам необходим научный подход к изучению нашей аудитории, чтобы как можно скорее и эффективнее приобщать их к ценностям свободного мира. Интенсивный пересмотр наших технических возможностей и изучение влияния передач на советских радиослушателей начались в середине пятидесятых годов, и впоследствии это стало важной стороной деятельности *Радио*.

Первые технические и социологические исследования

Чтобы определить, доходят ли наши передачи до слушателей, требовалась большая техническая изобретательность в теоретическом расчете условий распространения коротких волн, по выбору правильной частоты сигнала и сравнению с расчетными данными. Располагая мониторы как можно ближе к району приема, наши инженеры записывали радиосигнал; на пленке оказывалась и наша программа, и глушение, позволяя сравнивать качество

приема с тем, на которое мы рассчитывали месяц назад. Исходя из результатов «проверки сигнала», мы допускали ту же слышимость и для всей территории СССР. Наши радиоинженеры пользовались этим приемом, устанавливая станции прослушивания, скажем, в Трабзоне (Турция) и в Берлине.

Кроме того, время от времени посольство США в Москве сотрудничало с нами. (16) Во время поездок по республикам СССР, которые были позволены американским дипломатам, они слушали передачи *Радио* и включали сведения об этом в свои секретные донесения. Доступ к таким особо секретным материалам имели лишь некоторые сотрудники *Радио*. Например, в мюнхенском штабе, где я работал с 1966 по 1970 годы, мне часто приходилось в специальной комнате просматривать последние донесения из американского посольства в Москве, как впрочем, и сообщения Государственного департамента по вопросам внутренней и внешней политики США. В Нью-Йорке у меня также был доступ к некоторым документам из Вашингтона.

Но самым лучшим доказательством, что нас слушают, была реакция советского руководства на деятельность *РО*. Вся центральная печать Советского Союза, а также Московское, Киевское и другие радио постоянно выступали против *Амкомлиба* и *Радио Освобождение*. Критику и обвинения в свой адрес мы слышали и со стороны Комитета за возвращение на Родину. Созданный по инициативе СССР в 1955 году, этот Комитет располагался в Восточном Берлине и вел пропаганду среди эмигрантского населения, стараясь вернуть на родину хотя бы часть из двух с половиной миллионов соотечественников.

В марте 1957 года в ООН проходило обсуждение советской резолюции, осуждающей агрессию. Советский, украинский и другие делегаты удостоили нас чести, открыто выразив в своих выступлениях свое мнение о нас, как об очень опасной группе людей. Тогдашний министр иностранных дел Дмитрий Шепилов упомянул нас в докладе на сессии Верховного Совета: серьезное доказательство эффективности нашей работы.

Постоянное глушение передач с самого первого дня нашего существования также свидетельствовало о том, насколько опасным для себя считает нас советское руководство. Этот страх жил на протяжении тридцати пяти лет. Да и как можно было допустить свободное слушание радиостанции, подрывная деятельность которой осуществлялась «предателями и нацистскими пособниками» с целью свержения советской власти. В действительности, самым «подрывным» в нашей работе было то, что мы говорили откровенную, очевидную, неопровержимую правду, причем с отменной сдержанностью.

К концу 50-х годов радиовещание на СССР велось из Европы и с Дальнего Востока: девять передатчиков располагались в Западной Германии, четыре – на Тайване. Вскоре благодаря успешным переговорам Сарджента с испанскими властями более мощный передатчик был установлен в Испании (Коста Брава). (17)

Когда на радио образовался научно-исследовательский отдел по изучению аудитории, его возглавил социолог русского происхождения, выпускник Корнельского университета доктор Макс Ралис. Я впервые встретил Макса во время работы по Гарвардскому проекту в Мюнхене, где он поразил меня серьезным подходом к проблемам советской политики и идеологии. Его отец был одним из сотрудников еще дореволюционной *Правды*, когда в состав редколлегии входили не только большевики. Макс был эрудитом, но вечно путался в английских идиомах. Как-то мы составили целый список его

оговорок: «вот так пироги плетутся», «с моей дочки зрения» или «у меня это вертится на кончике носа» и др.

Ралис и его сотрудники начали с того, что стали собирать и изучать заметки в советской прессе против *Радио*. Одновременно они собирали мнения слушателей, которые присылались по таким «невинным адресам», как почтовый ящик, или имя вымышленного человека в каком-нибудь европейском городе. Кроме того, Ралис нанимал русско-говорящих мужчин и женщин, которые беседовали с советскими гражданами, приезжавшими на Запад. Делали они это тонко и осмотрительно. В 1958 году на международной ярмарке в Брюсселе нашим сотрудникам удалось побеседовать с тремястами советскими туристами, шестьдесят пять из них оказались слушателями *РО*. Конечно, это была слишком маленькая выборка для серьезных обобщений, но нам и этого было достаточно: ведь эти сведения были получены от той категории граждан, которая перед выездом за границу прошла тщательный отбор и инструктаж. Со временем социологический отдел расширил свою деятельность, включив оценку программ, опираясь на мнения новых эмигрантов и невозвращенцев.

В 1957 году Макс привлек знаменитого американского специалиста по информационным технологиям доктора Уилбера Шрамма из Стэнфордского университета. Сарджент пригласил его ознакомиться с нашей работой и дать свое заключение и рекомендации в основном по двум направлениям: как изучать аудиторию *РО*, учитывая, что невозможно провести опрос в Советском Союзе, и посоветовать, какие программы могут поколебать предрассудки и убеждения, сформированные у людей за 25 лет сталинской пропаганды.

Шрамм остроумно сравнил наши попытки с рыбаком, который опустил в прорубь леску без всякой наживки и пытается рассмотреть через лед, какая рыба клюет. Однако в письменном отчете он согласился со многими принципами, на которых мы строили свою программную политику, и одобрил наши внутренние дискуссии по улучшению этой политики. (18)

Хотя Шрамм скромно назвал свой доклад «далеко не трактатом», он, опираясь на двадцатилетний опыт изучения общественных связей, сделал несколько заключений, оказавшихся для нас весьма ценными. Во-первых, для привлечения слушателей мы должны быть уверены, что «обещанная награда» превысит «боязнь трудностей». Другими словами, учитывая сложность настройки на нашу волну в основном из-за глушения, мы должны предлагать такой материал, чтобы люди слушали нас, а не другие западные станции, которые, кстати говоря, не всегда глушились. Как это ни парадоксально, глушение одновременно и мешало нашему вещанию, и помогало ему. Препятствуя нормальному восприятию сигнала, оно обещало «запретный плод».

Была и другая сторона этой проблемы. Допустим, преодолев барьеры, сообщение дошло до слушателя. Здесь возникает другая трудность: оно требует «расшифровки», а это человек может сделать, только опираясь на свой собственный опыт. Шрамм писал: «Племя, которое никогда не видело самолета, сочтет его за гудящую птицу. Гражданину СССР, который не знает, как работает двухпартийная система, и не читал о ней, будет трудно разобраться в процедуре американских президентских выборов». Для нас на *Радио* это означало, что эмигранты, бывшие граждане СССР, работающие на *РО*, лучше понимали умонастроения соотечественников. Но как мы могли проверить, заслуживают ли доверия наши сотрудники-эмигранты?

Если наши сообщения будут подтверждаться, если мы будем точны в передаче всего, что происходит в СССР, то доверие к нам преодолит подозрительность многих слушателей. Например, когда о секретном докладе Хрущева на XX съезде партии в стране знали только по слухам, мы уже много месяцев подряд передавали его. Это укрепляло доверие к нам как надежному источнику информации. Шрамм отмечал, что *Радио* должно быть своего рода катализатором изменений и «быть особенно осторожным в отношении предложений или ожидания любых практических действий со стороны слушателей в Советском Союзе». Самое большее, на что мы могли надеяться, - подавать информацию с таким расчетом, чтобы слушатель, в конце концов, проникся к нам доверием и был более восприимчив к нашим идеям, смысл которых всегда был один: советские люди достойны лучшей участи. Мы не старались переубедить настоящих коммунистов, хотя понимали, что, постоянно слушая нас, и у них могут возникнуть некоторые сомнения в непогрешимости их ценностей. Мы всегда восхищались и завидовали популярности *Би-Би-Си* у советских слушателей. Однако со временем мы завоевали доверие широкой аудитории тщательной проверкой фактов.

Трезвая оценка возможностей *Радио* была характерна для Сарджента не только в начале его работы на *РО*, но и весь двадцать один год его президентства. Он постоянно говорил, что необходимо поддерживать регулярные контакты с Госдепартаментом и Информационным Агентством США, занимавшимися проблемами Советского Союза. (19) Сам он поддерживал тесные связи с чиновниками самого высокого ранга – в частности, с Генри Лумисом (директором *Голоса Америки* с 1958 по 1965 год). Хауленд любил вспоминать слова Лумиса, что *Голос Америки* и наше *Радио* - это два лезвия ножниц, которые вдвоем отлично режут.

Сарджент убеждал нас привлекать к работе на *Радио* американских и европейских интеллектуалов, а также ученых, покинувших СССР. В первый год своей работы он пригласил нас в Кембридж (штат Массачусетс) на двухдневный семинар с участием профессоров Гарвардского и Массачусетского технологического университетов. Такой взгляд со стороны отрезвляюще действовал на наших сотрудников, потому что некоторые из нас уже подумывали о близком конце коммунистического режима. Такие мероприятия лучше всего показывали, в какой воз мы впряглись. Подтверждалось и наше предположение, что самое лучшее - излагать советским радиослушателям те события, которые замалчивала официальная печать, особенно события внутри страны.

Лучше всего эта работа получалась в мюнхенской штаб-квартире, где было установлено нечто вроде мониторинга передач из ряда союзных республик, изобиловавших внутренними новостями. Как только мы замечали, что какое-то событие, вскрывавшее проблемы, противоречия и трещины на советском фасаде, замалчивалось и не сообщалось по Всесоюзному радио, мы ретранслировали его на другие регионы СССР. Хрущев, например, в поездках по стране, выступая экспромтом, мог ляпнуть такое, что, конечно, в центральной печати не появлялось. Для нас это был готовый материал: без всякого комментария мы передавали выступление так, как оно звучало на периферии, а следом читали строки из *Правды*. С одной стороны, это показывало не с лучшей стороны Хрущева-руководителя, с другой – говорило о лицемерии советской прессы.

Современная сеть мониторинга была не единственным способом быть в курсе событий в Советском Союзе. В 50-ых годах на *РО* была создана исследовательская группа под руководством польского эмигранта Виктора Зожа, которого Виктор Франк переманил из *Би-Би-Си*. По темпераменту и языковым способностям Зожа как нельзя более подходил для поставленной задачи. Из сотен выпусков советской прессы, центральной и провинциальной, которая приходила в Мюнхен, он создал коллекцию во много тысяч вырезок. Помню, когда я зашел в его комнату во время первой мюнхенской поездки, он показал мне множество ящичков с карточками: они были расположены по темам, как правило, с наклеенной вырезкой (как это называют британцы) из советских газет или с кратким резюме наших перехватов. Таким простым было начало знаменитого «Красного архива» *Радио*, служившего бесценным источником для составителей программ, а также для ученых и журналистов со стороны. Зожа покинул Мюнхен в середине 50-х годов и стал одним из ведущих советологов в британской журналистике.

Его работу на этом посту продолжил специалист по русскому языку американский советолог доктор Альберт Бойтер, заслуживающий самой высокой оценки. При нем маленькая группа превратилась в солидный научно-исследовательский отдел, оборудованный современными компьютерами. Самое главное, наверное, то, что в 70-е годы, когда на Запад хлынул поток самой разнообразной диссидентской литературы, Бойтер и его сотрудники, под руководством одного из самых добросовестных и преданных коллег, Питера Дорнана, собрали, просмотрели и систематизировали тысячи подобных документов. В основном они предназначались для внутреннего пользования как программный материал, но к ним могли прибегать и западные политики, ученые и журналисты: они наглядно показывали существование инакомыслия в советской империи. Порой известность их имен на Западе спасала диссидентов от преследований.

Американские политики обращаются к советской общественности

В январе 1958 года *РО* отмечало сороковую годовщину Учредительного собрания – первого свободного парламента в русской истории, представители которого были выбраны согласно общему избирательному праву и которое было разогнано по приказу Ленина в первый день его созыва. Поскольку эта тема была важным событием в советской истории, которое режим искажал, мы решили: помимо русских эмигрантов в передачах *Радио* может принять участие ряд видных политических деятелей Соединенных Штатов.

На приглашение откликнулись двенадцать сенаторов и пять представителей нижней палаты (от обеих партий), говорившие, в основном, о необходимости свободных выборов в Советском Союзе: Линдон Джонсон, Джон Кеннеди, Хьюберт Хамфри, Пол Дуглас, Уильям Ноулэнд и Клиффорд Кейс. Норман Томас – известный американский социалист - также выступил вместе с несколькими редакторами газет и журналов. *Известия* от 23 января 1958 года не замедлили с ответом, и в тот же день утром *Московское радио* передало текст газетной статьи:

«У гроба усопшего обычно не устраивают веселых плясок. Некоторые члены Сената США, вопреки этому принятому всеми цивилизованными народами обычаю, на днях изрядно повеселились на поминках. Эти поминки были устроены в честь Российского Учредительного собрания, благополучно скончавшегося сорок лет назад.

Сей своеобразный юбилей был использован для обращения по радио некоторых «видных американцев» к советскому народу. И хотя случай мало подходил для этого, участники радиопередачи веселились изо всех сил».

Для личных нападок *Известия* избрали Нормана Томаса и сенаторов Ноулэнда и Джонсона. Такая быстрая и резкая реакция центрального органа советского правительства указывала, что мы задели их за живое. Мы не стали терять время и подготовили несколько ответов наших политиков. Норман Томас выступил со следующим заявлением:

«Я уже выступал по этому радио по случаю 40-летней даты разгона Лениным и Троцким Учредительного собрания, за которое они сами так ратовали первоначально. Честно говоря, я сомневаюсь, многие ли из вас слышали, что я вместе с другими американцами говорил по этому поводу. Тем приятнее было мне узнать из длинной обличительной статьи в *Известиях*, что наше выступление заслужило ваше внимание. *Известия* пишут об этом так: «Норман Томас истерически вопрошал своих гипотетических слушателей в СССР». Не стоило бы об этом говорить, если бы все мои слушатели были из разряда гипотетических. Но те, кто действительно слушал мою речь, даже не имея возможности ответить, согласятся, что ни вопросы, ни их тон не были истерическими.

У выступающих перед микрофоном были разные мнения относительно американской политики. Наверное, многим из них не нравится, что я социалист, но никто не станет оспаривать моё право дружественно обращаться к вам от лица американца и социалиста. Критическое отношение, мое и моей партии, к правительству США хорошо известно, но никогда федеральное правительство не запрещало мне открыто обращаться к вам или американскому народу, не отказывало мне в возможности говорить с вами о мире и свободе по радио.

Я счел необходимым обратиться к вам с таким весьма личным заявлением только потому, что оно объясняет вопрос, который я адресую не только вам, но и редакторам *Известий*: найдется ли в вашей великой стране писатель, журналист, профсоюзный или политический деятель, который в подобном случае мог бы обратиться с такой же критикой к своему правительству? Позволят ли ему в России писать и говорить то, что он думает, предоставят ли ему возможность выступить по московскому радио, чтобы обратиться к России с призывом к миру и свободе для всех нас?» (20)

Газете отвечал также Уильям Ноулэнд – республиканец, главный представитель администрации президента Эйзенхауэра в Сенате. Он выразил уверенность, что «свободно избранный парламент - это не история, это будущее советского народа». И добавил: *Известия* утверждают, что советские люди довольны существующим строем. Тогда, почему бы не дать им возможность участвовать в свободных выборах при условии, что на избирательных участках у них будет свобода выбирать кандидатов, представляющих самые различные партии? Демократический мир верит в готовность советских людей принять результаты подобных выборов». (21)

Свою веру в советский народ высказала и Элеонора Рузвельт в речи, посвященной злополучному Учредительному собранию. Меня радушно встретили в ее доме на 60-х улицах Ист сайда. Просматривая текст выступления, предназначенный для записи на мой магнитофон, она спросила своим высоким сопрано, как лучше произнести одно английское слово. Я

ответил, и она, улыбаясь, сказала: «Ну что ж, я так и скажу». Её мысли актуальны и сегодня, в этот трудный для России переходный период:

«Говорит миссис Франклин Делано Рузвельт. Всего несколько месяцев назад я была в вашей стране и проехала тысячи миль в разных направлениях. У меня была возможность встретиться и разговаривать с самыми разными людьми – студентами, врачами, крестьянами, чиновниками. И я еще раз убедилась в том, что всегда знала: больше всего ваш народ хочет мира, который позволит вам продолжать замечательную работу по восстановлению страны после разрушительной войны, в которой наши народы воевали как союзники. Я заметила также, что в России наука и образование находятся на высоком уровне, в некоторых отношениях даже более высоком, чем в других странах. И я спрашивала себя, почему у такого талантливого народа нет свободно избранного правительства, отражающего его интересы?

Если мы хотим, чтобы наступил прочный мир, народы двух наших стран должны потребовать этого от своих правительств. Вот почему я говорю об этом в сороковую годовщину первого свободно избранного парламента – Учредительного собрания. Каким бы недолгим оно ни было, это Собрание и поныне символизирует демократические устремления и силу русского народа. Из встреч и бесед с вами я поняла, что вы достаточно зрелый и умный народ, чтобы осуществлять свою волю через свободно избранное правительство. И я уверена, что возрождение русской демократии явится источником новых сил для расцвета демократии и личной свободы во всем мире, включая Соединенные Штаты». (22)

Мы были благодарны нашим политикам за готовность выступить на *РО* и донести свое слово до советских слушателей. Это не только укрепляло репутацию радиостанции как ведущего органа западной медиа, но и показывало нашим радиослушателям, что мы – не сборище ренегатов и предателей на службе американских спецслужб, говоря языком советской печати.

В конце 50-х годов, несмотря на усиление напряженности в отношениях Востока и Запада, связанных с венгерскими событиями и угрозами Хрущева в адрес Берлина, все больше туристов, артистов эстрады и ученых стали посещать Советский Союз. Я тоже воспользовался этой возможностью, чтобы на личном опыте убедиться, что представляет собой советское полицейское государство.

ОТ ОСВОБОЖДЕНИЯ К СВОБОДЕ

*Приходит человек домой,
смотрит: чего-то не хватает. В
ужасе бросается к телефону и
звонит в КГБ:*

*- Товарищи, у меня только что
пропал мой любимый попугай. Но
хочу вас предупредить, что я не
разделяю его взглядов.*

При Сталине западному человеку приехать в Советский Союз было непросто. Однако в конце 50-х годов некоторые театральные труппы вроде «Ice Carades» и «Порги и Бесс» с удовольствием принимали в Москве. В свою очередь, такие исполнители, как ансамбль Игоря Моисеева или знаменитая Майя Плисецкая могли выступать в США. В этих условиях американские советологи получили возможность изучать жизнь в Советском Союзе, а некоторые даже проводили целый год в Московском или Ленинградском университетах.

В 1958 году я защитил диссертацию на тему «Роль детского театра в советском образовании» об уникальном явлении - профессиональных театрах для детской аудитории, получивших распространение по всей стране, - и получил степень «доктора философии». (1) Но в России я никогда не был и ни одной пьесы не видел. Необходимо было встретиться с драматургами, режиссерами и актерами, которые посвятили свою жизнь детям. Но больше всего мне хотелось посидеть в зрительном зале с детьми и поговорить с ними и их учителями. Совет по исследованиям в области социальных наук выделил мне грант в размере 2.500 долларов для поездки в СССР – сумма немалая по тем временам. Такой случай выпадает раз в жизни: после долгих лет изучения России на расстоянии я не только смогу встретиться с людьми из мира детского театра, но своими глазами увижу Советский Союз.

Хауленд Сарджент одобрил мою поездку, сказав, что это не только будет способствовать моей карьере специалиста по Советскому Союзу, но и поможет увидеть советскую действительность глазами сотрудника *Радио*. Ради моей безопасности и безопасности Амкомлиба, он предложил мне уволиться, хотя, на самом деле, я уезжал ненадолго. Лишь некоторые сотрудники знали о моих истинных планах. Поскольку мой друг Альберт Парри из Колгейтского университета часто навещал меня в Нью-йоркском бюро, сотрудники-эмигранты решили, что я надумал стать преподавателем русской литературы: сложив два и два, они получили пять. Как любил говорить Сарджент, это был тот случай, когда из неправильных посылок делают желаемые выводы. Мои коллеги тепло попрощались со мной и подарили дорогой кожаный портфель.

Я готовился к первому путешествию за железный занавес с некоторыми опасениями. В конце концов, я работал на хорошо известном радио, ставшем главной мишенью нападок Кремля. Мое имя уже упоминалось в главном идеологическом журнале КПСС *Коммунист*. Стоило ли рисковать? Было ли это

опасно? Имел ли я право, муж и отец, покинуть Глорию и двух маленьких детей ради рискованного путешествия?

В бумагах на получение визы в графе «род занятий» я написал: «студент-выпускник». Радио я не упоминал. 27 марта 1959 я вылетел самолетом Аэрофлота из парижского аэропорта Ле Бурже. Это был прямой рейс до Москвы, длившийся три с половиной часа.

Интересно, есть ли в КГБ на меня досье и какая роль отведена мне русскими в международном шпионаже: звезда или просто гад? Перед отъездом ко мне из Вашингтона приезжали два сотрудника ЦРУ для инструктажа. Мы встретились тайно в отеле «Коммодор» неподалёку от Grand Central, и они надавали мне массу полезных советов, например, как положить незаметный волос в молнию чемодана, чтобы узнать, не открывал ли кто-нибудь его в мое отсутствие, и сообщили меры предосторожности при телефонных разговорах.

Мои тревоги, к счастью, не оправдались. Тридцать три дня в Советском Союзе прошли без каких-либо серьезных инцидентов, правда, раза два, когда я ехал в машине или прогуливался пешком, то чувствовал за собой «хвост», но не принимал это на свой счёт: тогда следили за многими американцами. Мне удалось встретиться и поговорить с людьми из самых разных слоев общества. Краткое знакомство с советской жизнью, частные разговоры укрепили меня во мнении, что наше *Радио* делает важную работу, обращаясь к тем, кто недоволен качеством жизни при советской власти и мечтает получать правдивую, расширяющую кругозор информацию.

Некоторые впечатления от поездки

Прежде всего, меня поразили яркие контрасты в повседневной советской жизни. Великолепное метро в Москве и Ленинграде со скульптурами и мозаикой на стенах скорее напоминало музей, чем обычное метро. Но стоило зайти в уборную любого учреждения – даже в старинном Аничковом дворце в Ленинграде (превращенном при Сталине во Дворец пионеров имени Жданова), - вместо туалетной бумаги на гвоздь были надеты обрывки советских газет. Условия были далеко за пределами санитарных норм. То же касалось и автоматов с газированной водой на улицах. Вы брали грязный стакан, мыли его, а потом уже ставили под струю. (Я не решался).

В «первоклассном» отеле Метрополь моя комната казалась обшарпанной, со старым ковром и трещинами на стенах. Впрочем, трещины могли означать не только отсутствие ремонта. Фотограф из журнала *Life*, живший в соседнем номере, сказал мне, что там полно «жучков». В ванной комнате раковина была плохо закреплена, а в самой ванной не было пробки (к счастью, дома меня предупредили о такой возможности, и я захватил с собой запасную).

В ГУМе, главном универсаме на Красной Площади, висели немодные костюмы тусклых расцветок, и я слышал, как женщина сказала мужу: «Совершенно нечего выбрать». О положении с продуктами лучше всего говорит такой случай. Мы шли с Наталией Сац – известным режиссером и директором детского театра - по улице Горького. Вдруг она увидела женщину с сеткой, полной апельсинов. «Апельсины!» - закричала она и бросилась к женщине выяснять, где та их купила.

Одна из самых откровенных бесед произошла у меня с двумя молодыми людьми, с которыми я случайно оказался за одним столиком в московском ресторане. Они выглядели прилично по сравнению с отталкивающими приставами, предлагавшими обменять валюту. Как только к нам приближался

официант, они умолкали, предварительно толкнув меня под столом. Официантам, по их словам, нельзя было доверять: немедленно донесут. Чтобы избавиться от гнетущей обстановки ресторана, мы отправились гулять по улицам. Ребята поинтересовались, буду ли я писать об этой встрече на Западе, и попросили изменить их имена и обстоятельства. Я выяснил, что они ненавидят существующий режим, но на вопрос, вся ли молодежь так думает, сказали, что не знают: «Мы можем говорить только за себя». Кроме того, по их словам, они не могут быть вполне откровенными с незнакомыми людьми: «Вы сами поймете из того, что мы говорим, какая у нас жизнь». Тем не менее, когда речь зашла о партийной диктатуре, мои собеседники не побоялись высказаться более открыто. «Партия хочет, чтобы все думали, как она, и хочет сделать из нас послушных роботов», – сказал один, а другой добавил: «Если бы советские люди могли высказываться откровенно, то вся система развалилась бы».

Одним из важнейших пунктов моей поездки была встреча с Ильей Эренбургом, жившим недалеко от центра. В его кабинете было множество оригинальных рисунков и керамики Пикассо, подаренных самим художником. Он был из тех представителей интеллигенции, кто вернулся в Советскую Россию вскоре после революции. (2) В 1921 году в Париже он написал политический роман *Хулио Хуренито* – блестящую сатиру на западный и советский коммунизм. Это не помешало ему по возвращении в СССР стать одним из главных апологетов сталинского режима, а во время Второй мировой войны его голос был среди самых громких, требовавших расправы над немцами.

Непонятно как, но Эренбургу удалось пережить сталинские преследования евреев. В 1953-1954 годах он написал роман *Оттепель*, давший название целой эпохе литературного возрождения после смерти Сталина. В 1956 году в эссе о Стендале он доказывал, что роман должен быть чем-то вроде зеркала, установленного в середине жизненного пути, отражающего как ухабы, так и ровный путь. Спустя несколько лет, размышляя о Чехове, он написал, что писателю следует освободиться от политических ограничений и догм.

Я спросил Эренбурга, что он думает о *Докторе Живаго*. Он ответил, что роман читал, и хотя не участвовал в нападках на писателя во время присуждения Нобелевской премии, это, по его мнению, самая слабая вещь Пастернака. Ему только понравились стихи в конце книги, особенно «Гамлет» и «Зимний вечер», но главной герой, сказал он, написан неубедительно. «Не надо делать главного героя доктором. Доктор – фигура человеколюбивая, как, например, Чехов. А Живаго во время революции и Гражданской войны не пытается кому-нибудь помочь. Будь он поэтом, было бы правдоподобнее». Тем не менее, Эренбург был за то, чтобы книга печаталась в Советском Союзе, и не опасался ее дурного влияния на молодежь. «Роман, – сказал он, – чужд советской молодежи, вряд ли она воспримет его».

Эренбург утверждал, что никакой еврейской дискриминации в стране нет – «особенно после XX съезда Партии». Я заметил, что слышал о недавнем аресте нескольких сионистов, на что он возразил: сионисты его не интересуют. Перед моим отъездом в Москву Борис Шуб попросил меня передать Эренбургу, если я его встречу, что в Нью-Йорке есть один человек, который верит в его смелость. Когда я в точности передал ему эти слова, Эренбург лишь улыбнулся. Не знаю, что думал на самом деле этот сложный человек.

В московском аэропорту в день моего отъезда из СССР я с удивлением увидел Эренбурга среди пассажиров *Air France*, вылетающих в Париж. Самолет

был почти пустой, и я присоединился к нему в салоне первого класса. Я перевел ему интервью советского писателя Михаила Шолохова, опубликованное лондонской *International Herald Tribune*. Шолохов заявил британской прессе, что Пастернака мало знают в России, и что его почитатели - это небольшая группа снобов. Эренбург спокойно заметил, что это неправда.

Мы говорили о Михаиле Светлове, известном советском поэте, с которым я успел познакомиться во время пребывания в Москве. В послереволюционные годы Светлов числился среди самых талантливых, но вскоре его иллюзии в отношении системы развеялись, а когда «органы» предложили ему сотрудничать, отказался и запил. Все же он продолжал писать, и был любимым преподавателем в Литературном институте им. Горького. В 1967 ему была посмертно присуждена Ленинская премия.

У него была слава горького пьяницы и остролова. Когда он подошел к нашему столику в грузинском ресторане «Арагви», где мы, двое американцев, сидели с его другом-актером, то был уже порядочно навеселе. Я поразился, увидев перед собой небритого и потрепанного поэта, которого давно знал по его прекрасным стихам. Я процитировал что-то из его знаменитой «Гренады», на что он равнодушно сказал: «О, я вижу, вы знаете классику». Мы отвезли его домой. Прощаясь, он заметил: «Люблю общаться с хорошими людьми». «Я рад, что это возможно сегодня», - сказал я и на всю жизнь запомнил его ответ: «Сегодня - да. А вчера и завтра?».

Вернувшись домой, я написал отчет в 20 000 слов, озаглавив его «Тридцать три дня в СССР». Сарджент распространил его среди вашингтонских друзей и коллег по связям, получив в ответ множество писем с похвалами наблюдательности и проницательности автора. Британский ежеквартальник *Survey*, выпускаемый Уолтером Лакером и Леопольдом Лабцем и посвященный Советскому Союзу и странам Восточной Европы, напечатал отрывок из отчета в номере за апрель-июнь 1961 года.

После трехмесячного отсутствия я вернулся на работу и занял только что введенную должность политического координатора в нью-йоркском программном отделе. Мне приходилось часто звонить Роберту Л. Таку в штаб-квартиру ЦРУ, рассказывая ему о программах радиовещания. Через несколько лет Така перевели в Мюнхен руководить русской службой. В мюнхенской штаб-квартире он был одним из штатных сотрудников «Конторы» («Корнишонного заводика», как называли её между собой сотрудники ЦРУ).

В мае 1959 года название «Радио Освобождение» было изменено. (3) После восстаний в Польше и Венгрии в 1956 году (4), когда США и их союзники вяло отреагировали на попытки двух восточноевропейских государств сбросить советскую диктатуру, Вашингтон пересмотрел политику освобождения от коммунизма, проводившуюся Эйзенхауэром и Даллесом, что, в свою очередь привело к изменению политики радио и к поиску нового названия. Естественно, руководство спрашивало мнение нью-йоркских и мюнхенских сотрудников. Было много предложений. Некоторые справедливо считали, что название не должно указывать на далеко идущие цели. Предлагали нейтральные названия вроде - «Радио Международной Информации», «Радио Сигнал». Большинство решило, что *Радио Свобода* лучше всего: оно не призывало к освобождению Советского Союза, как неверно понимали многие наши слушатели, а советская пропаганда этим пользовалась для нападок на нас. Слово «свобода», наоборот, заставляло вспомнить борьбу французского народа с тиранией автократов, и у

русских вызывало положительные ассоциации. Свобода по-прежнему была недостижимой целью для советских граждан, особенно после того, как хрущевский режим жестоко подавил революцию в Венгрии. Пусть постоянное упоминание в советской печати слова «свобода», рассуждали мы, подсказывает слушателям, чего им не хватает. Действительно, как только мы стали называться *Свобода*, пресса, ругая нас, была вынуждена добавлять «так называемая». В конце концов, из бесед со слушателями и по их письмам мы убедились, что название всем понравилось. Изменили название и другие службы, кроме тюрко-язычных, где освобождение и свобода обозначаются словом «Азаттык», «Азатлык», «Озодлик» и другими, сходными по звучанию.

Другим крупным событием в эволюции РС в конце 50-х годов стало многократное усиление мощности наших передатчиков. Благодаря неумолимым переговорам Сарджента с правительством Испании, удалось получить разрешение установить передатчики на побережье Коста Брава, к северу от Барселоны. Наши инженеры под руководством умелого и опытного полковника С.И. (Стива) Мак Гифферта, который работал с Сарджентом еще на *Голосе Америки*, выбрали побережье провинции Герона как идеальное место для направления мощного коротковолнового сигнала в ионосферу, откуда он под определенным углом направлялся назад на землю в нужную точку Советского Союза. Расположенные на берегу Средиземного моря передатчики имели дополнительное преимущество: посланный мощными «занавесными» антеннами сигнал, отражаясь от поверхности воды, значительно усиливался. Потребовалось несколько лет, чтобы передатчики в Плайя де Палс достигли максимальной мощности, но с самого начала в 1960 году она постепенно увеличивалась, дойдя до полутора миллионов ватт. Достигалось это за счет шести отдельных передатчиков, каждый по 250 киловатт. Во времена политических кризисов для получения более мощного сигнала четыре передатчика соединялись в один. Летом 1963 года мы с Глорией посетили это место, пересекая на автомобиле Испанию по дороге в Мюнхен. Мы видели, как сооружаются антенны «Группы Д» и были поражены размахом строительства, представив себе, как улучшится прием, несмотря на вездесущие «глушилки».

В 1960-м меня назначили главой Нью-йоркского Программного отдела вместо Юджина Х. Кинга, руководившего им с 1957 года. Отдел занимался передачами не только на русском, но и на других языках СССР, поэтому мои обязанности после поездки в Советский Союз расширились и стали охватывать не только русскую службу.

О смерти Бориса Пастернака мы услышали в мае 1960 года, в тот момент, когда журналист Исаак Дон Левин находился в нашем офисе. Во время частых приездов из Вашингтона он всегда заглядывал к нам. Втроем с Борисом Шубом мы стали обдумывать, что еще, кроме радиопередач, можно сделать в память о писателе. Левин предложил обратиться к американским литераторам и возложить от их имени венок из живых цветов на могилу Пастернака в день его похорон. Я связался с американским ПЕН-Клубом, объединяющим поэтов, критиков и прозаиков, а они, в свою очередь, обратились в посольство США в Москве с соответствующей просьбой. Позже мы узнали, что венок был возложен на видном месте, и все, пришедшие проститься с поэтом, заметили его. Среди них был и прославившийся позднее Андрей Синявский (см. гл.7).

Осенью 60-го года, отмечая вторую годовщину присуждения Пастернаку Нобелевской премии и его недавнюю смерть, мы организовали посвященный ему круглый стол, озаглавленный «Мужество писателя». Ведущим стола был

мой близкий друг профессор Марк Слоним из колледжа Сары Лоуренс, известный литературный критик и автор книг по русской литературе. Группу составляли: Джой Чут – президент американского ПЕН-Клуба (она писала под псевдонимом Б.Дж.Чут, чтобы скрыть свое «женское» происхождение в мужском литературном мире); Герберт Голд – молодой начинающий писатель, автор коротких рассказов; Санта Рама Рау, родившаяся в Индии, и Ференц Кормеди – романист из Венгрии. В дискуссии участвовал также Джордж Рейви – поэт, критик и переводчик из Англии, друг Пастернака.

В радиопередаче, которую мы подготовили в нью-йоркской студии (5), я рассказал, что круглый стол организован благодаря помощи четырех писательских организаций: *Лиги американских писателей*, Американского отделения ПЕН-Клуба, *Американского центра писателей в изгнании* Международного ПЕН-Клуба, и *Общества американских поэтов*. В их совместном заявлении говорилось:

«Торо сказал однажды: 'В каждый момент нашей жизни мы все стоим в первых рядах борцов. Там, где смелый, – там самая жаркая битва, там - сражается честь'. Таким человеком был Борис Пастернак. Он считал, что писатель должен иметь мужество говорить правдиво обо всем, что он видит. Эту программу мы посвящаем его памяти».

В радиопередачу мы включили послания тех писателей, которые не смогли приехать на наш круглый стол: Лангстона Хьюза, Сола Беллоу, Элмера Райса, Ральфа Эллисона и Говарда Фаста. Целый час провели профессор Слоним и другие участники круглого стола в оживленной дискуссии. Выступление Джорджа Рейви было самым важным для русской аудитории:

«Что меня больше всего удивляет в советской жизни, так это количество писателей, книги которых за последние 30-40 лет так или иначе запрещались. Эти писатели, каждый по-своему, старались сохранить или возродить традиции великой литературы XIX века, где критериями всегда были совесть и ответственность перед обществом. Упомяну лишь некоторых: Андрей Белый, [Евгений] Замятин – автор романа «Мы», [Юрий] Олеша – автор романа «Зависть», [Исаак] Бабель – репрессированный в 1937 году, автор только что опубликованного в Америке романа «Суд идет» [позже выяснилось, что это Андрей Синявский, писавший под псевдонимом Абрам Терц], и, конечно, Пастернак.

Есть также много молодых писателей, попавших или почти попавших в тюрьму за свои сочинения. У меня создается впечатление, судя по идеологическим указаниям Партии, издаваемым непрерывно, что живо недовольство, нежелание подчиняться догмам. Случай с Пастернаком привлек к себе всеобщее внимание именно как случай трудного положения писателя, поставленного перед нравственным выбором. Пастернак, конечно, не был политическим писателем, его интересы – были в основном эстетические и нравственные. Но он был человеком с совестью, и когда нужно было говорить, говорил то, что думал.

Мне приходилось слышать его выступления. Часто его ответы были настолько прямолинейными и шокирующими, что аудитория не могла удержаться от смеха. В романе *Доктор Живаго* Пастернак ещё раз подтвердил свои нравственные, эстетические и религиозные взгляды, а также осудил пороки. В первую очередь, лицемерие - извечный червь всеобщей продажности, который обитает не только в Советском Союзе. Он страстно обрушивался на

эти проблемы, а также на дешевые поучительные лозунги, которые столь распространены в наше время. Еще в середине двадцатых годов или в тридцатые писатель сформулировал свое кредо. Вот цитата из его речи 1936 года:

‘Я не буду говорить с вами на языке нашего времени, хорошо всем знакомом. Не буду также повторять ваши слова, товарищи, а хочу поспорить с вами. Но так как вас большинство, спор будет в вашу пользу; не буду тешить себя надеждой: у меня нет выбора. Но сейчас я живу всем этим и не могу иначе. Спасение не в трудолюбии, как здесь говорил кто-то. Искусство немислимо без риска и самопожертвования души. Мы должны постичь на практике свободу и силу воображения’».

Только через тридцать лет, при Горбачеве, *Доктор Живаго* был, наконец, опубликован, а Пастернак реабилитирован, увы, посмертно, как и многие другие жертвы советской власти.

В Мюнхене по достоинству оценили наш круглый стол – он отвечал самым высоким требованиям, установленным Борисом Шубом. Борис проработал на *Радио* до 1961-го года, когда его неожиданно уволили. Его новаторство, несогласие с начальством, самостоятельность были чересчур радикальны для кураторов из ЦРУ. Свою роль сыграли и натянутые отношения между Шубом и Сарджентом. Я присутствовал при их первой встрече, когда Реджинальд Таунсенд, вице-президент *Амкомлиба*, привел Хауленда на наш этаж в бриллиантовом квартале, где работали сотрудники-эмигранты. Едва их представили друг другу, как Борис стал жаловаться, что Хауленд и другие чиновники из Информационного Агентства США отвергли один из его проектов, подготовленных для Радио в Американском Секторе Берлина. Для их будущих отношений такое начало не сулило ничего хорошего. Несколько месяцев спустя Борис рассказывал мне, что однажды они с женой Либби обедали с Хаулендом и Мирной Лой – тогда еще миссис Сарджент. В остроумной перепалке, возникшей между мужчинами, они дошли до колкостей, что, возможно, задело честь Роудского стипендиата и еще больше распалило неприязнь по отношению к его необузданному коллеге.

В тот день, когда Борис узнал, что его карьера на *Радио Свобода* завершена, мы шли с ним по центру Манхэттена. Он не скрывал слез, словно потерял ребенка. В каком-то смысле так оно и было. Позже он работал в одной из американских организаций, боровшихся с влиянием Фиделя Кастро в Латинской Америке. 20 апреля 1965 года Борис неожиданно скончался (в возрасте пятидесяти двух лет!) от неудачной хирургической операции. В некрологе *Times* он был справедливо назван «одним из организаторов РС» и «пионером радиовещания на коммунистические страны». Упоминалось, что он был сыном социалиста и писателя Давида Шуба, бежавшего из Сибири и приехавшего в Нью-Йорк 1908 году. «С детства его окружали ссыльные революционеры и эмигранты, среди которых был Александр Керенский – бывший премьер-министр Временного правительства», - писала газета.

В длинном списке заслуг Шуба, писателя и журналиста, указывалось и его соавторство с генералом Вальтером Г. Кривицким – советским разведчиком высокого ранга, бежавшим из СССР в конце 30-х. В статьях того времени, напечатанных в *Saturday Evening Post*, Кривицкий предсказывал заключение пакта между Сталиным и Гитлером, что и произошло в августе 1939 года. «Эти разоблачения тайных пружин советской политики привели к тому, что целая

волна американских коммунистов вышла из компартии», - писала *Times*. Отмечалась также роль Шуба как политического руководителя Радио в Американском Секторе Берлина, и «его помощь в организации митинга 250 тысяч берлинцев против советской акции». (6)

Шуб достоин доброй памяти и уважения за то, что в 50-е годы он выработал принципы политики вещания *Радио*, благодаря которым оно стало катализатором в процессе подтачивания советской власти. Лично для меня его смерть была потерей умного друга, который научил меня многому в пропагандистской работе - в лучшем смысле этого слова. Я часто сердился на него, но у нас с ним было много общего, даже день рождения совпадал - 24 июля.

Неудачная операция и смерть зловеще совпали с историческими датами. Его кумир Авраам Линкольн был убит 100 лет назад в день операции (14 апреля). Двадцатого апреля, в день его смерти, родился Гитлер, а в день его похорон, 22 апреля, - Ленин. Борис любил цитировать французского революционера Сен-Жюста: «Революционеры могут спать только в могилах». Это значило: нельзя терять времени, лозунг подгонял и его, и других сражаться за каждый день.

Сатира на РС

Вступив в должность президента в 1961 году, Джон Ф. Кеннеди внес живую струю в стиль жизни Белого дома. Вскоре в продаже появилась грампластинка «Первая семья», быстро ставшая бестселлером, где Вон Мидер изобразил семейство Кеннеди в язвительных монологах в адрес Джека, Жаклин, Бобби, Тедди и даже Каролины с Джоном-младшим. Несмотря на это, мы пригласили Мидера на *Радио*, чтобы подчеркнуть, что в демократической стране никто, даже глава государства, не может быть свободен от критики и насмешек. По поводу нашей передачи один из старейших политических комментаторов Роскоу Драммонд из *New York Herald Tribune* писал в своей статье:

«В Кремле это не понравится. Смешные моменты, о которых господин Мидер рассказывал при создании «Первой семьи», и небывалый спрос на нее, чего доброго, вызовут и у советских людей желание, чтобы их юмористы также посягнули на первых лиц государства. Смысл и популярность «Первой семьи» кроется в том, что мишенью стали самые важные люди. Это оружие свободных людей против правительства, а не оружие правительства против людей.

Кремлю это не понравится еще и потому, что сатира в Советском Союзе, несмотря на легкое послабление режима, находится под жестким контролем и направлена, в основном, на рядовых граждан или на тех мелких чиновников, на кого правительство хочет излить свой гнев. Нельзя даже подумать о том, чтобы поддеть Хрущева или хотя бы Микояна. Альбом мистера Мидера - это одновременно вызов и намек советским сатирикам: лучший цензор, конечно, - хороший вкус, а он воспитывается самоцензурой». (7)

Невозможность открыто высмеивать руководителей и различные стороны советской жизни привело к такому явлению в СССР, как политические анекдоты. Запрещенные шутки, устно передаваемые друг другу, или, как называют их русские, анекдоты существовали даже в сталинские времена, когда человек рисковал жизнью, рассказывая их. У нас на *Радио* набралась целая коллекция, в которую каждый прибывший эмигрант добавлял что-то новое, и мы иногда передавали их в эфир. Я анализировал эти анекдоты и потом рассказывал их на лекциях студентам, развлекая преподавателей этими

образцами непочтительного отношения к власти. Лучшие из них я отобрал для книги, которую вы держите в руках.

Дальнейшие разоблачения культа личности

Одним из значительных событий 1961 года, которому *РС* уделяло много внимания, был XXII съезд КПСС. На съезде Хрущев, теперь уже открыто, продолжал разоблачать еще более страшные преступления. В биографии Хрущева, написанной советскими диссидентами Роем и Жоресом Медведевыми, утверждалось: эти разоблачения были «ещё более потрясающими и масштабными», чем те, о которых говорили в 1956 году:

«Теперь Хрущев говорил не о тысячах жертв, как на XX съезде, а о миллионах, приводя ужасные подробности, такие, например, как расстрельные списки, сотнями самолично подписанные Сталиным. После этой речи и открытого осуждения сталинских злоупотреблений было уже невозможно сохранить хоть какое-то уважение к его имени, как это было после XX съезда под давлением китайских коммунистов и некоторых консервативных сил в партии. Имя Сталина и его место в истории были необратимо скомпрометированы». (8)

Набальзамированное тело Сталина, лежавшее рядом с Лениным, вынесли из мавзолея. (В 1959 году, будучи в Москве, я еще застал эту «жуткую парочку», как называли их в американском посольстве). Его похоронили у кремлевской стены рядом с другими советскими руководителями и видными деятелями международного коммунистического движения. Новая кампания десталинизации занялась снятием всех портретов и памятников диктатору, переименовывались города и географические названия: Сталинград, например, стал Волгоградом.

С осторожным оптимизмом *РС* приветствовало борьбу Хрущева с твердокаменными сторонниками Мао Цзэдуна в Китае и антипартийной группой Молотова, Кагановича, Маленкова и Ворошилова. Всех их обвинили в пособничестве сталинским преступлениям. Некоторое потепление чувствовалось и в культурной жизни, особенно когда в 1962 году был разрешен к печати солженицынский «Один день Ивана Денисовича». За ним последовало множество других свидетельств о сталинских лагерях. Вскоре, однако, хрущевское руководство поняло, что даже небольшой всплеск либерализма опасен, он угрожает однопартийной диктатуре и может привести к дальнейшим демократическим преобразованиям. В конце 1962 года Хрущев показал своим скандальным посещением выставки авангардистов в Москве, что он против современных направлений в искусстве. Затем в марте 1963 года на встрече с известными писателями и деятелями культуры он дал понять, что либеральные времена закончились. Последовало новое закручивание гаек.

Дело Полинга

РС выражало сожаление по поводу нового жесткого курса внутренней политики СССР, как раньше осуждало действия Хрущева в области политики внешней. Не прошло и несколько месяцев президентства Джона Кеннеди, как вдруг в одностороннем порядке Советский Союз начал ядерные испытания. Три с половиной года СССР выдерживал обещание их не начинать, если не начнет Запад. С тревогой и недоумением слушали в мире сообщение 1 сентября 1961 года. Как только я увидел в *New York Times* официальное заявление Москвы, я позвонил Лайнусу Полингу в Калифорнийский технологический институт. К

тому времени доктор Полинг был уже Нобелевским лауреатом по химии (позже он получил и Нобелевскую премию мира) и также почетным членом Академии наук СССР. Я был уверен, что он осудит внезапное нарушение международных обязательств, и надеялся на его выступление с критикой по нашему *Радио*.

В Калифорнии было раннее утро, и Полинг еще не видел газет. Когда я прочел ему заявление Советского правительства, он помолчал, потом спокойно сказал: «Что ж, это шаг назад». Затем добавил, что это угроза миру. Я предложил ему высказать свое мнение по телефону с тем, чтобы мы могли передать его по радио. Он попросил перезвонить ему через 15 минут и сказал, что упомянет о своем членстве в Академии наук СССР. У нас было все готово для записи, и мы записали речь Полинга, в которой доктор назвал себя по-русски почетным членом Академии наук. Он выразил тревогу и сожаление по поводу действий СССР и предложил Советскому правительству отменить свое решение.

Мы передали его речь в эфир, но история на этом не закончилась. Через полгода США, в свою очередь, тоже возобновили испытания, по-видимому, опасаясь, что Советы обгонят их в ядерной гонке. Я опять позвонил Полингу с просьбой прокомментировать событие. Я опасался, что репутация доктора Полинга, как человека левых убеждений и заядлого критика внешней политики США, вызовет возражения у наших кураторов в Вашингтоне. Но, с другой стороны, думал я, если *РС* – независимая организация, почему бы нам не высказать критические замечания и в адрес американского правительства. К моему удивлению, Полинг вдруг начал говорить, что ругать советское правительство – это одно, а ругать свое правительство – это совершенно другое. Я ожидал, что он не упустит случая обругать Вашингтон, и убеждал его, что раз мы дали ему возможность осудить советскую сторону, пусть он посвятит столько же минут эфирного времени демаршу американского правительства. По-видимому, это его убедило, и он согласился.

Когда наши опекуны из ЦРУ узнали о готовящейся передаче, они энергично запротестовали. Сарджент всегда говорил, что *РС* не должно отступать от принципа говорить правду, какой бы она не была, что, в конечном счете, повышало доверие к нам, пусть даже в эфир и просачивалась критика в адрес правительства. Он не стал спорить с ЦРУ, а вместо того, чтобы снять выступление Полинга, предложил пригласить ещё одного американского ученого, который, напротив, будет защищать ответный шаг американского правительства. Нам казалось это разумным решением, и мы получили текст выступления от физика-атомщика Эдварда Теллера.

Но и это не успокоило ЦРУ: последовал бурный обмен мнениями между нашими редакциями в Мюнхене и Нью-Йорке с патронами из ЦРУ, которые по-прежнему были против критического выступления даже с комментариями Теллера. Они продолжали оказывать давление на Мюнхен, требуя не допускать Полинга к микрофону, что заставило Ричарда Бертрандиаса, тогдашнего директора радио, в конце концов, телеграфировать нам из Мюнхена:

«Мы совершенно не понимаем необходимости снимать передачу. По сути, это то, что нужно *Радио Свобода*. Советы часто использовали Полинга в своих целях, и поэтому год назад мы пригласили его на *Радио* с критикой ядерных испытаний в СССР. Теперь он снова приходит к нам с той же критикой, но вдобавок выражает надежду, что США не начнут испытаний. Теллер в духе свободного обмена мнениями убедительно доказывает, почему, по его мнению,

не прав Полинг... Всё это поднимает вопросы не только о независимости станции, но и о том, как нам быть в подобных случаях дальше». (9)

Наконец, мы получили заявления других специалистов, высказавшихся в защиту политики США, и согласились с рекомендациями ЦРУ. Были, разумеется, и другие случаи вмешательства в нашу работу, особенно до 1971 года, когда мы напрямую зависели от них, но этот случай был особенно удручающим. Хотя нельзя сказать, что мы испытывали недостаток и в ежедневном их надзоре. На протяжении 21 года президентства Сарджента его помощником был сотрудник ЦРУ Андре Едигаров, приехавший в Нью-Йорк, чтобы работать с Хаулендом. В его обязанности входило подробно информировать Управление обо всех сторонах жизни *РС* и, в первую очередь, о работе радио в Нью-Йорке и Мюнхене. Вся наша переписка – письма, телексы, распоряжения – аккуратно посылались в Вашингтон.

Андре Едигаров происходил из грузинских аристократов, его отец был гвардейским офицером в охране царя; русский язык Андре был безупречен. Его присутствие придавало особый лоск нашему офису. Однажды он пригласил нескольких сотрудников отделения на обед со своим другом Джорджем Баланчиным (его настоящая грузинская фамилия - Баланчивадзе). Всемирно известный хореограф поносил последними словами советских бюрократов, запретивших ставить авангардный балет «Агон» Стравинского во время его пребывания в Москве с Нью-йоркской балетной труппой.

Учтивый холостяк и шеголь, Едигаров обольстил не одну нашу секретаршу. Наконец, он женился на Ланне Сондерс – актрисе, намного его моложе, дочери нашего главного продюсера Николаса Сондерса, русского по происхождению актера американского телевидения и бродвейских театров. Много лет подряд Ник совмещал работу у нас на радио с игрою в телевизионном комедийном сериале «Сержант Билко», где он исполнял роль капитана Баркера, противостоящего Филу Сильверсу. Едигаров был заядлым курильщиком, что, в конце концов, погубило его. Каждую свободную минуту он играл в бридж, даже в обеденный перерыв. Эту вечную игру мы называли «самой старой нескончаемой партией в бридж в Нью-Йорке». Впервые я встретил его в Вашингтоне, где он допрашивал молодого человека Юрия Растворова, не вернувшегося из Японии в СССР. После допроса Андре повез меня в штаб-квартиру ЦРУ. Это был мой первый визит в святая святых.

Куратором *РСЕ* и *РС* в ЦРУ был Корд Майер, воспитанный и образованный человек, который разделял стремление Сарджента сделать радиостанцию свободным голосом народов Советского Союза, лишенных этого права. Пассивная политика ЦРУ, предпочитавшего не вмешиваться по любому поводу, позволяла нам проводить самостоятельную линию, что завоевало доверие к нам миллионов советских радиослушателей, признававших *РС* «своим голосом».

В начале 60-ых годов в наш программный отдел в Нью-Йорке пришла новая сотрудница. Это была молодая дама Катрин Дебари Дюпюи, перешедшая из идеологического отдела *Голоса Америки*, возглавляемого Бертрамом Вольфом. У Кэтти был острый ум и редкий дар четко формулировать мысли, точно излагая их на бумаге; многие документы по стратегическому и тактическому планированию в 60-ые и 70-ые годы составлены с ее помощью. Ее очень уважал Хауленд Сарджент и часто советовался с нею до самой ее трагической смерти от рака. (10)

Моим заместителем по программному отделу нью-йоркского отделения *РС* с 1960 по 1966 годы был Валериан Оболенский, техническим секретарем – Ника

Тайер. Оба происходили из дореволюционных аристократических семей. Прозвище Оболенского было «Жук» из-за черных сросшихся бровей. Ника – дочь царского генерала – попала в Соединенные Штаты еще маленькой девочкой.

Кубинский ракетный кризис

Последняя неделя октября 1962 года была трудным временем для РС. 23 октября, во вторник, в 2 часа ночи по московскому времени президент Кеннеди сообщил о присутствии советских наступательных ракет на Кубе и о блокаде советских судов с ракетами. В 4 утра советские люди могли услышать краткое изложение речи, а затем в течение суток каждый час полный текст ее звучал на семнадцати языках. Только через четырнадцать часов Московское радио отреагировало на речь Кеннеди, но полностью никогда ее не передавало. Когда же Москва, наконец, нарушила молчание, ее радио сообщило, что речь Кеннеди содержит «грубые антисоветские нападки», а блокаду назвала «провокацией, актом пиратства и неслыханным нарушением международных прав». Далее говорилось, что СССР направляет оружие на Кубу «в целях её защиты».

24 октября, когда собрался Совет Безопасности ООН, наше нью-йоркское отделение РС передавало взволнованные выступления посла Адлаи Стивенсона, в которых он обвинял Советский Союз в превращении Кубы в плацдарм для военных действий в Западном полушарии. Ему возражал советский делегат Валерий Зорин. Московское радио умолчало, что Стивенсон потребовал от Зорина сказать точно, находятся ли советские военные базы на Кубе или нет, и показал аэрофотоснимки. Посол заявил при этом, что готов ждать ответа, «пока преисподняя не замерзнет». ТАСС назвало заявление Стивенсона «фарсом», а фотографии «стряпней ЦРУ». По мере того, как напряженность между сверхдержавами нарастала, грозя перерасти в ядерную войну, РС продолжало подробно рассказывать о происходящем.

Наконец, 27 октября мир узнал, что Хрущев написал Кеннеди письмо, обещая убрать военные базы с Кубы при условии, что США уберут свои из Турции. РС сразу же заявило, что такое предложение равносильно признанию, что на Кубе имеются советские ракеты. Москва передала письмо Хрущева, впервые сообщив своим соотечественникам о присутствии советских войск на Кубе. После того, как Хрущев согласился на демонтаж ракет и допуск инспекторов ООН на кубинскую территорию, советская печать начала придумывать «правдоподобные» объяснения попятному шагу Хрущева, выдавая его за победу. В своих передачах мы указали на путаницу и противоречия в советской прессе, например, в *Известиях*, в номере от 28 октября, в редакционной статье на второй странице:

«Измеряя все с позиции циничного менялы, некоторые политики США в обмен на отказ Кубы защищаться от американской агрессии предлагают убрать часть американских баз, расположенных у советских границ. Такие, с позволения сказать, «предложения» только показывают грязные намерения их авторов».

Но в том же номере на первой странице цитировались слова Хрущева из его письма президенту Кеннеди: «Исходя из этого, я предлагаю: мы убираем с Кубы то оружие, которое вы считаете наступательным, взамен США выводят такое же оружие из Турции».

Когда кризис миновал, мы выступили с комментариями относительно того, во что обходятся советским людям безрассудные действия советских руководителей:

«На каждую ракету, которая демонтируется и возвращается в Советский Союз потрачено столько денег, материала и труда, что на них можно было изготовить обувь для четверти миллиона человек, а стоимость одного бомбардировщика или подводной лодки, посылаемых в другую страну, равна годовой стоимости продовольствия для 50-100 тысяч детей».

Мы указывали также, что сталинизм все еще присутствует в международной политике Советского Союза:

«Хрущев и другие наследники Сталина говорят, что они освободились от догм сталинизма, но на международной арене они остаются по-прежнему догматиками и сталинистами. Они исходят из безнадежно устаревшей, изжившей себя формулы о нарастании классово-борьбы, и эта точка зрения опасна для всего мира, страны и народа. Кризис на Кубе наглядно показывает эту опасность».

Мы цитировали Ленина, чтобы доказать, что нынешний режим в Советском Союзе предал забвению принцип открытости: «В ноябре, в первые дни Октябрьской революции Ленин говорил: «Мы боремся против тех правительств, которые говорят о мире, а на самом деле ведут предательскую войну. Мы против секретной дипломатии, и будем действовать открыто перед народом». *Известия* от 5 ноября заклеили нашу передачу как «ложь, клевету и раздувание ненависти к Советскому Союзу». (11)

С разрешением кубинского кризиса, РС не оставило Кубу без внимания. В течение нескольких месяцев каждую ночь мы вели передачи на русском языке в надежде, что нас услышат гражданские и военные специалисты, оставшиеся на острове. По договоренности с *WBT* (филиал *CBS*), имеющей 50-киловатный передатчик в г. Шарлотта (штат Северная Каролина), наше нью-йоркское отделение передавало им по телефону записи передач на русском языке, которые они затем транслировали на Кубу. Нам сообщали, что сигнал хорошо слышен на частотах *АМ*. Через несколько месяцев наши передачи прекратились, думаю, по финансовым соображениям, а также из-за того, что не было сведений об эффективности нашей работы.

В 1963 году *Радио Свобода* уже вело передачи круглосуточно: в Западной Германии и Испании мы владели 13 передатчиками, на Тайване – 4. Ежедневно у нас было 210 часов эфирного времени на 26 коротковолновых частотах и на семнадцати языках Советского Союза. Нас могли слушать в Сибири и на Дальнем Востоке, и мы считали себя в Советском Союзе самым сильным голосом свободы и правды, способствующем установлению в стране демократического порядка. Однако граждане, по нашему мнению, сами должны выбирать настоящее правительство, ответственное перед народом. Хотя с 1959 года появилось название *Радио Свобода*, до февраля 1964 года мы подчинялись Американскому комитету за освобождение (слова «от большевизма» были опущены). Позже окончательно было принято название *Комитет радио Свобода*. В заявлении для прессы Хауленд Сарджент сказал, что смена названия должна была «прояснить общественности назначение и основную роль организации». Спенсер Уильямс, отвечающий за связи с общественностью, бывший представитель Американско-российской Торговой палаты в Москве с 1930 по 1940 годы, говорил: «Мы считаем, что борьба за освобождение - это внутренняя задача самих народов СССР. Не иностранцы должны нести

Советскому Союзу освобождение. Под освобождением мы понимаем восстановление форм правления, ответственного перед волей народа».

Конечно, какая-то часть наиболее радикальных эмигрантов на *РС* по-прежнему питала надежды на освобождение России с помощью военной силы, но американское руководство всегда напоминало, что мы должны быть «гостем в советском доме». Поэтому в наших служебных документах и заявлениях для печати мы всегда подчеркивали, что «для советского слушателя *Радиостанция* – гость, хорошо осведомленный о событиях в стране и за рубежом», что мы стремимся установить диалог, который «расширяет кругозор и способствует сплочению всех свободлюбивых сил в стране».

Одобрение нашей политики мы видели в письмах, которые приходили на *РС*. Например, профессор Московского университета писал: «*Радио Свобода* – незаменимо, это единственная западная радиостанция, которая чувствует Россию». Литовский студент отмечал: «Сильная сторона *РС* в том, что оно идет в ногу с событиями в СССР, но рассказывает о них с другой точки зрения». Слушатель из Уфы так благодарил татаро-башкирскую службу: «Я получаю истинное удовольствие, слушая Вас. Много хотелось Вам сказать, приятно было бы посидеть с Вами и поговорить. Пусть чаще звучит Ваш голос».

Но самым ценным было для нас признание бывшего партийного функционера, офицера в отставке. Он писал из Москвы: «Нет такой программы на *РС*, которая бы мне не нравилась. Боюсь, что под влиянием вашего радио я становлюсь плохим коммунистом». (12) Еще в 50-х годах Уилбер Шрамм говорил, что разубедить ортодоксального коммуниста можно, только многократно повторяя информацию, которая посеет сомнения в его убеждениях, и мы надеялись, что написавший нам коммунист был не один такой.

ПРОГРАММЫ И КОНФЕРЕНЦИИ 1960-Х

- Почему агенты КГБ всегда путешествуют втроем?
- Один из них умеет читать, другой – писать, а третий присматривает за этими двумя интеллигентами.

В начале шестидесятых, когда в Испании еще не было наших передатчиков, относительная слабость нашего сигнала и постоянное глушение не позволяли нам передавать в эфир музыку. Это не касалось нашего позывного - гимна Гречанинова – и музыкальных заставок между передачами. Памятным исключением в 50-е годы было появление в нашей нью-йоркской студии Луи Армстронга. Своим характерным хриплым голосом – после долгих упражнений – он произнес по-русски: «Говорит Луи Армстронг по радиостанции...». Затем поднес к губам трубу и сыграл популярную советскую мелодию «Пять минут» из знаменитой «Карнавальная ночи». Я не знаю, получал ли Армстронг письма после передачи, но наша программа была одной из первых, предвосхитивших массовое увлечение в Советском Союзе американским джазом, а потом и группой «Битлз».

В декабре 1962-го, в конце краткой оттепели, последовавшей за XXII съездом партии, Хрущев ополчился на джаз, называя его, как в худшие сталинские времена, «декадентским». (1) Для РС это была отличная возможность заполнить вакуум в русских программах сериями передач о джазе. К тому времени на *Голосе Америки* уже был час джазовой музыки под управлением известного музыканта Уиллиса Коновера: он вел передачи по-английски и на частотах, которые не глушились. Мы, со своей стороны, чувствовали, что джаз поможет нам привлечь внимание многих радиослушателей, особенно молодежи, которая, регулярно слушая РС, будет постепенно приобщаться и к другим политическим и идеологическим ценностям.

Оркестр Бенни Гудмена только что вернулся из Советского Союза, и музыкантам удалось нелегально привезти некоторые образцы оригинального советского джаза. Джозеф Валерио, наш продюсер в нью-йоркском отделении, имел связи среди джазменов и организовал в нашей студии запись для гудменовских и других известных музыкантов: играли привезенную из России запрещенную музыку. Были приняты строжайшие меры предосторожности. Не выдавая имен советских композиторов, известный критик музыковед Джордж Т. Саймон так писал об этом уникальном «джем сейшн», объявляя начало цикла передач о джазе 30 июня:

«Настроившись на волну *Радио Свобода*, вы услышите современный джаз в исполнении 8 американских музыкантов в новой программе «Это джаз». Но это вовсе не американская музыка. Прозвучат 4 джазовых пьесы русских композиторов, которые наши музыканты записали исключительно для советской аудитории.

Октет возглавляют контрабасист Билл Кроу и саксофонист Фил Вудс из оркестра Бенни Гудмена, который в прошлом году гастролировал в Советском Союзе. Сейчас вместе с ними выступают ещё два музыканта из группы

Гудмена – тенор-саксофонист Зут Симс и пианист Джон Банч, кроме того, участвуют трубач Арт Фармер, который в основном будет играть на флюгергорне, тромбонист Боб Брукмейер, баритон-саксофонист Ник Бриньола и барабанщик Уолтер Перкинс.

Темы были присланы Кроу и Вудсу в необработанной форме, и они обратились к знаменитому джазовому аранжировщику Ал Кону с просьбой аранжировать их для октета. Мелодии имеют настоящий джазовый характер, а исполнение выдающихся музыкантов можно отнести к лучшим образцам современной джазовой музыки.

Этот проект построен на энтузиазме и любви. Музыканты не требуют оплаты, заявляя, что играют во имя «международного джазового сосуществования». (2)

Запись этого исторического концерта вышла небольшим тиражом. Обложка гласила: «Джаз на Свободе», ниже - фотографии передатчиков *PC* в Испании, сбоку - исполнители, на обороте - текст Саймона. Сейчас уже можно сказать, что одна из четырех композиций принадлежала Геннадию Гольштейну, известному композитору и саксофонисту. Мы выбрали ее для сопровождения получасовой программы «Это джаз», куда входили лучшие новые вещи и интервью с их исполнителями. В Нью-Йорке программу в мягком и свободном стиле вел Борис Оршанский, очень подходивший для передач такого рода.

Как-то Борис Шуб, еще в бытность свою директором Программного отдела, договорившись со спортивной командой *New York Yankees*, послал Оршанского по-русски комментировать бейсбольный матч. Сам Шуб, ярый поклонник *Yankees*, считал бейсбол сугубо демократическим видом спорта, своего рода парадигмой свободного общества, где девять человек с разными обязанностями - подающий, принимающий, полевые игроки – имеют одну общую цель. Знакомя русских со своей любимой игрой, Борис, как всегда, подразумевал политику. В качестве рекламы *PC* в Соединенных Штатах такая трансляция была выгодным делом, поэтому мы сообщили прессе о том, что игра между чикагским *White Sox* и *Yankees* будет комментироваться по-русски. Оршанский импровизировал, описывая игру Микки Ментла, на протяжении всей игры пересыпая свой комментарий английскими словечками, вроде *strike* или *error*. Для советских радиослушателей пятидесятых годов, наверное, странно было слышать подобный репортаж, а сейчас, в постсоветское время, никого уже не удивляет, что американские тренеры занимаются с русскими юношами и в стране имеется бейсбольная лига.

Стремясь насытить музыкальные программы, Джо Валерио пригласил к участию в них известного композитора Вернона Дюка. Его настоящее имя - Владимир Дукельский, он эмигрировал из России и начинал в Америке как сочинитель популярных песен. Его друг Джордж Гершвин посоветовал ему взять фамилию «Дюк». Он рассказал нам, как получил музыкальное образование и как потом начал писать песни, лучшей из которых считалась *April in Paris* - «Апрель в Париже». Мы решили, что нашим слушателям интересно будет услышать эту популярную песню, и Дюк сам перевел стихи «Йипа» Гарбурга на русский язык, попросив солиста Метрополитэн Опера - Николая Гедду (русского по отцу) - спеть ее. Чтобы сохранить ударение на первом слоге, Дюку пришлось заменить слово «апрель» на другое с ударением на первом слоге, получилось «Летом в Париже». Исполнение Гедды было проникновенным и волнующим, он спел у нас и другую песню Дюка на стихи его друга, поэта Огдена Нэша, посвященную *Радио Свобода*. Все трое с

удовольствием приходили к нам и работали вместе над этой трогательной песней о том, как хорошо возвратиться домой после долгих странствований по чужим краям.

Встречи и конференции.

Члены Попечительского совета *Амкомлиба* ежегодно встречались в дорогом «Юнион Клубе» на манхеттенской Парк Авеню. В начале моей карьеры, когда я еще был заместителем Шуба, я эти собрания не посещал. После одной из таких встреч в середине 50-х годов Борис рассказывал мне, что Аллен Даллес, директор ЦРУ, обратился к собравшимся и объяснил, что на *Радио* лежит огромная ответственность: делать передачи для Советского Союза как можно эффективнее, иначе это будет «порчей воздуха под одеялом». Между собой мы с Борисом шутили, что в таком случае наше радио сокращенно должно называться не RADLIB, RADFIB (fib – ложь, домысел).

В 60-е годы на официальных обедах членов нашего правления я встречался с бывшими сотрудниками американского посольства в Москве, а также руководителями ЦРУ и другими представителями американской интеллектуальной и политической элиты. На одном из таких обедов Ричард Хелмс, будущий директор ЦРУ, рассказал анекдот о разных национально-культурных традициях в странах, входивших в сферу наших политических интересов. Если муж неожиданно возвращается домой и застаёт жену с другим, то сценарий развивается по-разному в зависимости от национальности действующих лиц. На гнев разъяренного мужа русская женщина закрывает своим телом любовника и кричит: «Иван, убей лучше меня!». В Китае, наоборот, муж медленно приближается к кровати и спокойно говорит: «Минь Той, делаю тебе 457-е серьезное предупреждение». Это был намёк на манеру китайцев-коммунистов печатать «серьезные» предупреждения, когда иностранные самолёты приближались или проникали за пределы китайской воздушной границы.

Члены попечительского совета хвалили *Радио Свобода* за успехи и гарантировали неременную моральную и финансовую поддержку Вашингтона. Так продолжалось до 1971 года, пока лишь несколько сенаторов и конгрессменов знали о связи *РС-РСЕ* с правительством США. В 1971 году сенатор от Нью Джерси Клиффорд Кейс открыл нашу тайну. После этого в течение многих месяцев противники *РС* и *РСЕ* в Конгрессе, под предводительством сенатора Дж. Уильяма Фулбрайта из штата Арканзас и председателя комитета по иностранным связям, повели борьбу за закрытие радиостанций. (См. гл. 9).

Моя единственная встреча с Алленом Даллесом произошла в начале 1962 года, когда я представлял наше *Радио* на конференции, организованной Принстонским университетом; конференция была посвящена роли частных и государственных источников информации США в холодной войне. В числе почетных гостей были: недавно покинувший свой пост в ЦРУ Даллес; директор Американского института общественного мнения Джордж Гэллаг; специалист из Йельского университета по советской политике и идеологии профессор Фредерик Баргхорн (годом позже он был арестован КГБ по надуманному обвинению и выпущен с Лубянки только благодаря заступничеству президента Кеннеди); Джордж Аллен - директор Информационного агентства США, и Льюис Галантьер, советник *Комитета «Радио Свободная Европа»*.

Как только я узнал о предстоящем выступлении Галантьера о роли *Радио Свободная Европа*, то решил: нельзя допустить, чтобы *Радио Свобода* не упомянули. Я попросил Джона Уиттона, организатора конференции, дать мне возможность сказать несколько слов о *РС*, и он предложил мне после выступления Галантьера выступить с кратким описанием *Свободы*. Текст моего выступления был включен в книгу «Пропаганда и холодная война», которая вышла через год.

Я описывал особенность нашей позиции как «внутреннего» голоса (мы ещё не употребляли слово «суррогат») и подчеркивал, что сотрудники радио – эмигранты из России, «у которых общие корни, и они знают не понаслышке насущные интересы и чаяния своих братьев на родине». Отметив, что увеличение мощности наших передатчиков помогло нам преодолеть глушение, я сказал:

«Доказательства того, что нас слушают в Советском Союзе, мы получаем из сотен бесед с советскими туристами и членами различных делегаций, приезжающих на Запад, из разговоров советских граждан с западными туристами, студентами и гидами, и что ещё важнее, из писем, которые, минуя советскую цензуру, попадают в наши почтовые ящики. Подавляющее большинство писем наших слушателей приветствуют и одобряют *РС*. Это доказывает, что главная задача радио – информация, что разные слои советского народа жаждут информации и анализа, которых нет в официальной прессе. В нынешнюю эпоху брожения, наступившего после десталинизации, люди ищут более глубокого понимания собственного общества.

Особенно скептически настроена молодежь, она многим разочарована и хочет расширить свой кругозор... Например, недавно мы получили письмо от шестнадцатилетнего юноши из Московской области, который просит нас ввести постоянную рубрику и назвать ее «Россия вчера, сегодня, завтра». Мы выполнили пожелание юноши и стараемся в своих передачах рассказывать о либеральных мыслителях прошлого, таких, например, как Александр Герцен, чье понимание личной и политической свободы очень важно для России сегодняшней и для ее будущего. Конечно, такой же подход у нас в передачах для украинского, грузинского и других народов СССР.

Р. Х. С. Кроссман [член британского парламента, специалист по вопросам пропаганды] как-то сказал, что для разрушения тоталитарной власти нужно сначала воспитать человека, который мыслит самостоятельно. Это и есть цель *Радио Свобода*, поскольку она старается разрушить монополию на средства коммуникации, которую советский режим навязывает своим гражданам. Мы надеемся, что со временем, благодаря, скорее, эволюционному, нежели революционному развитию, советские люди не только в своих помыслах будут стремиться к миру, лучшей жизни и свободе самовыражения, но и начнут действовать». (3)

В 1969 году в *Московском Комсомольце* появилась гневная статья «Грязь в эфире», обличающая *РСЕ/РС* и *Голос Америки*. Среди надуманных обвинений против нескольких писателей-эмигрантов и американских сотрудников *РС*, было и такое:

«Недавно в Принстонском университете в США проходил симпозиум на тему «Холодная война и пропаганда». На нем выступил один из специалистов по «психологии холодной войны» Джини Соссин (sic) – глава Нью-Йоркского бюро *Радио Свобода*. Рассказывая о задачах радиостанции, он упомянул, что

одна из них – распространение ложных провокационных слухов с целью посеять вражду между социалистическими странами и различными социальными, этническими и возрастными группами в каждой из этих стран». (4)

Время от времени мою речь в Принстоне поминали и другие советские печатные органы. Возможно, я задел самолюбие властей, утверждая, что советский народ всё более активно ищет перемен. Мое участие в другой конференции привело к нападкам в *Неве* – ведущем литературно-общественном журнале Ленинграда, который опубликовал в 1966 году небольшую заметку Г. Александровича:

«В ноябре 1962 года в государственном департаменте США состоялось секретное совещание по вопросам «психологической войны», в работе которого приняли участие руководящие сотрудники пропагандистских и разведывательных служб. Кроме того, на совещание были приглашены также представители реакционных эмигрантских кругов, составляющих, по мнению Вашингтона, важный отряд подрывной пропаганды. Участники совещания приняли решение о создании оперативно-координационного бюро по руководству «психологической войной» против социалистических стран. Это бюро подчинено Совету национальной безопасности. Состав бюро был сохранен в тайне, однако позднее в печати сообщалось, что руководящую роль в нем играют представители Центрального разведывательного управления и Информационного агентства США. В процессе планирования «психологических операций» они пользуются услугами примерно шестидесяти так называемых «научно-исследовательских институтов, призванных собирать и разрабатывать соответствующую информацию».

Один из участников совещания, директор Нью-йоркского бюро радиостанции *Свобода* Джини Сосин в своем выступлении с циничной откровенностью изложил программу подрывных мероприятий против народов социалистических стран. Любопытно, что в этой программе пункт о запуске в эфир «произведений подпольной литературы» (вроде клеветнических антисоветских писаний Терца-Синявского, Аржака-Даниэля и Гарсиса) символически соседствовал с пунктом о распространении среди советских граждан лживых и провокационных слухов». (5)

На той конференции в Принстоне присутствовал и Томас Соренсен – один из руководителей Информационного агентства США. Он был одним из трех одаренных братьев: Теодор был другом Джона Ф. Кеннеди и писал для него речи, а Роберт работал консультантом на *РСЕ*. Во время одного из перерывов Том увидел, что я беседую с Алленом Даллесом. Когда мы закончили беседу, Том подошел ко мне и с деланным ужасом прошептал: «Ясно, Джин, на кого ты работаешь». Вечером этого дня профессор Хэдли Кэнтрил, преподаватель Принстонского университета пригласил несколько человек зайти к нему пропустить стаканчик. Кэнтрил специализировался в области «психологии взаимоотношений» – направлении, которое изучает и объясняет восприятие людей, их реакцию на словесные и зрительные раздражители, предубеждения и предрассудки, связанные с их культурой. (6) Хэдли был другом Хауленда Сарджента, любившего послушать ученых специалистов и внести улучшения в наши радиопередачи. Мы часто обращались к Кэнтрилу за советом – как преодолевать психологические барьеры, чтобы советские слушатели понимали нас адекватно.

В тот вечер в доме у Кэнтрила нас было четверо: хозяин, я, Аллен Даллес и Луи Фишер – известный американский эксперт по России. Я был поражен почтительным отношением Даллеса к Фишеру. Когда он спрашивал Фишера о личности Сталина и его политике (что Фишер знал досконально, поскольку много лет жил в сталинской России), создавалось впечатление, что легендарный мастер шпионажа изображал скромного студента перед лицом маститого профессора.

В 1964 году вышла книга Фишера *Жизнь Ленина*, и я попросил его выступить перед микрофоном *РС*. В ответ на передачу пришли письма из Советского Союза - в одном из них просили прислать экземпляр книги, в другом оспаривали некоторые оценки личности Ленина. В следующей передаче Фишер отвечал на вопросы, и таким образом, получился своеобразный обмен мнениями со слушателями в Советском Союзе. Этот необычный диалог описал Льюис Николз в колонке «В книге и в жизни», которую он вел в *New York Times Book Review*, снабдив материал забавным рисунком: советский школьник сидит в комнате, где висит портрет Ленина и стоит его бюст, а сам, слушая *Радио Свобода*, пишет нам письмо. (7)

Помимо моих прямых обязанностей отвечать за выпуск радио программ в Мюнхене, мне приходилось часто выступать перед общественностью. В ноябре 1961 года в Нью-Йорке открылся телецентр, ведущий передачи на ультравысокой частоте - WUHF. Первый день его работы был заполнен всякой всячиной – интервью, театральными, музыкальными и политическими новостями. Джек Гоулд, телевизионный критик газеты *New York Times*, оценил телевизионную премьеру, как «приятную телевизионную версию радио WNYC». Он писал:

«В конце первого телевизионного дня был блестяще проведен круглый стол на тему о советской политике. Руководил обсуждением доктор Джин Сосин, сотрудник *РС*. Участники – Хэл Лерман, Чарльз Маламут, Валериан Оболенский и Кристофер Эммет – в течение двух часов обсуждали все тонкости политики, проводимой коммунистами. Множество замечательных примеров не только иллюстрировало мнение собеседников, но и удачно дополняло сказанное каждым. Целью круглого стола был разносторонний анализ, а не победа в споре». (8)

Хэл Лерман был опытным журналистом; Чарльз Маламут - известным экспертом по России, он работал советником на *Голосе Америки*, а потом на *Радио Свобода* - в их мюнхенских отделениях; Кристофер Эммет представлял Международный комитет спасения. Положительная оценка нашей работы в газете обрадовала нас, учитывая, что *РС* по-прежнему редко упоминалось в прессе.

Дважды, в 1962 и 1963 годах, Военный колледж Американской армии в Карлайле (штат Пенсильвания) приглашал принять участие в их «стратегических семинарах» меня и других советологов, таких, как профессор Альберт Парри из Колгейтского университета. В ходе семинара один полковник подошел ко мне и сказал: «Вы знаете, у нас есть средство, сдерживающее советское нападение, но не дай Бог, чтобы пришлось когда-нибудь применить его. А вы своё мощное оружие применяете каждый день». Я никогда не забуду эти, попавшие в точку, слова: они выражают самую суть наших передач, а именно – предотвратить удар кремлевских руководителей по США, поддерживая в них сомнение в реакции граждан на случай войны. Постоянный поток информации сводил «на нет» попытки режима посеять в людях ненависть

к Западу и заставить слепо следовать приказам сверху. Как выразился один из сотрудников *РС*, «мы стоим нескольких боевых подразделений».

Радио меняет директоров

В этот период Хауленд Сарджент назначил Льюиса Шолленбергера, главу вашингтонского отдела новостей и чрезвычайных происшествий Американской Радиовещательной Компании (*ABC*), директором *РС*. Он сменил Ричарда Бертрандиаса, занимавшего этот пост с 1956 года и участвовавшего в радиодейтельности ЦРУ на Дальнем Востоке. В период нашего превращения из *Освобождения* в *Свободу* он проявил себя талантливым администратором.

Вскоре, однако, выяснилось, что Шолленбергеру не хватает опыта в международной политике и решительности в руководстве, которых требовала должность; сам он говорил про свою работу так: «Набираюсь опыта». Находясь в Нью-Йорке, я, конечно, меньше ощущал каждодневные оплошности в руководстве, тем не менее, постепенно я узнавал (часто благодаря немедленным телефонным звонкам из Мюнхена моих американских коллег), что действия директора вызывают недовольство, а это сказывалось также и на работе нью-йоркского отделения. Во время командировки в Мюнхен, в 1964 году, я увидел, что сотрудники были расстроены и растеряны.

По возвращении в Нью-Йорк я продолжал получать жалобы из Европы и, наконец, рассказал Сардженту об увиденном в Мюнхене, предложив принять меры. Сарджент спокойно выслушал, поблагодарил и сказал: «Да, генералу надо знать, что делается на передовой». И немедленно организовал независимое расследование ситуации, которое провел представитель из Вашингтона. Вскоре Хауленд уволил Шолленбергера, деликатно смягчив удар корректной дипломатической формулировкой, на которые он был большой мастер.

Директором *РС* был назначен Уолтер К. (Кен) Скотт – способный дипломат, служивший перед тем в Лагосе (Нигерия) заместителем главы миссии, а до этого, в 50-е годы, генеральным консулом США в Мюнхене. Его женой была очаровательная немка Ирэн, и у них было много друзей среди баварской интеллигенции и других слоёв общества как, впрочем, и среди гражданских и военных официальных представителей Америки. Кен вступил в должность в 1965 году и оставался директором еще десять лет. При нем произошел весьма трудный переход радио от опеки ЦРУ к непредсказуемой новой ситуации, когда *РС* слилось с *PCE*, и мы поступили в подчинение новообразованного Совета по Международному Радиовещанию, ВІВ. Я близко познакомился с Кеном и оценил его талант во время работы с ним в Мюнхене с 1966 по 1970 годы, когда я был его заместителем и одновременно старшим советником (см. Главу 8).

Мюнхен был нам знаком, поскольку мы с Глорией здесь жили в 50-51 годах, участвуя в Гарвардском проекте. Позже я приезжал сюда несколько раз в командировки в 50-е. А летом 62-го года мы всей семьей, с десятилетним Доном и восьмилетней Дебби, совершили интересное путешествие по Западной Европе. Нашей конечной целью был Мюнхен, где я проработал несколько недель с Диком Бертрандиасом и мюнхенскими коллегами. Это оказалось неплохим опытом: позднее в 60-е годы я получил назначение в Мюнхен на целых четыре года.

Конец эры Хрущева

Слухи о неожиданной и ошеломляющей отставке Хрущева дошли до радио 14 октября 1964 года, когда в Мюнхене сотрудники дневной смены уже

разошлись по домам. Мне позвонил Лео Грулио - редактор *Current Digest of the Soviet Press* (*Текущих сводок советской прессы*, - бесценного периодического издания для журналистов и ученых, которые, по незнанию русского языка или из-за нехватки времени, не в силах были просматривать множество советских газет). В 60-е годы Лео часто консультировал нас на *РС* по вопросам составления программ и политики. Потом он переехал в Москву и в течение нескольких лет возглавлял бюро *Christian Science Monitor*.

Неофициальные сведения, полученные им из Москвы, где были замечены подозрительные действия советского руководства, скоро подтвердились. Мы с Оболенским сразу же засели за работу, готовя комментарии к такому важному событию и решив поднять некоторые кардинальные вопросы о том, что новый режим намерен сделать для гарантий мира и удовлетворения потребностей и чаяний советских граждан. Мы полагали, что лучше всего предложить слушателям ряд критериев для оценки действий хрущевского преемника в интересах народа:

«Уменьшится ли угроза ядерной войны? Продолжится ли политика мирного сосуществования? Будут ли продолжаться попытки уменьшить международную напряженность? Будет ли продолжаться разоружение? Будут ли выполнены обещания повысить уровень жизни в стране и улучшить сельское хозяйство, или, наоборот, вся экономика будет работать на гонку вооружений? Будет ли политика нового руководства направлена на решение основных политических, экономических и социальных проблем? Какое отношение будет у нового режима к человеку и его духовной жизни? Будут ли уважаться права человека и достоинство личности? Решится ли, наконец, проблема одежды, питания и жилья?»

Будет ли позволено рядовому гражданину свободно высказываться и влиять на правительство при решении общенародных задач? Будет ли народ иметь доступ к правдивой информации о положении за рубежом и внутри страны? Будут ли в дальнейшем продолжаться контакты в области культурного обмена? Будет ли проводиться открытое обсуждение событий недавнего прошлого, которые по-прежнему скрываются от народа? Сможет ли общественность открыто обсуждать современные проблемы? Другими словами, будет ли процесс десталинизации, начатый Хрущевым, доведен до логического конца?» (9)

Неудивительно, что в такой ответственный момент Сарджент попросил показать ему окончательный вариант текста. Затем мы переслали его по телексу в Мюнхен, чтобы передать сообщение рано утром по московскому времени. В последующие дни мы выходили со срочными сообщениями, там были и «политический некролог» Хрущеву и репортажи из главных западноевропейских столиц с реакцией на это ошеломляющее событие.

Потребовалось немного времени, чтобы стало понятным мерзкое обличье брежневского режима. Через год Андрей Синявский (псевдоним Абрам Терц) и Юлий Даниэль (псевдоним Николай Аржак) были арестованы и осуждены за написание «предательских» произведений, в которых герои высказывают антисоветские мысли. В феврале 1966 года прокурор поставил им в вину передачу их произведений по *Радио Свобода*. Судья был крайне необъективным, он прочел текст передачи, в котором рассказу Даниэля мы предпослали предисловие якобы антисоветского характера. Когда Синявский попытался заступиться за свои произведения, судья ответил: «Только суд может

решить, являются ли ваши произведения антисоветскими, а реакция Запада показывает, кем и как они используются. Посмотрите на *Радио Свобода*, которое посвятило уже три передачи *Любимову*. Вы думаете, они это делают просто так?» (10)

Радио также передавало одно из лучших произведений Синявского (Терца) «Суд идет», которое по частям читал Виктор Франк. Все чтение заняло восемь с половиной часов. Синявскому дали 7, Даниэлю - 5 лет ГУЛАГа. За всю советскую историю первый раз писателей судили за их опубликованные работы. Британский советолог Макс Хейворд заметил по этому поводу: «Многих советских писателей сажали в тюрьму, запрещали, преследовали или замалчивали, но никогда еще не было суда, на котором, главным обвинением против писателя было бы литературное произведение». Дело Синявского-Даниэля вызвало оцепенение у интеллигенции и других слоев общества, разочарование режимом усилилось, что привело к нескольким случаям открытого протеста инакомыслящих.

Перед лицом неосталинистского режима Брежнева *Радио Свобода* обратилось к ученым, журналистам и советологам из правительственных организаций за советом, какой должна быть в данных условиях политика *Радиостанции*. Осенью 1965 года Сарджент попросил меня организовать двухдневную конференцию в Нью-Йоркском университете. Мне помогал специалист по общественным связям - профессор Джордж Гордон, и в первый день с ключевым докладом выступил Итиэль де Сола Пул из Массачусетского Технологического Института. После него последовала дискуссия с участием приглашенных ученых и журналистов.

Профессор Пул был директором так называемого Проекта «*Комком*» (11) (коммунистические коммуникации) в Центре международных исследований при Массачусетском Технологическом Институте. В своих исследованиях он опирался на информацию, полученную Максом Ралисом и его заместителем Джинном Парта при опросе двух тысяч советских людей, побывавших на Западе. Для анализа этих и других данных Пул привлек Гарвардского математика и с его помощью попытался построить компьютерную модель средств массовой информации в Советском Союзе. На основании этих данных он выдвинул гипотезу о влиянии западных средств массовой информации на население Советского Союза. Его речь оказалась пророческой:

«Если бы веяния свободной западной мысли не проникали в Советский Союз, то революционные изменения происходили бы медленнее и были бы менее либеральными. *Большинство положительных явлений, которые мы видим сегодня в Советском Союзе, можно объяснить только западным влиянием. Наиболее важным каналом связи с Западом остается радио.* (Выделено мною – Д.С.). Можно предсказать с большой долей вероятности, что в долгосрочной перспективе Россия достигнет более современных форм общественного и социального устройства, которые будут полагаться в большей степени на свободную прессу, нежели на партийный контроль, и станут в целом более многообразными. В пользу такого предложения говорит рост информации из-за границы и то, что Советское общество – в значительной степени, подражательное. В большой перспективе, тот, кто вещает на Советский Союз, будет услышан, и это приведет к большим изменениям». (12)

Мы, на *Радио Свобода*, часто вспоминали выступление Пула, особенно то место, которое выделено курсивом.

За обедом выступил Збигнев Бжезинский - в то время профессор Колумбийского университета. Пользуясь правом председателя, я оживил публику последними анекдотами из Советского Союза, затем началось энергичное обсуждение выступления Збигнева. На другой день состоялся частный коллоквиум, во время которого Сарджент провел круглый стол с некоторыми ведущими западными советологами из университетов, газет и правительства, а также несколькими членами руководства *Радио* из Мюнхена и Нью-Йорка. Обсуждали тонкости и детали, которые улучшили бы наши передачи. Присутствовали знаменитые эксперты по России: Ричард Дейвис, Уильям Гриффит, Лео Грулио, Макс Хейворд, Дениэл Лернер, Ричард Пайпс, Итиэль де Сола Пул, Ричард Роусон, Колетт и Маршалл Шульманы, Мишель Татю и Владимир Трель.

Собравшиеся пришли к общему мнению по нескольким вопросам, которые в основном подтверждали собственный подход *Радио* к политике и радиовещанию: нужно быть крайне осторожными, формулируя разные и специфически цели, касающиеся развития советского общества, и эти цели должны быть очень общими, основанными на изученных сегодняшних общественных тенденциях, которые следует поддерживать. Радио должно стать стимулом новых идей, а не отражать официальное мнение Америки. Оно должно быть максимально объективным, сообщая как о событиях в Советском Союзе, так и за границей. Чтобы доказать свою объективность, *РС* должно, не колеблясь, в отдельных случаях высказывать мнение, не совпадающее с мнением правительства США. Все радиовещание должно быть по возможности «не американским» и не «нашим» собственным, поскольку информация, приготовленная по американским рецептам, может вовсе не понравиться советским радиослушателям. Избегать «наших» сведений нужно во имя других надежных источников, на которые и следует ссылаться.

Радио Свобода должно стремиться выводить на передний план образ соотечественника, который рассказывает о событиях в Советском Союзе, как человек со сцены, имеющий право выражать любую точку зрения. Радио должно играть роль конструктивной оппозиции. В целом все согласились, что *РС* правильно называет себя по отношению к радиослушателю «гостем в доме». Тон и содержание передач должны быть по большей части положительными; не допустимы провокационные и спорные высказывания; интонации и тон не должны быть покровительственными.

Специалисты советовали, что хотя и не следует давать рецепты дальнейшего устройства страны, тем не менее, не надо избегать разговора о завтрашнем дне. Именно так нужно было обращаться к обществу, ориентированному на будущее, каким и был Советский Союз. Подводя итог сказанному, *РС* отводилась роль «активного катализатора» споров в стране. Свободный независимый обмен мнениями приведет к тому, что у передовой советской интеллигенции сформируются вполне международные взгляды и представления. Безусловно, среди прочих групп населения именно интеллигенция, как научно-техническая, так и художественная, должна стать основным объектом вещания нашего *Радио*.

Некоторые выступавшие заявляли, что нейтральный поход нашего радио к национальному вопросу был ещё более консервативным, чем в советской конституции, которая лишь на словах гарантирует народам право на независимость. По их мнению, национальный вопрос в будущем обострится, и поэтому *РС* должно более откровенно обсуждать эту проблему. Они

признавали, что, взывая к надеждам национальных меньшинств, в такой стране, как Россия, *Радиостанция* рискует навлечь на себя обвинение в «подстрекательстве к сепаратизму». Это было трудно разрешимой дилеммой. Тем не менее, они считали, что *РС* должно продолжать отстаивать национальную гордость и поддерживать живой интерес к собственной культуре и языку у национальных меньшинств Советского Союза. (13)

В какой-то момент во время дискуссии Сарджент попросил меня сказать несколько слов о том, как *РС* освещает тему русской эмигрантской литературы:

Сосин: «Я считаю, что это та область, в которой роль радио уникальна. Мы часто говорим о том, как донести богатство и жизненную силу западной литературы до тех народов, где она по-прежнему в значительной степени отрицается. Но не будем забывать о богатстве русской и в некоторой степени нерусской эмигрантской литературы на Западе. Особенно русской эмигрантской литературы. Я имею в виду Бунина - Бунина, который до сих пор недоступен, - и других писателях старшего поколения. Я подразумеваю некоторых критиков и молодых писателей, чьи имена появляются на страницах *Нового Журнала*. Я думаю о них не только потому, что они хранители огня и традиционных ценностей, потому что они хранят верность слову, как таковому, в то время как советский русский переродился в «новояз». Я имею в виду эволюцию отношений в Советском Союзе, из-за которой многие люди, особенно молодежь, считавшие эмигрантов предателями Родины, теперь начинают понимать, что человек, покинувший страну, сохраняет гуманистические русские традиции, человеческие и литературные ценности, которые обязательно восторжествуют на Родине, возможно, в несколько иной форме, учитывая пятидесятилетний опыт советской власти».

Хейворд: «Чудесная идея, на мой взгляд. Утром еще мы пытались определить место и отличие *РС* от других организаций, вещающих на русском языке. Я считаю, что эмигрантская литература - это та область, которую должна использовать ваша радиостанция в своей работе.

Что касается более широкой культурной картины, то когда вы знакомите Россию с культурной жизнью Запада, вы, возможно, повторяете многое из того, что уже было сделано на *Голосе Америки* и *Би-Би-Си*. Их не глушат, поэтому они могут посвящать больше времени рассказу о направлениях в западной культуре и делать это сложнее. Так что я за то, чтобы знакомить Россию с эмигрантскими произведениями, а также с ранними произведениями советских писателей, которые, я уверен, вы собирались включить. Я приведу один яркий пример, показывающий, как происходит это возвращение. Думаю, сейчас уже можно упомянуть имя большого советского писателя, депутата Верховного Совета Петра Панферова. Во время своей поездки в Англию, - это было, наверное, в 1959 году - он говорил, что знаком с поэзией Елагина, которую он слушал по *Радио Свобода* и которая ему очень понравилась». (14)

Збигнев Бжежинский задолго до того, как стал советником по национальной безопасности в администрации Картера, был последовательным сторонником *РСЕ/РС*. (15) Правда, иногда он не соглашался с некоторыми моментами в политике нашего вещания. Это стало очевидным в 1966 году, когда наши кураторы из ЦРУ попросили его и еще трех человек обсудить в узком кругу политику двух радиостанций. В эту четверку, прозванную «Кlover Групп» - Группа (четырёхлистного) клевера - входили: коммерческий глава *РС*, позже посол в Швейцарии, а затем председатель Совета *РСЕ/РС* - Джойн Хейс;

профессор Массачусетского Технологического Института, раньше возглавлявший политику *PCE* - Уильям Гриффит; директор отдела новостей на *CBS* Ричард Салант и сам Бжезинский. Они провели у нас в нью-йоркском офисе целый день перед тем, как отправиться в Мюнхен для интенсивных переговоров и для проверки работы мюнхенской штаб-квартиры.

Кен Скотт подробно изложил Сардженту суть их вопросов и замечаний. Оба профессора - Бжезинский и Гриффит - критиковали национальную политику *РС*, которую они считали слишком пассивной. По их мнению, вещая на нерусскую аудиторию, нужно проводить политику более жесткую, подогревающую антирусские настроения. «Ваша задача, - говорили они, - не удовлетворять их (советских радиослушателей) интересы, а отстаивать интересы США, цель которых ослабить советский режим». Эти рекомендации шли в разрез с устоявшейся позицией *РС*, согласно которой мы избегали прямого вмешательства во внутренние дела и не давали готовых рецептов, как изменить существующий строй в СССР: его народам мы предоставляли право самим решать свою судьбу. Мы считали, что безответственно и непродуктивно со стороны зарубежной радиостанции призывать к восстанию против советской власти или против русского большинства в республиках.

Джон Хейс на свой вопрос: «Что же вы хотите для своих радиослушателей?», получил достойный ответ от Труды Гантер (она руководила неславянскими службами - непростое положение, для женщины, возглавлявшей сотрудников-мусульман). Она сказала: «Я хочу, чтобы они сохранили свое национальное и культурное наследие и чтобы русификация – политика советского режима - их не поглотила». Один из любимых вопросов Хейса, который он часто задавал коллегам в Мюнхене, был: «Когда перестанет работать ваша радиостанция?». Ответы были приблизительно такие: «Когда СССР перестанет быть экспансионистской страной» или «Когда такое свободное радио будет в Советском Союзе». По мнению Роберта Келли, мы сможем рассчитывать на поддержку американского правительства лишь до тех пор, пока Советы не изменят свою политику и не будут угрожать захватом Соединенных Штатов. (16)

В 1966 году исполнилось 14 лет моей работы в нью-йоркском отделении *РС*, но за все это время мне пришлось пробыть в Мюнхене не больше месяца. Я вызвался там поработать. Сарджент меня поддержал, и вместе с Кеном Скоттом они придумали для меня должность старшего советника. Я должен был помогать Скотту, который не был советологом, при условии, что я не буду отвечать за рутинную работу по руководству радио. Я прибыл со своей семьей в Мюнхен в сентябре 1966-го и провел четыре плодотворных года в городе, где я когда-то впервые повстречал советских эмигрантов.

Многое произошло в мире за этот период: танки Варшавского Пакта вторглись в Чехословакию, разочарованность советской интеллигенции росла, что приводило к бегству на Запад и, ещё важнее, в стране стали раздаваться голоса протеста таких инакомыслящих, как Сахаров и Солженицын. Они переправляли за границу свои произведения, и те читались по *Радио Свобода*. Это придавало новый импульс внутренней оппозиции, чьи идеи распространялись по всей стране, а наше радио благодаря этой уникальной роли становилось по-настоящему народным.

МЮНХЕНСКИЕ ГОДЫ: 1966-1970

- *Что такое русское струнное трио?*
- *Это квартет, только что вернувшийся из-за границы.*

За четыре года моей работы в мюнхенской штаб-квартире Свободы на международной арене произошли зловещие события. В конце 60-х брежневский режим начал закручивать гайки. Началось с ареста писателей-диссидентов Синявского и Даниэля. Из-за шестидневной войны в июне 1967 года на Ближнем Востоке на Израиль обрушился поток брани. Против советских евреев, не побоявшихся поддержать своих духовных братьев, началась плохо завуалированная антисемитская кампания. В августе 1968 года произошло главное событие, окончательно разрушившее надежды советских людей на построение «социализма с человеческим лицом»: страны Варшавского пакта с помощью советских танков оккупировали Чехословакию. Свергнув в Праге Дубчека, пытавшегося ослабить режим, Кремль едва ли пошел бы на какие-то уступки у себя дома.

Через несколько дней после вторжения советских войск в Чехословакию горстка интеллигентных смельчаков, среди которых был внук сталинского министра иностранных дел Павел Литвинов, устроила демонстрацию протеста на Красной площади. Их тут же арестовали, судили и отправили в Сибирь. Это событие дало мощный толчок растущему диссидентскому движению. Вскоре мы узнали о широкой поддержке Литвинова и его единомышленников внутри страны и сразу же сообщили об этом нашим радиослушателям. (1)

Летом 1968 года РС передало полный текст самиздатовской статьи А.Д.Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», которая в течение многих лет имела резонанс среди мыслящих советских граждан.

Успех совместной конференции РС и Нью-Йоркского университета в 1965 году подстегнул нас продолжать и в брежневское правление обмен мнениями в виде круглых столов с учеными. Темой второй конференции в марте 1967 года была «Связь с советской молодежью». Главными участниками круглого стола, наряду с журналистами и другими учеными-гуманитариями, были профессор из Колумбийского университета Филипп Мозли и профессор из Пеннсильванского университета Альфред Рибер. Из Мюнхена мы установили радиотелефонную связь с Нью-Йорком, так что аудитория, собравшаяся в Нью-Йоркском университете, могла слышать голоса всех троих – Виктора Ризера, Мориса Дьяковского и мой.

На той же неделе произошло удивительное совпадение: дочь Сталина Светлана Аллилуева бежала из Советского Союза в Индию. В Нью-Йорке пристально следили за тем, как мы освещаем это событие. Мы отвечали, что немедленно рассказали об этой новости и продолжаем сообщать подробности по мере их поступления. Это обычная практика нашего радио – сообщать советским слушателям новости, которые скрывают от них или искажают.

Через несколько недель Светлана добралась до Нью-Йорка и провела там пресс-конференцию. Потом, по выходе ее первой книги «Двадцать писем

другу», она записала в нашей нью-йоркской студии две главы. Выступление дочери Иосифа Сталина по РС с разоблачениями перед соотечественниками было большой удачей для Радио. На пресс-конференции она подтвердила, что дело Синявского и Даниэля возмутило советскую интеллигенцию. Раздавались требования оправдать и выпустить писателей на свободу. Одно письмо, подписанное 62 советскими писателями во главе с Корнеем Чуковским и Ильей Эренбургом, было адресовано прямо XXIII съезду КПСС. Этот протест, вместе с другими письмами, направленными в советские газеты, но так и не напечатанными, попал на Запад и звучал на нашем радио.

Самое примечательное письмо пришло от Александра Гинзбурга, молодого диссидента, который отсидел в ГУЛАГе по политической статье и выпускал первый самиздатский журнал «Синтаксис». Он прославился как ведущий борец за права человека и, прежде чем попасть на Запад, отсидел ещё и второй срок. В письме, адресованном премьер-министру Косыгину, он ссылается на ст.19 Декларации прав человека ООН 1948 года (где говорится о том, что для информации нет границ), которая дает право Синявскому и Даниэлю делать то, что они сделали. Он признался, что слушал передачи зарубежного радио, поскольку о деталях процесса в Советском Союзе не писали. Гинзбург заявлял: «Я люблю свою страну и не хочу, чтобы незаконные действия КГБ портили ее репутацию. Я люблю русскую литературу и не хочу, чтобы два писателя валили деревья в сопровождении охранников. Я уважаю Андрея Синявского – замечательного критика и прозаика». (2) Несмотря на эти протесты, Синявский отбыл 6 лет заключения в тюремном лагере под Потьмой, в 500 километрах к востоку от Москвы. Ему разрешили выехать на Запад только в 1973-м. Поселившись под Парижем, он преподавал русскую литературу в Сорбонне, продолжал писать и часто выступал на РС. Умер Синявский в 1997 году.

В июле 1967 года мы с семьей впервые побывали в Израиле. Это путешествие произвело на меня сильное впечатление. Мы были среди первых американцев, которым разрешили приехать в страну после шестидневной войны, во время которой американское правительство запретило своим гражданам въезд в Израиль. Моё удостоверение журналиста РС позволило нам с Глорией посетить только что оккупированные территории на западном берегу реки Иордан и сектора Газа. Побывали мы и на празднике в честь возвращения Горы Скопус, бывшей в течение 19-ти лет на чужой территории. Празднование сопровождалось незабываемым концертом в амфитеатре Еврейского университета, расположенного высоко над Мертвым морем.

Мы сидели рядом с Давидом Бен Гурионом, Леви Эшколом и другими руководителями, слушая замечательную музыку: исполнялась симфония Малера «Воскресение». Дирижировал Леонард Бернстайн, а наша приятельница Дженни Турел - знаменитое сопрано - солировала. Наши дети в это время были в летнем лагере в Ашкелоне и путешествовали по Израилю от Голанских высот до Эйлата и восточного края Синая. Я регулярно сообщал о своих впечатлениях в Мюнхен, где мои коллеги, как и весь мир, внимательно следили за событиями на Ближнем Востоке.

Благодаря нашей дружбе с Суламифь Нарди, помощницей президента Израиля Залмана Шазара, нас пригласили на чай в его официальную резиденцию в Иерусалиме. Встреча была неформальной. Наш хозяин - сердечный и простой человек – интересовался РС. Мы беседовали по-русски и по-английски. В Палестину он эмигрировал из России много лет назад. Его настоящая фамилия - Рубашов, и я поинтересовался: был ли он знаком с

Артуром Кестлером, который в романе Тьма в полдень назвал Рубашовым своего героя. Шазар сказал, что не знаком, но он слышал, что Кестлер раздумывал над тем, что случилось бы с революционным социалистом, каким был сам Шазар, если бы он вступил в партию Ленина и остался в советской России. (В романе Рубашов, убежденный большевик, был во время сталинских чисток арестован и казнен).

В Иерусалиме мы с Глорией записали интервью с мэром города Тедди Коллеком, которое он дал специально для нашего радио; Коллек родился в Вене, был энергичным политиком и занимал пост мэра в течение последующих двадцати пяти лет. Настоящей находкой для РС оказалось наше знакомство с молодой женщиной, переехавшей сюда из Риги. Русская служба попросила нас посмотреть, не подходит ли она для работы на радиостанции. Молли Гордин оказалась очаровательной живой женщиной, достойной стать сотрудником РС. Мы её очень рекомендовали, и она была принята в штат. В течение двадцати пяти лет советские радиослушатели знали ее как Инну Светлову, ее программы на радио были в числе самых популярных, и она получала множество писем от своих почитателей. В 1992 году, когда она, наконец, смогла приехать в Москву, она испытала приятное потрясение. Она стояла с кем-то в очереди в продовольственном магазине и оживленно разговаривала. Вдруг какая-то покупательница узнала ее голос и радостно закричала: «Вы – Инна Светлова!».

Как старший советник Кена Скотта, я редко вмешивался в обычную рутинную работу по подготовке программ, хотя сотрудники разных языковых служб часто заходили ко мне в кабинет с конфиденциальными жалобами на бюрократизм своих начальников-американцев. Но я всегда приходил на обсуждение последних новостей русской службы, где отбирался важнейший материал для текущих передач. Утром 5 апреля 1968 года мы узнали, что в Мемфисе (штат Теннесси) убит Мартин Лютер Кинг-младший, а когда мы собрались днем, я предложил пустить в эфир интервью с доктором Кингом, которое он дал для РС несколько лет назад. Записал интервью Ронни Рональдс. Доктор Кинг был выдающимся борцом за права человека, и эта тема была близка нашим радиослушателям. К моему удивлению, оказалось, что редакторы русской службы стерли эту запись, причем не по ошибке, а выполняя чье-то близорукое решение уничтожить «устаревшие» программы, освобождая место на архивных полках. Я возмутился этим позорным случаем бюрократического невежества и потребовал, чтобы впредь записи неоспоримой исторической ценности, такие, как интервью с Кингом, сохранялись.

Летом 1968 года во время двухмесячного отпуска в США я приехал в Вашингтон и зашел в штаб-квартиру ЦРУ, в основном, засвидетельствовать свое почтение старому «командиру», заместителю директора ЦРУ, адмиралу Руфусу Тейлору. (В годы Второй Мировой войны я служил в военно-морской разведке под его началом. Тейлор отлично знал японский язык и криптографию). Он тепло встретил меня и стал хвалить работу РС. Я также встретился с небольшой группой сотрудников ЦРУ - специалистами по Советскому Союзу, и поскольку это был пик дубчековской «весны» в Чехословакии, то мы обсуждали возможность советского вторжения. Все присутствующие считали это невозможным. На самом деле, единственный человек, из мне известных, кто предсказал это, был профессор Альберт Парри, ученый, живший и работавший при РС в Мюнхене. Он послал в New York Times Magazine большую статью, доказывая, что у Брежнева нет другого выбора, как только силой подавить все ростки демократии в Чехословакии, пока

они не проросли в Советском Союзе. Журнал воздержался от печатания статьи, но когда в среду 21 августа этот кошмар всё-таки случился, и советские танки вошли в Прагу, они позвонили Парри и попросили срочно откорректировать статью с учетом последних событий, чтобы немедленно напечатать. Статья появилась в воскресенье 1 сентября, а за Парри прочно закрепилась репутация самого проникательного специалиста по советской политике. Он часто выступал у нас перед микрофоном, и выступления его звучали веско – ведь русский был его родным.

Как раз в то время, когда войска Варшавского договора готовились пересечь границу Чехословакии, мы с Глорией были в одном «укромном доме» в Гринвиче, штат Коннектикут, где встретились с Аркадием и Наташей Белинковыми, недавно бежавшими из Советского Союза. Аркадий Викторович Белинков родился в 1921 году в Москве, учился в Литературном институте имени Горького и МГУ. Его арестовали в 1944 году за диссидентскую литературную деятельность, в первую очередь - за неопубликованную работу, антисоветский роман, и после 22-х месячного следствия с применением пыток приговорили к смерти. Смертную казнь, в конце концов, ему заменили тюрьмой и лагерями, где ему пришлось голодать и страдать от холода. Несмотря на это он ухитрился написать еще две книги. И хотя они опубликованы не были, его судили вновь. Во время хрущевской оттепели 1956 года его выпустили и разрешили преподавать в Литературном институте в Москве. На Западе, видя, что его здоровье быстро слабеет, он писал в лихорадочном темпе, торопясь сказать правду о притеснениях интеллигенции в Советском Союзе.

Через несколько месяцев после нашей встречи Белинковы приехали в Мюнхен и начали сотрудничать с отделом программного планирования РС. В январе 1970 года Аркадий был ведущим круглого стола, посвященного цензуре в СССР. Конференция проводилась в Лондоне под эгидой мюнхенского Института по изучению СССР. Я на конференции представлял РС. Белинкова привезли в кресле, его нога была в гипсе. За неделю до этого в Италии его автомобиль на автостраде сбила какая-то машина, немедленно скрывшаяся, но Белинков не сомневался: авария была не случайной. Его отвезли в ближайшую больницу и наложили на ногу гипс. В Лондоне нога продолжала болеть, и Глория, едва взглянув на посинение, настояла на срочном вызове врача. Сотрудница лондонского отделения РС Лора Роу вызвала с Харлей Стрит ортопеда, который снял гипс и сказал: «Еще немного, и началась бы гангрена». Аркадий выздоровел, но годы, проведенные в ГУЛАГе, подорвали его здоровье, и, к большому нашему сожалению, в мае 1970 года после открытой операции на сердце он умер в Нью Хэйвене (штат Коннектикут). (3)

На конференции в Лондоне (4) председательствующий Макс Хейворд предложил Белинкову, как наиболее квалифицированному специалисту в обсуждаемой области, открыть дискуссию о цензуре в СССР. Хейворд назвал книгу Белинкова о писателе Юрии Тынянове, опубликованную в Советском Союзе, «острым исследованием и одновременно блестящим образцом эзопового языка; вряд ли кто-нибудь из советских критиков отважился бы на такие рискованные суждения на протяжении 635 страниц».

Наташа Белинкова, первоклассный критик и прирожденный редактор, тоже принимала участие в конференции. По окончании Московского университета, она работала в Новом Мире и Москве, была сотрудницей Социологического отдела московского Комитета по радиовещанию и телевидению, что позволяло

ей судить о влиянии зарубежных радиостанций на советскую интеллигенцию. Приехав на Запад, она рассказывала нам:

«Я хорошо помню, с каким трудом удавалось моим друзьям слушать слова правды, пробивающиеся через глушение. Мой муж, инвалид, часами напряженно сидел у приемника, двумя руками регулируя настройку на нужную волну. Мы экономили деньги, отказываясь от необходимого, чтобы купить приемник помощнее. У всех дома было переписанное от руки расписание передач Би-би-си, Голоса Америки и Свободы. Люди покупали (из-под полы, конечно) специальные приспособления для отечественной аппаратуры, чтобы увеличить диапазон частот. Мы тут же сообщали друг другу о том, что слышали, и даже договаривались по очереди слушать передачи. Лучше всего слушать было ночью, когда глушение было слабее. И всё время придумывали разные приемы: например, записывали на магнитофон. Самое интересное печатали на машинке и пускали как самиздат». (5)

Наташа была верным другом РС и часто помогала нам советами. В 1970 году она написала мне из Нью Хейвена, где жила после смерти мужа, письмо, в котором как бы продолжила длинную беседу о Солженицыне, начатую нами после присуждения ему Нобелевской премии. На радио считалось, что в передачах нельзя этому событию уделять много времени. Мы могли навредить Солженицыну, дав повод его врагам обвинить в связях с «вражескими» голосами. Наташа говорила о том, как важно информировать советскую общественность о присуждении премии, рассказывать о статьях и книгах, посвященных автору, и о том, какими тиражами на разных языках выходят его книги, - обо всем, что показывало отношение к Солженицыну во всем мире. По ее мнению, это было «огромной моральной поддержкой оппозиции, борющейся с политикой советского правительства». Признание Солженицына фигурой мирового масштаба, говорила она, «свяжет руки преступным элементам в СССР и придаст силы оппозиции в ее борьбе с режимом».

Как жена такого же непримиримого борца против советского режима, Наташа Белинкова хорошо понимала, какому риску подвергался Солженицын «с того момента, когда написал в лагере первые строчки и вступил в конфликт с государством». «Это была его цель, - говорила она, - выступить против удушающей и бесчеловечной политики советского государства, хотя бы в области литературы. Его целью было не выжить, а победить. Согласившись на получение Нобелевской премии, он бросил еще один вызов государству. Молчание на Западе, возможно, даст ему выжить, но не победить». Она понимала в полной мере свою «степень ответственности, предлагая радио, чтобы передачи на Советский Союз по поводу присуждения Нобелевской премии Солженицыну носили бы активный, а не пассивный характер». Она предлагала: «Можете использовать мое письмо, если оно поможет кого-нибудь убедить в этом». (6)

Сегодня, когда мы знаем от диссидентов, что внимание Запада приносило гораздо больше пользы, чем вреда, советы Белинковой могут показаться очевидными, но тогда мы вели себя с оглядкой. Она и ее товарищи знали лучше нас, чем помочь Солженицыну: по их настоянию руководство РС старалось как можно больше передач посвятить ему, например, читать его произведения. По-видимому, кампания, развернутая на Западе, сыграла свою роль: удалось доказать, что Солженицына считают главной литературной фигурой, и благодаря этому по решению властей в 1974 году, вместо ареста и заключения

его насильно вышвырнули из страны, избавившись от его беспокойного присутствия.

В кампании в поддержку Солженицына участвовал и профессор Марк Слоним. Закончив преподавать в колледже Сары Лоуренс в Уэстчестере, он с женой Таней поселился в Женеве, откуда он и позвонил мне осенью 1968 года. Слоним хотел заручиться моей поддержкой в праздновании пятидесятилетнего юбилея Солженицына в декабре того года. Поскольку у Александра Исаевича начался серьезный конфликт с брежневским режимом из-за самиздатских сочинений, то Слоним решил: если западные писатели пошлют ему поздравительные телеграммы, это укрепит его морально и покажет властям, что зарубежные коллеги поддерживают его. Из Мюнхена я связался со знакомыми из ПЕН-Клуба и кое с кем из мне лично знакомых писателей, которые раньше участвовали в наших передачах. Слоним, со своей стороны, обратился к друзьям - писателям и издателям. В результате Солженицын получил гору телеграмм, некоторые были посланы в адрес Литературной газеты и Известий в Москве, другие прямо на домашний адрес Солженицына под Рязанью. Самое удивительное, что он получил все или почти все поздравления, и потом, когда представилась возможность, поблагодарил всех за трогательные знаки внимания и поддержку. Для меня лично до сих пор остается загадкой, знал ли он об участии радиостанции Свобода в организации юбилейных поздравлений.

Ещё одним интересным участником лондонской конференции по цензуре был Леонид Владимирович Финкельштейн. Он родился на Украине в 1924 году. В 1947 году его, студента последнего курса Московского Авиационного Института, арестовали, и пять с половиной лет он отсидел в ГУЛАГе. После смерти Сталина, когда его выпустили и реабилитировали, он закончил институт инженером по автодвигателям. Однако вскоре стал профессиональным журналистом, сначала - автором научно-популярных статей, а затем - четырех книг по истории науки. Будучи в июне 1966 года в Лондоне с группой советских писателей и журналистов, он попросил политического убежища. На Западе он продолжал писать под псевдонимом Леонид Владимиров, одновременно работая на РС редактором и комментатором, а позже перешел на Би-би-си.

В конференции участвовал также бежавший из Советского Союза Алексей Якушев. Он защитил кандидатскую диссертацию в МГУ, где до 1966 года преподавал философию, а позже занял пост профессора-исследователя в варшавском Институте философии и социологии Польской Академии искусств и наук. Бежал на Запад в 1969-м. Какое-то время работал на РС в Отделе по изучению аудитории в качестве советника Макса Ралиса. В 1970 году он уехал в Сидней, а затем обосновался в Соединенных Штатах. В 70-х и 80-х годах он работал в различных американских университетах, много лет преподавал русский язык в Военном институте в Монтерее (штат Калифорния). Якушев так же, как и другие, бежавшие из СССР в конце 60-х годов, подтвердил жизненную необходимость наших передач для советских слушателей и сам внес в подготовку программ неоценимый вклад, способствуя их дальнейшей эффективности.

Следующим участником круглого стола был Анатолий Кузнецов. Он родился в Киеве в 1929 году и с 14 лет начал писать о том, что видел во время немецкой оккупации. В 1946 году он завоевал первое место на конкурсе рассказов. Кузнецов написал несколько сценариев и три романа; тираж его произведений в Советском Союзе доходил до семи миллионов, они были переведены на

тридцать с лишним языков. В Лондоне в 1969 году он отказался возвращаться в СССР и поселился в Англии, где взял себе новое имя А.Анатолий, что означало разрыв с прошлым советского писателя и отказ от книг, изданных в СССР. В 1970 году Кузнецов переиздал Бабий Яр – «документальное повествование в художественной форме», где описал массовую казнь немцами еврейского населения в Киеве в сентябре 41-го года (сам автор был наполовину русским, наполовину украинцем). Первоначальный вариант был изуродован советской цензурой, и когда книга вышла в Москве в 1966 году, оказалось, что половина страниц выброшена, и произведение утратило смысл. (Самым жестоким цензором был Борис Полевой – известный советский писатель, главный редактор журнала Юность, где и был впервые напечатан Бабий Яр)

Анатолию удалось вывезти за границу микрофильм с первоначальным текстом, который был опубликован Джонатаном Кейпом. Выброшенные цензурой куски были напечатаны жирным шрифтом. К тридцатой годовщине киевской трагедии в сентябре 1971 года Анатолий читал восстановленный текст по Радио Свобода на пару с диктором. Советские радиослушатели узнавали о зверствах нацистов: негласные установки запрещали говорить о мучениях еврейского населения на оккупированной территории.

Конференция по цензуре предоставляла РС прекрасный материал для передач. Отчет о конференции, опубликованный мюнхенским Институтом, - поистине захватывающее чтение. В нем подробно говорилось, каким ограничениям подвергаются писатели и критики в условиях советского режима. Альберт Парри – ещё один участник лондонской конференции - сказал об этом так: «Что такое телеграфный столб в Советском Союзе? Это сосна после цензурной правки».

Молодой москвич Андрей Амальрик считается первым диссидентом, установившим регулярные контакты с Западом, благодаря дружбе с зарубежными корреспондентами. В конце 1969 года он вызвал на РС бурные споры: многие документы 60-х годов о нарушениях прав человека – отчеты о судебных заседаниях, политическая и другая литература – попадали на Запад благодаря его усилиям. Сам он считал: главная его удача - это пересылка знаменитого манифеста Сахарова в 1968 году. Его собственная статья, напечатанная в самиздате, - Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? - привела к его аресту в 1969-м.

Когда эта статья дошла до нашей радиостанции, русские эмигранты стали горячо обсуждать подлинность документа. Часть сотрудников была уверена: Амальрик – просто агент КГБ. Чтобы разобраться, можно ли верить автору и его статье, мне пришлось обратиться к западным специалистам в Лондоне, таким как Макс Хейворд, Питер Реддауэй, Мартин Дьюхерст, Виктор Зожа и Лео Лабек. Все они единодушно заявили, что Амальрик – действительно диссидент, и с негодованием отвергли все слухи, распространившиеся на Западе о его причастности к КГБ. Такие слухи, заявили они, могут исходить от КГБ, цель их – дискредитация автора и его статей. Они говорили, что понимают затруднение радиостанции, которая должна передавать документ, содержащий русофобские высказывания. В конце концов, они посоветовали нам, подчеркнуть в передачах, что это не точка зрения радио, но ни в коем случае не высказывать в комментариях подозрений в адрес Амальрика.

Виктор Франк, старший мюнхенский комментатор, воспользовался конференцией в Лондоне и тоже обсудил Амальрика с приехавшими советологами. Одним из них был профессор Карел ван хет Реве из Лейденского

университета, бывший корреспондент голландских газет в Москве и секретарь так называемого Фонда Герцена в Амстердаме, издавна печатавшего статьи диссидентов, запрещенные в России. Он сообщил Франку, что близко знал Амальрика в Москве в 1967 и 1968 годах и напечатал его эссе, полученное через одного западного журналиста в Москве, который, в свою очередь, получил его от Амальрика. Он заверил Франка, что «сам бог посылает» его на РС. В меморандуме на имя Боба Така, директора Программного отдела, Франк писал:

«Пора принять твердое оперативное решение по этому вопросу. Мы изучили проблему тщательнейшим образом. Если в начале и был смысл обсуждать ее, то к настоящему времени все доводы подтверждаются, и они однозначны. Вернувшись из Лондона я был страшно огорчен, узнав, что РС до сих пор не воспользовалась памфлетом Амальрика для своих целей, тем более, что русская служба Би-би-си и Голоса Америки его уже передают в эфир. Я прошу вас самым настоятельным образом передать полный текст. Советник по политике рекомендует после чтения текста провести круглый стол». (7)

РС посвятила памфлету шесть передач – с соответствующими оговорками и отступлениями по ключевым пунктам – в серии «Документы из СССР». Мы рассчитывали, хотя открыто и не говорили об этом, что эта программа, будет записана на пленку в СССР и затем дойдет до самиздата. За круглым столом обсуждались такие темы, как, например, причина огромного интереса Запада к тезису Амальрика о неизбежности войны между Советским Союзом и Китаем и конце советского режима.

Вскоре надежность Амальрика подтвердил его арест, хотя часть наших русских коллег продолжала считать, что это уловки КГБ. После того, как его выпустили из ГУЛАГа и разрешили покинуть страну, мы смогли познакомиться с этим замечательным молодым человеком. На другой день после его прилета в Амстердам наш мюнхенский корреспондент Юрий Мельников записал длинное интервью с ним, которого хватило на три ежедневных передачи.

Амальрик говорил о самых разных аспектах советской действительности, он хорошо понял суть режима и его отношение к диссидентам. «Что касается меня, - сказал он, - то, у советских властей был выбор, поскольку они считали меня неудобным лицом, сеющим смуту в стране. Они могли или посадить меня в тюрьму или просто уничтожить, могли, конечно, и вышвырнуть из страны». Заключение его в ГУЛАГ не принесло должных результатов, оно только привлекло еще большее внимание к нему и его книге. После освобождения Амальрика, чтобы «спасти лицо в глазах Запада», власти решили «показать, что в стране нет прежней напряженности, нет больше жестокостей». Они избавились от него в надежде, что с падением первоначального ажиотажа вокруг него сойдет на нет и влияние. Однако он заявил РС: «Я надеюсь принести пользу, рассказывая о ситуации там, и тем самым моё кажущееся бегство – отъезд из России - станет победой нашего дела. Насколько реалистичны мои планы, покажет будущее». Далее произошел такой разговор:

Мельников: Вы начали следовать принципу «жить не по лжи» задолго до того, как это сказал Солженицын. Но эта утопия станет реальностью только при условии, что большинство людей примет такой принцип, поскольку в этом случае каждый отдельный человек меньше рискует. Предположим, например, что вместо горстки ученых такого ранга, как Сахаров, Шафаревич и Орлов, об этом заявит вся Академия наук. Напрашивается вопрос: почему подобные вещи не происходят? Следует ли оставить эти надежды?

Амальрик: Видите ли, если все начнут жить не по лжи, то Академия наук по-прежнему будет жить по лжи. С точки зрения морали, наши академики - дурная среда. Кроме того, они – поколение советских ученых. Эти люди прошли порочный процесс отбора, чтобы подняться по академической лестнице. Их заставляли делать чрезвычайно мерзкие вещи с нравственной точки зрения, и это сформировало их характер. Андрей Дмитриевич Сахаров – это поразительное исключение.

И потом, нужно ли, чтобы таких людей было большинство? Здоровому обществу не нужно много святых. Достаточно, чтобы их было немного. Потому что любая жизнь – это всегда определенный компромисс между нравственными требованиями общества, в котором живет человек, и обычными прагматическими потребностями. Главное здесь – найти баланс и иметь перед собой примеры, яркие примеры людей, живущих по высоким моральным принципам. Одно то, что у нас есть такие люди, сильно влияет на обстановку и побуждает других людей руководствоваться высокими моральными стандартами. А это очень важно». (8)

Амальрик продолжал бороться за свободу человека на родине, вплоть до гибели в автокатастрофе через несколько лет в Испании. Он ехал ночью, после дождя, по скользкой дороге в Мадрид на международную конференцию по правам человека. Насколько я знаю, ничем нечистым в этом деле не пахло. (9)

Когда я работал в Мюнхене, на радиостанцию пришел человек, выдавший себя за матроса, бежавшего за границей с советского корабля. Его звали Олег Туманов. Это был приятный молодой блондин, со славянской внешностью, вскоре зарекомендовавший себя хорошим журналистом. В 1980-е годы он стал главным редактором русского отдела новостей, но неожиданно исчез и появился на разоблачительной конференции в Москве. Здесь он заявил, что по заседанию КГБ он проник на Радио Свобода. Полностью история появилась в его книге Исповедь агента КГБ, вышедшей в 1993 году и полной неточностей о РС и его сотрудниках. (10) Некоторые сомневались в его утверждении, будто с самого начала он был агентом КГБ. Говорят, он действительно сбежал на Запад, и только потом был завербован. Генерал КГБ Олег Калугин, разочаровавшийся в советской системе и примкнувший к демократам в конце 80-х годов, утверждал, что он лично отвечал за вербовку Туманова. В своей автобиографии, изданной в 1994 году, Калугин пишет, что, когда Туманов уже был на Западе, в КГБ вскрыли его письма семье и узнали: ему плохо. Тогда сотрудник КГБ встретился с ним в Вене и уговорил устроиться на работу на радиостанцию Свобода с тем, чтобы принести пользу Родине и заслужить прощение. Как пишет Калугин, Туманов был лучшим из нескольких агентов, внедренных им на мюнхенскую радиостанцию, и участвовал в организации взрыва нашей станции в 1981 году - за что Калугин ручается. Я бы не удивился, узнав, что в нашем нью-йоркском отделении РС тоже были шпионы. На месте КГБ я, не жалея сил внедрял бы шпионов в эту опасную для советских властей радиостанцию, так мешавшую им манипулировать информацией. По словам Калугина, наши передачи «приводили советских руководителей в ярость».

Мюнхенский Институт по изучению СССР, субсидируемый *Комитетом РС*, часто проводил научные форумы, подобные лондонской конференции по цензуре. В 1969 году был проведен симпозиум, посвященный религии в Советском Союзе, где я выступал с докладом об иудаизме. Мой главный тезис заключался в том, что евреев в Советском Союзе ждет безрадостное будущее, и если они хотят сохранить свою национальную самобытность, им надо

эмигрировать. Влияние Запада и заинтересованность в этом самого брежневского режима позволила десяткам тысяч евреев выехать в 70-80-е годы в Израиль. Эмиграция стала источником свежих сил: на радио появились новые талантливые сотрудники, делавшие отличные передачи. Правда, это привело к конфликтам между русскими сотрудниками старшего поколения, среди которых попадались антисемиты, и их новыми еврейскими коллегами (см. об этом гл. 11).

После четырехлетнего пребывания в Мюнхене мы с Глорией поняли: пора возвращаться в Америку. Нам не хотелось оставаться экспатриантами. Мы могли бы еще остаться в Германии и пользоваться всеми благами – жильем, высокой заграничной зарплатой, но это означало жить порознь с детьми. Дональд был уже на первом курсе Мичиганского университета, а Дебби заканчивала школу. Наши родители старели, и нам хотелось быть поближе друг к другу. Желание вернуться подогревалось ещё и тем, что как у евреев, у нас по-прежнему были опасения оставаться в Германии. Хотя никто из нашей семьи и не пострадал, мы, тем не менее, помнили о холокосте. Встречая людей нашего возраста, мы невольно задумывались: а что они делали при Гитлере? На прекрасных концертах, сидя рядом с просвещенными любителями классической музыки, мы постоянно чувствовали парадоксальность ситуации: в нескольких километрах к северу от Мюнхена расположен Дахау, где меньше 25 лет назад, возможно, с одобрения многих из этих людей, творились чудовищные вещи.

Работать с Кеном Скоттом было одно удовольствие: руководил он деликатно и с чувством юмора. Они с Сарджентом создали для меня в Нью-Йорке новую должность: мне поручалось наладить связь с американскими учеными и тем самым разнообразить программы. Летом 1970 года на теплоходе France мы отплыли из Европы в Америку - устраивать нашу жизнь заново. Вскоре Радио предстояло столкнуться с наиболее серьезной угрозой – причем, вовсе не из Москвы, а из Вашингтона.

РАДИО СВОБОДА: ПОКРОВЫ СБРОШЕНЫ

Какая разница между капитализмом и коммунизмом?

При капитализме существует эксплуатация человека человеком, а при коммунизме – наоборот.

Как директор программного планирования - новая должность, специально созданная для меня – я отвечал за подготовку серий передач, причем, моей главной задачей было привлечение крупных деятелей американского академического мира к участию в наших программах. Моим непосредственным начальником в Мюнхене формально оставался Кен Скотт, здесь же в Нью-Йорке мне пришлось тесно работать с Хаулендом Сарджентом и Жуком Оболенским, сменившим меня на посту директора программного отделения.

Сарджент назначил Джона Скотта (однофамилец Кена Скотта) вице-президентом Комитета Радио Свобода, и наш штат увеличился еще на одного человека. Скотт хорошо знал Советский Союз: в 30-х годах, будучи еще молодым человеком, он помогал создавать сталинскую промышленность в Магнитогорске. Он находил рациональное объяснение жертвам, на которые шёл советский народ ради строительства и защиты молодого государства. Но его ужасали жестокость власти и политические чистки во имя социализма. Вернувшись в Соединенные Штаты с русской женой, он много лет работал с Генри Р. Льюсом, издателем журнала Time и написал прекрасную книгу о своей жизни в Советском Союзе За Уралом. В 60-е годы мы с Джоном записали интервью с его старым другом - генеральным секретарем Коммунистической партии США Эрлом Броудером. Броудер занимал этот пост с 1930 по 1945 год, пока Сталин не исключил его из партии как «правого ревизиониста».

Через несколько месяцев после моего возвращения в Нью-Йорк мы с Джимом Кричлоу и Джоном Скоттом расспрашивали американского профессора математики, только что вернувшегося из Москвы. Как обычно, мы не упоминали о том, что нас финансирует правительство. По совпадению, в тот же день (была суббота) из Вашингтона пришло известие: уже в понедельник общественность узнает о связях ЦРУ с радиостанциями Свобода и Свободная Европа. В воскресенье я встретился с Кричлоу, жившим рядом в Вестчестере, и мы долго говорили о том, какой ущерб это может нанести РС. Мы осознавали его масштаб: дело, ради которого мы столько работали, может рухнуть из-за враждебного общественного мнения, и мы решили спасти радио во что бы то ни стало.

25 января 1971 года американской общественности стало известно: РС получало тайные субсидии от Конгресса через ЦРУ. Сенатор Клиффорд Кейс из Нью-Джерси потребовал положить этим связям конец. Его поддержал председатель комитета по иностранным делам сенатор из Арканзаса Дж. Уильям Фулбрайт. Кейс считал возможной работу РСЕ и РС только в случае открытого и непосредственного финансирования их Конгрессом. Однако Фулбрайт был категорически против радиостанций, считая их раздражителями и помехами на пути улучшения советско-американских отношений и называл

их «пережитками холодной войны». Чтобы снизить значение их вещания на страны Восточной Европы и Советского Союза, он твердо решил воспользоваться разоблачением обоих радио как тайных ставленников ЦРУ.

На самом деле, упоминания о связи ЦРУ с РСЕ и РС в американской прессе появлялись уже в 1967 году, но тогда речь, в основном, шла о РСЕ. В марте того же года Си-Би-Эс организовала документальную телепередачу «На содержании ЦРУ: американская дилемма». В передаче общеамериканского телеканала впервые упоминалось о том, что Радио Свободная Европа – это не частная организация, существующая на средства своих подписчиков, как, утверждали рекламы РСЕ по радио, телевидению и в газетах, а отдел ЦРУ. Радио Свобода едва упоминалось. Доктор Фрэнк Стэнтон, президент Си-Би-Эс и одновременно председатель двух комитетов – Фонда Радио Свободной Европы и Консультативной комиссии по информации США – сказал после передачи, что, по его мнению, какие бы ни были источники финансирования, частные или правительственные, о них нужно говорить открыто.

Джек Гоулд, телекритик газеты New York Times, написал большую статью о передаче под названием «Новый виток шпионажа». Он писал почти исключительно о РСЕ, подчеркивая, что «не только последние дни или месяцы, но, по крайней мере, 15 лет в кругах, близких к радиовещанию, все знали, что Радио Свободная Европа – это детище ЦРУ». Гоулд только раз упомянул РС, назвав ее «таким же инструментом ЦРУ, как и РСЕ». В заключение он писал: «Устранение ЦРУ из радиовещания будет иметь положительное значение для всей пропаганды США, поскольку покажет, что она руководствуется только фактами, а не иными мотивами, которые грозят, в конце концов, свести на нет ценность правдивых сообщений. Понимание со стороны окружающего мира для нас гораздо ценнее, нежели игры в тени сверхурочного шпионажа».

В 1968 году, вскоре после избрания Ричарда Никсона президентом США, Роланд Эванс и Роберт Новак, ведущие регулярную колонку в Washington Post, назвали секретное финансирование Радио Свободная Европа со стороны ЦРУ «одним из лишних концов, который неуклюжая джонсоновская администрация оставила разбираться новоизбранному президенту Никсону». В числе получателей денег от ЦРУ упоминалось и РС.

Эванс и Новак отмечали: после того, как в 1967 году журнал Ramparts обнародовал, что ЦРУ финансирует Национальную ассоциацию студентов и другие организации, считавшиеся частными, президент Джонсон назначил заместителя министра иностранных дел Николаса Катценбаха главой специального комитета по изучению этой проблемы, с тем чтобы предупредить расследование Конгрессом всех тайных операций ЦРУ. Именно с этого момента обе радиостанции стали предметом тщательного расследования на самом высоком правительственном уровне.

«В какой-то момент во время закрытых обсуждений в комитете Катценбах, казалось, был готов прекратить субсидирование РСЕ и всех остальных организаций, что встревожило экспертов по коммунистической Европе как в Государственном департаменте, так и вне его. Они доказывали Катценбаху, что, начиная с трагической революции 56-го года в Венгрии, Радио Свободная Европа прекратила призывы к насильственному смещению коммунистического режима и, напротив, призывала к либерализации мирным путём. На этом основании доклад Катценбаха, год назад рекомендовавшего прекратить финансирование, разрешил ЦРУ содержать как Радио Свободную Европу, так и Радио Свобода с одним условием, ради поддержания репутации: Свободная

Европа должна прекратить свои вводящие в заблуждение обращения за деньгами по американскому телевидению». (2)

Журналисты предсказывали, что администрация Никсона, наверняка, продолжит содержать радиостанции либо через ЦРУ, либо в виде «регулярных отчислений Конгресса». Обе радиостанции оставили в покое еще на два года, скорее всего, из-за более насущных вопросов: войны во Вьетнаме и общественного брожения, начавшегося из-за неё.

Читатели рубрики «Взгляд» газеты Washington Post вряд ли удивились заявлению Кейса, потому что за месяц до этого, 22 ноября 1970 года, корреспондент из Мюнхена Джон М. Гошко поместил в рубрике «Взгляд» большую статью с описанием текущей работы радиостанций. Он писал: «Есть факты, убедительно доказывающие, что радиостанция Свободная Европа создана на деньги ЦРУ и продолжает получать их до сих пор. На те же деньги существует и Радио Свобода». С другой стороны, журналист отмечал высокий профессионализм и объективность Свободной Европы (то же он мог бы сказать и о РС) и заявлял: похоже, что ЦРУ не вмешивается в политику радиостанции и содержание ее передач: «Сотрудники, все как один, утверждают, что не было случая, чтобы от них требовали придерживаться правительственной линии или смягчать факты и комментарии, которые могли бы не понравиться американскому правительству. Эти опровержения не лицемерны, сотрудники не пекутся о собственных интересах, как может показаться скептикам со стороны. Нужно непредвзято познакомиться с работой РСЕ, и тогда станет очевидной независимость политики радио и уважение к разным мнениям». Если бы корреспондент побывал на РС, то я уверен: он написал бы то же самое. Хотя один неприятный случай у нас был. Как я уже упоминал, в 1962 году ЦРУ несправедливо и неоправданно вмешалось в предназначенный для эфира материал с Лайнусом Полингом.

Правда не замедлила воспользоваться разоблачениями Кейса. 9 февраля 1971 года она опубликовала статью «Анатомия грязных дел: пойманы с поличным», обрушившись на «эту фабрику лжи», через которую ЦРУ вело основную подрывную деятельность и шпионаж против СССР. Это, по словам газеты, мешает разрядке напряженности в Европе и мешает взаимопониманию и доверию между европейскими государствами. Следовательно, существование Радио Свободная Европа и Радио Свобода на территории Западной Германии нельзя считать «внутренним делом» США и Федеративной Республики Германии.

Сенатор Кейс, выступая на Си-би-эс, сказал, что он против «закулисных действий, особенно в данном случае», поскольку «он обеспокоен кризисом доверия в обществе: в Соединенных Штатах царит убеждение, что всё неподлинное». Он добавил:

«Мы не можем допустить, чтобы правительство до такой степени впутывалось в дела, бросающие на него тень. Делами подобного рода [финансированием РСЕ/РС] нет больше необходимости заниматься тайно, по моему мнению, наше правительство должно это делать открыто. Мне остается надеяться, что таким будет наше решение». (3)

Кейс представил в Сенат законопроект, предусматривающий, чтобы «Радио Свободная Европа и Радио Свобода подпадали под статью учета и ассигнования в Конгрессе». Это совершенно меняло прежнюю ситуацию, когда расходы за последние 20 лет в размере нескольких сотен миллионов долларов из секретного бюджета ЦРУ почти полностью оплачивали стоимость обеих радио

станций. Кейс напомнил: «Только в прошлом финансовом году свыше 30 миллионов долларов было потрачено ЦРУ из прямых государственных субсидий. При этом в Конгресс даже не обращались и не дали ему исполнить отведенную конституцией роль: одобрить траты». Одновременно комитет Фулбрайта отмечал, что годовой бюджет Голоса Америки составил в это время 41 миллион долларов для проведения, как подчеркивалось, операций в мировом масштабе (курсив комитета).

Слушания в Комитете Фулбрайта начались в мае. Первым в качестве свидетеля был вызван помощник госсекретаря по европейским делам Мартин Дж. Хилленбранд. От имени администрации он представил альтернативный законопроект по созданию частной, некоммерческой корпорации - Американского Совета по частным международным связям. Предполагалось, что корпорация будет направлять правительственные субсидии не только Радио Свободная Европа и Радио Свобода, но и другим частным радиостанциям и СМИ, предназначенным для заграницы. До принятия решения о будущем кредитовании обеих станций Комитет Фулбрайта потребовал подробное обоснование этого у Библиотеки Конгресса и Генерального финансового управления. В июле законопроект Кейса был с небольшими изменениями одобрен как временный документ, «основная цель которого - признание открытого финансирования правительством» обеих радиостанций. На следующий финансовый год станциям выделялось 35 миллионов долларов - чуть больше, чем раньше.

Рука сенатора Фулбрайта чувствовалась и в докладе руководимого им Комитета, представленном 30 июля, где выражалось сожаление о том, что американский народ и его избранные стали жертвою «обмана» со стороны пяти президентских администраций, начиная с Трумэна: «Один из тех свидетелей на слушаниях комитета 24 мая и напомнил членам Комитета: 'нас обманывали, убеждая, что Радио Свободная Европа финансировалось на жалкие школьные деньги и на добровольные пожертвования тех, кто хотел доставить правду за железный занавес'». Имея в виду новый законопроект, он объявил:

«(Его цель) - покончить с этим обманом. Теперь люди будут знать, за что и сколько они платят... Конечно, при условии, что передачи РСЕ и РС действительно приносят пользу, и хотя мнения в комитете расходятся на этот счет, большинство членов считает, что несмотря на сомнения, стоит поддержать радио. А сомнения серьёзные, учитывая нежелание людей оказывать через частные пожертвования ту финансовую помощь, которая, как утверждают радиостанции, им нужна. Однако, принимая законопроект, Комитет подчеркивает своё нежелание оправдывать Радио за недостаточностью улики или предоставлять ему какую-либо организационную или финансовую самостоятельность, выраженную в виде поддержки со стороны Администрации». (4)

Комитет выражал надежду: заказанный им тщательный анализ проблемы «предоставит материал, позволяющий сделать более компетентные выводы, нужны или не нужны эти радиостанции обществу».

К докладу прилагалось мнение сенатора Клейборна Пелла. Он хвалил радиостанцию Свободная Европа за то, что она исправилась после венгерской революции 1956 года и стала менее резкой и более объективной. «Радиостанция, - писал сенатор, - старается быть в курсе интересов своей аудитории». Однако над РС он учинил настоящую расправу:

«Что касается РС, то это совсем другое дело. Задачи Радио Свобода, я думаю, вызывают больше вопросов, поскольку его главная цель – свержение внутреннего, стабильного и надолго установившегося режима. Я считаю, что наш законопроект должен касаться только статуса Свободной Европы. Тем не менее, если закон должен охватить обе станции, я предпочел бы оставить обе, нежели отказаться от Радио Свободная Европа». (5)

Относительно «надолго установившегося режима» Пелл делал ту же ошибку, что и многие западные политики и «советологи»: они переоценивали силу режима, и поэтому они предпочитали сохранять status quo.

Для изучения вопроса о радиостанциях по требованию сенатского комитета по иностранным делам Библиотека Конгресса назначила Джеймса Р. Прайса и доктора Джозефа Дж. Уэлана. Первый занимался Свободной Европой, второй – Радио Свобода. Уэлан с отличием защитил диссертацию по истории в Рочестерском университете, где он затем преподавал, прежде чем был взят в правительство и двадцать лет трудился в Библиотеке Конгресса. В отчетах Конгресса США от 6 марта 1972 года его анализ истории, структуры, политики, программ и значения РС занял 50 страниц. Напечатанный мелким шрифтом, принятым для отчетов, он содержал не менее 100.000 слов, не считая приложения. По сей день это, по-видимому, самое глубокое исследование РС. (6)

Отчет был представлен Комитету по иностранным делам 14 января, а широкая публика увидела его несколько недель спустя. В предисловии Фулбрайт объяснял задержку желанием вставить оба отчета по двум радиостанциям в Отчет Конгресса, «ввиду противоречивости некоторых положений, а также чтобы отвести обвинения в утаивании и искажении информации мною и сотрудниками Комитета».

Доказательство того, что сенатор Фулбрайт именно этим и занимался, находится в Отчете Конгресса от 28 февраля, где помещена речь конгрессмена Роберта Стила (штат Коннектикут). Здесь содержалось обвинение Фулбрайта в попытке «уничтожить жизненно важные радиостанции», скрывая «профессиональные изыскания», предоставленные двумя «ведущими аналитиками из Библиотеки Конгресса, которые были «в высшей степени благоприятны для радиостанций». Стил заявил: в мае 1971 года, когда Фулбрайт поручил провести исследования, его «замечания не оставляли сомнений: он хочет выставить обе организации в черном свете. Рукописи отчетов были представлены членам Комитета в середине января и, насколько мне известно, так и остались там, ознакомились с ними всего несколько человек со стороны». Цитируя отчеты, помещенные в *New York Times* и в статьях известных журналистов Эванса и Новака, высоко оценивших работу РСЕ/РС, Стил потребовал отправить копии в Нижнюю палату Конгресса, в Комитет по иностранным делам. Он заявил: «Конгресс США должен защищать Радио Свободная Европа и Радио Свобода до тех пор, пока мы и общественность основательно не изучим эти отчеты». Конгрессмен Стил ссылаясь на редакционную статью в газете *New York Times* от 21 февраля, озаглавленную Сохраним свободные голоса.

Я заметил, что в последние годы Times не раз представляли газетой, якобы настроенной в ту пору против РСЕ и РС, но это далеко не так, поскольку редакторы Times заявляли:

«На протяжении целого поколения *Радиостанции Свободная Европа* и *Свобода* способствовали невероятному обогащению рынка идей в Восточной

Европе и в Советском Союзе. Библиотека Конгресса по просьбе сенатского Комитета по иностранным делам изучила их деятельность и высоко оценила их вклад в либерализацию стран Восточной Европы.

Но завтра, если члены Палаты и Сената не придут к общему мнению, этим станциям грозит исчезновение. Эта ситуация возникла из-за того, что каждая Палата проголосовала за свой собственный законопроект, позволяющий станциям продолжать вещание.

Если тупиковая ситуация покончит с *Радио Свободная Европа* и *Радио Свобода*, в выигрыше окажутся сторонники жесткой линии в Советском блоке, которые ненавидят обе станции за пособничество либералам и передовым силам в коммунистическом мире. Более того, закрытие радиостанций, из-за невозможности представителей обеих Палат прийти к соглашению, вряд ли принесет славу американскому законодательству, не добавит это и престижа в глазах европейцев, когда те увидят: важнейшие проблемы у нас решаются с помощью технических уловок.

Мы считаем: оба радио выполняют важную миссию, но даже не разделяющие нашу точку зрения должны понимать, что их существование дает президенту Никсону дополнительные преимущества во время его предстоящего визита в Москву в мае этого года. По крайней мере, все, кого это касается, должны согласиться, что будущее *Радио Свободной Европы* и *Радио Свободы* должно решаться только после переговоров Никсона в Кремле. После его визита Конгресс, возможно, пересмотрит некоторые положения внешней политики США». (7)

Поддержка самой влиятельной газеты укрепила наш дух и стала оружием в нашей борьбе с Фулбрайтом так же, как и доклад Уэлана, в заключительной главе которого (*Несколько общих соображений о Радиостанции Свобода*) он писал: «Нет никаких сомнений, что *Свобода* выполняет роль «Внутренней службы» для советских людей: она пытается вступить с ними в диалог, восстанавливает пропущенное цензурой, исправляет искажения советской пропаганды и служит своеобразным эхом, возвращая народу мысли и идеалы его собственной «лояльной оппозиции».

В отличие от Фулбрайта, отчет называл *РС* «патриотическим» радио для советских людей», которое опирается на демократические принципы свободной прессы и защищает насущные интересы людей в СССР, «говорит от лица народа, выражая надежду, что, в конце концов, победят те силы, которые борются за демократическое преобразование советского общества. Его конечная цель – мирные демократические преобразования в Советском Союзе, оно считает, что лучший путь достижения мира с Россией – это уменьшение тоталитаризма в СССР и рост демократии».

Вышеприведенный пассаж Фулбрайт использовал не за, а против *РС*. В своем выступлении 6 марта он лицемерно сослался на недавний визит президента Никсона в Китай, процитировав совместное коммюнике двух правительств от 27 февраля:

«США поддерживают личную свободу граждан и социальный прогресс всех народов мира, мы против внешнего давления или вмешательства. США считают, что снизить напряженность можно благодаря росту взаимопонимания между странами с разными идеологиями, что уменьшит риск конфронтации из-за всякого рода случайностей, просчетов или непонимания. Страны должны соблюдать взаимное уважение и стремиться к мирному соревнованию, о результатах которого будут судить по достижениям. Ни одна страна не может

считать себя непогрешимой и должна быть готова пересмотреть свои взгляды во имя общего блага».

Фулбрайт, по-видимому, считал, что это противоречит политике *PCE/PC*:

«Если в течение всего одной недели нам удалось достигнуть понимания с Китайской Народной Республикой, что отменяет создание «Радио Свободный Китай», нацеленного на реформирование китайского правительства, то я считаю необъяснимым, почему после стольких лет прямого вещания на Советский Союз мы должны поддерживать *Радио Свобода*, чья цель – «уменьшение советского тоталитаризма». Мне жаль, что отчет Библиотеки Конгресса не уловил суть дела». (8)

Враждебное отношение Фулбрайта к *PC* шло вразрез с долговременными целями внешней политики США. Это подтвердили последующие 25 лет, в течение которых мир стал свидетелем постепенного ослабления и полного фиаско советского тоталитаризма. Что касается Китая, то несмотря на улучшение отношений в конце 90-х, американское правительство сочло необходимым учредить *Радио Свободная Азия*, аналогичное *Радио Свободная Европа* и *PC*, чтобы «уменьшить» контроль КПК и защищать права человека.

Более взвешенный подход к будущему радиостанций высказал сенатор Чарлз Перси, выступивший в Сенате 22 февраля 1972 года. Признавая за сенатором Фулбрайтом «право» задавать вопрос, нужны ли нам эти радиостанции и насколько их политика отвечает целям внешней политики США, Перси доказывал, что «неразумно разрушать структуры, которые приносят огромную пользу и которые трудно будет восстановить в случае необходимости». Кроме того, он сказал:

«Я думаю, что нам не следует подчинять обе радиостанции Госдепартаменту. Они пользуются репутацией независимых, в значительной степени потому, что их передачи строятся не на сиюминутных требованиях дипломатической позиции Соединенных Штатов. Они не дублируют «Голос Америки», и мы не должны относиться к ним, как к официальным станциям, представляющим американскую внешнюю политику.

Мы должны поддерживать *PCE* и *PC* до тех пор, пока они остаются объективными в подаче новостей и оценке событий. Они показывают другим народам, лишенным свободной прессы, что мы думаем о них и интересуемся их мнением. Они служат для того, чтобы во многих странах не угасла надежда на свободу». (9)

Чтобы дополнить исследование Библиотеки Конгресса личными впечатлениями и интервью, Уэлан посетил обе радиостанции – и в Мюнхене, и Нью-йоркское отделение, извинившись за то, что взял на себя ответственность обработать предоставленный ему великолепный материал для отчета за такое короткое время. Он надеялся: объективный отчет поможет вынести справедливую оценку Радио. Восхищенный нашей работой, он говорил, что, в первую очередь, сенатор Фулбрайт должен понять: только наша радиостанция сообщает советским радиослушателям такое разнообразие идей и мнений. Понимая, что сенатор Фулбрайт ждет от него подтверждения того, что *PC* – это «инструмент холодной войны», Уэлан, тем не менее, сам пришел к выводу, что как независимое радиовещание, мы служим коренным интересам Соединенных Штатов, и сожалел о непонимании и недооценке нас в Вашингтоне.

Уэлан предупредил нас, что нам придется иметь дело с людьми, имеющими о нас превратное мнение, как о разжигателях вражды и противниках разрядки международных отношений. В ответ мы говорили о бессмысленности разрядки,

пока в СССР существует монополия на средства массовой информации, и о нашей задаче - обеспечении советским радиослушателям доступа к любой информации, что аналогично поступку New York Times, напечатавшей Пентагоновские бумаги. В своем докладе он привел выдержки из моей речи на конференции в Принстоне в 1962 году, где я касался обучающего вклада радиостанции в долгий процесс демократизации. В подтверждение он цитировал: радиостанция Свобода «отвергает политику конфронтации» и стремится «развить у своих слушателей умение размышлять взвешенно», исходя из того, что «у советского гражданина есть свои естественные возможности повлиять на судьбу страны».

Суммируя положительные и отрицательные стороны деятельности РС, Уэлан сказал, что «даже со стороны видно, что это солидная организация» с опытными сотрудниками и исключительным исследовательским отделом. Радиовещание, «проверенное временем и двумя десятилетиями контактов с советской аудиторией, оказалось полезным, более того, впечатляющим и полным смысла». Его политику «полностью одобряют самые лучшие специалисты по Советскому Союзу, чьи советы помогают формировать направление и готовить передачи». В области изучения своей аудитории «они делают почти невозможное», а по техническим возможностям РС, «похоже, относится к одной из лучших радиостанций в мире, вещающих на границу». Философская ориентация – «реформизм, идеализм и пацифизм – в духе американского демократического либерализма Джефферсона-Вильсона».

К отрицательным сторонам Уэлан относил: (1) пожилой возраст и трудности набора новых сотрудников; (2) малый объем вещания на языках других народов СССР; (3) пассивное руководство Совета попечителей. Он справедливо отмечал: для того, чтобы эффективно играть роль «внутренней радиостанции» РС необходимы сотрудники, которые «досконально знают советскую среду, в частности, особенности быта и языка нового поколения». Он предрекал, что с таким количеством сотрудников из эмиграции первой волны проблемы будут обостряться уже в ближайшие годы, особенно в русской службе. Кстати сказать, обновление сотрудников произошло у нас благодаря «третьей волне» эмиграции, когда массе советских граждан позволили покинуть страну в 70-80-е годы. На РС появился свежий приток молодых (штатных и внештатных) сотрудников и фрилансеров, хорошо знающих советскую жизнь. Однако, как я уже говорил, среди них было много евреев, и хотя в них было больше русского, чем еврейского, их национальность вызывала неприязнь у коренных русских из старой эмиграции, что потом вызвало большие трения между двумя группами.

Впрочем, привлечение новых молодых сотрудников в нерусские службы Уэлан считал меньшей проблемой, поскольку сотрудников можно было нанимать в Турции. Он критиковал радио за предпочтение, оказываемое радиовещанию на русском, хотя и признавал, что «именно русским суждено сейчас и в будущем решать судьбу своей страны; исторически великороссы всегда занимали командное положение в России, и поэтому для Радио есть смысл больше средств вкладывать в работу русской службы». Он добавлял:

«Тем не менее, у национальных меньшинств есть своя законная точка зрения, заслуживающая внимания. Национализм – один из самых мощных факторов в современном мире, и хотя Советы отрицают, что это имеет отношение к советской действительности, тем не менее, они бессильны это доказать. Ярким примером в последнее время является осознание советскими

евреями своей национальной принадлежности - во многом благодаря антисемитской кампании, инспирированной советским руководством».

Уэлан справедливо подчеркивал, что рост влияния таких развивающихся стран, как Индия и Пакистан, а также возвращение Китая на международную арену, «подтверждают тезис РС, выдвинутый еще в середине 60-х годов, что республики Советского Союза, в первую очередь, неславянские, приобрели особое значение благодаря их связи с этими регионами и требуют соответствующего отношения. В самиздате пишут о росте волнений в республиках, это делает их силой, с которой нужно считаться. Политика РС рассчитывает на то, что эти новые силы, а также силы, зарождающиеся в самой России и направленные на конструктивные цели, станут резервом, который пока трудно оценить сполна».

Третьим недостатком Уэлан считал пассивность Совета попечителей в противоположность активной роли Совета Свободной Европы. Он расценивал это как уважение к президенту Радио Свобода. «Очевидно, что если бы не такой сильный администратор, как мистер Сарджент, то РС сталкивалось бы с гораздо большими трудностями. Если РС суждено продолжить работу, особенно сейчас, учитывая различные обсуждаемые предложения, то Совету попечителей следует существенно усилить свою деятельность, и его роль руководящего органа должна быть определена более четко».

Фулбрайт между тем упорно продолжал критиковать отчет Уэлана, характеризуя его наряду с параллельным отчетом о РСЕ, «как два нудных разбора о двух очень бюрократических организациях, которые ставят своей целью либерализацию правительств Восточной Европы и Советского Союза, передавая «сбалансированные новости» народам этих стран». Согласно их теории, народ «будет оказывать давление на свое правительство, требуя демократических реформ, а это, в свою очередь, послужит сохранению мира во всем мире.... Эта теория, я думаю, основана ни на чем ином, как на высокомерном убеждении, что люди во всем мире будут поступать так, как мы этого хотим, достаточно только им указать, что именно они должны делать».

(10)

Либо сенатор лукавил, либо он действительно не понимал суть миссии радио, которая была далека от навязывания аудитории чуждых идей. Мы давали возможность слушателям услышать мнение своих соотечественников, причем не только эмигрантов, но и тех, кто жил рядом. И вместо того, чтобы процитировать любое из писем с активной поддержкой РС/РСЕ, которые потоком приходили в отдел к нему, а также к его коллегам, он выбрал враждебное письмо одного бывшего дипломата, пожелавшего остаться анонимным. Этот «эксперт» возмущенно писал, что больше нет необходимости в таких радиостанциях, а если они до сих пор существуют, то лишь для того, чтобы сохранить рабочие места для своих сотрудников.

Борьба за выживание только подстегнула энергию и таланты наших руководителей – как на РС, так и на РСЕ. В Нью-Йорке Сардженту особенно активно помогали директор Информационного отдела РС Джим Кричлоу и его помощница Гретхен Брейнерд. Я большей частью работал в академических кругах, убеждая наших друзей в университетах поддержать нас, посылая письма Фулбрайту или членам его комитета. Среди тех, кто откликнулся на мой призыв, был профессор Филип Э. Мозли, мой бывший преподаватель и научный руководитель в Колумбийском Русском институте. Во время и после второй мировой войны Мозли участвовал в работе правительства и был одним из

американских представителей, отвечавших за раздел Берлина на четыре сектора: американский, британский, французский и советский. В период холодной войны Мозли, за хорошее знание русского языка и опыт в переговорах с Москвой, часто приглашали консультантом в Государственный департамент. В 1971 году он все еще работал преподавателем международных отношений в Колумбийском университете по стипендии Адлея Стивенсона, директором Европейского института и заместителем декана факультета по международным делам. Фил прислал мне копию длинного письма, посланного им Фулбрайту в июне, в котором он выражал «глубокую тревогу» за судьбу РС, указывая на «скромную, но существенную роль» его в формировании общественного мнения, предоставлении советским гражданам «информации об их правах, которые они могут и должны требовать по закону своей страны», и передаче «всевозможных сведений, на основании которых каждый сам сможет выработать собственное суждение», тем самым «помогая отдельному человеку мыслить свободно и укрепляя чувство, что его потребности и желания разделяют другие». Он предостерегал Фулбрайта, что закрытие РС только поможет советскому руководству в одиночку контролировать поток информации, а также даст понять многим советским гражданам, что Запад утратил те ценности, которые он воплощал. В конце письма он настаивал: «Поскольку 70-е годы будут переломными для развития советского общества и его способности влиять на режим в направлении признания основных человеческих ценностей, то сейчас самое губительное время думать о закрытии Радио Свобода». (11)

Мозли написал Фулбрайту, что его мнение «опирается на прослушивание большого числа передач РС». Его слова о том, что 70-е годы - переломные, особенно интересны в свете последующего расцвета самиздата и диссидентского движения в период разрядки, которые приобрели ещё больший импульс к концу 70-х годов. Если бы усилия Фулбрайта увенчались успехом и РС закрыли, то советская интеллигенция лишилась бы главного союзника в сопротивлении брежневскому подавлению прав человека и гражданских свобод, предоставить которые Брежнев клялся в августе 1975 года в Хельсинки. О том, как необходима была РС, позже говорили многие диссиденты, и особенно интересно Людмила Алексеева (она эмигрировала в США в 1977 году) в своей книге «История инакомыслия в СССР» и в автобиографической книге «Поколение Оттепели». (12)

И все же, несмотря на близорукий подход к роли РСЕ и РС, как существенного компонента американской внешней политики, Фулбрайт внес значительный вклад в дело международного взаимопонимания, благодаря учрежденным им стипендиям, которые позволили многим американцам учиться за границей, тем самым расширяя их собственные горизонты и одновременно знакомя иностранцев с американскими ценностями.

Во время всего периода холодной войны гарвардский профессор Ричард Пайпс был постоянным защитником РСЕ и РС (сначала в качестве ученого, а в 1980-е годы как член президентского Совета по национальной безопасности при Рональде Рейгане). В августе 1971 года он писал Фулбрайту, что, хотя он разделяет чувства сенатора о способе финансирования радиостанций в прошлом, но он «надеется, что при обсуждении будущего этих организаций этот вопрос не будет смешиваться с непреходящим значением работы радиостанций». Он заявил, что ни у него, ни у других экспертов по Советскому Союзу и Восточной Европе, будь то в США или Соединенном королевстве «нет

ни малейшего сомнения в том, какое важное значение имеют передачи для той части мира, которая находится под коммунистическим контролем. Для многих людей, живущих в тех условиях, радиоинформация, приходящая из-за границы, является буквально легальным оружием, которое оспаривает чрезмерные притязания государства. Этот контроль, в свою очередь, является той внутренней стабилизирующей силой, которая заставляет коммунистические правительства оправдываться перед своими гражданами и проявлять некоторую предусмотрительность в своей международной политике».

В заключении Пайпс писал: «Насколько я понимаю, если РСЕ и РС будут открыто финансироваться правительством, то главное возражение против вас отпадает. Вот почему ещё раз я бы хотел обратиться к вам с просьбой использовать ваши авторитет и влияние, чтобы гарантировать им спокойную работу». (13)

Большое число американских и британских ученых высказались так же страстно и выразили те же мысли. (14) Фой Колер, профессор Школы углубленного изучения международных отношений Университета Майами, бывший директор Голоса Америки и посол в СССР, считал, что обе радиостанции внесли свой вклад в стабильность советско-американских отношений, выступая за «развитие стран-объектов вещания» (СССР и государств Восточной Европы).

Колер оценил качество программ, которые «по уровню профессионализма не уступали коммерческим СМИ в США и Западной Европе». Он заключал:

«Никто из нас точно не знает, в какую сторону пойдет развитие СССР и стран Восточной Европы. Станут ли они больше сотрудничать с международным сообществом, или они останутся приверженными догматическому, авторитарному курсу. Не думаю, что мы скоро узнаем ответ. Я не хочу этим сказать, что две радиостанции сами изменят судьбу СССР или Восточной Европы. Но я уверен, что они оказывают положительное влияние на их внутреннюю жизнь и сохранят это влияние в будущем – как в интересах народов этих стран, так и наших собственных интересов». (15)

Пророческие слова Колера не потеряли своего значения и сейчас, когда спустя почти 30 лет все еще не ясно, пойдут ли постсоветские демократические государства на «большее сотрудничество с международным сообществом».

В Далласе (штат Техас) в марте 1972 года на съезде Американской Ассоциации в поддержку славистских исследований я обратился за помощью к профессору Ричарду Берксу из Уэйнского государственного университета. Перед уходом на академическую работу он был одним из руководителей на Радио Свободная Европа. Он быстро набросал обращение и распространил его среди коллег, собрав около сотни подписей преподавателей различных дисциплин из университетов со всех концов Соединенным Штатам. Беркс послал обращение каждому из 16-ти членов сенатской комиссии по иностранным делам. Под каждым документом стояли подписи преподавателей с указанием их академических должностей. Они уведомляли сенаторов, что хотят выразить «глубокое убеждение» в том, что РСЕ и РС обеспечивают слушателей «свободной прессой» для их слушателей. Они с похвалой отзывались об «исследовательских усилиях, положенных в основу деятельности обеих радиостанций», названных западными учеными «масштабными, тщательными и объективными», и подчеркивали:

«Сейчас, по мере продвижения разрядки напряженности в отношениях между Востоком и Западом, а также благодаря тому, что обе радиостанции во время

отказались от пропаганды времен холодной войны и заняли конструктивный подход к проблемам внутренней эволюции этих стран, значение РСЕ и РС в Восточной Европе максимально. Если радиостанции продолжат свою работу, то они сыграют важнейшую роль, способствуя эволюции обществ, с которыми не только их соседям, но и нам, людям Запада, предстоит жить». (16)

Джим Кричлоу использовал свои связи с американской прессой, давая писателям и редакторам сведения об уникальной деятельности РС. За малым исключением, все газеты поддержали РСЕ и РС, они требовали от Конгресса продолжать финансирование, несмотря на прекращение связи с ЦРУ.

В августе 1972 года президент Ричард Никсон назначил Милтона С. Эйзенхауэра, почетного президента Университета Джонса Хопкинса, главой комиссии, в которую должны были войти почетные граждане, для более глубокого изучения деятельности РСЕ/РС и отчета о её деятельности. В комиссию вошли: декан Колумбийской Школы журналистики, бывший помощник госсекретаря по общественным делам - Эдвард У. Барретт; декан Флетчеровской Школы Права и дипломатии при Тафтском университете - Эдмунд А. Галлион; бывший главный почтмейстер и посол в Польше, теперь декан Колледжа общественных отношений имени Линдона Б. Джонсона в Техасском университете - Джон А. Гроноуски; и политолог из университета Брандайс – профессор Джон П. Роч.

Роч был колумнистом нескольких периодических изданий. Еще до приглашения принять участие в работе комиссии Эйзенхауэра он провел целый день со мной и Джимом на нашей радиостанции в Нью-Йорке. Затем, попросив у нас сэндвич, машинку и свободную комнату, он написал статью, защищающую радиостанции и критикующую Фулбрайта. Статья появилась в феврале-марте 1972 года сразу в ряде газет. Мы на Радио не могли и мечтать о поддержке со стороны журналиста, чей авторитет в значительной степени формировал общественное мнение:

«В одной из самых нелепых и ужасных сцен в выдающемся романе Александра Солженицына «В круге первом» описывается посещение советской тюрьмы известной американкой со связями в высоких политических кругах. Специально к её визиту отобрали и подготовили группу заключенных. Их прилично одели, поместили в чистую камеру с иконой и предупредили о том, как следует себя вести, в противном случае – ба-бах! Заключенные разыграли представление, как положено, и у американской гостьи сложилось хорошее мнение о советском правосудии.

Конечно, подобные вещи были возможны только в условиях полной изоляции от внешнего мира. Ни у кого, кто попадал в сталинский маховик террора, не было надежды на помощь, не было надежды, что о случившемся узнают на воле. Сила Солженицына была ещё и в том, что он описал, как некоторые заключенные стремились не опуститься, сопротивлялись нравственному разложению и сохраняли порядочность и благовоспитанность.

Тирану, чтобы удержать власть, отметил более 2000 лет назад Аристотель, нужно уничтожить человеческое чувство солидарности и внушить каждой жертве, что она одна перед лицом всесильной власти, и никто за неё не вступится. С появлением новых технологий и средств связи делать это стало труднее. Трудно заглушить все приходящие радиосообщения. Появление транзисторов и магнитофонов открыло новую эру в подпольных связях. Благодаря РСЕ/РС Соединенные Штаты почти целому поколению людей в Советском Союзе и Восточной Европе несли благовую весть, что они не одни.

Приведу единственный пример. Советский еврей подписал петицию против несправедливого суда в Ленинграде [над замышлявшими угнать самолет в Израиль в 1970-м]. 30 лет назад он мог бросить это письмо в бездонный колодец. А теперь, на следующее утро в 2 часа 30 минут, Радио Свобода вышло в эфир с текстом петиции и с именами подписавших ее. Сейчас, находясь уже в Израиле, этот человек вспоминает, какое чувство триумфа он испытал, услышав по радио: «Они [КГБ] могут арестовать нас, но наше свидетельство останется в истории».

Благодаря РСЕ/РС, эти люди вошли в историю, но, по мнению сенатора Фулбрайта, – это серьезное правонарушение. Сейчас, когда печатается эта статья, обе радиостанции, ранее оплачиваемые ЦРУ, находятся под угрозой закрытия, если срочно не будут предприняты меры.

Обе палаты Конгресса одобрили продолжение работы радио при открытом финансировании, и обе согласны, что проделано отличное и ненавязчивое дело в очень деликатной области. Фулбрайт – единственный, кто препятствует компромиссу между Палатой представителей и Сенатом по форме ассигнований.

Фулбрайт отказался организовать встречу Палаты представителей и Сената, очевидно, надеясь, что таким необычным образом ему удастся уничтожить то, что он называет «пережитками холодной войны». Ход мудрый: в случае удачи ключевым сотрудникам придется искать другую работу, и опыт, накопленный целым поколением, рассеется. Ему нельзя позволить это сделать.

Любой читатель этой статьи согласится со мной, что Америка – не идеальное государство, но нам американцам повезло. Нам не надо вставать в 2.30 ночи и включать радио, дабы с надеждой узнавать, что мы – люди, что мы пока ещё часть истории. И мы в силах не позволить Фулбрайту лишить наших братьев этой драгоценной связи с человечеством».

Шесть месяцев Роч и другие члены комиссии Эйзенхауера изучали дело РСЕ и РС. Они брали интервью не только у тех, кто непосредственно был связан с работой радио; круг опрошенных был гораздо шире. Они близко ознакомились с работой мюнхенской штаб-квартиры и провели множество заседаний, чтобы прийти к единому мнению. В отчете, представленном Белому Дому в феврале 1973 года было признано, что радиовещание «не только не мешало, но скорее способствовало долгосрочной разрядке международной напряженности». Рекомендовалось сохранить обе радиостанции как частные американские корпорации, субсидируемые Конгрессом через вновь созданный Совет по международному радиовещанию (ВІВ). После принятия Конгрессом соответствующего решения с 1975 года обе радиостанции слились в одну – *РСЕ/РС Инкорпорейтед*, хотя два отдельных совета существовали до 1982 года, пока Совет по международному радиовещанию не взял на себя функцию непосредственного руководства.

В 1973 года цели организаций были подтверждены постановлением Совета, в котором Конгресс США объявлял:

«Политика США заключается в том, чтобы гарантировать право на свободу мнений и их выражение, включая право искать, получать и распространять информацию и идеи с помощью любых средств массовой информации и независимо от границ, в соответствии со статьей 19 Всеобщей Декларации прав человека.

Открытый обмен информацией и идеями между народами способствует международному миру и стабильности, помогать такому обмену – в интересах Соединенных Штатов Америки.

Радио Свободная Европа и Радио Свобода доказали свою эффективность в деле открытого обмена информацией и идеями в Восточной Европе и в Советском Союзе.

Продолжение работы РСЕ и РС как независимых радиостанций, деятельность которых не противоречит целям внешней политики США [курсив мой – Дж. С.] и проводится на высоком профессиональном уровне, отвечает национальным интересам страны».

Определение, выделенное курсивом, в котором говорилось, что работа радио не противоречит целям внешней политики США, была важна для РСЕ/РС, т.к. оставляла за нами право проводить собственную гибкую линию и не быть просто рупором правительства США.

В переходный период, когда созревала структура новой корпорации, Государственный Департамент был нашим опекуном. К 1975 году был сформирован Совет по международному радиовещанию, назначенный президентом США: пять членов из партии большинства и четыре члена из партии меньшинства. Первым президентом стал Давид М. Эбшайер, один из ведущих вашингтонских политиков, он тогда возглавлял Центр стратегических исследований при Джорджтаунском университете. В 1976 года после слияния двух организаций их первым президентом стал Сиг Микельсон, бывший в течение многих лет главой новостного отдела компании CBS. События этого переходного времени он подробно описал в книге Другой голос Америки, вышедшей в 1983 году.

Хауленд Сарджент ушел на пенсию в июне 1975 года. Многим сотрудникам в Нью-Йорке, Мюнхене и других местах он собственноручно написал десятки писем. В каждом письме он говорил о личном вкладе сотрудника РС и, нигде не повторяясь, подчеркивал уникальность каждого из нас. После его смерти в 1984-м Дороти Сарджент, вдова, попросила меня просмотреть бумаги Хауленда. Я обнаружил черновики этих писем – еще одно свидетельство его привычки сохранять все мелочи. (Дороти сказала, что у него сохранились даже записки матери, которые она писала ему в детстве). Мне Хауленд писал:

«Дорогой Джин,

Вы один из пионеров радиостанции, способствовавший ее становлению как здесь, так и за границей. Вы были замечательным коллегой, и мне было чрезвычайно приятно работать с Вами. Ваш маленький отдел пишет прекрасные программы - разнообразные и высокого качества. Так держать!

Мы с Дороти счастливы, что наша дружба с Вами и Глорией длится столько лет; приятно наблюдать, как подрастают Ваши очаровательные дети. А Ваши стихи, сочиненные для нашего торжественного обеда, доставили огромное удовольствие нашей семье и еще раз показали характер наших отношений: среди множества дел Вы нашли время на их сочинение.

С самыми теплыми пожеланиями и глубокой благодарностью – Хауи».

Вскоре после слияния двух радиостанций новое руководство быстро пересмотрело кадровый состав нашего радио. Как водится, многие головы попали, как сейчас говорят, под штатное сокращение. Но моя должность сохранялась, и я продолжал заниматься политикой и программированием: Радио Свобода должно было чутко следить за ширившимся диссидентским движением и его влиянием на советское общественное мнение.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: 1971-1975

- Анекдот слышали: Брежнева выловили из реки с ножом в спине?
- Нет, не слышал, но начало хорошее!

Наш переход от покровительства ЦРУ к неопределенному будущему совпал со значительными переменами в Советском Союзе. Начало 70-х годов было отмечено усилением диссидентского движения, которое стало набирать силу после суда над Синявским и Даниэлем и оккупации Чехословакии. Хауленд Сарджент, всегда знавший, когда нужно пересматривать стратегию и тактику РС, потребовал, чтобы сотрудники в Мюнхене и Нью-Йорке расширили связи с академическими кругами. Западные специалисты могли помочь нам оценить значение для РС самиздатовских произведений, число которых росло в геометрической прогрессии.

Учитывая это новое явление в советской жизни, РС организовало в апреле 1971 года в Лондоне круглый стол под названием *Будущее самиздата: Значение и перспективы*. Вел круглый стол Альберт Бойтер – руководитель исследовательского отдела мюнхенской штаб-квартиры РС. Другим представителем был Эдвард ван дер Рор – директор политики вещания на РС. Хотя никто не приехал из Нью-Йоркского отделения, тем не менее, все наши предложения были приняты для обсуждения. Из США прибыл Абрахам Брумберг – советолог, редактор престижного журнала *Проблемы коммунизма*, издаваемого USIA. Великобританию представляли несколько известных ученых и журналистов. В конце того же года эти ученые в числе других неутомимых защитников РС отстаивали нас от нападок сенатора Фулбрайта. Это были: Майкл Бурдо, Мартин Дьюхерст, Макс Хейворд, Питер Реддауэй и Леонард Шапиро. Кроме них, был специалист по Советскому Союзу из *Daily Telegraph* – Дэвид Флорид и Леопольд Лабедз – редактор английского журнала *Survey*.

Бойтер не слишком преувеличивал, когда назвал встречу западных специалистов по самиздату «встречей на высшем уровне». (1) Целью обсуждения была ретроспективная оценка пятилетнего изучения «явления инакомыслия в Советском Союзе, которое называется самиздат». Два ключевых вопроса были вынесены для обсуждения: что ждет самиздат в ближайшие 2 года, 5 лет? И какой должна быть политика РС (или любой другой зарубежной радиостанции, издательства) относительно самиздата?

Общее мнение было таково: огромное значение самиздата в том, что он знакомит с умонастроениями советской интеллигенции, он продолжает старую русскую традицию и, по всей вероятности, это явление будет расширяться вопреки всем запретам режима, если только брежневское руководство не прибегнет к массовому террору, что вряд ли возможно без появления нового Сталина. Подтверждением этому служил тот факт, что, судя по ссылкам на него в подконтрольной печати, самиздат стал мало-помалу признаваться властями. Волей-неволей с ним приходилось

считаться как с неизбежностью: общество осмелело. Более того, поддержка известных физиков и математиков ещё больше воодушевляла движение.

Специалисты высоко оценили то, что на *Радио* все больше звучат тексты самиздата и их обсуждение. Первая их трансляция относится к 1969 году, а к первому кварталу 71-го шестая часть всего вещания (в среднем – 58 часов в неделю) была отдана самиздату. *Радио Свобода* неоднократно именовали «трибуной», «эхом», «резонатором», с помощью которого советские люди могли выразить себя и обменяться информацией. Профессор Шапиро назвал *РС* «*Колоколом* нашего времени», по аналогии со знаменитым журналом Александра Герцена, издававшимся в середине 19 века за границей. Герцен печатал запрещенные в царской России произведения и посылал их обратно для распространения. Определение профессором самиздата как «многоголовой гидры» было подхвачено многими. Макс Хейворд процитировал анонимную статью 1959 года «Голос из России»: «Вы, живущие на Западе, можете подумать, что русские полностью потеряли способность думать и поступать иначе, чем предписывает официальная печать, но не забывайте, что мы страна Пушкина и декабристов... Эти процессы очень медленны, но у нас, как у гидры, много голов: можно срубить одни, но тут же отрастут другие».

В 60-е и начале 70-х годов самиздат стал гораздо вдумчивей и сложнее: появились статьи политического, культурного, этнического, религиозного и философского содержания. Участники круглого стола в целом признали: все эти темы, возникшие в неподцензурных произведениях, должны найти свое отражение в передачах *РС*. Редакция должна быть максимально объективна в выборе материала и в комментариях к нему. Не следует заменять российскую цензуру нашей, даже если автор окажется правым шовинистом или фашистом, и его взгляды будут противоречить взглядам *РС* или ее редакторов. «В сто раз важнее показать этим людям [радиослушателям], что такое объективный и свободный подбор материала, чем навязывать им некое определенное мнение». В то же время, если документ имеет «практическую ценность», например, связан с нарушением прав человека или гражданских прав, то ему следует уделять большее внимание. Советские граждане должны знать законы своей страны, чтобы ссылаться на них, требуя справедливости. *РС* должно «снова и снова» напоминать радиослушателям совет Александра Есенина-Вольпина, известного диссидента и пионера правового просвещения, который объяснял людям, как вести себя во время допросов: «Эта информация имеет практическую ценность, она подсказывает, что можно делать по закону, а что нельзя». (Вольпин был сыном знаменитого русского поэта Сергея Есенина, покончившего жизнь самоубийством в 1925 году. Он эмигрировал в США в семидесятые годы и часто заходил в нашу редакцию в Нью-Йорке).

Участники конференции также подчеркивали: необходимо проверять подлинность самиздатовских документов. Лучшее доказательство подлинности, считал Питер Реддауэй, - появление документа в *Хронике текущих событий* – самом надежном своде информации по движению за права человека. *Хроника* впервые вышла в Москве в 1968 году, а через десять лет Андрей Сахаров отозвался о ней, как о крупнейшем достижении диссидентского движения. *Радио* старалось доводить до слушателей содержание каждого выпуска - к 1983 году их было 63.

В заключение на Лондонской конференции был обсужден вопрос, как *РС* может поделиться коллекцией самиздатовских материалов со всеми интересующимися ими на Западе. Бойтер и его помощник Питер Дорнан

получили много полезных советов. Они и их коллеги из Мюнхена заслуживают особого признания: благодаря им *Радио Свобода* стала главным хранилищем тысяч самиздатовских материалов. Все они были изучены, зарегистрированы, занесены в систематический каталог, переплетены и стали доступными не только для передач на нашем радио, но этими материалами также могли пользоваться западные ученые, журналисты и специалисты правительственных комиссий. Это помогло нам избавиться от того отрицательного имиджа, который сложился у некоторой части общества, знавшей о наших связях с ЦРУ. Письмо, подписанное сотней ученых в 1972 году и отправленное сенату Фулбрайту, говорит о росте уважения к *РС*.

Исследование Джозефа Уэлана о деятельности *РС*, подготовленное для Библиотеки Конгресса, справедливо подчеркивало важность самиздата и то, что *Радио* стало «главным источником распространения самиздата в Советском Союзе». Уэлан добавлял: «Радио это делает без риска для радиослушателя. Как выразился один из недавних эмигрантов, в СССР «нет закона, чтобы осудить за слушание радио». Уэлан цитировал протоколы лондонской конференции, показывая, как *РС* следует рекомендациям западных советологов. Была выработана концепция использования самиздатских материалов в радиопередачах, автор приводил ее в Приложении.

Главные предостережения сводились к тому, что *РС* не должно транслировать заведомо ложные утверждения, а также те подлинные материалы или их варианты, которые распространяются на Западе агентами режима с целью навредить автору; что документ должен передаваться максимально близко к тексту и следует каждый раз подчеркивать: текст получен без ведома автора. От нас требовали четкого разграничения комментария и самого документа, чтобы обезопасить автора, чье положение в стране, как правило, было очень уязвимым.

Через несколько месяцев после лондонской встречи специалистов «на высшем уровне» в Северной Америке (Канада, провинция Онтарио) была проведена первая конференция по самиздату под эгидой университета МакМастера в городе Гамильтоне. Я представлял на ней *РС* и послал Бойтеру и ван дер Рору свои впечатления о ней. Уэлан в своем отчете так представил мое послание в Мюнхен:

«Сосин писал, что конференция признает наличие в СССР диссидентского движения и самиздата, к которым нужно отнестись со всей серьезностью. Участники согласились, что еще несколько лет назад такая конференция была бы немыслимой, и рекомендуют в ближайшем будущем провести еще одну. Подчеркивалась роль зарубежного радиовещания в усилении голосов несогласия, в поддержке той или иной группы, тянущейся за более смелыми, и в частичном сдерживании репрессивного режима. Было отдано должное исследованию самиздата, причем многие участники настоятельно требовали предоставить им возможность ознакомиться с этими материалами». (2)

Смерть Хрущева

В начале 1971 года, предчувствуя близкую смерть Никиты Хрущева, мы попросили высказаться для нашего «радио-некрополя» некоторых специалистов: профессора Роберта В. Даниэлса из Вермонтского университета и Гаррисона Солсбери, редактора страницы вне редакционных суждений (Op Ed page) в *New York Times*, лауреата Пулитцеровской премии и корреспондента в

Москве в пору смерти Сталина. Мы получили их суждения незадолго до хрущевской кончины в сентябре. Чтобы дополнить уже имевшийся у нас материал, я попросил Исаака Дона Левина выступить с его оценкой события. В присущей ему манере рассматривать события в исторической перспективе, Дон написал и затем прочитал по-русски следующее:

«Историки, изучающие нашу эпоху, всегда будут помнить, что Никита Сергеевич Хрущев открыл окно в Европу и Америку для нового поколения народов Советского Союза. После тридцатилетнего правления Чингизхана нашего времени, Никита Сергеевич – сын рабоче-крестьянского класса России – осмелился сорвать маску полубога, которую носил воцарившийся в Кремле Сталин, и показал всему миру истинный облик самого кровавого тирана в истории.

Мы не забудем, что именно Хрущев вскрыл перед мыслящими советскими гражданами чудовищные сталинские ошибки и преступления, отбросившие Россию назад во времена татаро-монгольского ига, а советское государство поставили на край гибели. Мы обязаны Хрущеву тем, что он вернул к жизни полумертвое тело, в которое превратили великую культуру созидательной России Сталин и его опричники – Ждановы и Ежовы... Именно самоучка Хрущев дал нам Солженицина и целую плеяду культурных первопроходцев и поборников свободной мысли, предвестников будущей свободной России. Завеса, которую нынешние правители Советского Союза водрузили вокруг открытой могилы Хрущева на Новодевичьем Кладбище, только подчеркивает его заслуги перед развитием человечества.

Все цивилизованные народы, воздавшие в некрологах должное заслугам Хрущева, говорившие об оттепели и передышке во время его правления, признают: сейчас великой страной правят мракобесы. Даже автократическое царское правительство не осмеливалось на такие действия. Престиж Кремля упал очень сильно, что сравнимо с поражением на международной арене три года назад, когда появилась доктрина Брежнева, оправдывающая вмешательство во внутренние дела Чехословакии. Товарищи Брежнев, Косыгин и Подгорный выставили себя в таком позорном свете перед всем прогрессивным человечеством, что были вынуждены на несколько месяцев отложить свои поездки в Европу и Канаду.

И вот, благодаря беспрецедентным действиям своих политических врагов, лежа в гробу, Хрущев оказался победителем. Сейчас друзьям русского народа, коммунистическим и социалистическим партиям свободного мира яснее, чем когда-либо, что начатые Хрущевым реформы не могут быть перечеркнуты жалкими подражателями Сталина. Они пытаются захлопнуть форточку, приоткрытую Хрущевым, и не дать свежему воздуху проникнуть в запертую Россию. Но в глубине российского подполья зреют силы, которые принесут пострадавшему народу настоящую, долгую весну. Это случится тогда, когда свободные выборы на основе демократической конституции и самоуправления станут достоянием всего населения Советского Союза и когда гуманистические традиции Толстого, Тургенева и Горького опять возродятся и приведут Россию в авангард цивилизованного человечества». (3)

Бертрам Вольф, известный, главным образом, своими биографиями Ленина, Троцкого и Сталина, составившими книгу *Трое, сделавшие революцию*, не только глубоко проанализировал значение покойного руководителя для

советской истории, но также резко критиковал его приемников. К сожалению, редакторы в Мюнхене забраковали оба выступления, на том основании, что они противоречили политике радио. На мой взгляд (я и сейчас не изменил этого мнения), это было чересчур. Действительно, в выступлениях были отрывки, нарушавшие установку *РС* избегать ругательств в адрес действующих советских руководителей, но зачем было выливать вместе с водой и ребенка? Разумное редактирование могло смягчить тексты и сохранить мнения двух западных экспертов. Если посмотреть на советскую политику семидесятых годов с высоты девяностых, все, что Левин и Вольф говорили о Брежнев и его окружении, подтвердила история и открытое публичное признание этого постсоветским руководством.

Отдавая справедливость мюнхенским редакторам, я должен добавить: когда в конце 60-х я работал с ними, то с трудом согласился смягчить страстное выступление Аркадия Белинкова, говорившего о смерти своего друга диссидента Алексея Костерина. Белинков обозвал брежневское окружение «шайкой преступников, убивших Костерина». В данном случае, помня о разрядке напряженности, мы просто вырезали это обличение Кремля, сохранив все остальное.

Из того факта, что *РС* не допускала оскорблений советского руководства, не следует делать выводов, что наша критика диктатуры и ее пороков становилась менее жесткой. Если в семидесятые годы, в период разрядки, *Голос Америки* не глушили, то только потому, что их передачи были сдержаннее по тону, во избежание обвинений во вмешательстве. Задачи же *Радио Свобода* были совсем другими: считая себя свободным голосом народов СССР, мы не могли поступиться своими принципами, несмотря на все зигзаги в отношениях Востока и Запада. Поэтому неудивительно, что с 1953 по 1988 годы глушение *РС* не прекращалось ни на минуту, несмотря на то, что мы давно сменили нашу политику «освобождения» на «свободу».

Освещение Уотергейтского дела

Самой крупной сенсацией в США в начале 70-х годов был Уотергейтский скандал. Можно было предположить, что для советской прессы это будет знаменательным днем для злорадства по поводу выявления коррупции в высших административных кругах Вашингтона. Однако нападение на администрацию Никсона не отвечало интересам советского режима, остро нуждавшегося в смягчении напряженности между двумя странами. Поэтому советская пресса старалась скрыть степень участия президента Ричарда Никсона и угрозу его импичмента. Даже во время его отставки, в августе 1974 года, *Московское радио* сообщило советской публике, что Никсон стал жертвой внутрипартийной политики, экономической ситуации в Америке и злобной пропаганды СМИ в стране. После чего они сосредоточились на заявлении президента Джеральда Форда о преемственности во внешней политике США.

Придерживаясь объективного подхода в журналистике, *Радио Свобода*, в отличие от освещения этих событий советской прессой, рассказывала как об обвинениях против Никсона и его сторонников, так и о встречной реакции на них. Поскольку сотрудники, создававшие программы, были выходцами из Советского Союза, то у нас была уникальная возможность проводить аналогии с действиями советского правительства, отвечая, таким образом, на вопросы слушателей и удовлетворяя их интерес. Судебное разбирательство, отчеты о слушании Уотергейтского дела в Сенате, отчеты о слушании по импичменту в

Нижней палате, а также обзоры американской прессы на эту тему давали наглядное представление об американской системе. Мы последовательно рассказывали о последней неделе президентства Никсона и об инаугурации нового президента. Советские радиослушатели знакомились также с отзывами мировой прессы, выражавшей восхищение действенностью американской демократии.

Александр Солженицын

12 февраля 1972 года *New York Times* на странице вне редакционных суждений напечатала поминальное слово Александра Солженицына о его друге Александре Твардовском, бывшем редакторе либерального журнала *Новый мир*. Десять лет назад, благодаря мужеству Твардовского, заметившего гениального автора, журнал напечатал рассказ о жизни в ГУЛАГе – *Один день Ивана Денисовича*. Это было в короткий период сравнительно либеральной хрущевской эры. Твардовского сместили, когда к власти пришли Брежнев и его сподвижники – сторонники жесткого курса. Оплакивая друга, умершего два месяца назад, Солженицын обрушился на «каменную группу» в руководстве Союза писателей, которые лишили Твардовского «его детища, его страсти, его журнала», и с «улюлюканьем травили», ускорив, тем самым, его смерть.

Те, кто уничтожил *Новый мир* и его редактора, сказал лауреат Нобелевской премии, ничего не добились. «Надо совсем не знать, не понимать последнего века русской истории, чтобы видеть в этом свою победу, а не просчет непоправимый. Безумные! Когда раздадутся голоса молодые, резкие, - вы еще как пожалеете, что с вами нет этого терпеливого критика, чей мягкий увещательный голос слышали все». (4) Через месяц после того, как поминальное слово было напечатано и прочитано по *РС*, в той же газете появилось письмо с обвинениями в адрес Солженицына. Автором письма был известный советский поэт, член Союза писателей Ярослав Смеляков. 13 марта *Радио Свобода* передало в эфир полный текст его письма.

Солженицын опроверг обвинения Смелякова в своей четырехчасовой беседе с московским корреспондентом *New York Times* Хедриком Смитом и Робертом Кайзером - из *Washington Post*. Американские журналисты спросили его, как он узнал о письме. Солженицын ответил, что слышал его чтение по *Радио Свобода*. «Если мы и слышим о каких-то событиях в нашей стране, так это благодаря им» (западным радиостанциям – прим. пер.). (5) Нам было чрезвычайно приятно услышать о нашей работе из уст такого выдающегося человека, особенно если учесть, что это было в разгар кампании сенатора Фулбрайта против нас.

В январе 1974 года *РС* начало читать *Архипелаг Гулаг* по полчаса в день. В отличие от других произведений диссидентских писателей, книга эта до выхода в Париже в конце 1973 года не распространялась в самиздате. Эта хроника сталинской жестокости и лицемерия, содержащая 260000 слов, была прочитана за три месяца. (6) В отличие от нас, *Голос Америки* передавал только отрывки из книги и отклики американской прессы). Через несколько дней после первой передачи пятеро известных советских диссидентов написали письмо в поддержку Солженицына, приводя цитаты из книги. А поскольку книга в СССР была недоступна, то познакомились они с ней, скорее всего, на западных коротких волнах. Это письмо подписали Андрей Сахаров, профессор математики из МГУ Игорь Шафаревич, писатель и драматург Владимир Войнович, писатель Владимир Максимов и знаменитый бард-диссидент

Александр Галич. Авторы призывали всех «честных людей» выступить против преследований автора *Архипелага ГУЛАГ*.

Александр Галич

Об Александре Галиче и его подпольных песнях протеста я впервые услышал в Мюнхене в конце 60-х годов, но основательно изучать их я начал, только вернувшись в Нью-Йорк. После 1970-го года он стал очень активным диссидентом и вместе с Солженицыным и Сахаровым открыто критиковал брежневское руководство за произвол в отношении своих граждан. В декабре 1971 года Галича исключили из Союза Советских писателей и Союза кинематографистов. Его положение в стране становилось все более непрочным. Осложнялось это еще и болезнью сердца.

В своей статье в *New York Times*, на странице вне редакционных суждений, я описал положение Галича, указывая на то, что он выдающийся советский писатель, который также борется за права человека вместе с известными русскими интеллектуалами. Мой перевод его песни *Старательский вальсок* - едкой сатиры на тех, кто молчит перед лицом несправедливости, - газета приводила полностью. Это была одна из сильнейших вещей Галича, вызвавшая восторг и признательность бесконечного числа советских людей, знавших наизусть его саркастический совет карьеристам: молчание - золото, так что «промолчи – попадешь в богачи». (7)

В 1974 году, под растущим давлением западного общественного мнения, Галичу разрешили, наконец, эмигрировать. Поначалу он выбрал Норвегию, но вскоре был приглашен во Франкфурт Народно-Трудовым Союзом - правой эмигрантской организацией, печатавшей его запрещенные песни в своем издательстве *Посев*. Вскоре он поступил на *Радио Свобода* в Мюнхене и раскрыл свою харизматическую личность перед микрофоном. Он радовал своих оставшихся дома поклонников еженедельной программой, где острый комментарий перемежался исполнением под гитару старых и новых песен. В одной из своих первых передач он спел *Старательский вальсок* и обратился к радиослушателям с призывом: «Все знакомые и незнакомые, на Востоке и на Западе, прошу вас – не молчите!».

Давид Эбшайэр, председатель Совета по международному радиовещанию, попросил меня передать Галичу приглашение посетить США весной 1975 года. Все расходы Совет брал на себя. Предполагалось, что Галич проведет некоторое время в Нью-Йорке, где даст несколько концертов для эмигрантов из России, а затем в моем сопровождении прибудет в Вашингтон для беседы о правах человека с некоторыми важными правительственными фигурами, встречи с которыми Эбшайэр организовал. Я получил для Галича визу и встретил его в аэропорту им. Джона Ф. Кеннеди. Со мною были два его старинных друга – Виктор и Галя Кабачники, работавшие на РС в Нью-Йорке. Галич посвятил им одну из своих баллад, «Песню исхода», когда они выезжали из СССР в 1971 году, назвав её «грустным прощальным подарком». Встреча друзей в аэропорту была очень радостной, и по дороге к Манхэттену наш гость все волновался от встречи со знаменитыми нью-йоркскими небоскребами.

Через день Галич был приглашен в качестве почетного гостя на банкет, организованный АФТ-КПП (Американской Федерацией Труда и Конгрессом Производственных Профсоюзов). Профсоюзы в это время вели активную борьбу за права рабочих в Советском Союзе и знали Галича как диссидента. Я

был переводчиком и объяснял, что такое «гитарная поэзия», которую гость представил собравшимся. Галич был теплым и открытым человеком, любившим жизнь. Америка его очаровала. Вскоре мы перешли на «ты», как французы, и я называл его «Сашей», отставив официальное обращение - «Александр Аркадьевич».

Саша предпочел отправиться в Вашингтон поездом, а не самолетом. Можно было отдохнуть и взглянуть на страну. Мы с Глорией встретились с ним на Пеннсильванском вокзале. Только тронулись и въехали в туннель под Гудзоном, как вдруг погас свет. Мы молча сидели в темноте, и тут раздался Сашин голос: «Западная технология!» - провозгласил он по-русски насмешливым тоном. Через много лет, в 1989 году, когда я выступал с речью на вечере Галича в Москве, я рассказал этот случай благодарной публике, хорошо знакомой с Сашиним чувством юмора.

В Вашингтоне Галич встретился с членами Конгресса и Государственного департамента. Его визит совпал с обменом культурными делегациями между США и Советским Союзом, проходившим в духе разрядки международной напряженности. Прекрасно зная, из кого составлена советская делегация, Галич спросил у представителей Государственного департамента: «Как это получается, что вы посылаете в Советский Союз писателей, а вместо них принимаете генералов КГБ?». Американцы не нашлись, что ответить - то ли с перепугу, то ли от смущения.

Оставшееся время в столице, а потом в Нью-Йорке было отведено небольшим концертам в эмигрантской среде. Колетт Шульман, которая знала Сашу еще по Москве, в бытность свою иностранным корреспондентом, организовала концерт для студентов и преподавателей в Колумбийском Русском институте. В задних рядах переполненной комнаты можно было увидеть скромно стоящего балетного танцора Михаила Барышникова, пришедшего послушать своего друга.

Когда Галич вернулся в Мюнхен на работу, он в своей еженедельной передаче поделился со слушателями *РС* своими впечатлениями об Америке, в частности, он высоко отозвался о моих переводах его песен на английский язык. Он также давал концерты в Европе, а осенью 1975 года совершил первую поездку в Израиль, где его представитель организовал несколько выступлений в Тель-Авиве и других городах. По счастливой случайности, мы с Глорией были в Иерусалиме в тот день, когда Галич должен был прилететь из Европы. Мы бросились в аэропорт Бен Гурион, чтобы встретить его сразу после таможенных формальностей. Он изумленно посмотрел на нас и мог только выговорить: «No problem!». Это был наш пароль во время его пребывания в Вашингтоне, означавший, что все можно устроить, и даже в полночь достать бутылку виски в отеле.

Галич был явно тронут израильским приемом. Фамилию Гинзбург он поменял, еще работая молодым актером у Станиславского. И хотя позже он перешел в православие, он всегда чувствовал свои еврейские корни. Его первое выступление проходило в концертном зале Манна в Тель-Авиве. Зал был переполнен выходцами из Советского Союза, которые много раз вызывали его на «бис». Он боялся упреков со стороны еврейских эмигрантов за переход в другую веру, но приняли его очень тепло: его сатирические песни о советской жизни вызвали всеобщий восторг, так же как и серьезные песни о Холокосте, антисемитизме и Шестидневной войне.

Мы катались по городу с Галичем во взятом на прокат автомобиле, и Глория пела с ним песни на идиш, которые он помнил с детства. Были мы с ним и на встрече со старыми московскими друзьями, выехавшими недавно, Женей и Жанной Левич, сыном и невесткой Вениамина Левича, уважаемого во всем мире физика, который в то время ещё был «отказником»: советские власти не выпускали его из страны. Вместе с ними мы навестили Наталью Михоэлс – дочь великого еврейского актера и руководителя Московского Государственного Еврейского Театра Соломона Михоэлса, прославившегося исполнением роли короля Лира и убитого в 1948 году по приказу Сталина. (8) Впоследствии РС подготовило несколько передач о Михоэлсе для нашей еврейской программы. Мы передали редкую запись исполнения им на идиш роли Тевье-молочника из известного рассказа Шолома-Алейхема. В Америке эта вещь на сцене и экране известна под названием *Скрипач на крыше*. (9)

Нас с Глорией тепло встретили в их кругу, и у нас была возможность окунуться в атмосферу жизни русской интеллигенции, оценить ее песни и шутки. Их эмигрантская радость жизни была оттенена ностальгией по Москве, что прекрасно передал Саша в песне «Когда я вернусь». На самом деле, он написал эту песню еще до отъезда из Москвы, потому что, как он говорил в одной из передач, «самая распространенная болезнь эмигрантов – ностальгия, вот я и решил заранее «разностальгироваться», чтобы потом не переживать в эмиграции».

Тогда мы видели его в последний раз. Из Мюнхена он перебрался в Париж, но продолжал свои беседы на РС вплоть до внезапной смерти в декабре 1977 года. Его жена Аня нашла его полуживым возле радиоаппаратуры с сильно обожженными руками. По-видимому, его ударило током, когда он настраивал новую стереосистему, не зная, что она под напряжением. Подозревая покушение, полиция завела дело, но удовлетворилась версией о несчастном случае. Аня позже вспоминала: «Саша давно мечтал о какой-то особенной системе «Грюндиг». Когда её привезли к нам, рабочие сказали, что подключать её придет завтра специалист. Я ушла в магазин, а Саша стал что-то соединять, взялся за батарею отопления, его пронзило током – словом, когда я вернулась, он лежал без сознания, но живой. Я бросилась звонить, но дело решали минуты, и, пока приехали врачи, Саша умер у меня на руках». (10)

Советская пресса, как и следовало ожидать, возложила всю вину на ЦРУ, но многие, как в СССР, так и на Западе, обвиняли КГБ, считая, что это было карой за его работу на *Радио Свобода*. И до сих пор, когда я говорю с эмигрантами о смерти Галича, они уверяют меня, что это не случайная смерть. Даже Андрей Сахаров в своих воспоминаниях пишет, что у него нет стопроцентной уверенности, что это была естественная смерть. В доказательство он приводит письмо, которое Сашина мама получила приблизительно за год до его смерти и, крайне напуганная, приехала показать Сахарову. В конверте был листок из календаря, на котором было напечатано: «Принято решение убить вашего сына Александра». Он пытался ее успокоить, доказывая, что если бы его решили убить, они бы сделали это без предупреждения. Все же Сахаров сказал: «Но на самом деле в хитроумной практике КГБ бывает и такое, так что все возможно». (11)

Мы потеряли замечательного человека, хотя его богатый репертуар из 60-ти песен продолжает звучать. В моей статье, напечатанной в сборнике *Диссидентство в СССР (1975)*, я разбирал кое-какие его запрещенные песни. Еженедельная программа Саши на РС была одной из самых популярных в

русской службе. Его друг Юлиан Панич, сотрудник *РС* и известный в прошлом советский актер, собрал его выступления в книге *У микрофона Александр Галич*.

В 1990 году, путешествуя по Франции, мы с Глорией заехали поклониться его могиле на русское православное кладбище Сент-Женевьев-де-Буа, расположенное к югу от Парижа. Здесь похоронены многие русские писатели - Иван Бунин, Виктор Некрасов, балетный танцор Рудольф Нуреев и другие. У Сашиной могилы мы прочли каддиш – еврейскую поминальную молитву во славу Господа. Вряд ли подобная молитва звучала на этом кладбище раньше, но мы были уверены, что Саше это понравится: он гордился своим иудейско-православным наследием.

Поддержка ученых продолжается

Осенью 1973 года Абрахам Брумберг организовал важный международный симпозиум по проблеме Восток-Запад в Зальцбурге (Австрия) и пригласил меня в качестве наблюдателя от *РС* вместе с директором Ронни Рональдсом. Абрахам пригласил ряд экспертов по Советскому Союзу и для полноты картины попросил приехать Эдварда Олби – драматурга, выступавшего против преследований советских писателей. Рассказывая о широком спектре идей и самых разнообразных сведений, с которыми *Радио* знакомило наших слушателей, я отметил, что наша цель - показать режиму, что «на свете есть многое, что и не снилось вашей марксистско-ленинской философии». Двое участников из академической среды - Аллен Кассов из Принстонского университета (он же директор IREX - *Комитета по международным исследованиям и обмену*) и Лорен Грехэм из Массачусетского Технологического Института - попросили меня дать им образцы наших передач. Я предложил им выбрать наугад любой день, и, вернувшись в Нью-Йорк, послал распечатку программ. Это был наилучший способ убедить недоверчивых ученых, которые продолжали считать *РС* сомнительным инструментом холодной войны.

После завершения симпозиума несколько участников в моем сопровождении отправились на автобусе в Мюнхен на конференцию, которую проводило *РС*. На австро-германской границе я собрал паспорта и понес их в здание таможни для проверки. Трагическая гибель израильских спортсменов во время Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 году была еще свежа в памяти, и чиновник, штампуя наши паспорта, спросил по-немецки: «Keine Araber?» (Арабы есть?). «Арабов в автобусе нет», - заверил я его. Мои спутники, включая таких, определенно не арабских профессоров, как Фридберг, Шапиро, Даллин и Пайпс, – оценили иронию.

Темой нашей однодневной встречи под председательством Рональдса была «*Радио Свобода* в период разрядки». (12) Мы с Албертом Бойтером опять представляли *РС*. В качестве приглашенных были: известный западно-германский профессор из Берлина, специалист по международным отношениям Ричард Лёвенталь; известный специалист из Аахена Клаус Менерт, журналист из Милана Ренато Мьели; издатель самиздатовских произведений из Амстердама Карел ван хет Реве; бывший московский корреспондент *Aftenposten* Пер Хегге из Осло; Франсуа Бонди из цюрихской *Die Weltwoche*; наши старые друзья из Англии – Леонард Шапиро и Мартин Дьюхерст; и американские ученые – Алекс Даллин из Стэнфорда, Морис Фридберг из Индианского (позже Иллинойского) университета и Дик Пайпс из Гарварда.

Рональдс сформулировал главный вопрос: «Возможно, некоторые из вас согласятся с нашими критиками, что *Радио Свобода* бесполезно в нынешнюю эру разрядки напряженности, что оно препятствует налаживанию отношений между Востоком и Западом или просто дублирует другие западные средства радиовещания. Какой бы ни была ваша позиция, прошу вас быть полностью откровенными».

Специалисты в целом согласились, что передачи *Радио Свобода*, особенно те, которые освещают события внутри страны, способствуют проявлению общественного мнения в СССР. Невежественное или лишенное информации советское население, полностью зависящее от советских СМИ, легче поддается манипуляции, нежели просвещенный народ. Таким образом, *Радио* способствует миру и стабильности во всем мире. Кроме того, специалисты подчеркивали, что важнейшим достижением *РС* было распространение самиздата, как бы советский режим ни относился к радиостанции. Как выразился Лёвенталь: «*РС* особенно враждебен и опасен режиму по своей природе, поскольку он орган русского инакомыслия, а не просто орган иностранного правительства».

Все единодушно согласились, что также необходимо вести передачи на языках других народов СССР, однако, учитывая чувствительность русских, важно, чтобы *РС* не подозревали в разжигании сепаратистских настроений. Это может толкнуть часть людей не вполне инакомыслящих или высокопоставленных интеллигентов в объятия режима, становящегося всё более ура-патриотическим. Мы убеждали собравшихся, что, начиная с самой первой передачи *РС* соблюдала политику непредопределения, т.е. признавало право советского народа самому решать политическое будущее своей страны. Более того, мы всегда избегали передач, настраивающих один народ против другого.

Участники конференции обсудили вопрос о глушении *Радио Свобода* в период разрядки напряженности, когда Советский Союз прекратил глушение официальных западных радиостанций. Все согласились, что причина этого – в недовольстве советского руководства тем, что *Радио* уделяет много внимания жизни в СССР. Теоретически советские руководители признавали право других стран на свободное выражение своих взглядов, однако позволить *РС* открыто вещать на Советский Союз, значило бы признать право на инакомыслие в стране. Власти были особенно настроены против *РСЕ* и *РС*, потому что знали, какую роль они играют в создании коллективной оппозиции внутри страны. Поэтому своей главной задачей в идеологической борьбе считали избавление от этих радиостанций. Эксперты согласились с тем, что Советское руководство неспроста приурочило прекращение глушения *Голоса Америки* к дебатам в Конгрессе США о финансировании *РСЕ* и *РС*, желая лишить обе радиостанции ассигнования.

Хотя *Радио Освобождение* было переименовано в *Радио Свобода* уже более десяти лет назад, нам был интересен взгляд присутствующих на эту смену. Сошлись на том, что возвращать название не имеет смысла, во-первых, потому, что новое стало «фирменным знаком», во-вторых, это политически ошибочно. «Был смысл отказываться от *Освобождения*, поскольку вы тем самым отказывались от активной политики в этом направлении. Но вы не отказываетесь от свободы. Какой же смысл вещать на Россию, если станция не называется *Свободой*».

Мы, ответственные за поддержание курса *РС* рады были возможности время от времени проверять наши гипотезы с помощью известных ученых с обоих

берегов Атлантики. Их мнения были ценны для подтверждения существующей политики *Радио* и составления программ, в поддержке различных нововведений и дополнений.

Программы для советских евреев

О специальных передачах для советских евреев мы стали задумываться еще в середине 50-х годов. Были возражения, что еврейская аудитория, хорошо знающая русский язык, не поймет идиш, за исключением, может быть, жителей балтийских и некоторых крупных российских и украинских городов. Вещание же на русском языке также было нежелательно, поскольку русский и украинский антисемитизм не исчезли при советской власти и обращаясь напрямую к евреям, мы могли потерять некоторых слушателей-славян. Все же с самого начала *РС* в редких случаях, в специальных программах, отмечало некоторые еврейские праздники. Например, в декабре 1960 года мы рассказывали историю Хануки, празднуемой в знак борьбы евреев за свою религиозную свободу. Передача шла на русском, украинском, татарском, белорусском и грузинских языках, чтобы вселить надежду слушателям самого различного опыта. Однако мы старались выходить с такими программами как можно реже, чтобы не давать лишних козырей советской пропаганде.

Несмотря на различные трудности, к началу 70-х годов стало очевидно: передачи для советских евреев нужны. В отчете Библиотеки Конгресса говорилось, что в результате Шестидневной войны на Ближнем Востоке самосознание советских евреев и гордость своими культурными и религиозными корнями достигли такой степени, что *РС* обязано на это откликнуться. Антисемитский режим Брежнева всё больше и больше ущемлял их гражданские и общечеловеческие права. Едва замаскированная под борьбу с сионизмом, эта политика носила явно дискриминационный характер, преследуя евреев, которые требовали равенства при поступлении в элитные вузы и при выборе профессии. Поскольку многие русские представители советской интеллигенции также защищали право евреев на свободное выражение своей многовековой самобытности, могло ли *Радио Свобода* продолжать молчать?

Под моим руководством стала выходить еженедельная получасовая программа. Близкое участие в ее подготовке принимал Морис Фридберг, один из наиболее часто консультировавших нас «серых кардиналов». Передача шла на русском языке, но приглашенные часто говорили для большего эмоционального эффекта на идиш, среди них были знаменитые актеры театра и кино, такие как, например, Ида Каминская. Мы отмечали еврейские праздники, включая в передачи песни и молитвы на иврите и знакомя слушателей с богатыми традициями, от которых они были оторваны благодаря двум основным барьерам – атеизму и враждебному режиму. Ответственными за еженедельные программы в нью-йоркском отделении были: Слава Цукерман – бывший режиссер из Москвы, который, приехав в Нью-Йорк, снял успешный авангардный фильм; экономист Яков Дрейер, получивший высокий пост в Министерстве финансов при президенте Картере; а позже - Аркадий Львов – одаренный писатель из Одессы, работавший над программами больше 10 лет, до их прекращения в начале 90-х.

Требования советских евреев разрешить свободный выезд из страны сопровождались шумной общественной кампанией во всем мире, особенно в еврейских кругах Америки. *Радио Свобода* освещало все «воскресные акты

солидарности» в Нью-Йорке, поддержанные Лигой в защиту советских евреев. На них всегда присутствовали видные представители местных и федеральных властей. Мы часто интервьюировали Авиталь Щаранскую, мужественную женщину, жену известного еврейского отказника Анатолия Щаранского, узника ГУЛАГа. Она рассказывала советским радиослушателям и подслушивающим властям о своей неутомимой борьбе за освобождение мужа. (Они воссоединились в Израиле в 1986 году после его восьмилетнего тюремного заключения, Щаранский принял имя Натан, возглавил эмигрантскую партию в Кнессете и стал министром в правительстве Бенджамина Нетаньяху).

В Мюнхене еврейская программа дополнялась беседами о жизни евреев на Западе и в Израиле, что вызывало положительную реакцию еврейских слушателей. Помимо этого, *Радио Свобода* передавало в эфир тысячи страниц самиздатских петиций, в которых евреи отстаивали свои права. Поток их особенно усилился после подписания Хельсинских соглашений в 1975 году. (13)

Ожидалось, что на Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, прошедшей в Хельсинки, Советский Союз признает права человека в ответ на признание Западом *status quo* коммунистических режимов в Восточной Европе. Однако, подписав вместе с президентом Джеральдом Фордом и другими главами государств заключительный акт Конференции, утверждавший принцип «человеческих прав и основных свобод», Брежнев, тем самым, вложил в руки диссидентов мощное оружие для достижения их целей. Вскоре в Москве и других крупных городах Советского Союза появились неофициальные общественные группы по наблюдению за выполнением режимом тех обязательств, что накладывались на него этим беспрецедентным документом.

В течение последующих 10 лет – последних лет застоя под властью Брежнева и двух его недолговечных приемников - Юрия Андропова и Константина Черненко – хельсинские группы, как в СССР, так и на Западе, не прекращали давления на Кремль, требуя соблюдения «духа Хельсинки». Программы *Радио Свобода* стали уделять намного больше места документам, распространяемым внутри страны, и сообщениям об арестах инакомыслящих, осмелившихся требовать от режима уважения к собственным обещаниям. Одновременно мы информировали слушателей о реакции правовых организаций за границей, таких как *Американская Хельсинская группа* или *Международная амнистия*. Русская служба в Мюнхене, в частности, Виктор Федосеев, составляли специальные программы, посвященные правам человека, в которых анализировали и комментировали это движение, которому, в конце концов, было суждено сыграть важную роль в переходе советского общества к эпохе гласности и перестройки под руководством Михаила Горбачева.

Глава 11

ОТ ЗАСТОЯ К ГЛАСНОСТИ И ПЕРЕСТРОЙКЕ: 1976-1985.

- Как называется переходный период от социализма к коммунизму?

- Алкоголизм.

Совет по международному радиовещанию был создан согласно акту Конгресса, подписанному 19 октября 1973 года, но формально приступил к своим обязанностям 30 апреля 1974. Слияние *Свободной Европы* с *Комитетом Радио Свобода* в *РСЕ/РС* было завершено к 1 октября 1976 года. Новая корпорация получила по законам штата Делавэр статус некоммерческой образовательной организации. Штаб-квартира переехала из Нью-Йорка в Вашингтон, и штат объединенных радиостанций был сокращен почти наполовину. Первым президентом новой организации стал Сиг Микельсон, ранее заведовавший новостным каналом *CBS*. Мюнхенский персонал *Свободы* переехал в более просторное здание *Свободной Европы*, расположенное в Английском парке, экономя при этом ежегодно на арендной плате 650 000 долларов. До 1967 года *РС* занимало старое здание аэропорта Обервизенфельд, но поскольку это место понадобилось для Олимпийских игр 1972 года, то мы переехали на другой берег реки Изар, и обосновались в районе Богенхаузен.

Таким образом, к осени 1976 года 1099 сотрудников стали работать вместе, впервые сосуществуя под одной крышей. Хотя *Радио Свободная Европа* и *Радио Свобода* вещали на разные страны, тем не менее, многие руководители *РСЕ*, особенно американцы, всегда относились к *Радио Свобода* как лишней организации, снисходительно называя ее «Дыркой в голове». Они не могли всерьез относиться к радио, вещавшему на советское население, которое не было под контролем иностранных войск или иноземной власти, в отличие от полоненных стран Восточной Европы, народы которой страдали под властью назначенных Кремлем гаулейтеров и советских танков на родной земле. Другими словами, сторонники *РСЕ* мало верили в то, что в Советском Союзе когда-либо вообще смогут произойти фундаментальные изменения. Надежда была на чехов, поляков, венгров и другие народы, которые, как считалось, непременно освободят Европу от коммунистической гегемонии.

Неприязнь между двумя организациями продолжала оставаться даже после слияния *РСЕ* и *РС*, что отражалось в мальчишеских самодельных вывесках, висевших на границе двух территорий. Переход с *РСЕ* на *РС* гласил: «Вы покидаете Свободную Европу». Шедшие обратно читали: «Здесь кончается Свобода». Как это напоминало берлинский Чекпойнт Чарли! Со временем, однако, новостные службы, корреспонденты и бюро в Европе и США объединились, соперничество утихло, и единая радиостанция заработала мягче, хотя некоторая напряженность все же оставалась.

Сложный процесс слияния потребовал унифицировать различные бухгалтерские процедуры, шкалу заработной платы, систему льгот и концепцию подбора кадров. В неизменном виде в каждой организации оставались только программный и исследовательский отделы.

Тем временем в Хельсинки 1 августа 1975 года был подписан *Заключительный акт Сопещания по безопасности и сотрудничеству в Европе*, и появилась надежда на более свободный обмен информацией. Среди 35 глав государств, подписавших договор, были Леонид Брежнев и Джеральд Форд. Относительно международного радиовещания в *Заключительном акте* говорилось: «Страны-участники отмечают возросшую долю информации, передаваемой с помощью радио, и выражают надежду, что этот процесс будет способствовать взаимопониманию между народами в соответствии с целями данного Сопещания». Слова надежды в данном контексте означали нечинение препятствий в эфире зарубежным радиостанциям. Однако, вопреки «духу Хельсинки», советское правительство продолжало интенсивно глушить все передачи *РС* на Советский Союз.

Впервые за всю историю холодной войны советский руководитель сам публично выступил против *РСЕ* и *РС* 29 июня 1976 года. Выступая на конференции Европейских коммунистических партий, Брежнев заявил: «На территории некоторых европейских государств активно действуют хорошо известные подрывные радиостанции, присвоившие себе имена «Свобода» и «Свободная Европа». Само их существование отравляет международную атмосферу. Это прямой вызов духу и букве Сопещений, достигнутых в Хельсинки. Советский Союз настоятельно призывает к запрету этих инструментов психологической войны». (1)

Министр иностранных дел ФРГ, на чьей территории базировались радиостанции, официально ответил в Бундестаге на это заявление: «Правительство ФРГ не видит в деятельности *РСЕ/РС* ни нарушения принципов и положений Устава ООН, которые предусматривают расширение основных свобод и прав человека, ни нарушения заключительного Хельсинкского документа, в котором участники сопещания выступают за более полное и свободное распространение всех видов информации». (2)

Тем не менее, в непримиримой кампании против наших радиостанций Советский Союз и его восточноевропейские сателлиты одержали верх, например, во время зимних Олимпийских игр в Инсбруке (Австрия). Тогда Олимпийский комитет отказал в аккредитации спортивным обозревателям *РСЕ/РС* по настоянию Советского Союза, хотя против этого решения возражали ФРГ, США и ряд других стран, а также Североатлантическая ассамблея. Но, даже не присутствуя на стадионах и спортивных площадках, мы вели репортажи о соревнованиях. А когда в том же году в Монреале проходили летние игры, их официально освещали и наши журналисты.

В свою очередь, администрации президентов Никсона, Форда и Картера всегда поддерживали наше радиовещание и выступали против их продолжающегося глушения. 22 марта 1977 года Джимми Картер, только что избранный президентом, заявил в своем обращении к Конгрессу: «Международное радиовещание является ключевым элементом внешней политики США, основными его объектами являются СССР и восточноевропейские страны». Вдобавок к девяти существующим, он просил Конгресс выделить средства на постройку еще одиннадцати 250-киловаттных передатчиков. К тому времени *РС* вело передачи на 16 языках народов СССР и 24 часа в сутки на русском языке. Незадолго до объединения двух радиостанций, *РС* установило еженедельное вещание на литовском, латвийском и эстонском языках, а с сентября 1975-го все три службы зазвучали в эфире ежедневно.

В первый год своего существования Совет по международному радиовещанию разработал специальный документ «Цели организации», который оставался актуальным ещё и в горбачевскую эру, как отражающий фундаментальную политическую позицию обеих радиостанций. *Радио* ставило своей целью:

«...способствовать конструктивному диалогу с народами Восточной Европы и Советского Союза путем широкого освещения событий в мире и в этих странах. Знакомя радиослушателей с информацией, которую не пропускает цензура, *PCE* и *PC* способствуют формированию свободного общественного мнения в СССР и странах Восточной Европы...

Создать не «американское радио» в узко-национальном смысле и не «радио в изгнании» в смысле рупора оппозиции, но международное радио. Оно международное по широте освещаемых вопросов, по свободе от узко-государственного уклона, по стремлению сообщать точную информацию и знакомить аудиторию с широким спектром демократических идей. В то же время, это «местное» радио в том смысле, что радиопередачи строятся исходя из интересов данной аудитории». (3)

Ярким примером освещения «местного» события были передачи *PC*, посвященные деятельности *Московской группы по наблюдению за выполнением Хельсинских Соглашений*, которая называлась также *Хельсинской наблюдательной группой*. Она была образована в мае 1976 года. Сходные группы возникли на Украине, в Литве, Армении и Грузии. Они обычно состояли из диссидентов, которые всерьез отнеслись к заявленному советскими руководителями намерению не мешать свободному обмену информацией и начали проверять, как на самом деле режим выполняет обещание проявлять больше уважения к правам человека и к гражданским свободам. Нарушения детально документировались, и как только *PC* получало эти свидетельства вкуче с отчетами об арестах и преследованиях диссидентов, оно сразу же извещало об этом своих слушателей.

В 1976 году на международном горизонте возникло еще одно явление - «еврокоммунизм», представлявшее некий противовес советской модели. Крупнейшие коммунистические партии Запада бросили вызов советской монополии на лидерство и выступили с критикой кремлевской репрессивной политики. Они предложили идеологические концепции, отличные от советских наказов, изложив их на Общевропейском совещании компартий, состоявшемся в июне 1976 года в Восточном Берлине. На совещании присутствовали независимые лидеры Итальянской, Французской и Испанской коммунистических партий. *PC* рассказывало о результатах этой встречи - именно здесь Брежнев напал на *Радио Свобода*. Принятый документ был направлен против попыток Москвы объявить себя безусловным лидером европейского коммунизма. Наши советские радиослушатели получили неортодоксальные заявления коммунистов западноевропейских стран в полном виде, без искажений советской цензуры.

Когда стало известно о присуждении Нобелевской премии мира академику Андрею Сахарову, мы первыми взяли интервью у его жены Елены Боннэр, проходившей медицинское обследование в Италии. 10 декабря 1975 года она приехала в Осло, чтобы произнести там Нобелевскую речь Сахарова, поскольку советские власти не разрешили лауреату присутствовать на церемонии. *PC* вело оттуда прямую передачу.

В сентябре 1973 года, в период разрядки международной напряженности, Советский Союз в качестве некоего жеста перестал глушить *Голос Америки*, *Би-би-си* и другие радиостанции, но сигнал *РСЕ/РС* забивался по-прежнему. Эта ситуация продолжалась до августа 1980 года, когда польское рабочее движение *Солидарность* под руководством Леха Валенсы напугало Кремль настолько, что он возобновил глушение по всем частотам. Как только это стало известно, телевидение *АВС* взяло у меня интервью: я пояснил, что советский режим вынужден скрывать факты пролетарского вызова польским коммунистическим властям, ибо их примеру могут последовать собственные рабочие.

Хотя *РС* неистово глушили, «ядро» нашей аудитории оставалось удивительно стабильным. Данные изучения аудитории за 1977-1979 годы показали, что в неделю нас слушали в среднем 7,6 миллиона человек, что намного меньше, чем *Голос Америки*, (23,9 млн.), близко к *Би-би-си* (10,2 млн.) и *Немецкой Волне* - 8,7 млн. Эти данные были получены в Массачусетском технологическом институте с помощью компьютеров на основании обработки нескольких тысяч интервью с советскими людьми во время их поездок в Западную Европу. Аудитория русскоязычного вещания на 78% состояла из горожан, мужчин среди них - 71 %, людей в возрасте до 50 лет – 86%, с высшим образованием – 21%, еще 34% имели среднее образование.

Оценка наших программ

На первых порах *Совет по международному радиовещанию* в оценке работы наших языковых служб полагался на свои силы, поручая проверку своим сотрудникам. Время от времени оценочные данные поступали также от американских представительств в регионах нашего вещания. В 1979 году *Совет* пригласил двух научных экспертов для независимой оценки передач на русском языке. Одну неделю провел у нас Роберт В.(Билл) Дэниэлс из Вермонтского университета, другую – Морис Фридберг из Иллинойского, причем оба работали независимо друг от друга (Фридберг часто выступал в культурных программах *Голоса Америки* и *РС*. После распада Советского Союза он бывал в России с лекциями и выступал по российскому телевидению. Как-то осенью девяносто пятого он сообщил мне, что только что вернулся из Екатеринбурга, бывшего Свердловска, где читал лекции студентам университета. Он был представлен студентам как человек, которого слушали когда-то их родители по *Голосу Америки* и *Радио Свобода*).

Оба эксперта пришли к выводу, что русская редакция работает хорошо, а в иных случаях даже превосходно. Однако оба подняли серьезный вопрос об освещении советской оппозиции, проблем не-русских национальностей, а также об общем тоне вещания. По мнению Фридберга, ни одна радиостанция в мире не может похвастаться таким освещением инакомыслия в СССР, как наша. Но в то же время он выразил сомнение – «не перебарщивает ли *РС* в этом вопросе». Он рекомендовал тщательней отбирать самиздатовские документы, а также выразил сожаление, что кроме еженедельных культурных передач для еврейских слушателей, русская служба не предлагает ничего другим меньшинствам. Он посчитал тон некоторых наших передач враждебным, часто из-за тяжеловесной иронии, и посоветовал немедленно обратить внимание на эту серьезную проблему. Фридберг обнаружил также, что многие сотрудники *РС* не знают Запада, не читают западных книг о России и Советском Союзе, в результате чего «репортаж о событиях может быть вполне хорошим, но сопровождающий его анализ слишком слаб». (4)

В свою очередь, Билл Дэниэлс счел, что мы мало уделяем внимания внутренней советской политике, истории и идеологии, а порой и игнорируем эти темы, в то время как перебарщиваем с диссидентским движением. В результате, сказал он, создается впечатление, что вы – орган эмигрантов, обращенный к эмигрантам потенциальным. Как и Фридберг, он указал, что, «за исключением передач о диссидентах и еврейской эмиграции, мы совсем не затрагиваем проблемы нерусских национальностей». Необходимо, говорил он, расширять аудиторию, адресовать передачи не только «аутсайдерам» советского общества, но и лояльным советским гражданам, и особенно учитывать в программах «сферу деятельности и возможных интересов советских чиновников, причем, желательно как можно более высокого ранга».

(5) *Совет* получил схожее мнение от экспертов, изучавших деятельность эстонской и таджикской служб. Профессор Тону Парминг из Мэрилендского университета предложил для улучшения качества эстонских передач больше знакомить слушателей с западными работами об Эстонии и передавать интервью с людьми, посетившими советскую Эстонию. Кроме того, сказал он, нужно следить, чтобы «передачи не носили явно пропагандистского характера: не нужно перехваливать Запад и слишком ругать Советский Союз». Таджикскую службу проверяла доктор Иден Наби из Центра ближневосточных исследований Гарвардского университета и тоже нашла серьезные недостатки. «Точность, беспристрастность, источники и надежность материалов часто вызывают сомнения», - писала она. Общий тон некоторых передач ей показался «насмешливым». Работу азербайджанской службы она признала удовлетворительной, но призвала пользоваться более надежными источниками и глубже освещать затрагиваемые проблемы.

Разбором вещания Украинской службы *РС* руководил видный канадский политолог и славист профессор Карлтонского университета Богдан Бочуркив. Большинство передач он назвал «удовлетворительными, некоторые – замечательными, отвечающими по языку и произношению лучшим литературным стандартам, сопоставимым, а иногда и превосходящим советское украинское радио». Однако он счел освещение внутренней политики (не считая культуры и диссидентского движения) совершенно недостаточным. Слабым местом был также обзор событий за пределами Советского Союза. Он рекомендовал шире использовать экспертов самого *Радио* и «больше приглашать участников со стороны».

Как подытожил новый *Совет по международному радиовещанию*, «главной задачей руководства было улучшение профессионального качества программ для Советского Союза». В 1978 году *Совет* одобрил создание на *РСЕ/РС* директорского комитета по анализу и оценке радиопередач. Комиссия под председательством профессора Джорджа Гофмана из Техасского университета начала свою работу с проверки в Мюнхене русской службы и сделала ряд полезных рекомендаций: усилить работу американского контроля; усилить качество и скорость появления последних новостей и новостных программ за счет использования материалов из центрального отдела новостей и исследовательского сектора; подписаться на службу *Associated Press*; ускорить обучение сотрудников *РС* английскому языку, чтобы исключить двойной перевод - с английского на русский, а потом уже на другие языки; теснее работать со специалистами по Советскому Союзу.

В 1981 году *Совет* обратился к профессорам Дэниэлсу и Фридбергу с просьбой внести в отчет 1979 года поправки с учетом прошедших двух лет, проанализировав программы русской службы двух отобранных дней. В дополнение, Питер Реддауэй из Лондонского колледжа экономики и политологии разбирал программы службы за одну неделю. Все они, отметив несколько наиболее удачных программ, посчитали работу *РС* в целом удовлетворительной, без каких-либо серьезных нарушений политики радио. Тем не менее, все трое пришли к выводу, что необходимо больше использовать собственные исследования научного отдела *РС* по советской тематике (которые всегда высоко оценивались западными учеными) приглашать к микрофону больше специалистов со стороны. Рекомендовалось также сменить «враждебный тон» некоторых передач, который отпугивал от нас часть слушателей. Оценивая наши последние политические и исторические программы, Даниэльс заметил: «К сожалению, эти материалы подаются тенденциозно и носят монархический характер, что подкрепляет советский стереотип о враждебности *РС*».

Внутренний конфликт на *РС*

С конца семидесятых и до начала восьмидесятых годов была поднята серьезная проблема. С мая 1977 года у *РС* не было директора, поскольку Рональдс ушел на *Голос Америки* в Вашингтон. Пользуясь недостатком контроля, часть редакторов и журналистов из эмигрантов, сторонники крайних взглядов, получили возможность выступить со своими предрассудками в передачах на исторические и религиозные темы. Особенно это чувствовалось в программах русской и украинской служб в Мюнхене. В ноябре 1980 года, в ответ на поступающие из Мюнхена заявления, *Совет* послал в Германию Джеймса Кричлоу с заданием оценить сложившуюся там ситуацию. Ему предстояло проанализировать содержание передач по магнитофонным записям и скриптам. После ухода с *РС* Кричлоу занимался в *Совете* планированием и исследованиями. В отличие от научных консультантов, которые оценивали общее качество программ, его задачей было определить, нет ли нарушений политики радиостанции. Он отметил небольшой, но тревожный случай «нарушения политики, выразившийся в антидемократической, антизападной, антипольской и антикатолической направленности, а также потенциально оскорбительной для нерусских народов СССР». Он имел в виду передачу, посвященную главному советнику при Александре III и Николае II Константину Победоносцеву (1827-1907) – известному антисемиту и врагу демократии. В передаче его назвали «великим мыслителем-консерватором». (6)

Мюнхенские сотрудники еврейского происхождения выступили против явных антисемитских выпадов, проскальзывавших в передачах *Радио*. Русские сотрудники-националисты, наоборот, утверждали, что *Радиостанция* теряет «русский дух». Старейшая сотрудница диктор Виктория Семенова-Мондич возмутилась заявлением, которое сделал в 1976 году и.о. главного редактора: «Мы делаем передачи не для русских, а для советских людей, говорящих по-русски». Дело усугублялось тем, что эти слова принадлежали Владимиру Матусевичу, советскому еврею, недавно покинувшему страну, и это не способствовало улаживанию отношений. Возмущенная Мондич подала заявление в Конгресс США и в *Совет по международному радиовещанию*. Ее поддержала русская эмигрантская пресса. Матусевич назвал себя «жертвой антисемитов» и заявил бывшему тогда директором Рональдсу: «Вы создали

ситуацию, в которой организаторы шовинистической и антисемитской кампании празднуют победу». Все эти события получили название «Октябрьской революции 1976 года». Талантливый писатель и радиожурналист, Матусевич был груб и нетактичен в обращении с коллегами, что не помешало ему впоследствии стать главным редактором русской службы.

Ситуация мало изменилась с приходом на *Радио* в 1982 году Джорджа Бейли в качестве директора. Бейли был американским журналистом с большим авторитетом в газетно-журнальном мире. Он знал русский язык. По своим политическим взглядам он скорее склонялся к консервативным и авторитарным убеждениям Солженицына, нежели к демократам-диссидентам. В Париже он помогал в организации эмигрантского журнала *Континент*, редактором которого был писатель правых убеждений Владимир Максимов. Политика невмешательства Бейли по отношению к русским и украинским националистам позволила им проводить свою линию на *Радио*, что вызвало новый протест со стороны еврейских сотрудников, разославших некоторые антисемитские (с их точки зрения) скрипты американским ученым и газетным колумнистам.

Вскоре после своего появления на посту в Белом Доме (1981), Рональд Рейган назначил председателем *Совета по международному радиовещанию* своего коллегу – консерватора Фрэнка Шекспира. Весной 1984 года Шекспир получил от председателя сенатской комиссии по иностранным делам сенатора Чарльза Х.Перси письмо, к которому прилагался отчет Б'най Б'рит Интернейшнл «о фактах бестактного отношения к евреям и забвении демократических традиций в передачах *РС*». Перси особенно беспокоила та часть доклада, в которой говорилось, что данный подход наносит ущерб «качеству, эффективности работы и профессиональной целостности» *Радио* «в контексте задач США в области внешней политики». (7)

В сопроводительном письме к Перси Джеральд Крафт, президент Б'най Б'рит Интернешнл, просил провести расследование «отвратительных передач», описанных в прилагаемом отчете, составленном руководителем политических исследований его организации доктором Уильямом Кори. Кори, известный специалист в области положения советских евреев и эксперт по защите прав человека, свободно говорил по-русски. Он цитировал ряд отрывков из недавних программ, которые нарушали политические установки *РС*. Одним из примеров было одобрительное отношение к вышеупомянутому царскому чиновнику-обскурантисту Победоносцеву.

В качестве другого примера он приводил передачу украинской службы, которая прошла в эфир, несмотря на резолюцию *Совета* 1981-го года об усилении контроля за передачами. В январской программе 1984 года прозвучали отрывки из воспоминаний Миколы Ковалевского, министра земледелия в досоветском правительстве Украины в 1919 году. Кори писал:

«В мемуарной подборке, пошедшей в эфир и тем самым одобренной нами, Ковалевский делает подстрекательские и провокационные замечания, которые оправдывают массовые погромы евреев на Украине, даже если сам автор передачи высказывает сожаление. Вину за погромы он возлагает на «радикализм и фанатизм той части еврейской молодежи, которая считала своим долгом не только пассивно, но и делом поддерживать приход большевиков на Украину». По его мнению, «ужасные погромы» были спровоцированы «агрессивными действиями еврейских юношей-добровольцев», что вызвало возмущение казаков, кое-кто из них «видел врага в каждом еврее».

Будучи специалистом по антисемитской пропаганде в СССР, Кори сравнил «американскую передачу, оправдывающую еврейские погромы» с советскими книгами «известного писателя-антисемита Владимира Бегуна и наиболее саркастического писателя-антисемита Льва Корнеева, чьи книги удостоились похвал *Известий* за «богатый фактический материал». Кори писал: «Нужно подчеркнуть, что выступления против евреев на Украине в 1918-20 гг., - независимо от того, вдохновляли их промонархические военные силы или смотрели между пальцев, - имели самые трагические последствия для еврейского народа, не знавшего подобных погромов с середины 17 века». Он продолжал:

«В этой связи мы поражены, что в исторических передачах на *РС* с теплотой рассказывается о таких белых русских генералах, как барон Петр Врангель. Его восславили в передаче 14-15 сентября 1983 года. Именно под эгидой подобных военачальников совершались многочисленные погромы, хотя сами генералы могли прямо не отвечать за них. Как бы то ни было, такие передачи свидетельствуют о крайней бесчувственности по отношению к евреям и пренебрегают демократическими нормами и правами человека в целом».

Кори осудил сочувственный портрет генерала Андрея Власова, признавая: «Конечно, можно по-разному трактовать побудительные причины власовских поступков». Однако он критиковал *РС* за посвящение отдельной программы, «выводящей в не критическом и сочувственном духе» пособия нацистов, которого к тому же считают в СССР крупнейшим предателем за всю историю второй мировой войны».

Помимо антисемитизма, Кори говорил об антидемократическом характере некоторых передач. В частности, он сослался на речь Солженицына на Тайване, которую *РС* передавало в декабре 1982 года. Солженицын обвинял западные страны, в том, что они требуют от Тайваня установить «демократию, граничащую с хаосом, с государственной изменой, с правом свободно разрушать собственную страну, подобно тому, как западные страны позволяют это у себя дома». В июне 1983 года по радио выступил друг Солженицына Максимов, заявивший, что советские эмигранты на Западе «имели возможность убедиться, что демократия в ее традиционном смысле медленно, но неуклонно начала изживать себя». В заключение Кори писал в отчете президенту Б'най Б'рит: «Более подробно эти случаи описаны в отчете Джерилда Б. Кристиансона сенатской Комиссии по иностранным делам. Новые факты, приводимые здесь, дополняют отчет Кристиансона и подчеркивают необходимость сделать их достоянием гласности. Американская демократия может успешно проникать за железный занавес только при условии, что мы несем высочайшие идеалы и уважение к плюрализму, присущее нашему народу». (8)

Все это время я с большой тревогой следил за событиями в Мюнхене и часто получал копии жалоб, распространяемых сотрудниками-евреями, и конфиденциальные сведения для членов *Совета* по международному радиовещанию. Мы с Кори были друзьями и коллегами: оба окончили Колумбийский Русский институт и часто обедали вместе. По его просьбе я снабдил его текстами наших передач. Как еврей и руководитель, я чувствовал двойную ответственность за прекращение этих вопиющих промахов и надеялся, что связи Кори с Вашингтоном и прессой окажутся более действенными, чем любой мой негодующий меморандум, отправленный в Мюнхен.

Сейчас, оглядываясь назад из девяностых годов, прежние нарушения политики *РС* и трения между противостоящими группировками кажутся не

таким уж существенными по сравнению со всем тем, что мы передавали советской аудитории, и с тем влиянием, которое мы оказывали на поведение советских граждан. Но в то время они отравляли атмосферу и выволакивали наружу скрытую эмигрантскую вражду. Ситуация тех лет напоминает нынешний конфликт между крайними националистами и демократами в постсоветской России. По-видимому, вековому противостоянию либералов-западников и консерваторов-славянофилов в России не суждено кончиться никогда.

Мюнхенская буря в самоваре выплеснулась и на страницы американской печати. За десять лет после обнародования наших связей с ЦРУ, общественное мнение улеглось, и вот вновь американская журналистика обратилась к тому, что делается в сфере международного радиовещания, существующего на деньги американских налогоплательщиков, на сей раз сосредоточившись на содержании программ. В ноябре 1983 года журнал *Newsweek* напечатал статью *Словесная война между сверхдержавами*, в которой описывал деятельность *Голоса Америки*, *PCE* и *PC*:

«Кажется, на одном из пропагандистских фронтов США начинают проигрывать. Критики утверждают, что при Рейгане передачи трех радиостанций расстались с объективным подходом и стали форумом для эмигрантов-экстремистов из Восточной Европы или резких голосов из Белого Дома. Наиболее серьезная ситуация создалась в Мюнхене, где часть сотрудников ушла или была уволена после их протестов против новой программной политики. Критики утверждают, что директор Джордж Бейли предоставил свободу действий крайне правым эмигрантам из Советского Союза и Восточной Европы, что привело к плачевному результату: помимо крикливого антикоммунизма, станция начала передавать антисемитские и антикатолические комментарии и другие материалы, критикующие западный плюрализм и демократию». (9)

Бывший сенатор Джеймс Л. Бакли, президент *PCE/PC* (после Глена У.Фергусона, пришедшего в 1978-м на смену Сигу Микельсону) немедленно послал в *Newsweek* опровержение, которое журнал напечатал 5 декабря 1983 года. Бакли выражал удивление «безрассудной» статьей, опирающейся на «безымянных критиков и необоснованные обвинения в адрес наших программ». Он добавил: «Эти обвинения были напечатаны без малейшей попытки проверить достаточное число передач или оценить тон и содержание трансляций по легко доступным пленкам. К счастью для наших 50 миллионов слушателей статьи подобные вашей, никогда не выдержат контроля на надежность, который мы предъявляем, заботясь о достоверности программ». (10)

Newsweek в примечании к письму Бакли пояснял, что *Совет по международному радиовещанию* в 1981 году в своем официальном докладе (подготовленном Кричлоу) открыто признал существование этих проблем. Журнал писал, что после расследования президент Рейган назначил Фрэнка Шекспира новым председателем *Совета* - для более эффективного руководства станцией. «Многие бывшие сотрудники и независимые слушатели не согласны с тем, что антисемитские замечания и тенденциозная подача новостей по-прежнему присутствуют в эфире *PC*». *Newsweek* признал, однако, что он «допустил преувеличение, написав категорично, что такие передачи имели место, не уточняя, что это были лишь голословные утверждения». Несмотря на попытки Бакли загладить проблему, нарушения политики *PC* на самом деле

случались - в период ослабления контроля за эмигрантами правых взглядов, и прекратились они не сразу. Вплоть до 1985 года американские газеты продолжали критиковать передачи *Радио Свобода* и некоторые трансляции *Голоса Америки*.

New Republic опубликовал передовую статью *Захват Радио Свобода*, выделив нашу передачу, основанную на отрывке из солженицынского «Августа Четырнадцатого», посвященном Дмитрию Богрову – еврейскому анархисту, застрелившему в 1911 году премьер-министра Петра Столыпина. Программа включала описание Богрова словами, которых в книге Солженицына не было: «космополит, русского у него ни в крови, ни в характере ничего нет, он выродок беспочвенного радикализма». Автор передачи называл убийцу в духе того времени - «змеей», «исчадием ада», а Столыпина величал «славянским рыцарем». Поступок Богрова он называл «выстрелом в сердце русской нации», который привел, в конце концов, к большевистской революции в России. В конце передачи автор цитировал подделку - *Протоколы сионских мудрецов*, где еврейский народ сравнивается со Змием, «пожирающим все государственные, не-еврейские силы». В той же редакционной статье объяснялось, что этот «странный» анализ «поразительно напоминал антисемитскую традицию панславизма, традиционно обличавшего инородство евреев, стремящихся погубить святую Русь и всю славянскую расу».

Далее *New Republic* напоминал, что *РС* весьма некритически отнеслось к речи Солженицына на Тайване, в которой он говорил, что западная демократия «граничит с хаосом, с государственной изменой и правом на свободу разрушать собственную страну». Все это, по мнению журнала, стало возможным поскольку «всеми делами на *РС* заправляют одержимые русские эмигранты, чьи представления отличны от взглядов США. В 1982 году администрация Рейгана назначила эмигранта (sic) Джорджа Бейли (близкого к Солженицыну) директором *Радио Свобода*. Под предлогом создания творческой атмосферы для сотрудников, он перестал контролировать содержание передач и избавился от американских советников, осуществляющих такой контроль. Кроме того, он пригласил на *Радио* группу русских эмигрантов, разделяющих националистические взгляды Солженицына». (11)

Эти обвинения Фрэнк Шекспир и Бен Уоттенберг из *Совета по международному радиовещанию* опровергли в длинном письме, которое *New Republic* напечатал две недели спустя. Назвав статью «чрезвычайно неточной, дезориентирующей и безответственной», авторы письма разбирали критику по пунктам:

«Вы утверждаете, что в передаче *РС* от 19 августа 1984 года содержались антисемитские высказывания. На самом деле, *Август четырнадцатого* Солженицына был процитирован как раз для того, чтобы определить, не было ли там антисемитизма. (По мнению автора скрипта, не было).

Вы обвиняете *РС* в цитировании *Протоколов сионских мудрецов*, но вы забыли сказать, что ведущий назвал их «гнусной антисемитской фальшивкой».

Вы называете директора *Радио Свобода* Джорджа Бейли эмигрантом. Господин Бейли американец, бывший ответственный редактор почтенного *The Reporter* Макса Асколи.

Вы заявляете, что Бейли избавился от американских начальников, которые контролировали редакторов передач *РС*. Но в русской редакции, где была подготовлена передача, никаких перемен Бейли не производил.

Вы утверждаете, что Бейли посадил к микрофону «русских националистов», представителей того движения, которому вы упрощенно приписываете значительную долю антисемитизма, но дело в том, что на многие ключевые посты Бейли назначил евреев. Например, директором русской службы новостей стал Эдуард Кузнецов, известный в России смельчак-правозащитник, приглашенный прямо из Израиля.

Вы заявляете, что РС управляется «рейганистами», но по своему статусу Правление РС двупартийно, и работающих у нас Лейна Кирклэнда и Джеймса Мишенера «рейганистами» назвать уж никак нельзя».

Шекспир и Уоттенберг также отмечали, что «еврейские передачи составляют значительный блок наших программ», и что недавно была введена еженедельная программа «Демократия в действии», целью которой является пропаганда демократических ценностей. Они настаивали, что руководство осуществляет строгий контроль, чтобы не допустить никаких антисемитских высказываний. «Наша задача, - подчеркивали они, - руководить свободным и плюралистичным радио, вещающим для людей, лишенных доступа к различным сведениям о своей истории и своем положении. Наше руководство должно быть достойно этой задачи, знакомя с самым широким спектром ответственных мнений, даже если временами, по одиночке или вместе, мы с чем-то не согласны. Это и есть демократическая журналистика».

В заключение руководители Совета сообщали, что пять тысяч эфирных часов в год на 15 языках народов СССР проверяются руководством «более тщательно, чем на любой другой радиостанции в мире». К сожалению, признавали они, несмотря на этот контроль, «не все передачи столь чисты, столь точны, столь интересны, столь мудры и взвешены, как нам хотелось бы, а некоторые дают повод для превратного истолкования. К последним, вполне возможно, относится и та, которую мы обсуждаем». Напоследок Шекспир и Уоттенберг назвали передовицу «прекрасным примером того, к каким плохим – очень плохим – последствиям могут привести журналиста самые добрые намерения. На *Радио Свобода* никогда не допустили бы подобного». (12)

Отвечая на письмо, редакторы журнала писали, что «наша “безответственная” оценка радиопередачи не очень отличается от оценки президента РСЕ/РС Джеймса Бакли». Они сослались на меморандум Бакли, адресованный Бейли 30 августа 1984 года, через одиннадцать дней после передачи по солженицынскому роману, где Бакли писал: «Я ужаснулся тому, что несмотря на проведенную встречу, где мы подчеркнули, что необходимо крайне внимательно относиться к ранимости религиозных чувств евреев, уже через неделю, когда многие в отпусках, мы опять сталкиваемся с недопустимыми высказываниями. Совершенно ясно, - добавлял Бакли, - что имеется какая-то русская позиция, мешающая слишком многим нашим редакторам (в том числе некоторым евреям) почувствовать, что данный текст хотя бы предположительно задевает чьи-то чувства». *The New Republic* спрашивал: «Если нет проблем с передачами, зачем нужно вводить строгий контроль?» Журнал извинился только за то, что назвал Джорджа Бейли эмигрантом. (13)

Другие газеты были более осторожны в своих выводах. Наиболее объективной, пожалуй, была передовая в *Washington Post*, озаглавленная *Проблема в эфире*:

«Проблема, по-видимому, в том, что сотрудники-эмигранты обеих станций воссоздают былое этническое и политическое напряжение, которые они

привезли с собой. Эмигранты старшего поколения, восходящего к временам холодной войны, и новички из еврейской эмиграции семидесятых создали странную и неуловимую атмосферу, которую американским советникам трудно понять и проконтролировать.

На этом фоне возникли споры, содержит ли антисемитский намек тот отрывок из солженицынского романа, который передавала русская редакция *Голоса Америки*... Что касается таких же обвинений в адрес РС, здесь требуется тщательный анализ текста радиопередачи и особенностей восприятия слушателей. *Дело в том, что на радио, с его упором на интонацию и культурные тонкости, очень велика вероятность неправильного истолкования.* (Курсив мой – Дж.С.)

Ряд конгрессменов обеспокоен таким состоянием дел, а Главная счетная палата проводит проверку. Вещь, конечно, неприятная, но необходимая. *Голос Америки* - это голос американского народа и правительства, *Свобода* - радио, строящее передачи на материале тех стран, где правительства подвергают информацию цензуре, - оба служат важным инструментом американской внешней политики. В основном, они работают безупречно. Однако структура радиостанций – деликатна, со сложно организованным равновесием. Нельзя допустить, чтобы любая из станций проявляла малейшие признаки тех предрассудков, что процветают на советской почве при поощрении властей». (14)

Подчеркнутые выше слова передают мою главную озабоченность по поводу некоторых пошедших в эфир программ. Даже если никто из русских или украинских авторов и не имел намерений употреблять антисемитские замечания (некоторые, думаю, имели), то это было, как минимум, неуместно в условиях глушения выбирать столь потенциально провокационную тему, как еврейское происхождение убийцы русского героя или *Протоколы сионских мудрецов*.

Консервативный ученый муж Уильям Ф. Бакли-младший также напечатал опровержение на внередакционной странице *Washington Post*, назвав «абсурдом» утверждение, что руководство РСЕ/РС потворствовало антисемитским намекам в передачах на Советский Союз». Общественная карьера Фрэнка Шекспира, писал он, «безупречна и не запятнана фанатизмом, а его заместитель Бен Уоттенберг - известный демократ, антикоммунист, к тому же еврей». Кроме того, «президент - Джеймс Л. Бакли, - хотя бы потому, что он мой брат, свободен от первородного греха». Относительно того места в книге Солженицына, где говорится об убийстве Столыпина, Уильям Бакли спрашивал: «Если назвать убийцу евреем, значит ли это заигрывать с антисемитами?» (15) Да, мистер Бакли, эпитеты, какими он описан, способны воспламенить предрассудки многих слушателей.

Разговор в важнейших американских газетах о трансляции противоречивого отрывка из *Августа Четырнадцатого* всколыхнул и горячую дискуссию в академических кругах о том, не антисемит ли Солженицын. Большая статья в *New York Times*, обсуждая за и против, поместила заявление Солженицына, опровергающее все обвинения. Его поддержал Эли Визель и большинство ученых-советологов. (16) Но проблемой для РС был не Солженицын, а использование его произведений в передачах, которые могут быть неверно истолкованы в Советском Союзе.

«60 минут»

В период взаимных обвинений, вызванных содержанием некоторых передач *РС*, еще одна угроза нашей репутации возникла в результате расследования, предпринятого популярной телевизионной программой *CBS* «60 минут». Весной 1982 года *CBS* сообщило руководству нью-йоркского программного центра, что нас хочет посетить съемочная группа Майка Уоллэса. Журналисты собирали информацию в связи с только что вышедшей книгой Джона Лофтуса *Белорусский секрет*.

Лофтус, бостонский адвокат, прежде сотрудничал в отделе специальных расследований Министерства юстиции США. Трудясь в Вашингтоне, он собрал доказательства того, что *РС* принимало в свое время на службу бывших советских граждан, работавших при нацистах в оккупированной Белоруссии во время второй мировой войны. В списке Лофтуса был Антон Адамович – журналист белорусской редакции. Директор нью-йоркского отделения Уильям Крач согласился на интервью, но попросил меня присоединиться к съемкам в нашем офисе. Я позвонил за советом Хауленду Сардженту – хотя бы уже потому, что он возглавлял *РС* в 1954-1975 годах. Он подтвердил, что несколько человек в Мюнхене и в Нью-Йорке сотрудничали с немцами, но еще до поступления на работу были проверены специальной комиссией при правительстве США. Иначе говоря, их сотрудничество с нацистскими оккупантами было прощено, поскольку им предстояло выбирать: сотрудничество или смерть. Адамович был тогда редактором белорусской газеты в Минске. Пришедшие немцы насильно заставили его продолжать ту же работу, но под их руководством.

Майк Уоллэс задавал нам с Крачем вопросы минут десять, заодно спросив и о бывшей секретной связи с ЦРУ, причем так, как будто это бросало тень на всю нашу деятельность. Я объяснил кадровую политику *РС*, которая заключалась в том, что для работы на *Радио* мы отбирали из числа бывших советских граждан опытных журналистов, хорошо знавших в СССР те регионы, на которые мы вели передачи. Разумеется, добавил я, все эти люди прошли проверку американской контрразведки, на что Уоллэс заметил: «Обвинить вас не в чем». Правда, когда передача вышла в эфир 16 мая 1982 года, эта спонтанная реплика Уоллэса была вырезана.

Но хуже всего было то, что Уоллэс стал задавать вопросы Адамовичу. Этот пожилой и больной человек просто растерялся перед натиском умелых обвинительных приемов. В результате у зрителей создалось плохое впечатление о нашей кадровой политике, и был нанесен удар нашей репутации, которую мы с таким трудом восстанавливали после борьбы с Фулбрайтом и его сторонниками в Вашингтоне. Член Конгресса Элизабет Хольцман выразила свое возмущение *РС*, использующим не по назначению деньги американских налогоплательщиков и водящим компанию с военными преступниками.

На следующий день после выхода *60 минут* мне позвонил Барри Фарбер, радио-ведущий вечернего ток-шоу на *WMSA* в Нью-Йорке. Их радиосеть охватывала почти 35 городов США. Я несколько раз был его гостем в 60-е, а первого мая в 1964-м делал для него специальный репортаж из Берлина, описывая волнующую речь мэра Вилли Брандта на площади перед Рейхстагом. Он пригласил меня принять участие в прямом эфире в дебатах с Ирой Розен – продюсером *60 минут*. На следующий день, ровно в полночь, мы встретились в студии *WMSA*, где в течение двух часов Фарбер вел живой и, временами, язвительный обмен мнениями. После того, как я дал прослушать запись моим

коллегам в нью-йоркском офисе и послал копию в Вашингтон в *Совет по международному радиовещанию*, все согласились, что я энергично защищал позицию *Радио Свобода* и сделал несколько существенных замечаний о нашей уникальной роли на арене холодной войны. К сожалению, аудитория моих радиослушателей была меньше той, которая смотрела популярное телешоу *60 минут*.

В сентябре 1982 года *CBS* решила повторить программу. Я послал очень жесткую телеграмму главному продюсеру *60 минут* Дону Хьюитту, Ире Розен и Майку Уоллэсу. В следующее воскресенье, в конце телешоу Уоллэс прочитал то место из моей телеграммы, где я снова говорил, что эмигранты и американцы поступают к нам на работу только после тщательной проверки соответствующими американскими службами. К счастью, эту тему больше не поднимали. Возможно, потому, что в 80-е годы эти материи были далеки и неинтересны для Америки. В СССР, конечно, злорадно упоминали программу *CBS*, но урона *РС* это не нанесло. Вскоре после этого мы оказались на гребне популярности, когда в 1985 году к власти пришел Горбачев и открыл все каналы, по которым хлынула скрываемая до того времени правда о различных сторонах жизни в СССР. Три десятилетия *Радио Свобода* настойчиво говорила об этом, пока, наконец, сама история не подтвердила нашу правоту и надежность.

В последние десять лет жизни Брежнева и при его последователях Юрии Андропове и Константине Черненко *Радио* увеличило трансляцию самиздата и материалов по защите Западом прав советских граждан. Как и прежде, много места занимали новости, большие проблемные статьи из американских и западно-европейских газет соседствовали с богатым ассортиментом тематических программ. Мы по-прежнему считали своим долгом неустанно поддерживать немногочисленных диссидентов среди русских, украинцев и других национальностей, тех, кто, рискуя жизнью, осмеливался протестовать и выступать от имени молчаливого большинства.

Другой запретный плод

Политические анекдоты – запрещенные шутки в адрес правительства – известны в России с царских времен. Самое строгое наказание за них было при советской власти, особенно при Сталине. Рассказчика могли приговорить к 25 годам лагерей, а иногда и к смерти. Полные едкой иронии, анекдоты высмеивали пустые обещания и лозунги советской пропаганды. Мы часто начинали наши программы острыми шипами, нацеленными в Партию, КГБ, низкое качество повседневной жизни и прочие стороны действительности. Объединяя себя со слушателями в высмеивании ненавистной системы, *Радио Свобода* помогало своему образу суррогатного радио.

Магнитиздат – записи непризнанных официальной пропагандой материалов, особенно запрещенных песен – занимал большое место в энергичной культуре «андерграунда», процветавшей в брежневскую пору. С начала семидесятых годов *Радио Свобода* начало собирать коллекцию пленок, привозимых на Запад эмигрантами, и передавать их обратно советским слушателям. Три «барда» были самыми популярными в то время: Булат Окуджава, Александр Галич и Владимир Высоцкий. Были известны также имена Юлия Кима (полурусского, полукорейца), Михаила Ножкина, Новеллы Матвеевой, Михаила Анчарова, Юрия Визбора, Анатолия Иванова и Евгения Клячкина.

В 1972 году после моей публикации в *New York Times* статьи о Галиче с моим переводом на английский его знаменитой песни о молчании я получил приглашение написать главу для научного сборника *Диссидентство в СССР*, который издавался под редакцией профессора Рудольфа Тёкеса из Коннектикутского университета. Впервые в Америке был предпринят анализ текста песен трех корифеев *магнитиздата*. После того как мое исследование было напечатано издательством Университета Джонса Хопкинса в 1975 году, меня стали часто приглашать в американские университеты с лекциями. Я проигрывал песни для студентов и преподавателей, раздавая русские тексты и параллельные английские переводы, выполненные мною и Мишей Алленом, жившим в Торонто эмигрантом из Литвы, знатоком Высоцкого. Студенты с удовольствием слушали разговорный русский и оставляли себе тексты для дальнейшего изучения. Выступления помогали им лучше понять советскую действительность, отражавшуюся в нелестном бардовском зеркале. Я пользовался случаем рассказать о работе *РС* и давал им прослушивать отрывки передач, где использовались анекдоты и *магнитиздат*. Многим студентам и преподавателям яснее становилась их роль в прорыве советской цензуры внутренними еретическими идеями. «Показывая товар лицом», я растил доброжелательное отношение к *Радио*.

Все больше представителей академического сообщества изъявляли желание дать интервью недавнему диссиденту Борису Шрагину, недавно покинувшему СССР. Летом 1974 года мы с Глорией встретили его с женой, Наташей Садомской, известным антропологом, на следующий день после их появления в Соединенных Штатах. Они заехали в Вестчестер навестить старых друзей Павла и Майю Литвиновых, покинувших Москву за несколько месяцев до них. У нас сразу установились добрые отношения, которые не прерывались много лет, особенно когда Шрагины поселились в Нью-Йорке. Наташа преподавала в Квинз Колледже и в Колумбийском университете, а Борис стал на *РС* регулярным фрилансером. Шрагина так никогда и не взяли штатным сотрудником из-за его резкого неприятия солженицынских право-политических взглядов на Россию, разделяемых мюнхенскими эмигрантами, сильно влиявшими на американское начальство.

Шрагин вел еженедельную передачу с западными экспертами по советским проблемам - *Демократия в действии*, постоянно получавшую высокую оценку из уст эмигрантов, отбираемых для контроля за качеством. Более того, слова одобрения доходили до нас и с советской стороны. В начале восьмидесятых годов Шрагин попросил меня подыскать музыкальную заставку для его программы о демократии. Я предложил ему мелодию из увертюры к бетховенской *Леоноре*, повторяющейся потом и в опере *Фиделио*, там, где труба выводит тему свободы. Много лет спустя, уже на пенсии я, всякий раз настраиваясь на волну *Радио Свобода*, слышал этот символический пассаж. Когда в 1990 году Борис умер от рака легких, я сказал несколько слов на его похоронах - не только от себя и Глории, но от всех американцев, успевших полюбить этого теплого и обаятельного ученого, отлично знавшего, как силен авторитаризм в России и, тем не менее, не оставлявшего борьбу за реформы.

За те десять лет, что прошли между нашим слиянием с *РСЕ* и приходом Горбачева, напряжение в отношениях между США и СССР возросло: Кремль пограл Хельсинские соглашения и продолжал подавлять права человека. Самым вопиющим примером была высылка Андрея Сахарова в Горький, где он прожил под домашним арестом с января 1980 до 1986 года, когда Горбачев

вернул его в Москву. Советское вторжение в Афганистан (резко осужденное Сахаровым) еще сильнее обострило отношения двух сверхдержав. *РС* уделяло этим событиям повышенное внимание, осуждая режим за непризнание общечеловеческих ценностей и нарушение национального суверенитета соседней страны. Помимо регулярных новостных сводок мы пользовались репортажами наших корреспондентов, отправившихся в Пакистан, где они брали интервью у лидеров сопротивления и у советских перебежчиков, сдавших партизанам и рассказывавших чудовищную правду о неоправданной агрессии, унесшей тысячи молодых жизней и серьезно подорвавшей советскую экономику - о чем упорно молчали средства массовой информации в стране.

Андрей Сахаров

С середины 70-х и до середины 80-х важное место на *РС* занимали передачи об Андрее Сахарове – великом ученом-оппозиционере. Мы в эти годы передавали протесты интеллектуальных лидеров и правозащитных организаций Запада, интервьюируя Артура Миллера и Уильяма Стайрона, а также издателя Роберта Бернштейна – председателя Хельсинкской группы в Нью-Йорке. Когда в 1983 году Сахаров написал письмо своим коллегам в США о контроле над ядерным оружием, мы передали полный текст письма, сопроводив его беседой с одним из физиков-адресатов письма доктором Сиднеем Дреллом, заместителем директора Центра ускорения частиц при Стэнфордском университете. Обе программы мы повторили несколько раз, чтобы радиослушатели могли полнее осознать всю жизненную важность проблемы.

До августа 1984 года Елене Боннэр разрешали выезжать из Горького в Москву, где она через западных корреспондентов рассказывала внешнему миру об условиях их ссылки, а западные радиостанции возвращали эти новости обратно в Советский Союз. Контакты с западными журналистами прекратились, когда ее судили за «антисоветскую пропаганду и агитацию» и сослали на 5 лет, но не в ГУЛАГ, а в Горький, к мужу. После чего сведения о здоровье Сахарова стали скудными, а само оно ухудшалось от голодовок и сердечных стрессов.

Радио Свобода освещало *Сахаровские слушания*, проходившие в 1975, 1977, 1979 и 1983 годах в Копенгагене, Риме, Вашингтоне и Лиссабоне. Эти международные трибуналы, на которых эмигранты – бывшие советские диссиденты – перед лицом видных западных ученых и общественных фигур – давали личные свидетельства о кремлевских репрессиях и поддерживали петицию, переправленную на Запад еще в 1974 году и называвшуюся *Московским обращением*. Ее подписали Сахаров, Боннэр и два десятка известных диссидентов, частью остававшихся еще в стране: В.Максимов, М.Агурский, Б.Шрагин, П.Литвинов, Ю.Орлов, С.Ковалев и Л.Богораз. Этот подпольный документ был вручен западным корреспондентам 13 февраля, в тот самый день, когда Солженицына выслали из СССР. Они требовали опубликовать *Архипелаг ГУЛАГ*, а также архивные документы, проливающие свет на деятельность тайной полиции, начиная с большевистской революции. Там же содержался призыв организовать международный общественный «суд по расследованию совершенных [режимом] преступлений».

Власти быстро расправились с «подписантами»: одних арестовали, других выслали из страны. Большой вклад в организацию слушаний внес датчанин О.Ф. Андерсен, привлекая к суду известных государственных деятелей из ряда стран. Суд собирал сведения о правовом положении граждан в Советском Союзе, информировал мировую общественность о результатах неподвинутого

разбирательства и осуждал советские нарушения. Свидетелями приглашались исключительно недавние эмигранты, способные поделиться личным опытом.

Отчеты о слушаниях появлялись не только в западной прессе, о них упоминала и советская печать, выражавшая свое неудовольствие тем, что на всеобщее обозрение выставлялась истинная картина преследования инакомыслящих, использование психиатрических больниц в политических целях, нарушение религиозных и этнических свобод. Официальным представителем Сахарова за границей был его зять Ефим Янкелевич, активный борец за права человека в СССР, эмигрировавший в Соединенные Штаты в 1977 году и принимавший участие в трех слушаниях. На четвертой сессии в Лиссабоне, в октябре 1983 года, Янкелевич говорил, что эти слушания были «большим событием для тех, кто следил за ними в Советском Союзе по передачам западных радиостанций». Сам Сахаров следил за ними с большим интересом. Изучение аудитории нашего Радио показало, что симпатии к РС возросли после нашего рассказа о роли знаменитого физика как «совести нашего народа».

В середине семидесятых годов одной из тематических программ стала передача *Документы и люди* Виктора Федосеева, продержавшаяся в эфире два десятка лет. Цитируя подлинные самиздатовские материалы из СССР, он сводил на нет попытки властей оклеветать как отдельных борцов за человеческие права, таких как Сахаров, так и целые группы: баптистов, крымских татар, еврейских отказников и литовских католиков. Ведущим *Восточноевропейских меридианов* был Ефим Фиштейн, рассказывавший о движении за реформы в Польше и Чехословакии. От него советские радиослушатели впервые слышали о Лехе Валенсе, *Солидарности* и *Хартии-77*. Программа Юрия Мельникова *С другого берега* знакомила с выдержками из произведений Солженицына, Шаламова, Синявского, Даниэля, Надежды Мандельштам, Евгении Гинзбург и Лидии Чуковской. Программа Мельникова (псевдоним Юрия фон Шлиппе на РС) обсуждала каждую интересную русскую книгу, выходящую на Западе, и каждую значительную статью в русской эмигрантской печати. Когда в 1974 году Солженицын проводил за рубежом свою первую пресс-конференцию, он по голосу узнал журналиста, читавшего в эфире *Раковый корпус*, и выразил ему своё восхищение.

В конце 70-х – начале 80-х годов перед микрофоном *Свободы* часто выступали видные советские диссиденты, недавно выехавшие на Запад. Это был цвет интеллигенции: писатели, режиссеры, художники, юристы, ученые - Василий Аксенов, Людмила Алексеева, Сергей Довлатов, Анатолий Гладилин, Дина Каминская и ее муж Константин Симис, Йонас Юрасас, Лев Копелев, Анатолий Кузнецов, Юрий Любимов, Владимир Максимов, Эрнст Неизвестный, Виктор Некрасов, Александр Некрич, Марк Поповский, Мстислав Ростропович и его жена Галина Вишневская, Айше Сейтмуратова, Борис Шрагин, Андрей Синявский, Георгий Владимов и Владимир Войнович. Некоторые из них стали потом постоянными комментаторами РС, и каждый обогатил русские передачи своим видением современной советской действительности.

Исключительно интересной фигурой среди выступавших у нас был украинец Петр Григоренко, бывший генерал, убежденный коммунист, преподаватель Военной академии им. Фрунзе, обладатель бесчисленного множества медалей и наград. В 1961 году он выступил с критикой политики Партии и правительства. Его понизили в звании и перевели на неприметную должность в

Среднюю Азию, но его настойчивая оппозиционность привела к исключению из партии, к отставке и разжалованию. На Украине, а потом в Москве он стал активным членом Хельсинкской наблюдательной группы, сосредоточившись на нарушении прав крымских татар. После принудительного лечения в психиатрической больнице - излюбленном способе наказания инакомыслящих при Брежневе – Григоренко был выслан из страны и поселился в Нью-Йорке. Истинным удовольствием было беседовать с этим достойным и мужественным человеком и его не менее интересной женой Зинаидой Михайловной, когда они приходили к нам студию для частых интервью. (17)

То, что Радио Свобода удавалось очень точно улавливать интересы слушателей, происходило благодаря неопределимому вкладу этих и других менее известных эмигрантов «третьей волны» - послесталинского поколения, принесших свежее видение советской жизни, утраченное более старыми сотрудниками из ранней эмиграции. Не русскоязычные службы также пополнялись талантами из разных краев.

После того, как в 50-е годы в Мюнхене были убиты двое сотрудников, вероятнее всего, агентами КГБ, и была предпринята попытка отравить сотрудников РСЕ в кафетерии радио, никаких покушений на сотрудников или имущество не происходило до 1981 года. А ночью 21 февраля в штаб-квартире РС в Английском парке взорвалась бомба. Четверо сотрудников получили серьезные ранения, а материальные убытки превысили два миллиона долларов. Долгие годы оставалось тайной, кто же подложил бомбу, пока диссидентствующий генерал КГБ Олег Калугин не заявил, что исполнителями были он и его подрывной отдел. Правда, начальник службы безопасности РСЕ/РС в Мюнхене Ричард Каммингс, на основании тщательного изучения секретных документов госбезопасности ГДР *Штази*, опроверг заявление Калугина: теракт совершил известный международный террорист Карлос. (18)

В начале 80-х годов произошло еще одно драматическое событие. В сентябре 1983 года над территорией СССР был сбит пассажирский самолет Южнокорейских авиалиний. Госсекретарь Джордж Шульц утром сделал заявление, что советский истребитель уничтожил самолет с 269 пассажирами на борту. В Мюнхене в это время была середина дня, но уже через час РС сообщало подробности. Вечером русская служба подготовила еще две передачи на эту тему – в программе *События и люди* и в радиожурнале *По Советскому Союзу* – с отрывками из выступления Шульца, анализом уклончивого заявления ТАСС, обсуждением предыдущего советского нападения на корейский самолет, сбитый в 1978-м, и международными откликами. В то время, как Кремль отрицал, что сбил Боинг-747, русская служба РС передавала магнитофонную запись последних минут обреченного лайнера. Позже Кремль сознался, что самолет был сбит, но утверждал, что тот летел без огней. В ответ РС передало перехваченные разговоры пилота о том, что он видит огни. Эти и другие попытки советской стороны затемнить происшествие были раскрыты в нескольких специальных передачах, где советские официальные заявления тщательно сопоставлялись с установленными фактами.

Когда в ноябре 1982 года умер Леонид Брежнев, РС дало еще один разительный пример того, как заполнять пустоты в скудной картине советских сообщений. *Московское радио* передало новость в 11 утра, русская редакция РС сообщила об этом сразу же, и через десять минут мы уже передавали получасовой некролог, пока Москва ограничивалась траурной музыкой. Немедленно вслед за этим русская редакция была уже наготове с первой из пяти

передач, посвященных роли Брежнева в развитии Советского Союза и возможным последствиям его кончины после восемнадцати лет правления. В московском эфире все еще звучала музыка, прерываемая официальными траурными известиями, а *Радио Свобода* уже размышляло о преемнике генсекретаря, правах человека и национальной политике, сопровождая все это международной реакцией и оценками корреспондентов из Западной Европы и США. И так, пока молчала Москва, наши слушатели знакомились с непрерывным потоком новостей, оценок и мнений.

Когда к власти пришел Юрий Андропов, мы постоянно напоминали, что много лет он возглавлял КГБ. Он вскоре скончался, и на его место пришел Константин Черненко, также умерший на посту. Вообще, в этот период, с 1982 по 1985 год, генсеки умирали так часто, что в народе появился анекдот по этому поводу. Человек пытается пройти в Дом Союзов в Москве проститься с умершим Черненко. «Ваш пропуск», - спрашивает милиционер у входа. «Какой, к черту, пропуск! - отвечает тот. - У меня абонемент».

В марте 1985 года, после Черненко, его в качестве генерального секретаря Коммунистической партии сменил Михаил Горбачев. Идеологическим отделом при нем стал заведовать Александр Яковлев, проработавший в течение десяти лет послом в Канаде.

Знакомство Яковлева с Западом началось намного раньше: в 1958 году он среди первых трех советских выпускников ВУЗов приехал в Колумбийский университет по обмену, организованному при президенте Эйзенхауэре. Яковлев, как и Горбачев, считал, что перемены в СССР давно назрели, и во всем помогал Горбачеву в достижении гласности и перестройки.

Примерно в это же время в нашем руководстве тоже произошли перемены.

Э.Юджин Пелл, ранее работавший корреспондентом *NBC* в Москве, а потом директором *Голоса Америки*, сменил Джеймса Бакли, а Мэлколм С.(Стив) Форбс-младший, глава корпорации Форбс и зам. главного редактора журнала *Forbes* – стал президентом *Комитета по международному вещанию* вместо Фрэнка Шекспира. Форбс, кстати, известен тем, что в 1996 году баллотировался на пост президента США от республиканской партии.

Прослужив на *РС* более тридцати лет – от смерти Сталина до назначения Горбачева, – в августе 1985 года я подал в отставку. Но на этом моя связь с *Радио* не прекратилась. Раз новый режим предоставлял *Радио Свобода* прекрасные возможности распространять наше влияние, у меня тоже появлялся шанс посетить Советский Союз и впервые со времен Хрущева воочию убедиться в происходящих переменах.

СОВЕТСКАЯ ЭРА ИДЕТ К КОНЦУ

Во время антиалкогольной кампании Володя говорит своему другу Ивану:

– Горбачев против пьянства: он трезвенник.

Иван:

- Это еще что. Вдруг он холостяк?

Ключевыми словами новой горбачевской эры стали гласность и перестройка. Но на практике оказалось, что гласность - всего лишь «выборочная правда», как заметил один американский профессор. После семидесяти лет запретов старые привычки изживались с трудом. Первым сигналом стала ядерная катастрофа в Чернобыле 26 апреля 1986 года. Советская пресса в течение нескольких дней скрывала случившееся, но советские граждане узнали о произошедшем по западному радио. Наш отдел по изучению аудитории сообщал, что после чернобыльской трагедии число слушателей *РС* в течение нескольких недель резко возросло. Специалисты отдела писали: «В то время как в СССР радио и печать хранили молчание о случившемся или утверждали, что ситуация под контролем, *Радио Свобода* посвятило Чернобылю целую серию передач».

С первых дней своего существования *РСЕ/РС* бесчисленное число раз доказывали свое уникальное назначение, но никогда эта роль не была такой, как в дни чернобыльских событий. Радиоактивный выброс на территории СССР и за его пределами был прямой угрозой здоровью и жизни миллионов людей, но правительство Горбачева, как и его предшественники, в первые, самые опасные дни, хранило молчание и, даже признав факт, не говорило всей правды и преуменьшало масштабы трагедии.

Украинская редакция увеличила время эфира для освещения всех аспектов аварии, обсуждая способы защиты и медицинской помощи при облучении. Эстонская редакция, в свою очередь, посвятила целую передачу эстонцам, насильно отправленным в Чернобыль на ликвидацию последствий катастрофы. Административно эстонская редакция теперь относилась не к нам, а к *Радио Свободная Европа*. В 1984 году, после десятилетия пребывания на *РС*, она вместе с литовской и латвийской службами перешла на *РСЕ* в соответствии с политикой непризнания Соединенными Штатами советского захвата этих стран. *РС* продолжало вещание на русском и на 11 языках других народов СССР.

1 октября 1985 года в эфир вышла первая передача новой редакции *РС* – *Радио Свободный Афганистан*, появившейся в результате законотворческой инициативы сенатора Гордона Хамфри (штат Нью Гемпшир). За прошедшие 30 лет это было первое расширение вещания *РСЕ/РС*. Передачи велись два раза в неделю, по 30 минут, на языке дари – основном языке на территории Афганистана. Вскоре вещание увеличилось до часа в день, передачи шли пять раз в неделю, теперь еще и на языке пушту. Но и до начала вещания *Радио Свободный Афганистан* афганская война была главной темой передач на *РС*. Русская служба дважды посылала корреспондентом журналиста Джованни

Бенси - из Мюнхена в Пакистан - брать интервью у афганских беженцев и лидеров сопротивления. Наше *Радио* передавало также беседу с четырьмя советскими солдатами, сдавшимися в плен афганским партизанам. Они рассказывали о своем участии в этой непопулярной войне, которую советская пропаганда пыталась безуспешно оправдать.

В Россию с любовью и тревогой

Сразу после моего ухода на пенсию в 1985 году, не связанный больше формально с *РС*, я никак не мог дожидаться новой поездки в Советский Союз. Впервые я там был в 1959 году. Однако сотрудник Государственного департамента Пол Кук, специалист по России с большим стажем, какое-то время работавший в посольстве США в Москве в пору холодной войны, предостерегал меня от поездки. После многих лет работы на *Свободе* я был еще «слишком тепленьким» - сохранялась опасность насилия или чего-то похуже со стороны советских властей.

И все-таки через год мы с Глорией рискнули отправиться в СССР в составе небольшой группы американских туристов из девяти человек. В этой же группе была сестра Глории со своим сыном. Мне казалось, что в группе я буду меньше привлекать к себе внимание. В связи с чернобыльской аварией турагентство вычеркнуло из нашего маршрута Киев, успокоив нас, что близко к опасной зоне мы не окажемся. Для Глории это было первое путешествие в Советский Союз. Дважды перед тем у нее были шансы поехать: первый раз, в начале шестидесятых, одной из первых преподавательниц русского языка (все расходы оплачивались), другой раз – с группой мюнхенского *Института по изучению СССР*, но оба раза руководство *Радио Свобода* отказывало ей в этом. Объяснение было такое: ее, жену высокопоставленного сотрудника, могли скомпрометировать, она рисковала сама и могла поставить в затруднительное положение *Радио*.

Мы отправились в Ленинград в октябре 1986 года. Я взял с собой маленький коротковолновый радиоприемник «Сони» и расписание передач *РС*. В первый вечер в Ленинграде я подошел к окну гостиницы, поднес приемник к уху и стал искать нашу волну. Можно представить, с каким волнением слушал я нашу музыкальную заставку и голос Льва Ройтмана из Мюнхена, который вел в это время круглый стол с участием советских граждан. За три недели, кроме Ленинграда, мы побывали в Тбилиси, Одессе, Москве, и везде, несмотря на глушение, я слышал голос *РС*.

С поразительным примером замалчивания истории мы столкнулись в литературном музее в Одессе. На черном и белом фоне, разделенном красными полосками, размещались экспонаты, подобранные со знанием дела и вкусом. Это были вещи знаменитых писателей XIX и XX веков, живших – кто постоянно, кто коротко - в этом кипевшем жизнью городе. Мы остановились перед экспозицией, посвященной знаменитому одесскому писателю Исааку Бабелю, чьи рассказы о Красной Армии периода Гражданской войны и о преступном мире Одессы известны во всем мире. Фотографии, документы, даже очки писателя были аккуратно разложены в витринах, но ни слова не говорилось о его трагической смерти во времена сталинских чисток. Я высказал свое возмущение гиду, который стал неуклюже оправдываться. Сестра Глории пыталась меня остановить. Она была уверена, что нас отведут в КГБ. Американцы из нашей группы тоже были недовольны моей вспышкой негодования. Один из них сказал: «Пусть этим занимается *Голос Америки*». Я не

говорил им о своей работе на *РС*, но чувствовал: не могу молчать, когда к исторической правде относятся с таким презрением. С этим *РС* боролось с самого начала своего существования, но оно сохранилось и в горбачевскую эпоху.

Гласность постепенно набирает силу

После чернобыльской трагедии и международной политической оторопи, вызванной умолчанием и искажением фактов самим Горбачевым, его информационная политика постепенно становилась честнее. Такие темы, как алкоголизм, плохое состояние системы здравоохранения, коррупция на всех уровнях, авиакатастрофы перестали быть табу для прессы. Начали печататься ранее запрещенные писатели. К 1988 году СМИ стали живее, оперативнее и насыщенной новостями. Чтобы сохранить аудиторию, содержание передач *РС* и его технические возможности должны были учитывать перемены в стране. Мы разнообразили трансляции: ввели интервью в прямом эфире, групповые обсуждения, анонсы передач, тоньше и артистичней использовали музыкальные вставки. Увеличили число перекрестных репортажей, когда события одного региона освещаются корреспондентами из разных мест, возникли биллборды. Стало выходить больше передач для разных групп населения – молодежи, рабочих, женщин. Появились новые программы, посвященные науке, медицине, спорту, музыке, истории и религии. Мы активнее заговорили о результатах научных исследований нашего *Радио* – особенно о политике Горбачева, экономических реформах, национальных проблемах; передавали обзоры западной прессы, отражающей различные точки зрения по поводу важнейших событий в мире. Эти программы не только вводили советских граждан в курс дела, но были вкладом в дальнейшее расширение гласности, поскольку вынуждали советские СМИ расширять круг честно освещаемых вопросов, если заявленная гласность не хотела оставаться лицемерной политикой.

Интервью с репрессированными при Брежневке диссидентами – еврейским отказником Анатолием Щаранским и русским физиком Юрием Орловым – способствовали более обстоятельной критике советских порядков. Когда в 1986 году Щаранский освободился из лагеря и уехал на Запад, он засвидетельствовал жизненно важную роль *Радио Свобода* в судьбе и деятельности советских диссидентов, постоянно попадавших в центр общественного внимания.

Иосиф Бродский

Когда в 1987 году Иосиф Бродский получил Нобелевскую премию по литературе, Шведская Академия отметила, что он - «поэт божьей милостью». Какое-то время советская пресса об этом молчала, однако благодаря *РС* и другим иностранным коротковолновым радиостанциям новость просочилась в страну, и, в конце концов, власти были вынуждены признать факт награждения.

Мы рассказывали о творчестве Иосифа Бродского и его конфликте с режимом еще с середины 60-х годов. Он родился в Ленинграде в 1940 году. В пятнадцать лет бросил школу, стал рабочим и каждую свободную минуту писал стихи. Властям его поэзия не нравилась. В 1964 году он был осужден за «тунеядство» и приговорен к ссылке на 5 лет под Архангельск, на границу с Северным полярным кругом. Приговор вызвал международный скандал, с протестом выступили выдающиеся американские и европейские писатели, общественные деятели, а также видные советские фигуры. Он был освобожден, проведя в ссылке только 18 месяцев.

В 1972 году перед высылкой из Советского Союза он был уже известен за рубежом как один из лучших русских поэтов своего времени. Я встретил его в Энн Арборе в Мичиганском университете, где когда-то училась Глория, а теперь и наши дети – Дональд и Дебби. Карл и Эллендеа Профферы, владельцы издательства «Ардис» и преданные друзья гонимых советских авторов, добились для него университетской позиции – поэта-резидента. Бродский приехал на Запад с дурным мнением о *Свободе*, отчасти из-за того, что там работали власовцы, воевавшие на стороне немцев. Он пригласил нас с Глорией в общежитие, в маленькую, заваленную книгами комнату, где он согласился дать нам первое интервью для *РС* о своих американских впечатлениях.

Накануне Бродский получил письмо из Советского Союза, и мы попросили его показать конверт. Глория осторожно надорвала его по склеенным местам и показала слабый отпечаток номера. Как нам рассказывал один эмигрант в Нью-Йорке, такие номера ставит цензура. Бродский видел подобное впервые. Когда мы зашли к нему на следующий день, он сидел на кровати среди разбросанных конвертов, по всему полу валялись окурки. Вид у него был уставший и взъерошенный. Оказывается, он всю ночь просматривал старые конверты, отыскивая на них таинственные номера. Он подозревал, что за его перепиской следят.

Через несколько лет после получения Нобелевской премии Бродский был избран поэтом-лауреатом Америки. Он был первым поэтом не американцем, удостоенным такой чести. До своей преждевременной смерти от сердечного приступа в 1996 году он несколько раз, к удовольствию своих многочисленных поклонников, выступал на *РС* с чтением своих стихов. (1)

Профессиональный кодекс

В 1987 году *Совет по международному радиовещанию* подготовил для двух *Радио* новый Профессиональный Кодекс. В принципе, требования были те же, что и раньше: точность и достоверность информации, бывшие главным залогом доверия к *РСЕ/РС*; проверка подлинности самиздатовских или других документов, получаемых из Советского Союза или стран Восточной Европы; избегание «резкого полемического тона» при обсуждении событий, правительственных фигур и официальных лиц в стране, на которую идет вещание; отказ от материалов «подстрекательского характера, призывающих к восстанию и другим насильственным действиям»; воздерживание от призывов покинуть страну; отказ от высказываний, которые могли бы создать у слушателей представление, что в случае «внутренних беспорядков или международного конфликта Запад может предпринять военное вмешательство в какой-либо регион нашего вещания». Последний пункт Кодекса был следствием распри среди мюнхенских эмигрантов на *РС* в конце 70-х – начале 80-х годов:

«Необходимо тщательно следить, чтобы материалы не оскорбляли религиозных, национальных, классовых или иных чувств аудитории. Исторические конфликты должны освещаться тактично, объективно, без односторонности. Законные притязания групп, религиозных объединений, народов или наций не должны выражаться в форме, не приемлемой для других групп, религиозных объединений, народов или наций. Антисемитские, антикатолические или иные антирелигиозные высказывания должны тщательным образом удаляться. Сотрудники *РСЕ/РС* должны являть собой общественный пример терпимости и уважения к разнообразию людей». (2)

Для проверки передач на соответствие этому Кодексу всем редакциям надлежало проходить регулярные и всесторонние проверки, организованные как самим *Радио*, так и *Советом по международному вещанию*, который создавал комиссию из видных ученых и журналистов. Чтобы лучше понять, как радиослушатели воспринимают программы *РС*, Отдел по изучению аудитории - ОИА (Soviet Area Audience and Opinion Research) - создал из недавних эмигрантов группу для оценки нашего эфира. Отделом руководил Р. Юджин Парта, в 1981 году сменивший на этом посту Макса Ралиса. Сотрудники группы слушали в течение нескольких часов специальные передачи на русском языке и делали замечания по поводу их звучания, содержания, языка и тона, давая советы, как сделать эти программы более привлекательными для советских слушателей. Практика подобного контроля продолжалась все 90-е годы, правда, теперь в группу контроля эмигранты больше не входят. Теперь это люди, живущие в разных городах бывшего Советского Союза. Они слушают *РС* у себя дома и оценивают техническое качество и содержание наших программ (см. гл.14).

Приспосабливая программы к меняющимся условиям в Советском Союзе, руководство решило одновременно увеличить мощность передатчиков. В июне 1987 года США и Израиль подписали историческое соглашение о строительстве американской коротковолновой ретрансляционной станции в Израиле. Согласно совместному проекту *Совета по международному радиовещанию* и *Информационного агентства США*, ретрансляционная станция должна была включать шестнадцать 500-киловаттных передатчиков, способных преодолевать мощное глушение *Голоса Америки* и *РСЕ/РС*. Предполагалось, что ее более сильный сигнал будет направлен на европейскую часть России и центрально-азиатские республики бывшего СССР, мусульманское население которых росло в четыре раза быстрее их русского населения. За последние 30 лет это был первый новый объект *Радио*. Станция должна была строиться в глубине Негевской пустыни. После прекращения глушения *Би-би-си* и *Голоса Америки* в 1987 году руководство наших радиостанций сочло обязательным продолжить строительство, хотя для завершения требовалось несколько лет. Но здесь энергично вмешались израильские экологи, указывая на угрозу окружающей среде. В конце концов, после окончания холодной войны проект был заброшен.

Причиной глушения *Би-би-си* и *Голоса Америки* с 1980 по 1987 год была деятельность профсоюзного движения *Солидарность* в Польше. Советское руководство опасалось, что благодаря этим станциям «зараза» *Солидарности* распространится и на СССР. Несколько «глушилок», направленных ранее на *Би-би-си* и *Голос Америки*, теперь были переориентированы на *РСЕ/РС*, что свидетельствовало: режим Горбачева и его восточноевропейские союзники не собирались терпеть суррогатное домашнее радио. Даже когда глушили *Би-би-си* и *Голос Америки*, то 70% всей мощности глушения были направлены против *РСЕ* и *РС*. Официальные советские представители не раз давали понять, что правительство не намерено пропускать нас в эфир, даже если когда-нибудь послабление будет сделано таким станциям, как *Немецкая волна* и *Голос Израиля*.

Постоянный доступ *РСЕ/РС* к своим частотам в эфире считался абсолютно необходимым, и он стал возможен благодаря международному соглашению, подписанному представителями Международного союза электросвязи (МСЭ). В 1987 году под эгидой МСЭ было проведено заседание *Международной конференции управляющих по планированию диапазона высоких частот*,

предназначенных для радиовещания. Наш главный инженер Стэнли Лейнуолл сыграл ключевую роль, добившись получения нашими обеими радиостанциями нужных нам частот. Это было особенно важно в условиях растущей загруженности эфира.

Реформы Горбачева привели к росту числа неофициальных публикаций, которые распространялись в Советском Союзе и попадали на Запад. Для тех советских граждан, которые хотели обсуждать права человека, последствия чернобыльской трагедии, экологические проблемы и т.д., самиздат по-прежнему оставался единственным путем.

С начала 70-х годов Радио Свобода собрало, проверило и опубликовало более 6 000 документов. В 80-е годы было выпущено 1500-2000 страниц документов, дававших богатый материал для наших слушателей, будь то выступление Сахарова на московском форуме *За безъядерный мир, за выживание человечества* или документы, связанные с демонстрацией крымских татар в Москве, или открытые письма видных русских и украинских правозащитников.

Отделу по изучению аудитории всегда было труднее анализировать слушателей *Свободы*, чем *Свободной Европы*. Советских туристов на Западе было меньше, чем восточноевропейских, ходили они, как правило, группами и под присмотром. Многие из них были в курсе того, как отвечать на вопросы незнакомых людей, а тем более заполнять опросные листы. В отличие от туристов из Восточной Европы, советские путешественники часто оказывались нетипичными, по ним трудно было судить об основном населении Советского Союза. С другой стороны, они представляли именно те группы населения, которые больше всего интересовали РС: взрослых, образованных горожан.

В 70-е годы, в период разрядки международной напряженности, когда на Западе увеличилось число советских путешественников, Отдел по изучению аудитории начал систематизировать свои методы сбора данных. Опрос туристов был поручен независимым организациям, и был выработан стандартный опросник. Однако советские туристы вели себя настороженно, поэтому в интервью им задавали общие вопросы о прессе, не сосредотачивая их внимания на РС, а выясняя отношение к западному радиовещанию в Советском Союзе в целом. Опрашивающий сам заполнял опросный лист сразу же после встречи.

Со временем наши методы стали более совершенными и научными. К концу 1987 года в компьютер были занесены более 35 тысяч интервью; ежегодно нам удавалось опрашивать до 5 тысяч человек. Как я уже упоминал, материал был проанализирован по высоконаучной методике, разработанной в начале 70-х годов Массачусетским технологическим институтом и Гарвардским университетом. В результате была получена компьютерная модель советского общества, позволяющая определять количество и социальный состав слушателей западных радиостанций. В дальнейшем Отдел усовершенствовал свою методологию, сосредоточившись на важнейшей аудитории – взрослых, образованных горожанах, составлявших четвертую часть всего взрослого населения СССР. Именно эта часть населения, как наиболее интересующаяся передачами международного радио, была полнее всего представлена данными Отдела. Исследование предпочтений именно этой основной аудитории подтвердило достоверность полученных нами данных. Небольшие отклонения объяснялись различиями в общественном положении людей, опрошенных представителей которого было относительно немного, хотя данная часть

населения была значительной (например, пожилые неграмотные женщины из сельской местности).

Опросы аудитории показали, что передачи *РС* (включая три Прибалтийские службы до 1984 года) в период с 1982 до 1986 года привлекли, как в абсолютных цифрах, так и в относительных число слушателей, сопоставимое с другими ведущими западными радиостанциями. Число слушателей выросло в двух демографических группах: среди женщин и тех, кому было старше 30. Цифры 1988 года показывали: ежедневно нас слушают 9,5 миллионов человек, в обычную неделю - 19,5 миллионов, в обычный месяц - 22 миллиона. Тем не менее, опережать *Голос Америки*, *Би-би-си* и другие западные станции мы начали только с 1988 года.

В сентябре 1988 года председатель *Совета по международному вещанию* Стив Форбс отправился в Москву для участия в советско-американских переговорах по международной информационной политике. Американскую делегацию возглавлял Чарлз З. Вик, директор *Американского информационного агентства*, а советскую – Валентин Фалин, директор *Агентства Печати Новости*. Форбс поднял вопрос о глушении советской стороной, назвав это нарушением международного закона и заявив, что это противоречит принципу гласности.

Спустя всего несколько недель после этой встречи глушение *РС*, которое длилось 35 лет, внезапно прекратилось. 29 ноября, во вторник, сотрудники технического мониторинга из мюнхенской штаб-квартиры сообщили, что после 21 часа по центрально-европейскому времени передачи на языках народов СССР были приняты «громко и без помех». Форбс приветствовал эту акцию со стороны Советского Союза как «желанную и положительную». Он писал: «Покончив с практикой нарушения международных соглашений, под которыми стоит подпись СССР, Горбачев еще раз выразил свою приверженность политике гласности». Инженеры *Би-би-си* и *Голоса Америки* подсчитали, что Советский Союз ежегодно тратил от 500 миллионов до 1 миллиарда долларов на глушение – сумму, превышающую годовые бюджеты *Голоса Америки*, *РСЕ/РС*, *Би-би-си* и *Немецкой волны* вместе взятых.

Кроме прекращения глушения, другим приятным следствием гласности стало то, что западным социологам, изучавшим общественное мнение, разрешили проводить опросы советских граждан внутри страны. Совместно с московским Институтом социологических исследований *Колумбийская радиовещательная компания* - *CBS* - и газета *Нью-Йорк Таймс* провели опрос москвичей, выясняя их отношение к изменениям горбачевской эпохи. Около половины опрошенных отметили положительные изменения, другая половина не почувствовала перемен, и только небольшое число людей отметило отрицательные тенденции. У отдела по изучению аудитории *РС* появилась прекрасная возможность проверить достоверность собственных данных, полученных при опросах советских туристов за границей. Данные почти совпадали. Результаты социологического исследования среди вильнюсских студентов, проведенные официальной газетой *Советская Литва*, также оказались сходными с нашими. Это подтверждало надежность работы отдела по изучению аудитории *РС*.

Учитывая значительные изменения, которые претерпела советская пресса во время перестройки и гласности, *РС* решило сосредоточить свое внимание на конкуренции с внутрисоветскими СМИ. Советская центральная пресса служила форумом для обсуждения реформ, однако даже в республиках пресса уже не была монолитной. Теперь иностранное радио не было единственным

источником альтернативной точки зрения на советские проблемы. Главным источником информации для советских граждан стало телевидение с его более живыми и интересными программами. На *РС* в Мюнхене смотрели московское телевидение и готовили тщательный анализ для наших программ.

Естественно, что в 1988 году гласность была ещё очень ограниченной. Это было видно по тому, как в официальной прессе освещался конфликт между Арменией и Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха, армянского анклава внутри Азербайджана; как подавался вывод советских войск из Афганистана после почти девяти лет этой чуждой войны; или двадцатая годовщина советского вторжения в Чехословакию. *РС* заполняло информационные пробелы, должным образом подчеркивая пренебрежение этими темами.

Когда в декабре в Армении случилось землетрясение, либеральный еженедельник *Московские новости* отдал должное «мюнхенской радиостанции [за предоставление] эфира людям, разыскивающим своих родственников». «Мы слушали по зарубежному радио то, что должны были слышать по собственному», – писала газета. Неславянские редакции посвящали значительную часть эфирного времени войне на Кавказе. Для русской редакции, в свою очередь, очень важна была серия передач под названием *От пражской весны к московскому лету*, обсуждавших влияние оккупации Чехословакии на правозащитное движение в СССР и значение дубчековских реформ для горбачевской перестройки. Украинская редакция, в свою очередь, отметила тысячелетие христианства, которое для славян началось в Киевской Руси.

В 1989 году произошли фундаментальные перемены в Советском Союзе и Восточной Европе: «бархатная революция» в Чехословакии и возникновение там некоммунистического правительства, а затем сходные процессы в Польше и Венгрии; разрушение берлинской стены и первые за последние семьдесят лет состязательные выборы в СССР. Впервые корреспонденты *РСЕ/РС* смогли свободно посетить Польшу и Советский Союз и вести оттуда репортажи о важнейших политических событиях. Кроме них, Русская служба опиралась на разветвленную сеть внештатных корреспондентов внутри страны, в прямом эфире освещавших выборы делегатов Съезда народных депутатов, чьи имена *Радио Свобода* назвало раньше официальных СМИ.

Многие из наших корреспондентов внутри страны были видными независимыми журналистами – они участвовали в наших ежедневных передачах. Так, например, популярный писатель Анатолий Стреляный подготовил серию очерков о воздействии перестройки на жизнь глубинки. Русская редакция предоставляла эфир самым разным политическим лидерам, например, Борису Ельцину, который становился тогда главным оппонентом Горбачева; экономисту Николаю Шмелеву; руководителю авангардного *Театра на Таганке* Юрию Любимову; писателям Андрею Вознесенскому и Анатолию Рыбакову; бывшим следователям Тельману Гдляну и Николаю Иванову; ведущим ученым и депутатам Верховного Совета Андрею Сахарову и Роальду Сагдееву.

Аспекты – новая программа русской службы – шла в эфир по выходным, объединяя важнейшие сюжеты недели с письмами слушателей, в большом количестве приходившими из Советского Союза. В передаче *У газетного киоска* читались заметки из провинциальных и малотиражных газет, не доступных рядовому советскому читателю. Литературная передача *Ex Libris* рассказывала о произведениях молодых советских писателей, еще не получивших признания у себя дома. Об одной такой передаче латвийская газета

Советская молодежь писала, что «гениальная вещь» Сергея Каледина *Стройбат* была напечатана только после появления ее в программе *Ex Libris*. Мы также сделали радиопостановку по противоречивому сценарию Александра Кабакова *Невозвращенец*. В одном из радиointервью автор говорил потом, что постановка понравилась ему. Популярная советская телевизионная программа *Взгляд* признала важность этой литературной передачи.

Украинская служба, вторая по величине после русской, рассказывала о шахтерских забастовках в Донбассе и об образовании украинского национального движения за перестройку Рух. Благодаря обширным телефонным контактам, мюнхенской редакции удалось получить список требований, выдвинутых руководителями забастовки: одним из них было требование независимости профсоюзов. Удалось записать беседу с двумя украинскими народными депутатами - экономистом и представителем донбасского избирательного округа. Много передач было о Рухе и его инаугурационном съезде. Но настоящей журналистской удачей корреспондентов украинской редакции была запись беседы с демократически настроенным народным депутатом, освещавшим на митинге, который организовал киевский горком партии против Руха. Депутат рассказал украинцам, что именно было ему запрещено говорить собравшимся.

Для участия в конференции *Советский Союз в девяностые годы: перестройка и глобальные перспективы экономического сотрудничества Востока и Запада* из Мюнхена в Москву отправились три сотрудника РС - среди них старший исследователь Елизавета Тиг. По приезде Тиг и её коллеге объявили, что визы им были выданы «по ошибке», так что на следующий день им следует покинуть Москву. В конце концов, им разрешили присутствовать на конференции, где Тиг встретила людей, «ошеломленных и пораженных» встречей с представителями *Радио Свобода*. Ее поразил живой интерес советских людей к политике. Все три посланца отметили, что, несмотря на значительную долю информации, поступающую из советских источников, никто не говорил им: «Теперь нам *Свобода* не нужна». Напротив, они признавали, что в критические моменты (например, когда Борис Ельцин был отстранен от должности первого секретаря московского горкома Партии в феврале 1988 г.) РС лучше освещала события, чем внутренняя пресса. Им говорили также, что хорошо бы РС иметь своего корреспондента для поездок по стране и «бесед с людьми». Похожая история произошла и с Китом Бушем – директором исследовательского отдела РС, известным специалистом по советской экономике: сначала ему отказали в получении визы, но, в конце концов, разрешили посетить Советский Союз.

Тогда многое было «впервые». Например, летом 1989 года советский журнал *Собеседник* напечатал интервью с Владимиром Матусевичем – главным редактором русской службы РС. В августе того же года Фатима Салказанова, сотрудница нашего парижского бюро после многонедельной волокиты, наконец, получила визу и поехала в Москву, где в течение двух недель вела телефонные репортажи из столицы. После двадцати лет отсутствия, ее встретили тепло и радушно. Она беспрепятственно выходила на связь, в отличие от своего мюнхенского коллеги, которому в 1988 году этого делать не разрешили. Однако не всё у неё было благополучно: КГБ ходило за ней по пятам, на два дня пропадала ее записная книжка, и, наконец, ее вызвали в Министерство иностранных дел, где выразили недовольство «подстрекательским» характером ее репортажей. Удивительно то, что после

официальной беседы другие сотрудники министерства иностранных дел очень дружелюбно разговаривали с ней в столовой. «Мы слушаем ваши передачи, – сказали они, – и хотя не со всем согласны, мы вполне можем оставаться в хороших отношениях». Вернулась Фатима Салказанова убежденная, что *РС* недооценивает своей популярности в Советском Союзе.

Второй раз после выхода на пенсию я был в Советском Союзе в мае и июне 1989 года. Поездка проходила в рамках гранта, предоставленного мне IREX для изучения отношения советских людей к творчеству Владимира Высоцкого. На этот раз мы с Глорией сами составили маршрут своего путешествия и в течение шести недель самостоятельно посетили пять советских республик и 12 городов – самолетом, поездом и взятым на прокат автомобилем. Атмосфера в стране заметно изменилась по сравнению с нашей поездкой 1986 года: люди всех социальных уровней беседовали с нами гораздо охотней. Тем не менее, я был осторожен и не упоминал свою былую связь со *Свободой*, поскольку КГБ, несмотря на перестройку, сохранял прежнюю бдительность. Везде, где бы я ни был, я спрашивал о Высоцком. Упоминание любимого барда позволяло немедленно найти общий язык с таксистами, горничными, стюардессами, проводниками, любителями театра и творческой интеллигенцией. Все единодушно заявляли, что Высоцкий остался в их сердцах непризнанным национальным героем. Сотни его песен, полных пафоса и едкой сатиры, метко изображали советскую действительность. *РС* посвятило Высоцкому и его песням много передач. (3)

Я следил за передачами Русской службы днем и ночью, где бы я ни был, и вел подробные записи о содержании и слышимости для моих бывших мюнхенских коллег, которых я навестил по возвращении из СССР. Теперь, когда не было глушения, *РС* хорошо было слышно на ряде частот в Москве, Ленинграде, Одессе, Киеве, а также в сельской местности на Украине, в прибалтийских городах – Вильнюсе, Риге и Таллине. Мне больше всего понравилась передача, которую я слушал ночью в грохочущем поезде на пути из Риги в Таллин: Борис Шрагин вел из Нью-Йорка свою еженедельную программу из цикла *Западные ученые о Советском Союзе*. Речь шла о прогнозах американских и западноевропейских советологов относительно быстро меняющихся событий. (4) (В этом же поезде проводник поставил кассету с запрещенными песнями Высоцкого, которые были слышны в каждом купе!)

Из разговоров с советскими людьми я узнал, что им по-прежнему нужны западные радиопередачи, дополняющие картину происходящего в стране. Мастер одного из мариупольских заводов на Украине рассказал мне, что слышал передачу *РС* о солдатах, беспощадно расстрелявших грузинских демонстрантов в Тбилиси в начале года. Когда он рассказал эту новость на работе, ему сначала не поверили, но после того, как советская пресса, наконец, признала факт этой трагедии, они стали обращаться к нему за информацией, получаемой из надежного заграничного источника.

Наш визит той весной совпал с открытием в Москве нового демократического парламента. Мы были поражены повсеместной реакцией рядовых граждан на это событие. Они буквально «прилипли» к экранам телевизоров и приемникам. В гостиницах весь персонал собирался перед телевизорами в холлах и на этажах, совершенно забывая о своих обязанностях. В каждом такси радио передавало выступление депутатов на съезде, и водители слышали демократию в действии: либералы и консерваторы осыпали друг друга

обвинениями и бесстрашно спорили о самых насущных проблемах страны. С каким, должно быть, потрясением и восторгом воспринимали все это люди, уставшие от десятилетий лжи и пустословия партийных лозунгов и правительственных обещаний.

Перед отъездом из Москвы на Запад нас с Глорией пригласили на обед в Спасо-Хаус - резиденцию американского посла Джека Мэтлока. Я знал Джека в течение многих лет, еще со времен окончания им Колумбийского Русского института. Все годы, что он работал в качестве специалиста по Советскому Союзу, дипломата и члена Национального совета безопасности при президенте Рейгане, он оставался неизменным сторонником *Радио Свобода*. С большим интересом Джек слушал историю нашего путешествия по проселочным дорогам Украины и особенно благодарен был за рассказ о трех прибалтийских республиках, которые он не мог посещать официально, поскольку США не признавали Литву, Латвию и Эстонию частью Советского Союза. Приятно было завершить наше захватывающее шестинедельное турне в небольшой компании с Мэтлоком, его женой Ребеккой – талантливым фотографом – и двумя другими парами.

Разговор неизбежно коснулся перестройки. Один из гостей, филиппинский посол, рассказал анекдот, ходивший тогда по Москве. Молодой человек, работающий в столице, приезжает в деревню к матери. Та спрашивает: «Сынок, что это за перестройка такая?». Сын отвечает: «Смотри, сейчас покажу». Берет два ведра, одно с углем, другое пустое. Поднимает его повыше и пересыпает уголь из ведра в ведро. «Вот это и есть перестройка», – говорит он. «Не вижу смысла», – отвечает мать. «Зато ШУМУ, мама, ШУМУ!»

Когда мы были в Одессе – городе сатириков и юмористов, - мы слышали те же шутки о горбачевской перестройке. Местный бард написал куплеты на мотив известной одесской песни, где точно отразил людские разочарования в экономических реформах, шедших черепашью шагом. В песне говорилось об одесском градоначальнике начала XIX века Дюке Ришелье, статуя которого возвышается над знаменитой Потемкинской лестницей, ведущей в порт:

А папа Дюк стоит на пьедестале
С протянутой рукой, но нечего подать.
Он ждет шаланды, полные кефали;
Он – памятник, он может подождать.

В это время советские и западные масс-медиа объявили сенсационную новость: *Архипелаг ГУЛАГ* будет опубликован в СССР в июле 1989 года. Событие это, как все думали, повлечет за собой реабилитацию Солженицына и его возвращение домой. Трудно было найти более подходящую тему для *Радио Свобода*, которое всегда стояло за Солженицына и посвящало его запрещенным книгам гораздо больше времени, чем любая другая западная радиостанция. Однако в течение двух недель эта новость не упоминалась ни в одной передаче Русской службы РС. И только 5 августа программа «Поверх барьеров» рассказала об интервью Солженицына 18 июня журналу *Time*, то есть через неделю после его публикации в советской прессе. Прежде с консервативными сотрудниками в Мюнхене у Солженицына были хорошие отношения. Теперь же он все чаще обвинял РС в том, что оно потеряло связь с русским народом и не заботится о его интересах, выступая «принципиально против русского национального сознания». Я думаю, что, если Русская редакция задержала такое

важное сообщение из-за неприязни к автору, это было неудачное отступление *РС* от собственной политики гласности.

Несмотря на солженицынское недовольство, *РС*, по-видимому, хорошо справлялось со своими задачами, потому что к 1990 году вышло на первое место по числу слушателей среди западных радиостанций. Действительно, многие считали *РС* «своей станцией», а когда в спортивном комплексе Лужники в Москве проходило разрешенное властями чествование *Радио*, там собралось несколько тысяч поклонников. В течение всего года, по мере того, как власти на всех уровнях признавали наличие кризиса в СССР, все больше радиослушателей обращались к *РС* за независимым всесторонним анализом.

Для обсуждения экономической ситуации в России *РС* привлекало западных специалистов в области экономики, например, лауреата Нобелевской премии Милтона Фридмана, который анализировал причины трудностей и предлагал возможные решения проблем. *Радио Свобода* знакомило с новыми экономическими программами в Восточной Европе и обсуждало возможность их использования в Советском Союзе. Для тех, кто хотел знать об основах частного предпринимательства на Западе, *Радио* передавало интервью с русскими эмигрантами, которые делились своим опытом организации частных фирм на Западе. Учитывая серьезный рост национальных проблем в советском обществе, *РС* приводило примеры этнических конфликтов в разных странах мира, а западные специалисты рассказывали, как преодолевают их многонациональные общества.

Нью-йоркский программный центр начал новую передачу *Бродвей 1775* (по адресу на Манхеттене), которая сразу же полюбилась слушателям – за разговор о разных сторонах американской жизни, за беседы с советскими туристами, за обсуждение политических вопросов, интересных советской аудитории. Резко возрос интерес к радиоэссе Бориса Парамонова, поднимавшего культурологические темы.

Из Москвы наши внештатные корреспонденты присылали на *РС* интервью с крупнейшими фигурами официальной и неофициальной жизни в СССР. Через два дня после встречи Горбачева в Кремле с двадцатью радикальными и прогрессивными общественными деятелями, трое наиболее видных её участника обсуждали эту встречу в нашем эфире, предоставляя аудитории *РС* уникальную возможность узнать о непосредственном впечатлении, произведенном на них личностью Горбачева, и о процессе принятия решений советским руководителем. *Радио Свобода* взяло интервью у бывшего генерал-майора КГБ Олега Калугина, рассказавшего о деяниях тайной полиции на неделю раньше того, как мировая пресса ухватилась за эту историю. *РС* получило также исключительное право передавать по радио мемуары растущего политика Бориса Ельцина, который, порвав с Горбачевым, стал на сторону демократии, добился поддержки масс и в 1991 году был избран первым Президентом Российской Федерации. Одна передача на *Радио Свобода*, возможно, внесла свой вклад в рост популярности Ельцина. 13 января 1991 года Ельцин (тогда Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР) вылетел в Таллин сразу после того, как советские войска применили силу против литовцев в Вильнюсе, что привело к большому числу жертв. Ельцин был полон решимости поддержать народы Прибалтики в их стремлении к независимости и предотвратить дальнейшее кровопролитие российскими солдатами, которое осуществлялось по приказу Горбачева. Он обратился с призывом к российским вооруженным силам не подчиняться приказам и не стрелять в гражданское

население прибалтийских республик, поскольку «это вызовет кризис в самой России и повредит русским в других республиках».

Министр иностранных дел Эстонии Леннарт Мери организовал для Ельцина передачу его красноречивого обращения по телефону через Стокгольм и Хельсинки в Мюнхен на *РСЕ/РС*. Там глава эстонской редакции Томас Илвес перебрал это обращение в другие редакции, вещавшие на Советский Союз. Позже Илвес говорил мне, что он не знает, повлияло ли это выступление на решение Горбачева прекратить насилие, но уверен в одном: обращение по *Радио* прибавило Ельцина популярности, что повлияло на его избрание Президентом Российской Федерации в июне 1991 года. (5) Сам Илвес родился в Америке, куда его родители эмигрировали из Эстонии. Позднее он ушел с *РСЕ/РС*, и, отказавшись от американского гражданства, занял должность посла независимой Эстонии в США. В ноябре 1996 года он стал министром иностранных дел при президенте Мери.

Практически ежедневно советские политики, экономисты, деятели культуры говорили с нами по телефону из Советского Союза или в мюнхенских и других студиях *РС*. Руководители Верховного Совета, министры, политические советники и лидеры народных фронтов разных республик – все обращались к своим соотечественникам с помощью *Свободы*.

Советская пресса часто благожелательно писала о передачах *Радио*, что было немыслимо в прежние годы. Например, передача ленинградского телевидения *Пятое колесо* посвятила 40 минут рассказу о станции, но самую лучшую рекламу для нас создавали неофициальные газеты, печатая программу наших передач и необычные высказывания слушателей. Куйбышевская газета *Самара* опубликовала такое признание: «Мои друзья иногда называют *РС* 'вторым Всесоюзным радио'. Но если учесть качество и точность передач, есть все основания считать *РС* первым Всесоюзным радио». (6)

Коренные изменения произошли у нас и в национальных редакциях. Самым лучшим средством связи для редакторов стал телефон: каждая редакция поддерживала регулярную связь со слушателями своей республики. Другим источником информации для них были туристы из СССР, поток которых все возрастал. Теперь они охотно давали интервью журналистам *РС*. Руководители и рядовые сотрудники в Мюнхене получили возможность ездить в районы вещания и встречаться со слушателями, официальными лицами, учеными, писателями и другими заметными личностями.

Украинская редакция присутствовала при впечатляющем событии – живой человеческой цепи, соединившей Киев и Львов в знак единства и независимости Украины. Глава мюнхенской редакции Богдан Нахайло три недели провел на Украине, выступая с многочисленными интервью по радио и телевидению. Было много снимков в газетах, мелькал наш логотип, а лучшие украинские актеры, певцы и музыканты побывали у нас в Мюнхене с концертами и представлениями.

Подобные перемены произошли и в отношениях с другими союзными республиками. Грузинский литературный еженедельник печатал программы передач *РС*, знаменитый киргизский писатель Чингиз Айтматов выступал по нашему радио и хвалил нашу деятельность. Величайшим испытанием для Азербайджанской редакции было обеспечение беспристрастных репортажей о вмешательстве советской армии в этнический и территориальный конфликт с Арменией. Когда же эти передачи нарушили профессиональный кодекс

РСЕ/РС, руководство вмешалось и добилось журналистской объективности в освещении этого болезненного вопроса.

В июне 1991 года ленинградская газета *Час пик* опубликовала статью руководителя Центра по изучению и прогнозированию социальных процессов, в которой он писал, что 800 000 ленинградцев слушают *РС* «с разной степенью регулярности», а 240 000 – «раз в два дня». Автор писал:

«Век «Свободы» не слышать», - решили однажды наши заботливые идеологические опекуны, устроив на коротких волнах вакханалию грохочуще-завывающего аккомпаниемента всяческим «чуждым нам голосам». И в первую очередь, конечно же, «Свободе», упорно стремившейся замутить коммунистическую стерильность нашего политического сознания. Это было, когда «министерство правды» во всех газетах, по всем радио- и телеканалам заботливо предлагало нам один и тот же, единственно верный текст (как сегодня программу «Время»), упрямо утверждающий прямо противоположное тому, что мы видели и слышали вокруг себя в реальной жизни.

Сегодня «Свободу» уже не глушат. Сегодня Ю.Панич выступает со сцены Ленкома, а А.Стреляный и И.Клямкин из своих московских квартир общаются с соотечественниками с помощью той же «Свободы». И даже полковник В.Алкснис прямо из Кремля делится своими мыслями с помощью той же радиостанции». (7)

В январе 1991 года, после 18-летнего пребывания на Западе Панич с триумфом вернулся в Ленинград. Все эти годы он был ведущим сотрудником русской службы *Свободы*. Панич - известный актер театра и кино, режиссер, на сей раз предстал перед переполненными залами двух театров как режиссер-постановщик *Трех жизней*. В исполнении ведущих ленинградских актеров на сцене были показаны три периода его собственной жизни: 40 лет, в течение которых он был советским актером; 18 лет работы на *Радио Свобода*; и третий период, когда он был принят с любовью в своем родном городе.

Спектакль начинался с музыкальных позывных *Радио Свобода* и обычного объявления диктора, начинающего передачу. Потом появлялся Панич с рассказом об Александре Галиче, звучали его стихи и песни. Актеры исполняли отрывки из передач свободовских передач Панича. В заключение вечера ведущий из популярной ленинградской телепрограммы *600 секунд* спрашивал мнение Панича и зрителей о передачах *Радио Свобода*. Лес рук, поднятых в ответ на вопросы телеведущего, показывал, что передачи *600 секунд* и *Радио Свобода* смотрит и слушает приблизительно одно и то же число людей. Помимо этого, Панич дал интервью общесоюзному телеканалу, в котором он передал зрителям привет от своих мюнхенских коллег и рассказал о работе *Радио*. Вернувшись в Мюнхен, он признался: «Я проработал в театре всю жизнь, но эти дни в Ленинграде – вершина моей творческой карьеры».

Другим поразительным свидетельством перемен было письмо от 19 июня 1991 года, посланное в Научно-исследовательский институт *РСЕ/РС* председателем КГБ В. Крючковым. Он приветствовал опубликованную этим институтом книгу сотрудника *РС* Александра Рара с биографиями политических деятелей Советского Союза:

«Я рад тому, что новое политическое мышление, рожденное в СССР, постепенно находит приверженцев и по другую сторону океана, свидетельство тому – Ваша книга. Сам факт ее появления говорит о пристальном интересе всего мира к событиям, происходящим в СССР.

Я глубоко уверен, что более близкое знакомство с жизнью политических деятелей, до недавнего времени мало известных мировой общественности, с их политическими взглядами на фундаментальные проблемы сегодняшнего дня даст возможность как профессиональным политикам, так и тем, кто интересуется процессами, происходящими в нашей стране, лучше понять цели и задачи перестройки в СССР.

Заверяю Вас, что и впредь мы будем открыты для взаимовыгодного сотрудничества». (8)

Ровно через два месяца после этого признания в стремлении к сотрудничеству, Крючков оказался среди заговорщиков злополучного путча против Горбачева. Кучка «красно-коричневых» – твердолобых коммунистов и ультранационалистов – пытались потопить реформы и повернуть ход истории вспять.

ОТ ГОРБАЧЕВА К ЕЛЬЦИНУ

- Дорогое московское радио! В ваших передачах всегда говорится, что у нас нет перебоев с продовольствием. А мой холодильник вечно пуст. Как мне быть?

- Дорогой товарищ! Попробуйте включить ваш холодильник в радиосеть.

В августе 1991 года Горбачев готовился к подписанию союзного договора, согласно которому экономические и политические полномочия переходили от Москвы к пятнадцати республикам. Под влиянием гласности не только среди интеллигенции, но и среди рабочих усилились открытые разногласия. Шахтерские забастовки в Сибири и других частях страны были основной причиной, заставившей Горбачева согласиться на переговоры с республиками о новом Союзе, намеченные на 20 августа и предполагавшие создание конфедерации независимых государств. У военно-промышленного комплекса во главе с КГБ был последний шанс выступить против политики Горбачева. 19 августа «Государственный Комитет по чрезвычайному положению» захватил власть.

Для *Радио Свобода* это был «звездный час», если вспомнить крылатое выражение Уинстона Черчилля времен войны. Руководители переворота (путча, как называют его русские, позаимствовав из немецкого - Putsch) всячески старались не допустить распространения информации по стране в то время, как весь мир с тревогой следил по спутниковому телевидению за зловещими событиями в Москве. Центральное телевидение передавало только народные танцы и классическую музыку, изредка прерываемые сухими заявлениями самопровозглашенного ГКЧП. Чтобы узнать, что происходит в собственной стране, граждане СССР обратились к коротковолновым западным радиостанциям.

Когда 19 августа в 4 часа 29 минут в Мюнхене услышали сообщение ТАСС о путче, главная редакция новостей моментально оповестила ведущих сотрудников. Те, кто слышали новость по местному немецкому радио, бросились в редакцию. В 6.00 наши новостные выпуски включили сообщение о путче, а в 7.45 мы посвятили этому событию передачу в прямом эфире. У РС был прямой доступ к большинству главных действующих лиц. Обширная сеть корреспондентов (в том числе пятеро в Москве) рассказывали с места событий. Двое непрерывно находились в Белом Доме на прямой телефонной связи с Мюнхеном. Третий следил за действием гекачепистов, четвертый передавал информацию советских СМИ для мюнхенского отделения РС, пятый сообщал о настроениях рабочих, в частности, нескольких забастовочных шахтерских комитетов. Московские корреспонденты знали, что они находятся под постоянной угрозой, но они не отступили. Вечером во вторник, 20 августа

Михаил Соколов срочно связался с Мюнхеном и, волнуясь, сообщил, что с одиннадцатого этажа видит танки, приближающиеся к зданию. «Прощайте, - сказал он. - Боюсь, что это мой последний репортаж», после чего связь с ним оборвалась. Позже он вышел в эфир и передал, что танки уходят. (1)

В течение последующих дней редакторы Радио в Мюнхене держали постоянную связь со своими корреспондентами, находящимися в Москве и регионах РСФСР, а также в союзных республиках, что позволяло им быть в курсе бурно развивающихся событий.

Министр экологии и депутат Верховного Совета РСФСР Николай Воронцов поминутно описал чрезвычайное заседание кабинета министров СССР 19 августа, на котором планировался путч.

Сергей Станкевич, государственный секретарь РСФСР, рассказал о подробностях ареста Горбачева.

Генерал Константин Кобец, министр обороны, сообщал о военной ситуации в столице, включая передвижение войск, в первые два дня путча.

Другие депутаты Верховного Совета РСФСР рассказывали об аресте шефа КГБ Крючкова и министра обороны Язова.

Валерий Степаненко, генеральный прокурор РСФСР, говорил о начавшемся следствии по факту переворота и о роли в нем КГБ.

Когда Борис Ельцин, стоя на танке, произнес свою отважную речь против заговорщиков, *РС* сообщило всей России о сопротивлении москвичей и пассивном поведении военных. *CNN* и *NBC* также вели передачи из Москвы и неоднократно упоминали, что почти каждый здесь в эти дни слушает *Радио Свобода*.

Скотт Шейн, московский корреспондент *Baltimore Sun* в 1988-1991 гг., так оценил значение *РС* в дни путча. В тот момент, когда радио «сообщило о первых и единственных жертвах: трое юношей погибли, пытаясь остановить танки, направлявшиеся, как им казалось, к Белому Дому, Андрей Миронов слушал *Свободу* в своей квартире. 'Мне было стыдно оставаться дома, когда другие умирали', – вспоминал он позже. Он вышел из дома и пошел по Садовому кольцу в сторону американского посольства, недалеко от которого пролилась кровь. К своему удивлению, он увидел десятки молодых людей, идущих в том же направлении и услышавших эту новость по тому же радио». Шейн далее цитирует политического комментатора Леонида Ионина, который несколько недель спустя писал в *Независимой газете*:

«*Радио Свобода* и *Би-би-си* одолели КГБ и КПСС... Если бы высокопоставленные заговорщики... захватили газеты, радиостанции, телевидение, отключили телефоны и изолировали бы Белый дом от Москвы, а Москву от Союза и мира, они бы скорее всего победили. Но так они были обречены». (2)

Заместитель директора *РС* Айэн Эллиотт был как раз в это время в Москве и дал яркое описание увиденного. Днем 19 августа, стоя под дождем, он наблюдал, как «множество людей на Калининском мосту и Смоленской набережной строили баррикады и раздавали листовки смущенным молодым танкистам. В пять часов я услышал знакомые звуки радиопозывных: сквозь гирлянды зонтиков в конце моста слышался громкий и чистый голос *Радио Свобода*, передающего последние известия». (3) Позже Эллиотт подытоживал:

«С кем бы я не говорил – на баррикадах, в Белом доме, в учреждениях и редакциях газет, – все тепло отзывались о *Радио Свобода* и особенно о местных корреспондентах. Сергей Марков, молодой профессор политологии из МГУ,

рассказывал мне, как он записал переданное по *Радио* первое воззвание Ельцина против хунты. Марков под дождем поехал в местный Совет в Дубну и с удовлетворением увидел, что исполнительный комитет, прослушав эту запись, немедленно согласился выполнять приказы Ельцина. Марков, лидер Русской Социал-демократической партии, провел долгую ночь с 20 на 21 августа в Белом Доме на связи со *Свободой*, обеспечивая постоянный поток информации из России за границу». (4)

Когда президент Горбачев вернулся в Москву после домашнего ареста в Крыму, он объявил всему миру на пресс-конференции:

«Самым тяжелым было то, что в той ситуации у нас не было информации. Все было отключено за исключением телевизора, по которому заявления ГКЧП чередовались с фильмами и классической музыкой. Но среди охраны нашлись смышленные ребята, они нашли где-то старые радиоприемники, установили антенны, и мы слушали зарубежные радиостанции. Лучше всего было слышно Би-Би-Си и Радио Свобода». (5)

Президент Российской Федерации Борис Ельцин в скором времени выразил свою благодарность РС:

«Во время путча, в течение 3-4 дней *Радио Свобода* была одной из немногих радиостанций, через которую можно было сообщать о событиях всему миру, а самое главное, всей России, потому что в России практически каждая семья слушает РС. Я думаю, что деятельность и цели РС заслуживают того, чтобы мы (российское правительство) установили прямой контакт и пригласили руководство *Радио Свобода* посетить нас. Могу уверить вас, что вы получите аккредитацию».

27 августа Ельцин издал указ, разрешающий *Радио Свобода* открыть свое постоянное бюро в Москве. В указе говорилось:

«В связи с обращением дирекции независимой радиостанции «Свобода»/ «Свободная Европа», финансируемой Конгрессом США, и учитывая ее роль в объективном информировании граждан РСФСР и мировой общественности о ходе демократических процессов в России, событиях в стране и в мире, деятельности законного руководства РСФСР в период государственного переворота в СССР, постановляю:

1. Разрешить дирекции независимой радиостанции «Свобода»/ «Свободная Европа» открыть постоянное бюро в городе Москве с корреспондентскими пунктами на территории РСФСР.

2. Министерству иностранных дел РСФСР предоставить официальную аккредитацию корреспондентам независимой радиостанции «Свобода»/ «Свободная Европа» и обеспечить им возможность беспрепятственного осуществления журналистской деятельности на территории РСФСР.

3. Мэру города Москвы выделить помещение для бюро независимой радиостанцией «Свобода»/ «Свободная Европа» в городе Москве.

4. Министерству печати и массовой информации РСФСР, Министерству РСФСР по связи, информатике и космосу обеспечить бюро независимой радиостанцией «Свобода»/ «Свободная Европа» необходимыми каналами связи.

5. Настоящий указ вступает в силу с момента подписания». (6)

Это был беспрецедентный случай: информационное агентство получало аккредитацию по указу главы государства. Президент РСЕ/РС Джин Пелл писал по этому поводу: «Особенно радует, что это сделал именно этот глава государства и в этот исторический момент. Для нас большая честь, что таким

способом президент Ельцин отметил роль нашего радио - в последние недели и во все предыдущие годы – открыто информировать людей». (7)

Московское бюро открылось в январе 1992 года в центре города, недалеко от площади Маяковского, на третьем этаже отреставрированного старинного особняка со сквером. Небольшая современная студия, где трудятся способные местные журналисты, поддерживает постоянную связь с городами бывшего Советского Союза. Я посетил офис через год и рассказал молодым сотрудникам, как относились к *Радио Свобода* во времена холодной войны. Они подарили мне пленку с недавней записью эстрадного юмориста Михаила Жванецкого, где он из нашей же студии обращается с открытым письмом к американскому президенту за поддержкой *Радио Свобода*: «Дорогой Билл».

После победы над правым путчем мировая пресса Западной и Восточной Европы писала о том вкладе, который внесли в дело демократии *РСЕ и РС*. Пражская газета *Вечерник* писала: «Мы сидели как приклеенные, слушая *РСЕ*. Благодаря ему мы были в курсе событий не только в Советском Союзе, но и во всем мире. За все это – большое спасибо, коллеги». 22 августа директор международного радиовещания Всероссийского Госкомтелерадио Сергей Тимофеев подписал письмо с благодарностью *Радио Свобода* за «эффективное освещение трагических событий 19-21 августа в СССР» и заявил: «Миллионы советских людей, лишённые возможности получать информацию из российских источников, слушали ваш свободный голос. Это укрепляло их веру и стремление бороться с диктатурой. Мы надеемся на дальнейшее плодотворное сотрудничество с вашей радиостанцией». (9)

Советская империя с ее коммунистической системой развалилась в конце 1991 года. Появилась реальная возможность демократических реформ и рыночной экономики после семидесяти лет марксистско-ленинской *Gleichschaltung* (нем. – унификация, однообразие). Но экономика страны была в упадке, демократические институты в зачаточном состоянии, а националистические чувства грозили вылиться в межнациональные конфликты.

С самого начала своей деятельности, с 1953 года *Радио Свобода* придерживалось мнения, что советский режим не может продлиться вечно из-за своего принципиального неуважения к надеждам и чаяниям подчиненных ему народов. И все-таки, как и весь советологический мир, мы с друзьями были поражены скоростью развязки и тем, какой малой кровью все это обошлось. Развал СССР был ускорен августовским путчем, неумело спланированным и быстро проваленным сторонниками жесткой линии во главе с Янаевым, Пуго и Крючковым. Они пытались покончить с горбачевской перестройкой и вернуть страну к прежнему состоянию, когда Партия и КГБ занимали командные высоты и подавляли всякое инакомыслие.

В предисловии к брошюре, опубликованной нашей радиостанцией через несколько месяцев после путча, Елена Боннэр описывала свое впечатление о роли *Радио Свобода*:

«Передо мной рукопись. Как всякой обычной книге, ей нужно предисловие. На этот раз мое. Читать рукопись мне не хотелось. Но после первой же страницы, глянув на часы (было уже за полночь, без двадцати час), поняла, что не оторвусь, пока не переверну последнюю страницу. Не детектив, не роман, не сказание – просто запись того, что звучало три августовских дня на волнах *Радио Свобода*.

19 августа. У них в Мюнхене 7:45 утра, у нас в Москве 9:45. Судя по голосам, они растеряны – Фатима Салказанова, Владимир Матусевич и Михаил

Карташов. Как и мы здесь, в Москве. Моя дочь, после ошеломления первых часов (телефон поднял нас на ноги около семи утра) выбежала в булочную. Вернулась чуть не плача: «Переворот, а они там – очередь колоссальная – водку без талонов продают!». «Они» означало ГКЧП, «там» – наш магазин «Вино» на улице Чкалова и вместе с ним вся страна, весь белый свет... Вошла в кухню и сразу после этих слов кивком на приёмник: «Свобода? Ну что они?» «То же, что и мы. Они с нами!»

И вот теперь эта рукопись. Дневник, или если бы были такие слова, то «почасовик» и «поминутник», хронологически зафиксировавший, что мы делали и какими мы были в те три дня, когда наша свобода висела на волоске, когда вырубалось наше радио, когда телевидение наше стало одним сплошным *Лебединым озером* с антрактами на трясущиеся руки Янаева. И какими были, что делали сотрудники *Свободы* – там, в Мюнхене, и здесь, в Москве. Перечитывая её, вновь убеждалась – путч был не игрушечным. И без *Свободы* пережить его стране было бы несравнимо трудней». (10)

Во время августовского путча Боннэр была в Белом Доме, поддерживая сторонников Ельцина. Она своими глазами видела героическое поведение корреспондентов *РС*. Позже она сказала им: «Ребята, в эти дни вы были на баррикадах вместе с нами».

Наш ежемесячный внутренний журнал *Shortwaves (Короткие волны)* напечатал записки Елены Боннэр о слушании *Свободы*. Впервые она поймала нашу передачу в 1953 году, когда умер Сталин, и мы «сразу ее выделили», потому что «с самого начала она отличалась от других западных станций, - и не только по содержанию (которое было нам ближе), но и по языку. Язык радиостанции был гораздо современнее, чем у других станций». По мнению Боннэр, «это заставляло верить. Как будто люди в Мюнхене ели наш плохо пропеченный хлеб, стояли в очереди или находились в больнице – не в отдельной палате (нет мест), но вместе с нами в коридоре».

Боннэр сказала, что в 1956 году она начала регулярно слушать *РС* после того, как они «приобрели первый приемник («Восток»), словно предчувствовали события в Венгрии. По ночам его шкала ярко светилась, и казалось, в темную комнату с потрескиванием приемника приходит весь мир». Радиоприемники стали «абсолютно необходимой вещью» для интеллигенции, а позже «этот бум стал распространяться и на другие слои населения. Так началось наше массовое просвещение и образование».

Несмотря на все трудности, они слушали *РС* наряду с другими зарубежными радиостанциями в больших городах. «Но в провинции, [где слышимость была лучше] слушатели предпочитали *Радио Свобода* другим радиостанциям». Она точно не помнит, когда сенатор Фулбрайт «сказал, что оба радио не нужны и предложил прекратить финансирование. Для США это было бы величайшей исторической ошибкой, если бы конгресс прислушался к нему. Я надеюсь, что этот урок ни для кого не пройдет даром». Обращаясь к нашим временам (1991), Боннэр сказала:

«Казалось бы, можно обойтись без *Радио Свобода*, - теперь, когда нет берлинской стены, когда наши газеты ведут борьбу с теми, кто цепляется за власть, а наши журналы полны самиздата и других перепечаток зарубежной русской литературы. Но каждый вечер, слушая *Радио Свобода*, я снова и снова убеждаюсь, что все, происходящее здесь, лучше видится и слышится из Мюнхена. И, между прочим, я вижу то же самое, читая *Русскую Мысль*: из Парижа видится лучше, чем из Москвы, и поле зрения шире. А в те горячие

августовские дни *Радио Свобода*, как и ее знаменитая тезка с полотна Делакруа, не только в переносном смысле, но буквально была с нами на баррикадах.

Когда я узнала, что *Радио Свобода* и *Радио Свободная Европа* были выдвинуты на Нобелевскую премию мира [эстонским министром иностранных дел осенью 1991 года], я была обрадована тем, как естественна и справедлива была эта номинация. И мне пришло в голову: почему я не подумала об этом раньше? Слыша каждый день слова: «Мы ведем наши передачи с целью распространения информации», я понимаю, что они ежедневно защищают наше право на получение и распространение информации (Всеобщая декларация прав человека) с целью сохранения мира на земле. И я знаю, что нет другого органа СМИ, который бы сделал больше, чем *РСЕ/РС*, для создания той Европы, в которой мы живем сейчас, - Европы, не разделенной на два враждебных лагеря.

И все же, нынешние новые условия потребуют еще больших усилий, чем прежде. Наша страна, несомненно, стала демократической, где свобода слова гарантирована, а людям доступна самая широкая правдивая информация. А в Грузии, Молдавии, Туркмении и Таджикистане люди могут узнать правду о своих странах только от *Радио Свобода*. И даже мы, москвичи, узнаем больше о том, что происходит в бывших советских республиках, по сравнению с советским центральным телевидением или российскими новостями. Кроме того, вполне возможно, что советское центральное телевидение скоро прекратит свое существование. Вновь созданные государства больше не захотят его субсидировать. И тогда *Радио Свобода* станет основным каналом связи между народами бывшего СССР.

Сейчас, после жаркого московского лета, *Радио Свобода* предложили открыть свое бюро в Москве. Разрешите мне поприветствовать нашего нового московского соседа - самого достойного кандидата на Нобелевскую премию мира. И я надеюсь, что вместе с *Радио Свобода* мы пройдем долгий путь к демократии и миру. Это сладкое слово «Свобода». (11)

Примерно через месяц после неудачного переворота советское телевидение посвятило *Свободе* целую передачу. 14 сентября программа *Время* представила Марка Дейча как московского корреспондента программы *В стране и мире*. Поскольку все знали, что *Время* отражает официальную точку зрения, зрители восприняли появление Дейча как признание *Свободы* советским руководством. Позже, вечером того же дня на телевидении отмечали годовщину независимого московского еженедельника, где советские знаменитости благодарили *РС* за освещение путча.

Не только русские выражали признательность *Свободе*. Наш внештатный корреспондент сообщал из Киева о забастовщиках, говоривших: «Спасибо, *Радио Свобода*». А 16 членов «демократических организаций и движений» из Туркменистана 29 сентября обратились с посланием Конгрессу США и *Радио Свобода*, в котором писали, что в атмосфере непрекращающейся цензуры и жесткого контроля над СМИ со стороны «тоталитарно-коммунистического режима единственным поборником демократии для Туркменистана является *Радио Свобода*». Они просили, чтобы своими передачами *Радио* помогло им «устанавливать демократическую систему управления на туркменской земле. Демократические организации, – говорилось дальше в письме, – выдвинули редакционный состав *РС* на престижную национальную премию – «высшую награду, существующую в республике», - в ознаменование «высшей оценки за вклад *Свободы* в установление демократии и общечеловеческих ценностей в Туркменистане». 12

Бывший *Отдел РС по изучению советской аудитории* был теперь переименован в *Отдел по изучению СМИ и общественного мнения исследовательского института РСЕ\РС*. Одно из его исследований, проведенное под руководством Джина Парта, ставило своей целью определить, какое количество советских граждан слушало *РС* во время путча. Изучалось население девяти советских городов и семи бывших республик Советского Союза. Между Мюнхеном и исследовательскими группами на местах существовала хорошая связь по телефону, по факсу и почтой. Результаты показали, что западные радиостанции были предпочтительнее, чем отечественные радио и печать, а *Радио Свобода* по числу слушателей опережало *Голос Америки* и *Би-Би-Си*. Многие, кто слушал нас, говорили, что *РС* было для них большой моральной поддержкой в трудные дни кризиса.

К концу 1991 года Украина и несколько других советских республик объявили о своей независимости. 24 августа *Радио Свобода* было первым СМИ вне республики, кто сообщил об украинской декларации. Но настоящий *coup de grace*, по меткому выражению Джека Мэтлока, был нанесен Союзу в начале декабря, когда руководители трех государств – Ельцин, Кравчук и Шушкевич, – тайно встретившись в Беловежской пуще, в охотничьем доме, подписали договор о создании Союза независимых государств. 26 декабря Советский Союз прекратил свое существование. (13)

Был ли смысл для *РС* продолжать свою работу в условиях демократии в России и других бывших союзных республиках? Формально те цели, которые ставило перед собой *Радио Свобода* с самого начала, были достигнуты. Тоталитарная однопартийная система рухнула, как ни странно, не особенно сопротивляясь (события в Литве, где в 1991 году пролилась кровь, оказались трагическим исключением).

Но те на Западе, кто думал, что за демократией немедленно последует экономическое процветание, ошибались. Уже 1992 год ясно показал, что независимые государства ждут тревожные времена. Этническая нетерпимость, подавлявшаяся советской властью, вылились теперь в открытую войну в Молдове (бывшая Молдавия), на Кавказе и в Центральной Азии. Проявления крайнего национализма и неокommунизма появились в России и ее бывших республиках вследствие обескураживающе медленного перехода от командной экономики к рынку, что, в конце концов, грозило свертыванием реформ и нарождающихся демократических институтов.

В декабре 1991 года, после шестимесячного изучения работы *Голоса Америки*, *РСЕ\РС* и других американских СМИ *Правительственная комиссия по изучению международного вещания*, назначенная Джорджем Бушем, предложила свои рекомендации. Двухпартийная группа из 11 видных американцев, возглавлявшаяся Джоном Хьюзом и включавшая Ричарда Аллена и Стюарта Айзенштата, пришла к следующему выводу: *РСЕ* и *РС* своей работой доказали, что они «являются важнейшим оружием в борьбе за демократию» и что в будущем им предстоит выполнять не менее важную миссию. В то же время, комиссия считает, что функции этих организаций должны существенно измениться, став не «суррогатными» радиостанциями, но альтернативными. От заграничного обслуживания слушателей, лишенных сведений в своей стране, перейти к помощи местным СМИ, стремящимся завоевать доверие и обрести независимые источники информации. Положение этих СМИ по-прежнему тяжелое из-за остатков политического контроля, застарелой самоцензуры и нехватки средств – всех тех факторов, что мешают успешной работе в качестве

стабилизирующей и поддерживающей силы в критический переходный период. (14)

Комитет по международному радиовещанию согласился с этими рекомендациями. В своем отчете за 1992 год он писал о работе радиостанций в новых условиях:

Сосредоточиваясь на внутренних и региональных проблемах, альтернативное радиовещание дополняет местные средства массовой информации и способствуют их утверждению на основе здоровой конкуренции. Задачами РСЕ/РС являются:

- пропаганда взвешенных подходов к решению национальных и региональных проблем, в противовес голосам экстремистов;

- отражение в своих передачах интересов больших и малых этнических групп при решении спорных межнациональных конфликтов в данном регионе;

- продвижение рыночной экономики с учетом трудностей в стране вещания, ознакомление с опытом других стран, изучение положительных и отрицательных сторон реформирования в данной стране;

- знакомство с практическим опытом и уроками западных стран и культур, чей пример успешной борьбы за демократию может пригодиться странам-слушательницам РСЕ и РС;

- разъяснение целей и задач таких многосторонних организаций, как *Европейское Экономическое Сообщество, Совет Европы, Совет по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)* и других, которые играют решающую роль в интеграции новых независимых государств на территории Европы и Атлантики». (15)

Комитет по международному радиовещанию приводил и другие доводы для того, чтобы сохранить радиостанции в качестве альтернативного источника информации:

По мнению специалистов-ученых и правительства США, после отмены государственной цензуры в СССР остается еще много трудностей: отсутствует экономическая база для развития печатных и электронных средств массовой информации; не хватает опытных журналистов; продолжается государственный контроль на телевидении и в распространении прессы; не изжита традиция односторонней подачи информации, когда репортаж не отделяется от комментария; наблюдается постоянная угроза государственного вмешательства в СМИ.

Со временем, с западной помощью и экономическими успехами эти проблемы исчезнут, и экономически сильные, профессиональные СМИ расцветут. А пока РС выполняет важную задачу, помогая средствам массовой информации в СССР преодолевать существующие сложности. (16)

В прежние времена не могло быть и речи об отправке корреспондентов в Советский Союз, теперь мы получили возможность своими глазами следить за происходящими событиями. Два журналиста, рискуя жизнью, под пулями

добирались на военных вертолетах в Нагорный Карабах, Северную и Южную Осетию, Чечню, чтобы взять интервью у солдат и офицеров, а также у людей, попавших в водоворот национальных конфликтов. Их исход имел большое значение для всех народов бывшего Советского Союза. Изучение аудитории показало, что слушатели почувствовали особую позицию РС - на стыке между границей и домом, - позицию «вытянутой руки», на шаг от политической злобы дня и, в то же время, с осведомленностью местного жителя.

Радио Свобода фактически было единственным источником полной и объективной информации о горячих точках. Правительство нового независимого государства Молдова попросило РС и РСЕ помочь местным передатчикам использовать на FM частотах программы Русской и Румынской редакций, чтобы противостоять сведениям, идущим из Москвы и Бухареста.

Другой важной задачей *Радио* в новых условиях были интервью с ведущими политиками, начиная с Ельцина, и знакомство слушателей с намерениями, планами и взглядами важнейших политических фигур и членов оппозиционных групп в парламенте. Уникальным по форме было интервью с Михаилом Горбачевым в первую годовщину августовского путча: *Радио Свобода* предложило слушателям записать вопросы Горбачеву на автоответчик. В течение трех дней наши журналисты в Москве приняли 8000 звонков, отражающие самые разнообразные мнения: от панегириков до проклятий. Были выбраны 25 наиболее часто повторяющихся вопросов, их отредактировали, расположили по темам и передали бывшему советскому президенту. Многие из них были полны эмоций и упреков: «Почему вы так долго не говорили правду о чернобыльской трагедии? Почему передавали деньги зарубежным компартиям, когда у самих дома есть нечего?». Горбачев отвечал чистосердечно, откровенно и даже эмоционально. (17)

Еще одна серия передач РС была посвящена западной гуманитарной помощи. Журналистка Ирина Хенкина сопровождала немецкую группу с добровольными пожертвованиями на Урал, в Екатеринбург. На борту огромного грузового Антонова она записала интервью с сопровождающими и потом описывала в своей передаче, как распределялись 140 тонн зимней одежды. Поездка была настолько удачной, что Наина Ельцина пригласила Хенкину с коллегой в свой московский офис и посреди разговора вдруг воскликнула: «Постойте, я знаю Вас! Я отлично знаю Ваш голос. Вы Ирина Каневская [псевдоним Хенкиной]. Вот теперь голос и лицо соединились!» (18)

В 1992 году русская служба подготовила новую программу разговоров со слушателями - *Контакты*: звонившие участники делились своими тревогами, социальными проблемами и житейскими неурядицами. Пользуясь возможностью свободно посещать страну, ведущий отправлялся в самые отдаленные города и учреждения, клиники и заводы, заявляя: «Мы должны дойти до самого сердца России и узнать, как и чем живут наши слушатели. Это те люди, которым мы так нужны».

Взгляд на *Радио Свобода* из Москвы

Старший редактор программного отдела *Московского Радио* Соня Бережкова, кандидат филологических наук, защитила диссертацию на факультете журналистики МГУ, избрав темой своего исследования *Радио Свобода*. Этот добротный труд отличают научная объективность и глубокое знание предмета. Совершив несколько поездок в Мюнхен, Бережкова встретила со многими редакторами, Джином Парта и сотрудниками его социологического отдела. Мы

начали переписываться с ней в 1992 году и делимся результатами наших исследований по истории и влиянию *Радио Свобода*.

Однажды я попросил ее найти кого-нибудь, кто слушал нас с самых первых дней *Радио*, и она указала мне на Николая Алексеевича Голядкина, впервые поймавшего нашу волну весной 1953 года четырнадцатилетним мальчиком, когда он жил в Саратовской области. Совершенно случайно, крутя ручку настройки, они с братом услышали на коротких волнах странную передачу, которая называлась *Враги народа засели в Кремле*. Голядкин рассказывал Бережковой, как напугало его это название. Назвали бы уж - *В Кремле не думают о народе*, в таком вот не провокационном духе. Он уверен, что это было именно весной 1953-го и что это было по *Свободе*. Вполне похоже на наши ранние трансляции, судя по агрессивному заголовку. 19

Бережкова рассказывала мне, что с 1964 года на *Московском Радио* существовала служба перехвата. Один из ее сотрудников вспоминал, что в середине семидесятых главный редактор новостей сказал «в шутку», что присудит денежную премию тому, кто поймает на лжи западные радиостанции. Большая папка с надписью *Ложь* так и пустует до сих пор (1993): за все время лишь в двух передачах были обнаружены неправильные цифры, но лжи не нашлось. Впервые мы встретились с Бережковой в Москве в 1993 году, и с тех пор она присылает мне интересные материалы. Ее статья *Железный занавес не был звуконепроницаемым*, приуроченная к 40-й годовщине *Радио Свобода*, появилась в *Вестнике Московского Университета*. В статье подробно прослежена история *РС*, начиная со времен холодной войны, когда передачи на коротких волнах слушали единичные энтузиасты, до того времени, когда его аудитория составила более 30 миллионов человек по всей территории бывшего Союза: «Трудно представить себе сложный процесс перестройки в бывшем СССР без альтернативной информации, которую это *Радио* предоставляло своим слушателями». (20)

В другой статье, напечатанной в *Бюллетене иновещания Московского Радио*, Бережкова углубляется в разбор передач 1991 года и приходит к выводу, что *Радио Свобода* продолжает оставаться ведущей международной станцией, направленной на Советский Союз. «[*Радио Свобода*] безусловно, не только самая крупная, но и самая интересная из русских зарубежных станций. Ее задача и положение уникальны. В течение почти сорока лет *РС* старалась заполнить внутренний вакуум в СССР, а сейчас она служит образцом для внутренних средств массовой информации». (21)

Сравнивая две радиостанции, *РС* и *Голос Америки*, Бережкова пишет, что несмотря на финансирование Конгрессом США, *Свобода* «беспристрастней освещает события в СССР и в странах Восточной Европы, чем *Голос Америки*». В качестве примера она приводит слова Леннарта Мери, в то время министра иностранных дел Эстонии, по поводу выдвижения *РСЕ/РС* на Нобелевскую премию мира (1991). Обращаясь к Нобелевскому комитету, Мери сказал: «Мои братья-эстонцы и я хотели бы воздать должное *РСЕ /РС* и американскому народу за то, что в течение 40 лет они помогали нам восстанавливать демократию. Мы хотим поддержать их в их будущей деятельности». К этому выдвижению присоединились Вацлав Гавел, Лех Валенса, премьер-министр Венгрии Йосеф Анталл и президент Болгарии Желю Желев. На встрече с сотрудниками *РСЕ/РС* в Мюнхене Мери сказал: «Ваша заслуга в том, что вы всегда поддерживали живую демократическую мысль и сохраняли культурную

и историческую память нашего народа, ту память, которую коммунисты пытались уничтожить». (22) Бережкова писала о номинации:

«Это предложение было поддержано многими лидерами восточноевропейских стран, и хотя премию *Радиостанция* не получила, [награда досталась правозащитнице бирманке До Онг Сан Су Кый], зато *Радио* получило хорошую рекламу: о номинации писали многие газеты и журналы, как в нашей стране, так и в Восточной Европе.

Это было особенно важно для судьбы радиостанции, поскольку с завершением «холодной войны» и победой демократических революций в Восточной Европе многие американские эксперты склонялись к тому, что миссия *PCE/PC* завершена и станции должны либо закрыться, либо слиться с *Голосом Америки*». (23)

Бережкова цитировала статью Уолтера Лакера, опубликованную летом 1991 года в *Washington Post*, где известный ученый и политолог называет подобные шаги преждевременными, поскольку «цена, которую, возможно, придется заплатить за ошибочное решение, будет очень высока». (24)

Через месяц неудачный путч показал, насколько в отношении *PC* автор был прав. По мнению Бережковой, нельзя приписывать последующее открытие московского бюро исключительно участию радиостанции в августовских событиях. «Переговоры о бюро велись уже несколько лет, сначала с М.Горбачевым, потом с Б.Ельциным», – пишет она.

При всех положительных оценках деятельности *Радио*, особенно таких экономических и политических программ, как «Барометр: закон, государство, политика», «После империи», «Наша и ваша история», Бережкова все же приходит к выводу, что зарубежные станции теряют популярность из-за конкуренции с *Радио Россия*, *Эхо Москвы*, *Балтикой*, *Европой Плюс* и другими новыми станциями бывшей советской империи, которые теперь «могут говорить то, о чем раньше молчали». Она цитирует руководителя русской службы *PC* Владимира Матусевича, заявившего *Независимой газете*: «Когда у одних рот открыт, а у других кляп во рту, это не конкуренция. Это по-другому называется. А сейчас будет конкуренция профессионализма, порядочности, таланта». (25)

«Сейчас *Свободе* необходимо искать новое лицо, новые формы и стиль, чтобы не только удержать аудиторию, – писала Бережкова, – но и привлечь в первую очередь молодых слушателей. Однако подавляющее большинство редакторов рубриковых передач в Мюнхене и других филиалах – люди предпенсионного возраста, работающие на станции уже не первое десятилетие. Они не очень хотят перемен».

Самое большое приобретение для *PC*, – писала она, – это большое количество молодых внештатных корреспондентов – стрингеров, которых *Радио* привлекло для работы во время перестройки. «Справедливо считать поворотным моментом в истории станции не 1985 год [когда к власти пришел Горбачев], а 29 ноября 1988 года [когда прекратилось глушение]. С этого момента в СССР началась постепенная «реабилитация» *PC* и наметились кардинальные изменения в методах работы». Буквально через несколько дней после того, как глушение прекратилось, появился первый «легальный» московский корреспондент – Дмитрий Волчек. После него пришли Андрей Бабицкий, Марк Дейч, Карен Агамиров, Михаил и Максим Соколовы, Вугар Халилов и многие другие в Санкт-Петербурге, Киеве, Риге, Таллине и Тбилиси. Если раньше за информацией из СССР *PC* обращалось к аккредитованным там западным

журналистам – особенно из *Бу-Бу-Си*, *New York Times* и *Baltimore Sun*, то теперь материалы стрингеров сделали программы *РС* более оперативными, актуальными, насыщенными.

За последние два с половиной года у *Радио Свобода* появилось около 100 стрингеров в нашей стране. Тех из них, на кого *РС* "делает ставку", приглашают в Мюнхен для того, чтобы они научились «западному стилю работы». Это, по мнению Бережковой, позволяет *Радио* конкурировать с другими масс-медиа. Корреспонденту в Тбилиси, например, удалось первому взять интервью у Тенгиза Сигуа, премьер-министра Грузии. (26)

С 1992 года стандартный вещательный час русской редакции *РС* состоял из десяти минут новостей, за которыми шла пятидесятиминутная тематическая передача. Новые программы занимали девять часов в сутки и повторялись несколько раз, особенно такие популярные, как *Поверх барьеров*, *Факты и мнения: комментаторы за круглым столом*, *Бродвей 1775* и *Парижские встречи*.

Вполне понятно, замечает Бережкова, что редакторы и журналисты, которые много лет не видели России, а потом ненадолго посетили ее, делают неправильные выводы. Вадим Белоцерковский, например, в мюнхенской программе *Человек и общество* предлагал для ускорения реформ предпринимать более жесткие меры, чем те, что предлагались сверху:

«Очень легко из "прекрасного далека" предлагать попробовать что-то другое, но комментатор радиостанции должен задумываться о возможных последствиях такого рискованного призыва, особенно в сложившейся ситуации. Дело, естественно, не в личности того или иного комментатора, дело гораздо глубже. Другие сотрудники станции более осторожны, однако и им трудно работать в ситуации, когда они оторваны от страны вещания. То, что раньше было для *Радио Свобода* плюсом, теперь стало очевидным минусом. (27)

Она жалеет, что нет больше передач знаменитых писателей, которые раньше часто выступали на *РС*. Слушатели очень любили покойного Сергея Довлатова, работавшего в нью-йоркском отделении до 1990 года. Однажды он сказал: «Оказавшись в эмиграции, я создал для себя собственный жанр. Поскольку я не знал американской жизни, американской прессы, не интересовался американским искусством, мне пришлось заняться мемуарами».

Одной из лучших, по мнению Бережковой, стала программа Юлиана Панича *Радиофильм*, где для передачи нужной атмосферы постоянно звучит приглушенная музыка – прием, ставший возможным только при отсутствии глушения. Панич часто ездит в Россию, где находит актеров для своих инсценировок. В 1993 году, например, большую часть года он провел в Москве и Санкт-Петербурге, работая над своими пьесами и фильмами.

Бережкова отметила также высокий уровень социологического изучения аудитории, которое в последнее время полностью было перенесено внутрь страны и проводится в кооперации с местными учеными:

«Только в 1991 году было проведено несколько социологических исследований аудитории *РС* в СССР. Наиболее крупное из них, охватывающее всю территорию страны, было заказано независимой службе изучения общественного мнения *Vox populi* под руководством профессора Грушина. Опрос проводился в октябре 1991 года. Данные, полученные социологами, не публиковались. Однако по оценкам, которые дает станция, аудитория русской службы *РС* составляла более 30 миллионов человек. (28)

В 1992 году в адрес русской службы *РС* ежемесячно приходило от двухсот до трехсот писем. Наиболее интересные из них вывешивались для всеобщего прочтения, но ответить на все было невозможно. Те, в которых слушатели просили присылать лекарства, направлялись в различные благотворительные организации.

В 1992 году Бережкова опубликовала интервью с писателем-сатириком Владимиром Войновичем, назвав его «*Свобода*» как *осознанная необходимость*. Будучи диссидентом, он покинул Москву в 1980 году, жил под Мюнхеном и часто принимал участие в передачах русской службы *РС*. Беседа была напечатана в *Бюллетене иновещания*, который редактировала Бережкова. В СССР Войнович написал несколько книг о советской жизни. Они были переправлены за границу и переведены на тридцать языков, а Войнович в 1974 году был исключен из Союза советских писателей. Самая известная его книга *Жизнь и необычные приключения Ивана Чонкина* посвящена уморительным похождениям советского рядового в духе бравого солдата Швейка. Войнович написал также несколько комедий для *Московского Радио* и много популярных песен, одна даже стала гимном советских космонавтов. Бережкова вспоминает, что после отъезда Войновича редакторы *Московского Радио* пытались найти среди старых записей его песню, но, по-видимому, она была стерта.

Бережкова рассказывала Войновичу, что многие советские радиослушатели часто узнавали о его новых (запрещенных в стране) романах из передач *РС*. Как только писатель появился в мюнхенском офисе в декабре 1980 года, его поклонники, русские сотрудники, обступили его, предлагая ему работать у них. Когда он отказался, все в один голос сказали, что он совершает ошибку, т. к. работать на *Радио* крайне необходимо, ибо это дает статус, деньги и другие блага. На это он ответил: «Тогда ваша станция должна называться *Осознанная необходимость*».

Год он преподавал русскую литературу в Принстонском университете, а когда приехал в Мюнхен на постоянное жительство, он все же принял приглашение *РС* и стал выступать в программе *Писатели у микрофона* – вместе с другими эмигрантами Виктором Некрасовым, Владимиром Максимовым и Сергеем Довлатовым. «Я пытался говорить с ними не о Западе, а о них самих, потому что люди в Советском Союзе имеют совершенно превратное представление о своей жизни». Войнович рассказал Бережковой, что он пытался вести передачи так, как вел их «незабвенный комментатор *Би-Би-Си* Анатолий Максимович Гольдберг». Я упоминал уже, что это был любимый всеми в СССР диктор. Войновичу нравилось, как выступают по *Радио Свобода* Анатолий Кузнецов, Некрасов и Довлатов.

Как правило, сказал Войнович, его материалы передавались в эфир без цензуры, это для него было внове, потому что прежние советские редакторы все время удивляли его «не столько политической бдительностью, сколько способностью находить в тексте и убирать как раз те слова, строки и абзацы, которые делают текст выразительным». Впрочем, добавлял он, «у вас такая же цензура, как и везде».

«Есть опасения каких-то кругов, что кто-то что-то скажет не так, допустим, какие-то авторы позволят себе бестактные высказывания по какому-то поводу. Иногда невероятные просто вещи проходили. Какие-то люди начинали вдруг восхвалять по *Радио Свобода* украинскую дивизию СС «Галичина», была такая во время войны. Там ведь разные люди, на *Радио Свобода*.

Есть, скажем, националистически настроенные, они пытаются протолкнуть что-то своё. Цензура, которая там осуществляется, часто осуществляется очень глупыми людьми, но в ней всё равно есть положительный смысл. Здесь часто обвиняли *Свободу* в том, что она разжигает национальную вражду, но на самом деле там очень внимательно следят, чтобы всё было дозировано. Скажем, если конфликт между Арменией и Азербайджаном, смотрят, чтобы не превалировала ни та, ни другая точка зрения, чтобы дать возможность высказаться и тем, и другим. Станция всё-таки построена на здоровых основах. Люди отходят от этих основ, это другое дело. Но я вам должен сказать, что это вообще иллюзия – думать, что вот здесь одни люди, а там другие. Там такие же люди, как и здесь». (29)

Войнович считал, что некоторые конфликты на *РС* вызваны существующими там запретами:

«Я однажды написал такой фельетон (это было году в 84-м или 83-м, шли какие-то переговоры о разоружении), фельетон, где у меня американец и русский участвуют в переговорах. Причем американец – трезвый, русский – пьяный. И русский, ну, будем все-таки говорить «советский», выглядел хуже американца. И мне начальник сказал: «Ну что так, вот американец такой хороший, а советский такой плохой». Я спорил, говорил, что вообще перестану с ними работать, был большой конфликт, но они этот материал не пропустили».

Войнович прочитал отрывок из своей пьесы, в которой главный герой Отсебякин говорил, что евреи имеют право на существование не только потому, что «мы, интернационалисты, относимся терпимо ко всем нациям, но, с другой стороны, и об экологии надо подумать».

ОТСЕБЯКИН: Я имею в виду природное равновесие. В природе лишних организмов никак не имеется. Одно выведешь, другое появляется. Еще худшее. Вот китайцы, допустим, воробьев уничтожили, и что получилось? Жуки всякие развелись, личинки. Рис весь поели, китайцам ничего не оставили. Опять пришлось воробьев за границей за золото закупать.

НАДЯ: Не пойму, что это вы городите. Еврей и воробей. Какая связь?

ОТСЕБЯКИН: А такая связь, что если природа без воробьев не обходится, так, может, ей и евреи для чего-то нужны.

Войнович сказал Бережковой, что начальство это запретило:

«Тогда еще было глушение. Они сказали, что вот если бы глушения не было, то в контексте это нормально, а так люди услышат слово «еврей», и это будет воспринято как что-то антисемитское. А у нас есть в Вашингтоне еврейское лобби. Они поднимут такой хай, лучше с ними не связываться, ну и так далее. Также у меня был суровый разговор с президентом *Радио Свобода* и *Радио Свободная Европа* Юджином Пеллом. Потом, когда глушение сняли, эту пьесу передали полностью. Так что конфликт был исчерпан». (30)

Этот инцидент показывает, насколько руководство *РС* в те дни боялось быть обвиненным в антисемитизме. Тот факт, что этот текст прозвучал в эфире, когда глушение прекратилось и не мог уже мешать его точному пониманию, еще раз подтверждает, насколько я был прав, критикуя националистов русской редакции за их неумение подбирать нейтральный материал для передач.

Несмотря на то, что Войновичу многое не нравилось в работе *Радио*, в общем, он оценивал его положительно: «Оно сделало очень большое дело в свое время. И оно было лучше других радиостанций. Другое дело, в Москве оно было не столь эффективно, поскольку в Москве его сильно глушили. Но *Радио*

Свобода было во многом интереснее [других западных] станций, потому что информация и комментарии концентрировались на наших здешних делах».

Войнович сказал Бережковой, что в последнее время *Радио Свобода* начинает терять свою роль из-за появления многих других средств массовой информации:

«Вы знаете, худшие дни для *Радио Свобода* наступят тогда, когда эта страна станет по-настоящему свободной и необходимость в *Радио Свобода* отпадет вообще. Я даже хотел написать такую пьесу (это было еще до перестройки), что произошла революция, советская власть в Советском Союзе отменяется, и тогда сотрудники *Радио Свобода* начинают говорить о том, что советская власть была очень хорошей, и ее надо немедленно восстановить. Да, наверное, путч был прекрасным временем для *Радио Свобода*, но вообще это противоестественно, что главной для страны является радиостанция, которая находится где-то за границей...

Но у меня такое ощущение (и сейчас оно крепнет) что в этой стране, в России, да и вообще на всем пространстве бывшего Советского Союза иностранное радио еще долго будет, к сожалению, нужно. По разным причинам. Главная причина в том, что здесь все-таки правдивой, открытой, я бы сказал, откровенной и искренней информации недостаточно. Информация все равно каким-то образом препарирована, часто в угоду каким-то кругам или, может быть, иногда это результат неумения. Может быть, даже цензуры нет, а открытости все равно нет. Может быть, нет открытости в душах людей, не знаю». (31)

Вопрос о будущем *РС* был поставлен, что называется, ребром в начале 1993 года, когда Белый Дом занял новый президент Билл Клинтон. Его администрация вместе с рачительными конгрессменами была полна решимости отказаться или значительно сократить многие расходы, связанные с тем, что представлялось им реликтами холодной войны. А между тем, приближалась 40-летняя годовщина *Радио Свобода*, и дни его, казалось, были сочтены.

РАДИО СВОБОДА В НОВУЮ ЭРУ СВОБОДЫ

Какая разница между пессимистом и оптимистом? Пессимист говорит: «Все так плохо, что хуже быть не может». Оптимист: «Может, может!»

Если бы прорицатель при рождении *Радио* в 1953 году сказал, что его сороковую годовщину мы будем праздновать в Москве с благословения демократического правительства России, его сочли бы безумцем. И вот, пожалуйста: 20 марта 1993 года в субботу в Центральном Доме Литераторов небольшая группа сотрудников радио – американцы, эмигранты, несколько человек из *Совета по международному вещанию* – и культурная и политическая элита Москвы собрались на гала-прием в честь *Радио Свобода*.

Кевин Клос, ставший в октябре 1992 года директором *РС*, попросил меня помочь в подготовке к юбилею. Я должен был отобрать архивные аудиозаписи передач *РС*, начиная с 50-х годов, чтобы целиком или в отрывках дать их в юбилейных программах весной того года. Разобраться в архивных записях нью-йоркского программного центра мне помогал Альберт Аркус, бережно хранивший все на свете. Найденные пленки отправлялись в Мюнхен – ветерану русской редакции Александру Перуанскому, которого, несмотря на отставку, пригласили провести юбилейную серию. Мы с Глорией приехали в мюнхенскую штаб-квартиру, где я написал главу о деятельности *РС* за прошедшие 40 лет. Её умело перевел Виктор Федосеев, и она была включена в памятный альбом, предназначенный в подарок президенту Ельцину. В оставлении альбома участвовали также Евгений Евтушенко и Василий Аксенов.

Мелисса Флеминг, директор по связям с общественностью на *РСЕ/РС*, подготовила для Москвы впечатляющую фотовыставку, а Глория на добровольных началах помогала ей как редактор и специалист по русскому языку. 18 марта мы все вылетели в Москву. На наших визах стоял штамп *Конференция Радио Свобода*. Трудно поверить: после стольких лет вражды нас ждал открытый прием.

Центральный дом литераторов в Москве – роскошный особняк девятнадцатого века, увековеченный Толстым в романе *Война и мир* как дом семьи Ростовых. Впервые я был в нем в 1959 году. При Хрущеве здесь помещался Союз Советских писателей – бастион правоверной коммунистической литературы. И вот, через 34 года – смешно! – я снова здесь, бывший директор *РС*, которого много лет подряд проклинали советское руководство и которого официальная пресса называла не иначе как агентом ЦРУ. Те же чувства в свободной России испытывали мои коллеги, участники холодной войны и ветераны *Совета по международному вещанию* из Вашингтона: Стив Форбс, Кеннет Томлинсон и Карл Роув. С нами был и Марк Помар, бывший сотрудник *РС*, а ныне исполнительный директор *Совета*.

Среди нескольких сотен гостей были либерально настроенные депутаты, представители ельцинской администрации, знаменитые актеры театра и кино и даже бывший генерал КГБ Олег Калугин, порвавший несколько лет назад со

своим руководством и ставший ведущим реформатором. Теперь его принимали в хорошем обществе, он объезжал Соединенные Штаты и выступал в различных ток-шоу по американскому телевидению. Это был тот самый Калугин, который в 1991 году в Мюнхене на *RCE/PC* хвастался своей организацией взрыва десятью годами ранее. По его словам, КГБ хотел напугать правительство ФРГ за предоставление *RCE/PC* возможности работать на его территории. (Я уже говорил, что версия эта считается спорной). На приеме он сказал французскому журналисту из агентства Франс-Пресс: «*Радио Свобода* должно продолжать работать, в нашей стране еще слишком много цензуры». (1)

Принял наше приглашение и Борис Ельцин, однако приехать не смог. В тот вечер он готовился к выступлению на телевидении, собираясь нанести очередной удар своим главным врагам – Александру Руцкому и Руслану Хасбулатову. Их противостояние достигло своей высшей точки в октябре 1993 года, когда Ельцин предотвратил попытку переворота, приказав обстрелять из танков Белый Дом - то самое здание парламента, которое он защищал в августе 1991 года. Тем не менее, его пресс-служба прислала нам поздравление, в котором говорилось: «Трудно переоценить значение вашего вклада в разрушение тоталитарного режима в бывшем Советском Союзе. Не менее важны ваши усилия и сейчас – по информированию российских радиослушателей о событиях в нашей стране и за рубежом». (2)

Признание Ельциным значимости Радиостанции особенно важно было для нас в начале 1993 года, когда новая администрация Клинтона готова была закрыть *RCE/PC*, ошибочно полагая, что после холодной войны они не нужны. Во время торжеств в Москве многие высказывались в нашу поддержку. К примеру, Сергей Ковалев, известный правозащитник и заключенный 70-х годов, сказал: «Было бы замечательно, если бы Конгресс США понял всю важность *Радио Свобода* и дал ему возможность продолжать работу». (3)

Звездой вечера был Михаил Горбачев. Бывший президент Советского Союза сохранил свою харизму, хотя и не имел никакого политического влияния. Когда он вошел в зал, все повернулись в его сторону, а журналисты с видеокамерами устремились ему навстречу. Позже, когда шум утих, мы с Глорией представились ему, причем я назвал себя «ветераном *Свободы*». Я рассказал, что в августе 1991 года, когда он вернулся в Москву после домашнего ареста в Крыму, мы ехали по шоссе к северу от Нью-Йорка и слушали его прямое выступление по радио. «Когда вы сказали, что о путче вы узнавали из новостей *PC*, я чуть не разбил машину», - сказал я Горбачеву. Он засмеялся, и в этот момент нас сфотографировали (см. фото).

После острой и жирной русской закуски начались речи. По одну руку от Горбачева был Джин Пелл - президент *RCE/PC* (он вскоре ушел с этой должности после восьмилетнего пребывания на ней), по другую – Стив Форбс, председатель *Совета по международному вещанию*, который тоже собирался покинуть свое кресло. Бывший президент Советского Союза высоко оценил работу *PC* и в частности отметил, что «в ужасные времена конфронтации», до его перестройки, «*Радио Свобода* всегда передавало то, что было важно для народов России, Европы и всего мира». (Правда, он умолчал о том, что глушение продолжалось более трёх лет после его прихода к власти). Горбачев добавил, что сейчас *PC* стало «фактором стабильности в нестабильное время» и добавил, что закрытие станции было бы «абсолютно неправильным шагом». Он произнес тост за дальнейшие успехи радиостанции: «Желаю всем нам встретиться на пятидесятилетии *Радио Свобода*». В заключение вечера в зал

вкатали огромный юбилейный торт, вершину его венчала миниатюрная Статуя Свободы. В наушниках!

Позже на брифинге с американским руководством РС Горбачев узнал, что идея покончить с финансированием радиостанций исходит от «бюрократов среднего уровня», которые не понимают, насколько важны подобные передачи для миллионов людей в странах, только что освободившихся от коммунистического правления. В ответ Горбачев сказал: «Администрации меняются, а бюрократы остаются. Вам надо действовать очень жестко. Поверьте моему сорокалетнему опыту». (4) Он пообещал высказать свое мнение лично лидерам США во время предстоящего визита.

Вечером торжества продолжились в театральном зале ЦДЛ. Выступали известные певцы и актеры, участвовавшие в последние спокойные времена в передачах *Свободы*: Булат Окуджава, Вероника Долина, Иннокентий Смоктуновский, Зиновий Гердт. От имени руководства РС выступили Стив Форбс и Кевин Клос. Как одному из старейших сотрудников РС, мне тоже предложили произнести короткую речь. Стоя за кулисами в ожидании своей очереди, я чувствовал себя как на другой планете. Неужели всё это правда?

Сцена была украшена американским флагом и новым российским триколором, на их фоне красовался символ нашей организации: слова *Радио Свободная Европа–Радио Свобода* образовывали круг, в центре которого был изображен колокол. Я обратился к присутствующим по-русски:

«Дорогие коллеги и гости, должен признаться, что я чувствую здесь себя каким-то динозавром. Дело в том, что я начал работать на Радио Свобода в 1952 году, за полгода до того, как оно вышло в эфир. Для первой передачи мы приготовили тиканье метронома, которое сопровождалось торжественным голосом: «Сегодня Иосифу Виссарионовичу Сталину исполняется семьдесят три года и столько-то дней», и после паузы - замогильный голос: «Время Сталина подходит к концу».

Сначала мы думали начинать так наши передачи каждый день, но потом отказались от этой мысли, полагая, что все устанут слушать одно и то же каждый день, особенно если Сталин проживет очень долго. Могли ли мы знать, что буквально через несколько часов после нашей передачи 1 марта 1953 года у него будет удар, и он умрет? Так получилось, что рождение нашей радиостанции совпало со смертью тирана, и потом, в течение сорока лет РС никогда не молчало о таких вещах, о которых вас, сидящих здесь, заставляли молчать до недавнего времени».

Чтобы проиллюстрировать культ молчания в догорбачевские времена, я процитировал в моем переводе на английский известную песню Галича *Старательский вальсок*, где говорится, что молчание – золото:

Вот как просто попасть в богачи,
Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть в палачи –
Промолчи, промолчи, промолчи...

Присутствующие, среди которых оказались сын и брат поэта, были тронуты данью памяти человеку, нарушившему молчание, которое советская цензура требовала от него и других правдолюбцев. Наше московское бюро включило эту речь в одну из юбилейных передач наряду с выступлениями других

известных российских писателей. Одним из них был Андрей Вознесенский - он тоже говорил о значении *Свободы*.

В большом холле особняка была устроена выставка фотографий американских и западноевропейских общественных деятелей, выступавших у микрофонов *РС* в течение его сорокалетней истории. Здесь же были карикатуры из советской прессы на *РС* как на рупор ЦРУ, восседающий на денежных мешках Дяди Сэма. Одна карикатура изображала змею, обвивавшую микрофон *РС*, другая – утку (в русском и французском языках слово *утка* - символ лжи). После окончания выставки половина фотографий и карикатур исчезла, предприимчивые москвичи, по-видимому, прихватили их на память или продали как ценные сувениры.

Через несколько дней после юбилея новая московская либеральная газета *Сегодня* поместила сокращенный вариант статьи, написанной мною для юбилейного альбома. В статье *Сорок лет на Свободе* прослеживалась эволюция радиостанции от *Освобождения* к *Свободе*, от враждебного отношения к ней советских людей до официального признания и даже похвал. Один из корреспондентов, Павел Крючков, который брал у меня интервью на приеме, поместил во вступительной заметке к статье мое мнение о возможном закрытии *Радио*.

«По-моему, наша работа только начинается. В Америке достаточно людей, понимающих, что идеи - это самое важное оружие. Прочная демократия, к сожалению, еще не победила - а это именно то дело, во имя которого мы трудимся все эти годы. Что касается денег, то можно попробовать сравнить стоимость одного самолета F-16 - и один финансовый год двух радиостанций [*Свободной Европы* и *РС*]. И окажется, что сумма в 200 миллионов не так уж велика, особенно, в сравнении с американским бюджетом».

Как все это отличалось от времен, когда советская пресса нападала на меня за мою подрывную деятельность! Крючков писал:

«В одной из свободовских передач из серии *У микрофона Галич* - «Путешествие в Америку» - поэт рассказал о том, как прошел первый день этого путешествия [в 1975 г.]: «И потом я спел несколько своих песен, в частности, спел «Старательский вальсок», который прекрасно перевел мой друг и человек, который много занимается историей советской песни протеста, Джин Сосин...»

Восемнадцать лет спустя на сцене московского Дома литераторов в дни празднования сорокалетия *РС* доктор Сосин прочитал тот давний перевод, - и слушатели, по-моему, почувствовали, почему Галичу было приятно петь его: точность попадания.

Джин Сосин поступил на радиостанцию за шесть месяцев до того, как первая передача вышла в эфир. В течение тридцати трех лет он занимал различные посты, включая должности директора нью-йоркского бюро и старшего советника радио *Свобода* в Мюнхене. С любезного разрешения господина Сосина и нынешнего руководства *РС* мы публикуем фрагменты статьи, вошедшей в специальный альбом, который вскоре ляжет на стол президента России, - и надеемся, что за сухостью изложения и американским «акцентом» читатель почувствует ту внутреннюю энергию сопротивления, которая всегда отличает работу этой радиостанции. В конце концов - колокол [*Свободы*] в ее эмблеме тоже не просто так появился». (5)

Пока в Москве праздновали юбилей *Радио*, в Вашингтоне не прекращались споры о судьбе двух радиостанций. В Мюнхене, где ходили слухи и строились

предположения о будущем радио, сотрудники в течение месяцев жили в состоянии неопределенности и подавленности.

New York Times, которая до выборов 1992 года сильно поддерживала РС, в апреле 1993 года выступила за сокращение дефицита страны и в редакционной статье написала:

«Самые горячие финансовые споры разгораются в Вашингтоне о будущем *Голоса Америки* и двух его соперниках в Мюнхене – *Радио Свободная Европа* и *Радио Свобода*. Администрация Клинтона планирует сохранить *Голос Америки* и постепенно свести на нет мюнхенские радиостанции, что за пять лет даст экономию в 644 млн. долларов. В этом есть смысл. В прошлом *Times* стояла за продолжение работы мюнхенских станций, теперь же мы приходим к выводу, что ради сокращения дефицита приходится жертвовать даже ценными проектами, чье время уже прошло...

Только недоброжелательный критик станет отрицать то огромное значение, которое имели в прошлом оба *Радио*. Однако трудно ратовать за бесконечное существование двух бюрократических организаций, во многом дублирующих друг друга. Сегодняшний спор в равной мере касается сфер влияния и политики». (6)

По мнению *Times*, закрытие двух радиостанций в Мюнхене будет оправдано лишь в том случае, если *Голос Америки* расширит свои языковые службы и содержание программ станет острее. Однако решение президента, окончательно сформулированное им к июню, натолкнулось на колоссальную поддержку РСЕ/РС как со стороны правительственных кругов, так и влиятельных частных организаций, таких как *Фридом Хаус*. 15 июня президент Клинтон объявил о своем предложении Конгрессу реорганизовать американское международное вещание. РСЕ/РС сохранялись, но передавались в ведение *Совета управляющих* в рамках *Информационного агентства США* в качестве «Суррогатного Радиовещания» совместно с *Отделом Кубинского вещания* и *Радио Свободная Азия*. *Голос Америки* тоже должен был подчиняться *Совету управляющих*, однако самостоятельно. *Совет по международному радиовещанию*, который осуществлял руководство РСЕ/РС с середины 70-х годов, подлежал расформированию в течение ближайших двух лет. Клинтон уверял, что новая структура принесет огромную экономию бюджету и не будет угрожать независимости РСЕ/РС. Джину Пеллу администрация обещала не принимать решений о специальных сокращениях бюджета до завершения процесса реорганизации.

Во время яростной борьбы консерваторов Верховного Совета против Ельцина и его правительства в октябре 1993 года, РС еще раз доказало свою незаменимость. На этот раз мы были лучше подготовлены. В разных районах Москвы у нас работало 15 корреспондентов и много стрингеров по всей России. 3 октября из Мюнхена в 16 часов по местному времени вышла информационная программа *Либерти Лайв - Свобода в прямом эфире* и в течение 31 часа прямого вещания мы держали наших слушателей в курсе происходящих событий, передав за это время около 400 репортажей - так же, как и в августе 1991-го.

Когда в Москве противостояние между парламентской фракцией в Белом доме и президентом Ельциным переросло в острый конфликт, корреспонденты РС находились в здании, записывая заявления лидеров противников Ельцина – Руцкого и Хасбулатова. Другие корреспонденты были посланы к осажденному телецентру Останкино, на Красную площадь, где проходили различные

демонстрации, и другие стратегические точки Москвы. Тем временем вашингтонское бюро *РС* сообщило о поддержке Ельцина президентом Клинтоном и Стробом Тэлботтом, специальным помощником Клинтона по России и СНГ, ставшим позднее заместителем госсекретаря. Так как Центральное российское телевидение и некоторые внутренние радиостанции подолгу не выходили в эфир, *РС* на какое-то время стало чуть ли не единственным источником информации для россиян.

Чтобы добиться максимального распространения сигнала, *РС* увеличило мощность своих передатчиков до 1,4 мегаватт (т.е. 1.400.000 ватт) и добавило еще 8 частот. В Нижнем Новгороде (бывшем Горьком) местная радиостанция *Rendez-vous* – уже ретранслировавшая *Радио Свобода* прежде, – отказалась от своих обычных программ и передавала значительную часть передач *РС*. Так же поступили станции, ретранслирующие *Радио Свобода* в Санкт-Петербурге и Уфе. В ночь с 3 на 4 октября в недавно открытом бюро *РС* в Киеве дежурили сотрудники, на случай, если во время переворота будет захвачено московское бюро – как это произошло с местными московскими станциями. В Мюнхене Центрально-азиатские и Кавказские редакции помимо передач на местных языках, также объявляли частоты специальных передач Русской службы. Такие же объявления делали Балтийские редакции *Радио Свободная Европа*.

События в Москве произошли как раз в то время, когда *Совет по международному радиовещанию* собрался, чтобы решать, что сократить, следуя плану реорганизации президента Клинтона. В числе первых на *PCE* подлежали сокращению Венгерская редакция, а на *РС* – *Радио Свободный Афганистан*. Обе службы прекратили вещание к 1 ноября 1993 года. Общий бюджет *PCE/РС* на 1996 финансовый год сократился с 210 до 75 миллионов долларов, а из 1.550 штатных сотрудников сохранялась половина. Закрывались Нью-йоркский Программный центр и несколько бюро. В будущем планировалось закрыть остальные языковые службы *PCE*. В Вашингтоне, во время трудного периода «перестройки» президента Клинтона, интересы *PCE/РС* неустанно защищал один из руководителей станций – Пол Гобл. В течение многих лет он был специальным советником Прибалтийского отдела Государственного департамента. Некоторое время (с 1989 по 1990 год) он был заместителем и исполняющим обязанности директора исследовательского отдела *РС*, а по возвращении в Вашингтон занял пост американского заместителя директора *Радио* по вещанию. В 1997 году он был назначен директором отдела по связям *PCE/РС*. Гобл рассказал мне, какую неоценимую помощь оказывал в начале 1990-х годов покойный Джон Лодезен по спасению радиостанций. Лодезен пришел на *РС* в Мюнхене в 1969 году после работы в посольстве США в Москве и в штаб-квартире НАТО в Брюсселе. Он был руководителем Программного отдела, а также ответственным за политику радио. Последние годы жизни он провел в Вашингтоне, где постоянно обеспечивал различные американские правительственные организации уникальными исследовательскими и программными материалами, тем самым все время напоминая властям о важности реорганизованных радиостанций в постсоветский период.

В 1995 году на факультете журналистики МГУ Соня Бережкова успешно защитила свою диссертацию, в которой тщательно исследовалась история *РС*. В своих выводах она писала:

«В настоящее время, когда почти четверть населения планеты находится под гнетом тоталитарных режимов, уникальный опыт

«суррогатного радиовещания», накопленный радиостанцией «Свобода», может быть использован при организации аналогичных передач, направленных на население тех стран, где все ещё отсутствует свобода печати и нарушаются права человека...

Сейчас, когда необходимость в «суррогатном» радиовещании на Россию отпала, а для ведения альтернативного вещания существует правительственный «Голос Америки», началась постепенная переориентация работы *РС*. Новая роль, которую *РС* приобрело в последнее десятилетие и которая сохранится на весь «переходный период», состоит в том, чтобы помочь становлению недавно созданных в России и других бывших республиках СССР демократических институтов и особенно свободных и независимых средств массовой информации.

Станция обеспечивает поток межконтинентальной информации в регион, на который ведется вещание, содействует развитию демократии на территории бывшего СССР, способствуя лучшему пониманию аудиториями демократических ценностей». (7)

Значительные сокращения бюджета, принятые Конгрессом США, делали слишком дорогим содержание двух радиостанций в Германии. Президент Чешской республики Вацлав Гавел предложил *РСЕ/РС*, за условную арендную плату, здание бывшего коммунистического парламента в центре Праги, рядом с Вацлавской площадью. Многие мюнхенские сотрудники ушли на пенсию, и в июле 1995 года радио в урезанном виде переехало в Прагу. Несмотря на сокращение штата и бюджета, обе организации приобрели здесь второе дыхание, мюнхенская атмосфера многолетней вражды и трений исчезла.

Я посетил новую штаб-квартиру *РС* осенью 1996 года и разговаривал с Кевином Клосом, ставшим президентом *РСЕ/РС* в июне 1994 года, а также с другими американскими руководителями. Директор радиовещания Роберт Жиллетт и его заместитель Дональд Дженсен ознакомили меня с содержанием программ и причинами, заставляющими продолжать вещание на Россию и другие бывшие советские республики. Главный хранитель архива *РСЕ/РС* Лешек Гавликовский повез меня на большой склад на окраине Праги, где хранились тысячи каталогизированных катушек, спасенные от гибели благодаря дальновидности Клоса, Гавликовского и других мюнхенских сотрудников. Во времена холодной войны *РСЕ/РС* тщательно хранили документацию, самиздат и т. д., но не магнитные записи. Клос вспоминал:

«Когда мы в 1995 году переехали в Прагу, я поставил себе целью собрать архив из сохранившихся записей на *РСЕ* и *РС*. То, что вы видели, – это накопившийся исторический архив, который я считаю незаменимым. При мне были отправлены в Польшу копии всех пленок польской части архива, который был одним из самых больших на радио. То же самое мы делаем для венгерской редакции, причем мы обеспечим венгерский народ не только магнитными записями, но и копиями всех документов. Мы делаем копии, улучшая их качество, и теперь ленты просуществуют ещё 40-50 лет. Мы пригласили в наше хранилище специалистов из Германии – проверить влажность воздуха, постоянство температуры – всё, что необходимо для сохранения записей. Мы прослушали некоторые ленты начала 50-х годов, они сохранились почти идеально, повреждения совсем не значительны, и я горжусь, что у нас есть по-настоящему ценный материал для истории XX века». (8)

Эта история в записях почти полувекового радиовещания сейчас тщательно хранится на полках, которые тянутся почти на километр по всей длине склада,

занимая пространство от пола до потолка. Какое богатство ожидает аспиранта или научного сотрудника, который вздумает однажды заняться изучением кассет, - тысячи часов эфира, начиная с начала 50-х годов! Но пленки и скрипты ушли в прошлое, теперь на столе любого журналиста и редактора стоит современный компьютер. Как-то я попросил одного русского редактора показать мне листок с текстом последней передачи, в ответ он рассмеялся и назвал меня «динозавром юрского периода». Он нажал клавиши на компьютере, и в прекрасной цифровой записи зазвучала программа - точно так, как она звучала в эфире.

В Праге журналисты и редакторы рассказывали мне о работе их редакций. Директор русской службы - Юрий Гендлер, бывший советский диссидент, узник ГУЛАГа, эмигрировавший в США в начале 70-х. Он начал работать на РС в 1973 году, а в 1992 переехал в Мюнхен. *Радио Свобода*, сказал он, это крупнейшая станция на русском языке в мире, у неё свои бюро в Москве, Санкт-Петербурге и Вашингтоне, обширная сеть внештатных корреспондентов в России и за границей.

Осенью 1996 года, добавил он, у РС будет русский сайт в Интернете.

«Век коротких волн заканчивается, - сказал Гендлер. - В России теперь предпочитают более чистое звучание на АМ и FM, и РС приходится сейчас конкурировать с другими иностранными радиостанциями, например, с *Би-Би-Си*, которая работает на этих волнах. В некоторых городах – Екатеринбурге, Нижнем Новгороде, Волгограде и Владивостоке - нам помогают местные радиостанции, и теперь РС можно слушать на средних волнах, даже в автомобиле». Как и другие сотрудники в Праге, Гендлер не считает российскую масс-медиа полностью независимой, несмотря на то, что больше нет ни советского контроля, ни цензуры.

Режим Ельцина справедливо осуждают за давление на СМИ. Во время предвыборной кампании 1996 года на телевидение не допускались не только кандидат от коммунистов Геннадий Зюганов, но и такие либералы, как Григорий Явлинский, Елена Боннэр и Сергей Ковалев, пытавшиеся критиковать президента. Жаловался и Александр Солженицын: его десятиминутное интервью для *НТВ* (которое он назвал «так называемым свободным каналом») цензурировали, вырезав то место, где он обвинял обоих главных кандидатов - Зюганова и Ельцина – в преступлениях против интересов народа. Первого, как главу компартии, в семидесятилетнем преступлении, второго – в пятилетнем. Солженицын призывал голосовать против обеих кандидатур, чтобы дать возможность пройти в следующий тур новым кандидатам. Интервью, говорил писатель, «сократили до двух жалких минут, и из моего выступления ничего нельзя было понять».

Горбачеву также ограничивали доступ к внутренним СМИ, так что иногда ему приходилось обращаться к своим согражданам по РС. В 1996 году он принял участие в обсуждении на *Радио* злополучного путча правых сил против него. На вопрос, кто выиграл, а кто проиграл в результате путча, он ответил: «Мы все проиграли». Горбачев считал, что Советский Союз можно было спасти от распада, если бы начатые им умеренные реформы продолжались, но после коммунистического путча 1991 года это стало невозможным: недоверие населения к власти усилилось.

Относительно будущего РС, Гендлер сказал, что Конгресс должен продолжать финансировать *Радио Свобода*, какие бы внутренние приоритеты Америки ни выступали на первый план:

«Можете ли вы подписать документ, гарантирующий развитие демократии в России? Гарантирующий, что в ближайшие 10-15 лет к власти не придут русские националисты? Я не думаю, что это случится, но я не подпишу, потому что не могу это гарантировать. Есть определенные угрозы: их ядерный арсенал, то, что российское общественное мнение больше не расположено к США. Даже нынешнее правительство не на сто процентов дружелюбно».

В последние годы Русскую службу обвиняют в том, что её передачи не служат американским интересам, а отражают предубеждения и суженную точку зрения российских граждан, работающих на радио, в первую очередь, в московском бюро. На мой вопрос об этом Гендлер ответил, что русским журналистам трудно писать так, как пишут их западные коллеги, и задача РС помочь им «выработать демократические инстинкты».

«Если МВФ предоставляет 10 миллиардов долларов российскому правительству, это – инвестиция. Мы тоже инвестируем, создавая атмосферу, которая в будущем сделает Россию страной гораздо более дружественной по отношению к Соединенным Штатам. Нет сомнений в том, что существование РС – в интересах США. Лучшая пропаганда та, что не похожа на пропаганду. Мы – профессиональное радио, которое знакомит Россию с американскими ценностями, помогая стабилизировать ситуацию, избежать насилия. Толковать политику США – не наша главная задача. Хотя вашингтонское бюро освещает все аспекты американской жизни, например, за и против аборт и социальных пособий в американской прессе. Хвалить Америку не входит в нашу задачу – мы оцениваем ее объективно, как *New York Times*. А официальную позицию Соединенных Штатов отражает *Голос Америки*». (9)

Марио Корти, заместитель директора русской службы, в 70-х годах работал в итальянском посольстве в Москве, где встречался с советскими диссидентами, которые позже, во времена разрядки, уезжали в Америку через Рим. В Москве он установил неофициальные связи с такими людьми, как Павел Литвинов, Борис Шрагин, Владимир Войнович, и посылал их самиздатские произведения на запад с итальянской дипломатической почтой. Вернувшись в Италию, он продолжал выступать от имени советских правозащитников. Он участвовал в организации Сахаровских слушаний в Риме в 1979 году, а потом пришел на РС в Мюнхен, где работал в *Архиве самиздата* под руководством Питера Дорнана. Позднее Корти стал главой отдела. В 1990 году он перешел в исследовательский институт *PCE/PC* под командование Росса Джонсона, где он проработал несколько лет, прежде чем переехать в Прагу в составе Русской службы. Еще в Москве Корти видел, какую роль играло *Радио Свобода* в жизни его друзей – диссидентов. Они ездили за город на свои дачи и записывали там передачи РС на магнитофон, чтобы потом распространять пленки. Даже в Москве иногда РС было хорошо слышно. Корти рассказывал: «21 августа 1972 года, в четвертую годовщину вторжения советских войск в Чехословакию, я настроил свой приемник на волну РС в гостинице Пекин (на площади Маяковского, недалеко от Кремля). Это был мой первый день в Москве. И услышал голос Леонида Финкельштейна [у микрофона – Владимиров], комментировавшего выступление Евтушенко против введения советских войск в Чехословакию. Слышимость была на удивление хорошей». (10)

Корти рассказал о построении сегодняшнего утреннего эфирного часа: семь минут общих новостей, три минуты – «тематических» (попеременно культура,

наука, экономика, спорт), после чего до конца часа идет выпуск «Либерти Лайв».

Лев Ройтман, бывший киевский юрист и литератор, работает в Русской редакции с 1974 года. В течение многих лет он вел тематические программы, в частности, *События и люди*, а также круглый стол на злободневные темы с участием западных специалистов. Теперь среди участников – и российские эксперты. На круглый стол, посвященный проблеме эвтаназии, Ройтман пригласил специалиста из московского института онкологии, Джованни Бенси – ветерана русской редакции, учившегося в Ватикане и знакомого с религиозными аспектами этой проблемы, и внештатную сотрудницу Молли Гордин (Инну Светлову), рассказывавшую о выступлениях против эвтаназии в Германии. В передаче затрагивались разные аспекты проблемы – правовые, медицинские, моральные и религиозные. Обсуждалась эвтаназия в Австралии, где она разрешена законом, и в Соединенных Штатах, где деятельность доктора Джека Кеворкяна вызвала столько противоречивых мнений.

Пока президент Ельцин выздоравливал после операции на сердце, один из круглых столов был посвящен праву российских граждан знать о состоянии здоровья избранных ими руководителей. Участвовали: Дина Каминская – известный советский адвокат, живущая теперь под Вашингтоном, Семен Мирский – эмигрант, многолетний руководитель парижского бюро, ставший затем сотрудником Русской службы в Мюнхене, и один из московских корреспондентов *РС*. Они обсуждали подходы к данной проблеме в Америке, Франции и России и подняли вопрос об издании в России закона, обязывающего предоставлять общественности медицинскую информацию. Как и другие сотрудники, Ройтман подчеркивает, что *РС* знакомит слушателей с демократическими ценностями и что «свободная» пресса в России пока ещё не стала тем посредником, который сочетает знание внутренних проблем с традицией их обсуждения на Западе. (11)

Россия вчера, сегодня, завтра - старейшая программа Русской службы, которую ведет Владимир Тольц, ветеран редакции, специалист по русской истории. В 1996 году *Радио Свобода* отмечало 40-ю годовщину секретного доклада Хрущева на XX съезде КПСС – этого «поворотного пункта для наших слушателей и мирового коммунизма». Читались отрывки из воспоминаний сына и внука Хрущева, из книги Горбачева и даже сына и любовницы Лаврентия Бери.

Владимир Тольц работает на Радио с 1983 года. В течение 10 лет он вел актуальные политические программы и был одним из первых ведущих регулярных передач в прямом эфире («В стране и мире», «Одна шестая», «Зеркало», «Либерти лайв»). Ему принадлежит замысел и первые выпуски программы «Русская Идея», которую он затем передал Борису Парамонову (теперь эта передача «Русские вопросы»). С 1998 г. Тольц ведет авторскую программу «Разница во времени», посвященную русской и мировой истории. Созданный им цикл передач, посвященный 40-й годовщине XX съезда КПСС, лег в основу первого мультимедийного проекта *РС/PCE*. К участию в этом проекте, выполненном совместно с Российским Государственным Гуманитарным Университетом и обществом «Мемориал», были привлечены историки, эксперты и политические деятели из разных стран Европы и США. Созданный этими усилиями «продукт» принят Министерством образования России для распространения в школах и используется для изучения истории в университетах. В настоящее время Тольц готовит новый мультимедийный

интерактивный проект «Виртуальный СССР», который позволит объединить накопленные в Интернете и архивах разных стран ресурсы, связанные с советской и мировой историей XX века.

Роман Купчинский – директор украинской службы, вырос в Америке, в семье эмигрантов, беженцев с Украины, приехавших в США в 1949 году, сражался в американской армии во время войны во Вьетнаме. Он отвечает за «разветвленную сеть стрингеров» по всей Украине и часто бывает в киевском бюро *РС*. Теперь, когда Украинская служба выходит в эфир не только на коротких, но и на средних волнах, нас слушают до 70% населения. Судя по отзывам, слушатели благодарны, в их числе и президент Украины. Купчинский дружит с министром иностранных дел, которого он часто навещает (не забывая захватить с собой бутылку виски). Министр рассказывает Купчинскому, что президент иногда звонит ему и просит рассказать содержание пропущенных им передач *Свободы*. Купчинского очень удивило, что согласно опросу 1995-го года 50% слушателей – это люди в возрасте от 17 до 40 лет. «Это нынешняя и завтрашняя элита, а через несколько лет они станут нашими страстными слушателями, когда радио будет коммерческим и будет распространять рекламу».

Так как Украина не может оплачивать содержание корреспондентов за границей, *РС* заполняет этот вакуум своей сетью стрингеров в городах Запада. Украинская служба вещает пять часов в день: два часа утром (с 6 до 7 и с 8 до 9) и три часа вечером (с 20 до 23 часов). Первые семь минут идут новости из Праги, остальное время первого часа посвящено жизни Украины – ее отношениям с Россией, другими бывшими республиками СССР, с НАТО и Европейским сообществом. «Это важно для страны, пытающейся утвердить себя. *Радио Свобода* пытается втянуть их в 21 век». Второй час посвящен международной жизни, а третий час – внутренним проблемам. Купчинский сравнил рабочую дисциплину в Праге с отношением к работе мюнхенских сотрудников, сидевших на бюллетене сотни дней в году. «В Праге украинские ребята зарабатывают 35 тысяч долларов в год, а на родине они получали бы 50 долларов в месяц». В Праге, добавил он, сейчас около 40 тысяч украинцев, они работают нелегально по полгода, зарабатывая около 300 долларов в месяц, потом возвращаются на Украину. (13)

Гульнара Патаридзе – директор Грузинской редакции - родилась в Париже, в семье грузинских эмигрантов. На *Радио Свобода* она с 1967 года, в 1992 году ей удалось повидать Грузию и даже встретиться с президентом Шеварднадзе, бывшим при Горбачеве министром иностранных дел. Он рассматривает *РС* как важнейший источник информации для своей страны и говорит, что она «крайне необходима». Он и сам однажды выступал на *Радио Свобода*.

Патаридзе как-то предсказала, что бюро *РС* скоро откроется в Тбилиси, так оно и случилось. Она верит в будущее Грузии, хотя и не думает, подобно Шеварднадзе, что через 3-4 года страна догонит западные страны, если это и произойдет, то не раньше, чем через 10 лет. Большинство сотрудников в ее редакции – недавние выходцы из Грузии, а основная доля программ держится на репортажах грузинских стрингеров, которые больше пишут о современной жизни, чем об ее истории, поскольку основное в Грузии уже опубликовано. Изданы даже старые передачи *РС*. (14)

Молодой грузин Тенгиз Гудава сейчас работает в русской службе. Он – бывший советский диссидент, член тбилисской Хельсинкской группы, возникшей в конце 70-х. Гудава освещает проблемы Центральной Азии и

Кавказа, включая Чечню: политику, экономику и культурную жизнь. Он рассказывает, что когда он жил в Грузии, передачи *РС* для него имели «сверх-колоссальное» значение и способствовали его психологической и политической зрелости: «Мы должны винить *Радио Свобода* в том, что оно сделало нас диссидентами», - говорит он. Нынешний период после холодной войны он назвал «холодным миром», чреватым неопределённостью и опасностью. (15)

Новый, чрезвычайно важный проект *РС*-- обучение молодых способных журналистов из большей части республик бывшего Советского Союза. Отвечает за этот проект Бонни Михалка – молодая американка. Стажеры объединяются в группы по 8-10 человек, половину времени они тренируются в различных редакциях и студиях, другую половину посвящают теории. (На *Голосе Америки*, *Би-Би-Си* и *Немецкой волне* тоже есть стажеры, но их не допускают к участию в передачах). Руководители редакций и сотрудники считают их представителями нового поколения журналистов своих стран. (16) Кевин Клос рассказал мне, что у него есть договор с *Фондом независимой журналистики* при газете *New York Times*, организовавшей в Центральной Европе центр подготовки журналистов. Клос предоставил *Фонду* «вакантные места» в пражской штаб-квартире *РСЕ/РС* в обмен на прохождение стажерами радио определенных циклов обучения. *Радио* и *Фонд* сотрудничают друг с другом, и результат Клос оценивает так: «Совместные усилия очень плодотворны. Буквально сотни молодых газетчиков и радиожурналистов уже прошли через курсы». (17)

В течение двух лет после 1994 года качество передач на *РС* и количество слушателей изучались *ОМРИ* - *Институтом по изучению свободных СМИ* – некоммерческой общественной организацией, расположенной в Праге и поддержанной в первое время известным филантропом Джорджем Соросом. *Институт* унаследовал обширные архивы *РСЕ/РС* и предоставил публике широкий доступ к ним, регулярно печатал новости и анализ развития Восточной Европы и СНГ, обучал исследователей и журналистов из разных стран. Наибольшую известность *ОМРИ* принесли выпуски *Daily Digest* – шестистраничного обзора последних событий, доступного также и на Интернете.

После 1996 года функции *Института* перешли к *РСЕ/РС*. Отдел по изучению аудитории *РСЕ/РС*, позднее переименованный в *InterMedia*, находится в Вашингтоне, а директор по исследовательской и оценочной работе *РСЕ/РС* - Джин Парта - работает в Европе. Отдел снабжает американские правительственные радиостанции демографическим и психографическим анализом слушателей и с помощью фокус-групп и узконаправленных интервью обеспечивает радиоведущих сведениями о реакции слушателей на содержание передач, на манеру ведения и качество звучания. Отдел также изучает тенденции внутренней медиа (на бывшем советском пространстве), отмечает, что именно в ней нравится публике, и выявляет наиболее устойчивые пристрастия общества на протяжении года, делая «моментальные снимки» настроений граждан в критические периоды. Благодаря этому радиожурналисты, политические руководители *Радио* и исследователи глубже понимают взгляды и ожидания слушателей. *InterMedia* наблюдает также за международным вещанием изнутри страны, делая отчеты о слышимости и сравнивая содержание и подачу ими материала с тем, как это делают домашние станции.

InterMedia поручил одной московской фирме провести обзор программ русской службы *РС* в течение трех месяцев, с середины декабря 1995 года до

середины марта 1996 года. Семь участников, постоянных слушателей *РС* в прежние годы и активных потребителей информации сегодняшних СМИ, представляли широкий профессиональный и географический разброс.

Параллельно в США эти же передачи оценивали три человека: Герд фон Демминг, пенсионер, бывший руководитель евразийского (ранее советского) отдела *Голоса Америки* с 1986 по 1994 год и директор Русской службы *РС* в Мюнхене с 1982 по 1985 год; доктор Томас Ремингтон, профессор политологии из университета Эмори в Атланте (штат Джорджия) и доктор Ариэль Коэн, обладатель стипендии Генри Сальватори и старший аналитик по русским и евразийским исследованиям в *Heritage Foundation*, Вашингтон, округ Колумбия.

Российские участники эксперимента слушали передачи (по возможности, на средних волнах), а экспертам в США были предоставлены магнитофонные записи передач, присланные *РС*. Все участники заполняли опросные листы по программе каждого дня и по программам за неделю в целом. Кроме того, русские участники отмечали слышимость передач *РС* в течение недели.

InterMedia пришел к выводу, что *Радио Свобода* – «высокопрофессиональный, объективный, отвечающий современным требованиям источник информации по широкому спектру политических и культурных вопросов, интересующих российскую аудиторию». Как российские участники, так и американские специалисты – все *согласились*, что русская служба предлагает такое «географическое и тематическое разнообразие сообщений, которое не может обеспечить ни один источник информации, доступный сегодня в России». Они заявили, что «сочетание высокопрофессиональных, творческих и редакторских сил в Праге, широкой сети умелых корреспондентов внутри страны и связи с репортерами в других странах мира позволяют Русской службе подавать информацию вовремя, с места событий и профессионально». (18)

В период проверки было особенно отмечено превосходное качество освещения выборов в Российский парламент и войны в Чечне. Российские участники признались, что они гораздо лучше стали разбираться в таких проблемах, как мирный процесс на Ближнем Востоке и Балканах, служба в российской армии, голосование по выдвижению кандидата в президенты, и расширили свой кругозор в области науки и техники. Но самое главное, по мнению участников, выделяющее русскую службу из числа других радиостанций, - это очень сильные передачи на культурные и свободные темы. Большая часть передач на культурные, научные, экономические, исторические темы были высоко оценены за оригинальный подход, индивидуальный стиль, интересные и пробуждающие мысль комментарии и анализ событий, касающихся России. Участники неоднократно просили, чтобы в расписание включалось как можно больше подобных передач. Они говорили, что нужно привлекать больше иностранных экспертов, глубже знакомить с историей и анализом вопросов, задевающих Россию, - таких как коррупция, отсутствие законности, неэффективные постановления и преграды на пути реформ.

Отмечалось также высокое производственное качество передач. Всем проверяющим особенно понравилось привлечение стрингеров и качество языка репортажей; многие программы «легко воспринимались на слух благодаря логике подачи материала, опытным ведущим и личности участников». Наряду с этим эксперты писали и о таких недостатках, как отсутствие анонсов передач на ближайшее время, слишком медленную и монотонную, а для других - слишком

быструю речь диктора. Отмечались редакторская небрежность и языковые ошибки, в некоторых передачах не хватало музыки, и выбор её был иногда беден.

Эксперты подчеркивали, что оставаясь непревзойденным по части новостей и информации, *РС* «проигрывает в комментарии и анализе и рискует уподобиться внутренней медиа». *Радио* должно четко отделить новости от комментария. Хотя все восхищались стремлением русской службы знакомить аудиторию с широким спектром мнений, тем не менее, по словам экспертов, недостаточное обособление комментария и смешение комментария с анализом производит впечатление, что *Радио* отстаивает какую-то одну точку зрения. Некоторые репортажи показались «сгущающими» краски – особенно те, где речь шла о крайне чувствительных темах, таких, как утрата Россией положения сверхдержавы.

Отзыв Герда фон Демминга был благоприятным. «Передачи содержат много информации, специально подготовленной для русских слушателей... *Радио Свобода* не старается стать «суррогатной» внутренней станцией, напротив, как по форме, так и по содержанию она звучит подлинно, оригинально». Фон Демминг не нашел в работе *РС* никаких особенных уклонов или тенденциозности, у него «сложилось впечатление, что *Радио* – надежный источник информации, и у него нет корыстных побуждений». (19)

У Ариэля Коэна были претензии к передачам. По его мнению, им не хватало твердой позиции по многим важнейшим вопросам. Он считал, что при всей «своевременности и достаточной информативности» звучания, тем не менее, «политика радиовещания должна руководствоваться государственными интересами США». Он рекомендовал больше внимания уделять знакомству слушателей с западными ценностями и мнениями. Если *Радио Свобода* станет ещё одной радиостанцией, сконцентрированной на Москве, то как западная станция, оплачиваемая налогоплательщиками и вещающая на бывший Советский Союз, она потеряет смысл. *РС* должно уделять больше времени «правам человека, вопросам соблюдения законности, обсуждению преступности и коррупции и их разрушающему воздействию на постсоветские общества».

«Радио должно бороться с этническими предрассудками, крайним национализмом, экономическим невежеством и антизападными настроениями. Оно должно поддерживать религиозную терпимость и политический плюрализм. Проводя такую политику, мы поможем России интегрироваться в международную политическую, экономическую систему и в систему международной безопасности, что по-прежнему остается первостепенной целью Запада. Короче говоря, *РС* должно четко осознать себя мостом, соединяющим Восток и Запад, радио, которое несет демократические, прозападные и антиавторитарные идеи, таким, каким оно было в пик своей популярности. Оно должно следить, чтобы у его корреспондентов не проскальзывало злобных, иронических или критических высказываний против Запада». (20)

В марте 1996 года шестеро из семи экспертов продолжали оценивать передачи *РС*. Единственным внешним экспертом была Сара Оутс – готовившая кандидатскую диссертацию по политическим наукам в университете Эмори. В 1995-96 годах она была в России, где в течение 8 месяцев занималась исследовательской работой. Во время контрольного прослушивания передач она была в Москве.

Российским участникам, оценивавшим передачи, понравились качество и своевременность последних известий, особенно касающихся Чечни, а также передач на свободные темы, которым российские и другие международные СМИ уделяли мало внимания. Именно культурные, научные, экономические и исторические программы определяли «лицо» *Радиостанции*. Особенно выделялись такие передачи, как *Седьмой Континент*, *Ex Libris*, *Россия вчера, сегодня, завтра*. По мнению Оутс, в цикле передач, посвященном XX съезду КПСС (1956 г.), «был представлен новый и оригинальный взгляд на советскую политику, культуру и повседневную жизнь». Работу местных корреспондентов она оценила как высоко профессиональную, а их репортажи по глубине освещения событий она считает одним из главных достижений Русской службы.

К числу отрицательных черт Оутс и двое русских участников отнесли проскальзывающие «антирусские нотки». Хотя это были персональные мнения, не разделяемые большинством, было ясно, что слушатели болезненно относятся к высказываниям о России.

Лев Ройтман и Инна Светлова были признаны лучшими ведущими круглых столов, отмечалось их умение выбирать самые животрепещущие темы для обсуждения. В программе Ройтмана «Кому принадлежат земля в Российской Федерации?» принимали участие писатель и экономист, член Российской Академии Наук Николай Шмелев и известный публицист, лидер Крестьянской партии России Юрий Черниченко.

Контакты Светловой обсуждали службу в российской армии. У микрофона выступали: представительница *Комитета солдатских матерей*, психолог, член Московской коллегии адвокатов, член редколлегии газеты *Собеседник* и председатель думского Комитета по обороне. Тема службы в армии задела за живое участников оценки передач. Им понравилось, что целый час был посвящен этой болезненной и противоречивой теме, однако они выразили сожаление, что не было представителя от вооруженных сил. В заслугу Светловой, как ведущей, все ставили ее сдержанность, такт и то, что она не навязывает своего мнения участникам.

Радио Свобода и его слушатели были подавлены известием о неожиданной гибели этой талантливой журналистки, когда в 1997 году она была застрелена на пути от железнодорожного вокзала в Праге к зданию РС. После переезда радио она осталась в Мюнхене и появлялась в Праге раз в две недели для записи очередной передачи. Мотивы убийства до сих пор неясны. Для нас с Глорией, друживших с нею в течение 30 лет, это было невосполнимой потерей.

Культурная программа *Поверх барьеров* много лет выходила в Нью-Йорке и Мюнхене, а теперь один из ее ведущих в Праге - Иван Толстой. На сороковой день после смерти Иосифа Бродского программа рассказывала о последних днях его жизни, последних произведениях и о панихиде, состоявшейся в Соборе св. Иоанна в Нью-Йорке. Репортаж оттуда вели Александр Генис и Рая Вайль. Программа получила высокую оценку за журналистское и производственное мастерство – соединение поэзии, музыки и размышлений. Оутс была не совсем удовлетворена этой передачей и подняла фундаментальный вопрос:

«Память поэта почтили с большим уважением и тактом: он был любимым русским поэтом. Но я сомневаюсь, чтобы такие программы были нужны в настоящее время современным русским слушателям. Могут ли они заинтересовать тех, кто озабочен, как бы выжить в трудной экономической и политической ситуации? Что нового могут они узнать о демократии, которая призвана быть главной целью *Радио Свобода*? На эти вопросы ответить трудно,

но *РС* должно это сделать. Можно ли привлечь слушателей тем, что им хорошо знакомо, – элегией памяти поэта, - или лучше все же предложить им более существенные темы в рамках Поверх барьеров? (21)

В последнее время предметом споров стал вопрос о том, на что следует делать упор в программах *РС*. Мнение Ариэля Коэна о том, что *Радио* не отражает американские интересы, более эмоционально выразил в 1995-96 годах Владимир Матусевич. Я уже писал о нем как о многолетнем сотруднике Русской службы и ее директоре в Мюнхене с 1987 по 1992 год. В своем обращении к конгрессменам он жаловался, что *Радио Свобода* «превращается в российскую государственную радиостанцию».

«Около 80% материала в передачах радиостанции готовится в России внештатными корреспондентами, гражданами Российской Федерации. Эти корреспонденты готовят материал не только по российским проблемам, но они также высказываются о международной политике, в том числе и по проблемам внешней политики США. Они участвуют в передачах, не только как репортеры и корреспонденты, но как ведущие и редакторы.

Закон 1994 года о международном радиовещании США определяет цель *Радио Свобода* так: «Содействовать интересам внешней политики США, распространяя информацию и идеи». Можно ли от российских журналистов, которые живут в России и полностью зависят от российских властей, серьезно требовать «содействия интересам внешней политики США»? Было бы безнравственно ждать и требовать от них этого». (22)

Далее Матусевич обвинял руководство *Радио* в отсутствии должного редакторского контроля, что позволяет российским корреспондентам вести «антиамериканскую пропаганду на деньги американских налогоплательщиков». «Их не остановили, когда они заявили слушателям, что американская политика на Ближнем Востоке диктуется американскими нефтяными компаниями», и что эти же самые компании «потребовали от газеты *New York Times* статьи о предполагаемой экологической катастрофе на севере России (24 октября 1994 года)». Журналистам *РС* в России «не запретили обвинять Америку в расизме всех видов. Американцы не хотят усыновлять детей из Азии, Африки и Латинской Америки, но светловолосые дети из России пользуются большим спросом» (18 ноября 1994 года).

Матусевич резко критиковал освещение *РС* войны в Чечне. В то время как российская пресса продемонстрировала «почти неправдоподобное наступление века свободной, боевой и профессиональной русской журналистики», в первые шесть недель войны корреспондентов от *РС* не было. «То, что происходит с *РС*, - писал в заключение Матусевич, – вдвойне опасно в свете сложной и непредсказуемой обстановки в России. Но именно в свете этой ситуации требуется возрождение альтернативной, влиятельной американской радиостанции, способной отстаивать интересы Америки». (23)

Матусевич не был одинок. Андрей Синявский, часто выступавший по *РС* из парижского бюро вместе со своей женой - Марией Розановой, - тоже выражал глубокое разочарование работой русской службы в конце 90-х годов. В своей книге «Русская интеллигенция», написанной на основе лекций в Гарримановском (бывшем Русском) институте Колумбийского университета, этот почтенный писатель и критик писал:

«В сущности, начался беспрепятственный захват иностранной территории. Что это за территория? Один из самых ярких примеров – оккупация американской радиостанции - *Радио Свобода*. Вспомните, как Советский Союз

в течение нескольких десятилетий боролся с ним, как его разоблачали во всех советских газетах, сколько раз в него внедряли советских агентов, которые отравляли и уничтожали его. И как отдел безопасности *РС* проверял каждого сотрудника: не тянется ли за ним коммунистический след.

А теперь? Безболезненно, бескровно, без сопротивления американская радиостанция, по сути, перешла в руки русских и 90% времени занимается славословием русского царя [Ельцина]. То же самое происходит в Англии на *Би-Би-Си*». (24)

С другой стороны, Александр Солженицын в своей книге «Россия в обвале» (1998) критиковал *РС* за превращение во «что-то вроде чеченской радиостанции». Смысл был ясен: *РС* не поддерживало российскую сторону, как того хотел Солженицын.

Лариса Силницкая - главный вашингтонский корреспондент русской службы *РС*. Уроженка Одессы, она много лет прожила в Праге. Незадолго до оккупации Чехословакии в 68-м году она была переводчиком Дубчека во время его встречи в Братиславе с Брежневым и другими лидерами стран Варшавского Пакта. Со своим мужем, чехом, она уехала в Израиль, а в конце 70-х годов перебралась в Соединенные Штаты. Лариса преданно трудилась в Русской редакции в течение 20 лет, знакомя слушателей с жизнью Америки и готовя беседы с многочисленными официальными и неофициальными гостями из Москвы.

Лариса согласна с частью неблагоприятной критики *РС*. *Радиостанция* должна исполнять функции, ради которых Конгресс и американские налогоплательщики продолжают поддерживать *Радио*, а не стараться быть голосом народа, как это было раньше, когда при советской власти нельзя было говорить открыто.

«Я не могу говорить о *Радио* в целом, так как знакома с работой только Русской службы. Но я думаю, что цели у разных служб неодинаковые. На мой взгляд, при количестве и качестве российской внутренней медиа *Свобода* должна найти свою нишу, привлекательную и узнаваемую российскими слушателями. Я думаю, что *РС* должно по своему характеру оставаться иностранным радио, а не превращаться в одну из внутренних радиостанций. Я несколько обеспокоена той поддержкой радио, которую ему выказали лидеры некоторых новых демократических стран, на которые мы вещаем, поскольку журналисты - это глаза и уши демократии, и, как правило, лидеры, которые подвергаются критике со стороны независимой прессы, очень редко любят её. Я не могу представить себе президента Соединенных Штатов, выражающего благодарность какому-то американскому радио, телестанции или газете».

На взгляд Силницкой, основные задачи *РС* - знакомить аудиторию с экспертной оценкой демократических ценностей: прав человека, мирных целей НАТО и западной политики. В то же время, «русские ждут от американцев глубокого анализа того, что происходит в их стране. Особая роль *РС* в том, чтобы добавить в обсуждения то измерение, которого нет в российской прессе».

(25)

В начале 1998 года я брал интервью в Вашингтоне у директора *InterMedia* - Марка Роудса и его заместителя Сюзанны Джили. Они подчеркнули, что русскую службу *РС* широко слушают не только в Российской Федерации, но она - ведущий иностранный источник информации во всех новых независимых государствах. Сеть бюро радиостанции охватывает все столицы бывших советских республик, в том числе: Ереван (Армения), Баку (Азербайджан), Алма-Аты (Казахстан), Бишкек (Кыргызстан) и Ташкент (Узбекистан). По

словам Джили, «большинство людей - от 80 до 90 % - в Ереване, Баку, Алматы и Бишкеке в беседах с нами говорили, что основной источник информации для них – российское телевидение, очень хорошее и профессиональное. Но если они хотят узнать другую точку зрения о расширении НАТО, например, к кому им обратиться? Конечно, к зарубежным голосам. Кроме того, всем известно, что за российским телевидением стоят воротилы нефтегазового бизнеса, а кто платит деньги, тот заказывает музыку».

Со своей стороны, Роудс добавил, что РС играет «роль страховки, заставляя местную прессу быть честной». Слушатели хотят больше узнать о таких явлениях, как глобальная взаимозависимость. Подобные вопросы местные журналисты освещают слабо из-за ограниченного доступа к источникам информации и недостаточной профессиональной подготовки. Как выразилась Джили, они хотят знать «о своем месте в мире, что им нужно делать для поднятия экономики и здравоохранения. Им нужны практические советы, объективные новости, а не фразеология времен холодной войны. Они хотят сказать: ‘Обращайтесь с нами по-взрослому, не говорите свысока’». (26)

Сотрудники *InterMedia* дали мне многочасовые записи русских передач РС, и я имел возможность убедиться в справедливости мнений, высказанных недавней оценочной группой, подтвердившей прежний интерес к радио. Позднее в 1998 году, Джили говорила мне, что слушатели-участники проверок по-прежнему высоко оценивают работу некоторых языковых служб РС. Но, добавляла она: «На фоне внутренней медиа, которая делается очень профессиональной, интересной и конкурентоспособной, чрезвычайно трудно играть роль «альтернативного» радио. Пожалуй, правильно называть теперь РС важным «дополнением» к внутренней медиа». Что касается Матусевича, то Джили заявила, что *InterMedia* «не может согласиться ни с одним из его критических замечаний. Наоборот, - заявила она, - у нас есть все основания отвергнуть его обвинения РС в антиамериканизме или антисемитизме». (27)

Визит Хиллари Родам Клинтон 4 июля 1996 года в День независимости США в штаб-квартиру в Праге в сопровождении президента Гавела и Мэдли Олбрайт – посла США в ООН, а впоследствии госсекретаря – продемонстрировал, что администрация президента Клинтона понимает значение РСЕ/РС. Речь первой леди транслировалась на 23 языках на Восточную Европу и территорию бывшего Советского Союза:

«Сегодня я говорю с вами из новой штаб-квартиры *Радио Свободная Европа/Радио Свобода* в Праге. В недалеком прошлом в этом здании находились члены советского парламента старого образца. Сегодня сотни независимых журналистов передают из этих стен правдивую информацию. Совсем недавно свободомыслие здесь подавлялось. Сегодня именно здесь рождаются идеи и отсюда они летят в эфир - из сердца молодой демократии к Балтийским странам на север, на юг к Балканам и далеко на восток вплоть до Тихого океана».

Миссис Клинтон отозвалась также и о президентских выборах в России: «Десятки миллионов людей воспользовались демократическим правом голосовать и определять свое будущее путем мирного свободного выбора. Какая обнадеживающая вежа для России и всех нас». (28)

Кевин Клос убежден, что РС еще долго будет «живой и энергичной частью американской внешней политики и американской общественной дипломатии». В октябре 1996 года в большом интервью агентству *C-Span* он защищал *Радио*

от тех, кто считал его пустой тратой денег налогоплательщиков и требовал его закрытия. Одним из его оппонентов была специалистка по внешней политике из либертарианского института Като в Вашингтоне. Выступая с Кевином Клосом в той же программе, она сказала:

«Настало время значительно сократить расходы правительства, для этого необходимо избавиться от всех побочных дел. Во время холодной войны для нас было очень важно привлечь на свою сторону сердца и умы граждан коммунистических стран. Теперь идеологические проблемы так или иначе преодолены... Там уже не обсуждают, нужны ли демократия и свободный рынок... В подобной ситуации поддержка подобных программ становится излишней роскошью.

Сейчас гораздо больше возможностей у частных лиц, причем не только в области распространения идей. Каждый раз с открытием нового бизнеса или при культурном обмене - при любом виде контактов - вы реально способствуете развитию гражданского общества и пропаганде американских идеалов, а это лучше удастся отдельным людям и частным организациям, чем правительству США».

Клос согласился, что в конце девяностых годов обе радиостанции действительно искали поддержку частных организаций, что предусматривалось законом Конгресса, принятым в 1994 году. А пока, сказал он, поддержка правительства нам жизненно необходима. Он процитировал письмо от Леонида Кравчука – бывшего президента Украины, посланное на имя Боба Доула – лидера депутатского большинства в Сенате:

«В недавних сообщениях прессы утверждалось, что Конгресс США собирается значительно сократить бюджет *Радио Свобода*, мотивируя это тем, что холодная война закончилась и такое *Радио* больше не нужно. С этим нельзя согласиться. Как бывший президент Украины, могу уверить вас, что *РС* продолжает играть очень важную роль в жизни украинского общества. Его сдержанный тон и высокое качество информации – необходимый для нас источник сведений о событиях, происходящих в нашей стране и в мире. Закрытие радиостанции сейчас будет шагом назад в процессе демократизации Украины и других бывших республик СССР».

Клос подчеркнул, что другие лидеры в Восточной Европе, в том числе «атакуемая демократическая парламентская коалиция в Белоруссии», ценят работу *Радио Свобода* за «открытость и плюрализм мнений», которых нет в настоящее время в местных СМИ, проблема которых не только в отсутствие профессионального журнализма, но и в недостатке денег.

В 1996 году Клос стал директором *Бюро по международному радиовещанию*, который подчинялся *Совету управляющих по радиовещанию*, учрежденному согласно закону Конгресса 1994 года. *Совет* курирует правительственные СМИ: *Голос Америки*, *Радио Марти* и *Интернет сайт*. *РСЕ/РС* и *Радио Свободная Азия* финансируются *Советом* независимо. В начале 1998 года Клос, все еще обеспокоенный судьбой радиостанций, говорил мне:

«Я думаю, что *РСЕ* и *РС* - это важные по своему месту и действенные по своей силе элементы, способные помочь в деле демократического и экономического преобразования в бывшем советском блоке и бывшем СССР. В 1997 году я был на Рождество со своей семьей в Москве и беседовал с друзьями 20-летней давности, той поры, когда я возглавлял московское бюро *Washington Post* в 1977-1981 годах. Я спрашивал их: «Вы слушаете западное радио?» Это были люди разного возраста от 30 до 70 лет, с положением, представители

московской интеллигенции. Они отвечали: «После падения коммунизма в начале девяностых годов, когда у нас появилось стабильное правительство во главе с Ельциным, наша собственная российская пресса, мы практически перестали слушать западное радио, или стали слушать меньше, поскольку развивалась наша собственная российская медиа, и она стала независимой от государства». Но за последние полтора года постоянный подкуп всех основных средств массовой информации – как печатных, так и электронных – новыми крупными олигархическими объединениями - Лукойлом, Инкомбанком и другими, этими объединениями банков и энергетических компаний, которые были сердцем старой советской империи и превратились теперь в единый конгломерат, – привел к тому, что люди стали очень болезненно относиться к этой медиа, с её новыми владельцами. Последние начинают навязывать свою линию, вместо того, чтобы предоставлять независимые и объективные новости и сообщать о текущих событиях. И теперь эти люди снова стали слушать, главным образом, Русскую службу РС. Вот что они мне сказали абсолютно единодушно». (29)

В 1996 году Клоса на его посту сменил теперешний президент *Радио Томас Дайн*. В 1998 году он поделился со мной своими мыслями о настоящем и будущем обеих радиостанций:

«Как наши слушатели, так и лидеры стран, на которые мы вещаем, говорят нам, что *PCE/PC* сейчас нужнее, чем когда-либо. Во-первых, большинство стран в регионе нашего вещания – это все, что угодно, но только не открытые и не свободные общества. Правительства этих стран контролируют прессу, преследуют журналистов и оппозицию, пытаясь держать свои народы в неведении. Для таких стран наша традиционная роль суррогатного радио остается жизненно необходимой. Наша задача остается прежней: помочь созданию истинно демократических обществ со свободой слова и печати.

Во-вторых, во всех этих странах переход к демократии оказался болезненным. Демократические ценности не усвоены. Построение гражданского общества потребует новых поколений. Здесь *Радио Свободная Европа* и *Радио Свобода* могут сыграть роль альтернативного стимула к преобразованиям, сотрудничая с независимой частью медиа, поддерживая её против той части прессы, которая по-прежнему несвободна.

В-третьих, в мире мало стран, где процесс демократизации завершился и пресса стала истинно свободной. Но и в этих случаях, как свидетельствуют люди, непосредственно связанные со СМИ, наше радио продолжает играть ключевую роль как образец самых высоких стандартов журналистики и как гарант того, что прошлое не вернётся. Действительно, каждый раз, когда кто-нибудь предлагает закрыть одну из служб, вещающих на такие страны, как Чешская республика или три Балтийские государства, народы и руководители этих стран начинают энергично протестовать. Это ли не лучшее доказательство того, что мы нужны?

Но с наступлением нового века *PCE/PC* придется взять на себя ещё и новую роль: вещать на такие страны, как Иран и Ирак, которые ранее не были в сфере нашего внимания, но которым, безусловно, нужна помощь со стороны для создания демократического общества и интеграции в мировое сообщество. А поскольку, судя по всему, нам придется заняться вещанием и на эти страны, *PCE/PC* может сыграть в двадцать первом веке ещё более важную роль, чем оно играло в двадцатом». (30)

****

Я уверен, что Кевин Клос и Том Дайн безусловно правы в своих рассуждениях. С ними согласен и Григорий Явлинский – лидер демократической партии «Яблоко». В журнале *Foreign Affairs* он пишет, что российская пресса «полностью контролируется олигархами, которые стали частью правительства и заставляют редколлегии и составителей программ обслуживать их корыстные интересы... Читая определенные газеты или смотря определенные телевизионные программы, российские граждане узнают не истину, а версию событий, предлагаемую тем или иным главарём воровской шайки. Приходишь в отчаяние от того, - заключает Явлинский, - что Русская служба *Радио Свободная Европа/ Радио Свобода*, как и в советские времена, остаётся основным источником независимой информации». (31)

Ухудшение экономического положения в стране усилило разочарование ельцинским испорченным вариантом западного капитализма. В сочетании с неустойчивостью российской политики и раздорами в странах «ближнего зарубежья» все эти факторы создают атмосферу неуверенности в будущем. Но в то же время авторитет *Радио* находится под угрозой роста антиамериканских настроений в стране.

После многолетней борьбы народов России и бывших советских республик за достойную жизнь и мирное строительство – борьбы, в которой *РС* сыграло такую значительную роль, – заветная цель кажется все еще неуловимой. Когда *РС* было в младенческом возрасте, мы любили повторять, что наша задача будет выполнена, когда мы сможем придти на собственные похороны. Но, как поется в популярной солдатской песне времен второй мировой войны,

Помирать нам рановато,
Есть у нас еще дома дела.

Радио Свобода должно оставаться прочным звеном, связывающим американский народ с народами новых независимых государств бывшего Советского Союза. Звездный час нашего *Радио*, возможно, позади, но его идеи по-прежнему нужны: обучить демократии - ради надежного мира в двадцать первом веке.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Больше сорока американских, западноевропейских и русских эмигрантских писателей, критиков и ученых откликнулись в 1956 году на предложение *Радио Свобода* отметить 75-летие со дня смерти Ф.М.Достоевского обращениями к советской аудитории. Кроме того, свои выступления прислали и другие известные изгнанники – среди них скульптор, художник, скрипач, пианист и психиатр.

Здесь приводятся семь выступлений. Авторы тех, что остались за рамками: Юрий Анненков, М.К.Аргус, Уистен Оден, Лайман Брайсон, Г.В.Дерюжинский, Джон Дос Пассос, Клифтон Фейдимен, Джеймс Т. Фэррелл, Ренэ Фёлоп-Миллер, Игорь Гузенко, Грэнвилл Хикс, Уильям Хаббен, Ноэми Эскул Дженсен, Джозеф Вуд Крутч, Кермит Ланснер, Николай Лосский, Жак Маритэн, Артур Миллер, Эрнест Нагел, Пьер Паскаль, Анри Пэйр, Григорий Пятигорский, Надя Рейзенберг, Игнацио Силоне, Эрнест Симмонс, Исаак Башевис Зингер, Марк Слоним, Гаррисон Смит, Питирим Сорокин, И.З. Штейнберг, Федор Степун, Глеб Струве, Лайонел Триллинг, Анри Труайя, Василий Яновский, Аврам Ярмолинский, Борис Зайцев, Грегори Зилбург.

ВЫСТУПЛЕНИЕ АЛЬБЕРА КАМЮ

Диктор РС: Послушайте теперь слово о Достоевском, которое мы получили от одного из крупнейших французских писателей молодого поколения, Альбера Камю. Камю стал знаменит не только благодаря своим романам *Посторонний* и *Чума*, эссе и пьесами, не только благодаря своему громадному литературному таланту, но и благодаря ясности, точности и последовательности своей творческой позиции. В своей стране и далеко за ее пределами он добился исключительного уважения даже от своих оппонентов. Он один из тех, кто выражает дух молодой Франции. (В 1957 году Камю был удостоен Нобелевской премии по литературе).

Камю: Несколько месяцев тому назад у меня в гостях был один блестящий молодой человек из Советского Союза, который чрезвычайно удивил меня жалобой на то, как мало русских писателей, по его наблюдениям, было переведено на французский язык. Я дал ему на этот счет уточняющие цифры, пояснив, что у нас больше всего и лучше всего переведены великие русские писатели девятнадцатого века, нежели любые другие литераторы. На молодого человека из Советского Союза наибольшее впечатление произвели мои слова о том, что французская литература двадцатого века оказалась бы совершенно иной, не будь Достоевского. Чтобы избавить его от последних сомнений, я сказал: «Взгляните, вы в рабочем кабинете французского писателя, который был в гуще интеллектуальных сражений нашей эпохи. Взгляните же, чьи портреты этот писатель повесил на стену?»

Он взглянул и просиял. В моем кабинете висело всего два портрета: Толстого и Достоевского.

Улыбка моего юного друга была из тех, что заставляют нас забывать обо всех политических глупостях и жестокости, столь частых в наше время и искусственно разделяющих людей. Я думаю, что улыбка эта не имела отношения ни к Франции, ни к России, но была ответом на тот творческий жар, который не ведает национальных границ и который наполняет пророческие вещи Достоевского. Я читал его книги в двадцатилетнем возрасте, и теперь,

двадцать лет спустя, полученное впечатление все так же силно. Я числю *Бесов* в том же ряду, что и *Одиссею*, *Войну и мир*, *Дон Кихота*, шекспировские пьесы – величайшим трудом мировой литературы, вершинным достижением человеческого духа.

Одна из причин моего восхищения Достоевским та, что он развернул перед моим взором самую сущность человеческой природы. Именно «развернул». Ибо Достоевский учит нас тому, что мы втайне о себе уже знали, но отказывались признать открыто. Вскоре дала о себе знать и вторая причина моего восхищения: по мере того, как я ощущал тяжкий груз трагических событий нашего времени, я оценил в Достоевском фигуру, чья проницательность и несравненная глубина выразила наше историческое предназначение. Для меня Достоевский, прежде всего, писатель, задолго до Ницше сумевший очертить контуры современного нигилизма, предвидеть его чудовищные последствия и показать, как можем мы спастись от него. Его главная тема есть «дух отрицания и смерти» (как он сам говорил), требующий безграничной свободы, той свободы, при которой «всё позволено» и которая ведет либо к разрушению каждого, либо ко всеобщему порабощению. Личные страдания Достоевского выросли из того факта, что он не был в состоянии ни отвергнуть этот дух, ни принять его. Его трагической мечтой было человечество, преодлевшее унижение смирением, а нигилизм отречением.

Человек, написавший, что вопрос о Боге и бессмертии равен вопросу о социализме, хотя и именуется они по-разному, этот человек знал, что либо спасемся мы все, либо никто. Но он также знал, что всеобщее спасение невозможно до тех пор, пока мы отворачиваем свой взор от страданий *хотя бы одного живого существа*. Другими словами, он не мог признать несоциалистическую религию – в самом широком смысле слова так же, как не принимал нерелигиозного социализма – опять же в широчайшем смысле слова. На этом пути он мог сохранить истинную религию будущего и истинный социализм будущего, хотя не похоже, что современный мир намерен следовать за ним в том или другом.

Тем не менее, величие Достоевского – как и Толстого, говорившего по сути о том же, только другим словами, – не перестало расти, поскольку мир, в котором мы существуем, либо погибнет, либо спасется, в точности следуя дорогой, показанной нам Достоевским. И погибнет наш мир или спасется, Достоевский будет признан правым в любом случае. Вот почему он царит во всем своем величии над нашей литературой и нашей историей. Вот почему, даже сегодня, он вселяет в нас надежду и помогает нам жить.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕОРГИЯ АДАМОВИЧА

Диктор РС: А сейчас слово о Достоевском русского литературного критика Георгия Адамовича. Адамович много лет прожил в Париже. Он один из самых видных критиков русского Зарубежья. В настоящее время он преподает русскую литературу в Манчестерском университете в Англии.

Адамович: Противоречивые, необычайно сложные, дерзкие и страстные книги Достоевского были оценены его современниками в гораздо меньшей степени, чем они того заслуживали. Его книги получили всемирное признание только в наши дни. Нет ни малейшего сомнения в том, что из всех писателей близкого или далекого прошлого Достоевский оказал величайшее влияние на всю современную литературу, за единственным исключением советской. Можно оценивать и говорить о различных формальных достоинствах его

романов, о его мастерском построении сюжета, и, наконец, о тщательности, с которой он выписывает социальный фон – результат изучения Бальзака. Но если бы все этим ограничивалось, это не объясняло бы той силы воздействия, которую он производит на читателя.

Самое важное в Достоевском – это его откровение и озарение в человеческом духе. Он видел в нем черты, невиданные никем прежде. Достоевский был не только выдающимся романистом, но своего рода Колумбом, открывшим новый мир. Чувства, создавшие его романы, исключительны, непривычны; они, однако, не своевольно выдуманы, но поданы с безошибочной психологической проницательностью. В этом смысле можно сказать без всякого преувеличения, что вся современная литература разделена на два периода: достоевский и после-достоевский.

Наряду с этим и до известной степени в результате этого, Достоевский кажется мне сомнительным как писатель – хотя это утверждение ни в малейшей степени не умаляет его огромного значения. Пожалуй, даже наоборот: оно подчеркивает его значение.

Мое критическое замечание о Достоевском связано с вопросом: куда его произведения и весь созданный им мир ведут нас? Могут ли новые, неведомые частицы, открытые Достоевским в человеческой природе, устоять по мере развития культуры, или болезненность, в них проявленная, обречена на исчезновение? Короче говоря, ведет ли путь Достоевского в тупик или же он, в самом деле, выводит нас к бесконечному будущему?

Вопрос может быть сформулирован гораздо проще. Если бы жизнь Достоевского не была столь кошмарной, если бы, например, ему не нужно было ждать казни на Семеновском плацу, если бы он не был сослан на каторгу, – писал бы он по-другому? Условия, которые не могут быть признаны нормальными и естественными для человека, влияют ли они на характер его творчества? И если это влияние существует, не следует ли из этого, что произведения Достоевского не для всех пригодны?

Подобные сомнения неизбежно поднимаются и в связи с *Идиотом* и *Братьями Карамазовыми*. Ответ неясен. Но нет сомнения, что эти безответные вопросы пробуждают читателя думать о материях, которые только великий и блестящий писатель может предложить ему. Не говоря уже о том, что эти вопросы многих заставят пересмотреть и заново оценить события нашей эпохи.

Есть все же одна вещь у Достоевского, к которой слово «сомнительная» не может быть применимо ни в каком виде. Лев Толстой считал ее лучшим произведением во всей русской литературе, совершенно искренне добавляя: «Включая Пушкина». Это книга *Записки из Мертвого дома*. Если какую-нибудь книгу нужно было посоветовать для внимательного изучения нашими современниками, в особенности русскими, то начать следовало бы именно с нее. Вы не сыщете книги более правдивой, способной вдохновить на большую и сильнейшую веру в русский народ, в его неистребимые духовные силы и способность сохранять истинно человеческие черты в самых пугающих испытаниях.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ФРАНСУА БОНДИ

Диктор РС: Сейчас вы услышите слово о Достоевском хорошо известного швейцарского журналиста Франсуа Бонди. Бонди был редактором литературного отдела швейцарской газеты *Вельтвохе*. В настоящее время он редактирует французский журнал *Прёв*.

Бонди: Что взгляды Достоевского по-прежнему исключительно современны, что сила его слова велика, выразительнее всего доказывается тем фактом, что коммунистическая диктатура на длительный период практически полностью запретила его, и в литературных учебниках ему посвящено всего несколько строчек. И если теперь партийный режим больше не в состоянии замалчивать Достоевского, это еще раз доказывает, что жажда истинного искусства и истинной мысли среди молодого поколения русских очень сильна.

Диктатура не может использовать Достоевского в своих пропагандных целях. Он осуждал все виды принуждения, все формы подавления человека. Он предвидел появление тоталитарного государства и такие формы диктатуры, какие и не существовали в его время.

Но если Достоевский был острием в боку диктатуры, если диктатуре столь трудно заставить его прислуживать ей, можем ли мы, все те, кто верит в свободное будущее его страны, полагаться на него?

Бердяев и многие другие выдающиеся русские философы за рубежом по-прежнему стараются отыскать в трудах Достоевского политические теории, которыегодились бы на практике. Мне кажется, эти попытки обречены на провал, труды Достоевского не содержат готовых ответов на политические вопросы. Прав был Андре Жид, сказавший: «Достоевского нельзя приспособить для собственных нужд».

Вполне справедливо, Достоевского не удастся «приспособить» для защиты каждого случая. Он оказывался глухим к идеям демократии. Политическая свобода вовсе не была его первейшим идеалом. У него не было ясных политических взглядов.

Позиция Достоевского была двоякой. И величие его взглядов неразрывно связано с двоякостью всей его природы. Достоевский не революционер, не контрреволюционер. Он видит как проблемы свободы, так и проблемы неволи. И это в точности то, чему Достоевский учит нас: писателя нельзя «использовать»; не писательское это дело – давать рецепты и указывать различные «направления». Задача писателя, скорее, в том, чтобы не быть использованным, стать «непригодным», оказаться препятствием на пути различных упрощений и готовых формул.

Подобно Данте, Шекспиру, Гете или Толстому, Достоевский принадлежит к тем писателям, что переделывают нас. Человек, разобравшийся в Достоевском, уже не может остаться прежним. Эту перемену в человеке нельзя рассматривать с практической точки зрения или с позиции той или иной идеологии. Творения Достоевского богаче любой идеологии. Суть в том, что его творчество адресовано *духовно свободному человеку*. И его творения помогают каждому человеку стать духовно свободнее.

ВЫСТУПЛЕНИЕ БЕННЕТТА СЕРФА

Диктор РС: У микрофона Беннетт Серф, владелец издательств *Рэндом Хаус* и *Модерн Лайбрари*.

Серф: Как издатель я горжусь тем, что за четверть века с лишним я смог предложить американским читателям английские переводы сочинений Достоевского. Благодаря издательствам *Рэндом Хаус* и *Модерн Лайбрари*, сотни тысяч экземпляров «Преступления и наказания», «Братьев Карамазовых», «Бесов», «Идиота» и сборника его лучших повестей, показали англо-говорящим читателям характер русского народа, который никаким жестким контролем или

подчиняющими декретами никогда не удастся изменить. Влияние его книг в нашей стране было громадным. Они сделали больше для понимания истинной природы русского духа, чем вся пропаганда, которую прибывало и относило прочь от наших берегов за сорок лет со времени революции.

Было бы общим местом заявить, что Достоевский был великим психологом и мучающимся исследователем сокровеннейших тайников души. Он был не только им. Бескомпромиссно боролся он с обезличиванием и всем сердцем верил в то, что основы братской любви способны разрешить проблемы человечества. Он верил в самих людей, а не в некие инструменты, с чьей помощью можно достичь власти во имя политических целей.

Главное в его книгах, как мне кажется, - противление быстрым и простым решениям, выдвигаемым в политических лозунгах, и холодному и бессердечному преумножению подобий планового общества. Для него свобода не была доступна всемогущему, централизованному государству, но происходила из человеческого сердца и осуществлялась в улучшении жизни всего человечества.

Семьдесят пять лет спустя после смерти Достоевского его книги пользуются еще большим спросом, чем прежде. Причина под рукой. И американцы, и русские, и все прочие народы давно постигли и не могут забыть, что сострадание и прощение делают мир роднее.

ВЫСТУПЛЕНИЕ САЛЬВАДОРА ДЕ МАДАРИАГА

Диктор РС: Мы передаем послание одного из самых выдающихся современных испанских писателей, врага режима Франко, эмигранта Сальвадора де Мадариага. Бывший посол Испанской республики, он сейчас живет в Оксфорде, Англия. Пишет он не только на своем родном языке, но также – не менее успешно – по-французски и по-английски. Его книги об Испании, о национальных чертах испанцев, французов, англичан, о Колумбе и истории Латинской Америки принесли ему мировую известность.

Де Мадариага: С тех пор, как я студентом в Париже прочел *Братьев Карамазовых*, эта книга стала для меня величайшим романом нашего времени, и только его я готов поставить на один уровень с *Дон Кихотом*. Все остальные романы Достоевского кажутся мне лишь вехами на пути к этому величайшему из творений. Размах его идей и глубина его мыслей, изумляющая искренность, сила убеждения и выразительности, точное и драматическое строение этого романа таковы, что позволяют ему превзойти все остальные работы современной литературы. Мне кажется, единственный романист недавнего прошлого, кого можно сравнить с Достоевским, это глубоко человечный писатель, мыслитель, увы, малоизвестный за пределами Испании, - Перес Гальдос.

Что у Гальдоса общего с Достоевским, это способность проникать в самые глубины человеческой души и показывать увиденное в живых и ясных образах. Гальдос отличен от Достоевского тем, что остается спокоен в описании самых трагических событий. Слабость Достоевского – это непреходящий пессимизм, удержавший его от наделения Алеши Карамазова той же полнотой жизни, которой он наделил Ивана. Но Достоевский значительно превосходит Гальдоса, как и всех прочих, в несравненной интенсивности творческой силы и той демонической мощи, которой обладали, может быть, лишь Бетховен и Гойя.

Особенности творчества Достоевского основаны на его способности сосредоточивать свою мысль на предельном. Это позволяет ему создавать

незабываемые сцены и переполняющие душу картины всего в нескольких могучих строчках. Давайте вспомним, к примеру, легенду о Великом Инквизиторе из *Братьев Карамазовых*. Этот дополнительный эпизод дает в самом сжатом виде воплощение всей человеческой истории. Это больше, чем пророчество – это полный рассказ о прошлом, настоящем и будущем. В какой завораживающей, драматической форме!

Большинство европейцев признают теперь, что у русского и испанского народов есть определенное внутреннее сходство. Я слышал, что фигура Дон Кихота снискала большую популярность в русском народе. В Испании же все читают *Братьев Карамазовых*. Если провести опрос, какие книги больше всего привлекают испанцев, я уверен, что Достоевский оказался бы в числе самых популярных зарубежных авторов. И это совершенно не удивительно. Испанцев привлекает искренность Достоевского, его желание без прикрас показать все, до чего доходит его пылкое сознание. И, конечно же, что привлекает в нем больше всего, это тот факт, что его творчество общечеловечно, а не адресовано какому-то классу или народу. Именно эта черта особенно близка духу испанской литературы. Вот почему в Испании все читают книги Достоевского, от самых образованных до самых простых людей. И наш величайший современный писатель Унамуно очень многое унаследовал от Достоевского.

ВЫСТУПЛЕНИЕ СИДНЕЯ КИНГСЛИ

Диктор РС: Кингсли - хорошо известный американский драматург, пишущий на социальные темы.

Кингсли: Сегодня, через семьдесят лет после того, как тело его было предано покою, Достоевский в большой степени остается живым. Сегодня в Западном мире вряд ли можно прочесть вдумчивый современный роман или взглянуть на книжную рецензию в воскресной газете, чтобы не повстречать какие-нибудь прямые отсылки к Достоевскому.

Есть простое объяснение такому колоссальному возрождению интереса к его трудам. Главная тема его писания стала главной темой мировой борьбы. Спустя много лет после его смерти Ленин писал, что хотя Гегель и изобрел диалектическую триаду для доказательства существования души, Маркс использовал ее для *опровержения* существования души. Достоевский предсказал это: это был вопрос, мучивший его гигантское сознание задолго до того, как стало известно само имя Ленина.

Обратив свой взор внутрь себя и изучая собственный измученный дух как никто прежде и никто после него, Достоевский открыл не только безусловное существование души, но что она есть поле битвы между силами добра и зла. Он убедился, что новая религия безрелигиозного, научного материализма, плодя механистического человека, превращает мир в шизофренический кошмар. Он знал, что человек несводим к механической вещи. Обратив свой взор внутрь себя и изучая собственный измученный дух как никто прежде и никто после него, он постиг, что человек скорее может обойтись без воздуха, нежели без морали; и что не может быть моральной атмосферы без осознания человеком не только собственной души, но и душ других человеческих созданий.

Метафизический конфликт, обозначенный тогда Достоевским, теперь (как мы, к нашему огорчению, знаем) перерос в конфликт физический, в который вовлечена в наши дни вся планета. Так, с одной стороны, у нас есть народы, положившие символом своей веры то, что все люди наделены душой и, тем самым, обладают определенными неотчуждаемыми правами, которые выше и

шире государственной власти; правами, которые касаются личных взаимоотношений между человеком и Создателем. С другой стороны, есть коммунизм, который утверждает, что Господь Бог – это государство, а индивидуум в лучшем случае – машина, которую могут использовать исключительно по желанию нескольких человек, управляющих государством, и если в какой-то момент человек перестает удовлетворять их желаниям, его можно пришить, сломать и вышвырнуть без колебаний, как металлолом, на помойку.

Господин Фёлоп-Миллер, выступавший в этой программе, отметил в своей блестящей ученой книге, что в то самое время, когда Достоевский работал над *Преступлением и наказанием*, в Москве был арестован чиновник, признавшийся в совершении преступления по тем же мотивам, что и Раскольников. Я хочу добавить и свое собственное наблюдение. В свое время, работая над пьесой *Детективная история*, я много лет готовился, изучая преступное сознание. Я беседовал с преступниками в полицейских участках и не только, узнал многих из них весьма близко, и всякий раз они говорили о себе *в точности словами* Раскольникова.

Как вы понимаете, эти люди никогда не слышали о Достоевском. Они, как и Раскольников, считают себя морально непогрешимыми и начинают смотреть на себя как на сверхлюдей. Этот тип характеров столь часто встречается, что слово «сверхчеловек» стало ежедневным в языке обычного сыщика. Они часто определяют преступника по одной вот этой философии и высказыванию взглядов, схожих со взглядами Раскольникова.

Да, Достоевский отлично знал свой предмет и потому ясно дал понять, что в *Преступлении и наказании* он нарисовал гораздо более широкую аллгорию. И это тоже сбылось. В наши времена мы видим опытных преступников, захвативших целые народы, поработивших целые народы и использующих в качестве *инструмента власти* эту самую преступную философию.

Гитлер использовал, Муссолини использовал, Ленин использовал, и во имя средств, подтверждающих их «высшее» положение, она залили мир кровью. Все они Раскольниковы. Нераскаившиеся, неповинившиеся Раскольниковы.

И мы видим, что конфликты человеческого сердца, которые Достоевский изучал с такой страстью, становятся в наши времена буквальными полями сражения в мире; мы видим, что силы, поданные им как добро и зло, становятся знаменами, под которыми марширует человечество. Давайте все же возьмем сердце из пророчеств Достоевского. Хотя он и предвидел чудовищные апокалипсисы нашего времени, но вослед им, из их чистилища идущими, он также видел (со всей мыслимой ясностью) окончательное и неотвратимое торжество человеческой души.

ВЫСТУПЛЕНИЕ МИХАИЛА КАРПОВИЧА

Диктор РС: Профессор Гарвардского университета Михаил Карпович заведует Отделением славянских языков. Он также редактор *Нового Журнала*, русского литературного журнала, издаваемого в Нью-Йорке.

Карпович: Для меня Достоевский не только один из великих писателей и один из глубоких психологов в мировой литературе. Я вижу его выдающуюся заслугу в том, что он поворачивает нас лицом к проблемам, имеющим для каждого из нас решающее и жизненное значение. Я имею в виду не те его идеи, что относятся к русским и европейским вопросам его времени, не его политические взгляды и даже не его размышления об исторической судьбе и

предназначении России. Все это спорно и внутренне противоречиво. Достоевский как политический мыслитель есть гораздо меньший Достоевский, нежели тот, кто в своих художественных вещах поднимал философские, точнее, этические проблемы, относящиеся к самому существу человеческой природы и человеческой жизни. И делал он это не как дидактический моралист, не путем использования сухих абстракций, но как великий писатель, сумевший представить эти проблемы в созданных им литературных образах. Можно даже сказать, что идеи в романах Достоевского воплощены в своих образах, а образы живут в области идей.

Основной проблемой Достоевского была проблема свободы. Свобода для него значила, прежде всего, свободу воли, свободу выбора между добром и злом. В этой нравственной свободе он видел одновременно и величайшее право, которым человек наделен от Творца, и величайшую ответственность человека. Каждый обязан сделать для себя выбор между добром и злом, и каждый должен нести ответственность за сделанный выбор. Две одинаково большие опасности подстерегают человека на его пути. Некоторые от слабости, от страха перед ответственностью способны отказаться от права на свободу, подчиниться внешней силе и способны принять готовую правду из чужих рук. Другие, наоборот, убежденные в своей – на самом деле, скорее кажущейся, нежели реальной, - силе, стремятся выразить гордое своеволие, эгоистическое суждение собственного понимания свободы воли. Такие люди отрицают права других, низших в их глазах, людей на свободу и забывают о собственной ответственности не только перед людьми, но и перед Богом.

Следя за судьбой этих незабываемых литературных героев Достоевского, мы видим, как в обоих случаях человек неизбежно заходит в трагический тупик, ведущий его к гибели. Жизненно важным и столь современным делает Достоевского именно эта центральная идея. Уже в наши дни, в частности, на моей родине проблема свободы воли встала необычайно остро. Больше, чем когда-либо нам приходится думать о правах и долге каждого человека совершить *собственный* выбор между добром и злом, между правдой и подделкой – правах и долге, принадлежащих только ему, а не государству, народу, классу или партии – поскольку только он один создан по образу и подобию Господнему.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА

ВВЕДЕНИЕ

¹ Wall Street Journal.- 1991.- August 26.

² Помимо огромного количества интервью, собранных в рамках Проекта и оцененных по достоинству специалистами в самых разных областях, в издательстве Harvard University Press вышли две книги: R.A. Bauer et al. *How the Soviet System Works* (1956) и Alex Inkeles et al. *The Soviet Citizen* (1959).

³ Джозеф Берлинер, Александр Даллин, Герберт Динерстайн, Роберт Фельдмессер, Марк Филд, Кент Гейгер, Сидней Гаркейв, Джон Ортон и Джон Решетар.

Глава 1. КОНЦЕПЦИЯ И РОЖДЕНИЕ РАДИО СВОБОДА

¹ Джон Лодизен – свободно говоривший по-русски руководитель программ и политики в мюнхенской штаб-квартире РС (с 1969 года). До самой смерти (он скоропостижно скончался в 1993 году в Вашингтоне) работал над историей *Радио Свобода*. В статье “Radio Liberty (Munich): Foundations for a History”, *Historical Journal of Film, Radio, and Television* 6, no. 2 (1986) он писал, что идея американской радиостанции в Германии возникла еще в 1946 году. Генерал Люциус Клей – военный комендант американской оккупационной зоны, вначале возражал против этой инициативы Госдепартамента, как противоречащей «духу четырехстороннего управления Германией», но позже согласился. В объемистом архиве Джона Лодизена, хранящемся в Отделе специальных коллекций библиотеки Джорджтаунского Университета данная статья, как и сотни других документов, является ценным источником по истории возникновения РС. Архив передала Пегги Джин Лодизен в 1996 году.

² Другими членами Правления в первые годы работы *Амкомлиба* были: миссис Оскар Альгрэн – бывший президент Американской федерации женских клубов; банкир Джон Р. Бёртон; бывший замминистра Военно-морского флота и бывший губернатор штата Нью-Джерси Чарлз Эдисон; промышленник Дж. Питер Грейс; вице-президент компании *Time Inc.* Аллен Гроувер; промышленник Х.Дж.Хейнц-Второй; юрисконсульт нью-йоркского отделения жилищного строительства Генри В.Пур; педагог доктор Джон

У.Студебейкер; газетный издатель Уильям Л.Уайт и банкир Филип Х.Уилки.

³ См.: Anatole Shub, “Papa Knew Best” // *New Leader*, September 9-23, 1991.

⁴ Boris Shub, *The Choice* (New York: Duell, Sloan and Pearce, 1950).

⁵ Денике бежал из России в 1917 г., жил в Германии и печатался главным образом в антикоммунистической прессе. После прихода к власти нацистов в 1933 году эмигрировал во Францию, потом в США. Работал историком-консультантом в Гарвардском Русском Исследовательском Центре и Информационном Агентстве Соединенных Штатов под именем Джорджа Денике.

⁶ В 1959 г. Гуль сменил М.М.Карповича, который был редактором с 1946 года. В 1917 году Карпович был в Вашингтоне в качестве пресс-атташе Временного правительства России. Позже стал профессором Гарвардского университета.

⁷ Другими членами Нью-йоркского программного отдела были: Вячеслав Завалишин, Виктор Россинский и Владимир Варшавский. О Гуле см.: Джон Глэд. *Беседы в изгнании*. М., Книжная Палата, 1992. О Варшавском и Гуле см.: Глеб Струве. *Русская литература в изгнании*. Paris: YMCA-Press, 1984; о Денике см.: Leopold Haimson, *The Making of Three Revolutionaries* (New York: Cambridge University Press, 1988).

⁸ См. авторитетную биографию Майкла Скэммела *Solzhenitsyn* (New York: W.W.Norton, 1984), p.765-769. Автор пишет, что Солженицын в течение многих лет восхищался проповедями Шмемана по РС: «Вполне допускаю, что именно эти передачи вдохновили написать Солженицына *Великопостное письмо*. Созданное в начале 1972 года письмо резко критиковало русскую православную церковь за то, что она призывает эмигрантов любить церковь, но закрывает глаза на многие вещи в собственной стране и прислуживает государству. Письмо Солженицына, появившееся на Западе, произвело на Шмемана глубокое впечатление. Пасхальную проповедь по РС он начал с того, что сравнил Солженицына с ветхозаветными пророками, которые «не могли жить в мире и довольстве, плыли, по их словам, против течения, говорили правду, обещали небесную кару за ложь, слабость и лицемерие. И теперь этот забытый дух пророчеств внезапно проснулся в центре православного мира. Мы слышим звонкий голос одинокого человека, который заявил во всеуслышание, что всё вокруг – уступки, покорность, компромисс церкви с мирскими властями и политиками – все это зло. Этот человек Солженицын».

Солженицын слышал эту передачу и позже писал: «Я был глубоко тронут тем, что мой любимый пастырь дал мне свое благословение. Это было мое духовное вознаграждение за письмо, и для меня это было последнее подтверждение, что я прав». Скэммел замечает, что с тех пор Солженицын начал высказываться более смело, видя «перст божий в делах, которые ниспосланы ему, и в борьбе с врагами ощущает себя мечом в руках Всевышнего». После высылки Солженицына в 1974 году они встретились с Шмеманом и подружились, хотя впоследствии священник критиковал писателя за его ультраконсервативные взгляды.

См. также воспоминания Сержа Шмемана о передачах отца на РС: “Echoes of a Native Land: Two Centuries of a Russian Village” (New York: Knopf, 1977), p.16-18.

⁹ По-русски: *Вы жертвою пали в борьбе роковой, / В любви беззаветной к народу, / Вы отдали все, что могли, за него, / За жизнь его, честь и свободу.*

¹⁰ Алек Ноув в книге *Glasnost in Action: Cultural Renaissance in Russia* (Boston: Unwin Hyman, 1989), p.4, в связи с этим случаем рассказывает об изъятии из БСЭ статьи, посвященной известному профессору медицины Зеленину. Когда выходил том на букву «З», его арестовали. «Произошла спешная замена: вместо «Зеленина» поместили «Зеленую лягушку» – по-видимому, единственный случай, превращения профессора в лягушку. Читатели рады будут узнать, что Зеленин был выпущен, а «зеленая лягушка» исчезла из последующих изданий энциклопедии»!

¹¹ James Critchlow, *Radio Hole-in-the-Head/Radio Liberty* (Washington, D.C.: American University Press, 1995).

¹² *London Sunday Times*, 21 дек. 1952. Берлин добавил, что в книге Вейдле страницы, посвященные Петербургу, «возможно, лучшее, что когда-либо писалось об этом бессмертном городе».

¹³ См.: Laszlo Dienes, “Gaito Gazdanov” // *Harvard Magazine*, January-February, 1998, с.48.

¹⁴ Другими многолетними руководителями неславянских редакций были: Торосян (Армения), Акбер (Азербайджан), Цвирка (Белоруссия), Ходаров (Северный Кавказ), Жозефоглу (Башкирия), Зуннун (Туркменистан) и Добрянский (Украина). В Нью-Йорке: Густав Бурбель (Украина) и Ян Запрудник (Белоруссия).

Глава 2: МЫ – В ЭФИРЕ!

¹ Из архива автора.

² Исаак Дон Левин, Айзек Пэтч и другие американцы делали все возможное, чтобы привести к согласию разрозненные группы

эмигрантов из СССР. Они хотели, чтобы коллектив *РС* работал так, как работали восточно-европейские эмигранты на *РСЕ*, которое подчинялась *Комитету за свободную Европу*. Но задача примирить несовместимые позиции русских и нерусских групп оказалась настолько безнадежной, что *Координационный Центр* долго не просуществовал. Висбаденскую декларацию от имени русских групп подписали: Борис Николаевский – Лига борьбы за свободу народов (со штаб-квартирой в Нью-Йорке); Виктор Байдалаков – НТС (Лимбург, Западная Германия); Борис Яковлев – Союз Борьбы за освобождение народов России (Мюнхен); профессор Сергей Мельгунов – Союз Борьбы за свободу России (Париж). Декларацию подписали также представители Грузинского национального совета в Париже, Азербайджанского Комитета за национальное объединение в Анкаре; Северо-Кавказского антикоммунистического Союза в Мюнхене; Белорусского демократического республиканского Союза в Париже; Армянского Союза борцов за Свободу и Туркменского национального комитета в Мюнхене. Украинские эмигранты, занятые в то время политическими распрями с русскими, присоединились к Декларации позже. См.: Isaak Patch, *Closing the Circle* (Wellesley, Mass.: Wellesley College, 1996) и архив Дона С. Лодизена, дар Пегги Джин Лодизен (1996), Отдел специальных коллекций библиотеки Джорджтаунского университета.

³ Из архива автора.

⁴ Там же.

⁵ Другими языками Северного Кавказа были аварский, адыгейский, карачай-балкарский и осетинский. В 1954 году *РС* выпустило брошюру, подготовленную всеми неславянскими службами, посвященную первой годовщине выхода в эфир. В английском переводе на 50 страницах помещались показательные материалы всех национальных редакций. Основной их темой было подавление большевиками национальной и культурной самобытности и выражалось надежда на «освобождение от коммунистической диктатуры Кремля».

⁶ Из архива автора.

Глава 3. ИСКРЫ НАЧИНАЮТ ВОЗГОРАТЬСЯ

¹ Из архива автора.

² Кеннан писал, что Келли собрал в своем отделе «лучшую библиотеку в США по Советскому Союзу». В начале 30-х на переговорах о признании СССР Министр Иностранных дел Максим Литвинов «сделал ему горький комплимент, сказав, что его отдел

лучше отражает историю советской дипломатии, чем сам советский МИД». George F. Kennan, *Memoirs, 1925-1950*. (Boston: Little, Brown, 1967), p.84. Келли был назначен вице-президентом Комитета РС уже после того, как в июле 1964 Амкомлиб сменил свое название. Среди других его обязанностей в Мюнхене была поддержка связи с правительством Западной Германии. Когда он скончался в 1977 году, его коллекция редких монет византийского и раннегреческого периода досталась по завещанию Американскому нумизматическому обществу. По сообщению Государственного Департамента в апреле 1977 г. коллекция, которую он терпеливо и методично пополнял все годы своей дипломатической службы, оценивалась в полмиллиона долларов.

³ Мемуары Майера *Facing Reality: From World Federalism to the CIA* (New York: Harper & Row, 1980) содержали главу, посвященную PCE/PC, с точки зрения главы отдела международных организаций ЦРУ. С 1954 года по начало 1970-х, когда связь разведуправления с радиостанциями прекратилась, Майер отвечал за их поддержку и политику. «В отношениях с этими двумя организациями мы руководствовались основным принципом: предоставить американскому станционному руководству самую широкую автономию и дать им право самим решать ежедневные задачи».

Майер описывает, как ЦРУ совместно с Госдепартаментом составляли годовой план взаимоотношений с теми странами, на которые шло вещание. Предусматривалось, что во времена кризисов станционное руководство само будет справляться с ситуацией, в остальное время один раз в месяц ЦРУ прослушивало записи передач за день, чтобы определить, правильны ли они по тону и содержанию. «Журналисты и историки не раз выражали беспокойство тем тревожным уровнем свободы, с какой эти частные радиостанции, казалось, вторгались во взаимоотношения Соединенных Штатов и советского блока. На самом деле, этого прямого доступа не было, и наш контроль, пусть невидимый, был направлен на то, чтобы политика радиостанций соответствовала официальной политике Вашингтона.

Мы с сотрудниками видели свою задачу в том, чтобы сохранить независимость обеих радиостанций и доверие к ним, предоставляя им самые широкие рамки для работы», - писал Майер. Он рассказал, как однажды ЦРУ сделало попытку вмешаться в работу станций. «Время от времени возникала мысль использовать *Радиостанции* для распространения дезинформации относительно того или иного коммунистического лидера. Я всегда отвергал эти предложения. Бросить тень на репутацию радиостанций, которые

славилась своей точностью, было слишком дорогой ценой за ту эфемерную и сомнительную выгоду, которую могла принести нам дезинформация».

Майер пишет, что вера Аллена Даллеса в жажду знаний у советских образованных людей помогла ему убедить скептически настроенные комитеты Конгресса выделить дополнительно более 5 млн. долларов для сооружения в Испании мощных коротковолновых передатчиков. Необходимость такой базы была обоснована Хаулендом Сарджендом.

⁴ В беседе со мной в Праге, в октябре 1996 года, Ричард Каммингс, много лет проработавший в службе безопасности в Мюнхене, убедил меня, что к смерти Фаталибея почти наверняка причастен КГБ.

⁵ Фамилия Володи была Жабинский, но он выступал под псевдонимом Юрасов, в Америке он стал называться Владимиром Рудольфом. Когда он приехал в Штаты из Мюнхена в 1951 году, его «отыскал» для *Радио* Роберт Дреер – сотрудник ЦРУ, специалист по СССР, ранее работавший военным атташе в Москве. На Дреера Рудольф произвел впечатление «порядочного русского», который вполне подходил для работы на радиостанции. После того, как Володя поступил к нам на работу, Дреер и сам поступил в Амкомлиб (в Нью-Йорке) руководителем отдела радиовещания.

Семья Рудольфа передала мне множество Володиных скриптов и записок, в одной из них описывается его тайная встреча с Евгением Евтушенко и Андреем Вознесенским, когда они пропьянствовали целую ночь, переходя из бара в бар. Это было в 1961 году в Нью-Йорке. Оба поэта хвалили его вещи, напечатанные в эмигрантских изданиях, с которыми они познакомились еще в Москве. Они рассказали Володе, что слышали его по *Радио Свобода* и настойчиво просили не делать из них «контрреволюционеров», когда он будет говорить о них по радио. Володя дожил до своей реабилитации на родине – его вещи и хвалебная биография появились в московских журналах.

⁶ Цитаты из выступлений писателей взяты из брошюры Амкомлиба *«Свободный голос на съезде Советских писателей»*, 1955.

⁷ Один из ссыльных декабристов написал ответ Пушкину, где говорил, что их труды были не напрасны: «Из искры возгорится пламя». Эта фраза была очень популярна в среде русских революционеров в конце 19 века, и социал-демократы, руководимые Лениным и Плехановым, назвали свою подпольную газету *Искра*.

⁸ «Свободный голос на съезде советских писателей», 1955.

⁹ Письма хранятся в архиве автора.

Глава 4. ВОСТОК И ЗАПАД: ОБМЕН МНЕНИЯМИ

¹ Из США поздравления прислали: Гарольд Уиллис Доддс – президент Принстонского университета; Буэлл Г.Галлагер – президент Нью-йоркского Городского Колледжа; Генри Т.Хэлд – ректор Нью-йоркского университета; Миллисент К.Макинтош – президент Барнард Колледжа; Джордж Н.Шустер – президент Хантер Колледжа; Вэнневар Буш – президент Вашингтонского института Карнеги; Джеймс Т.Бэбб – библиотекарь Йельского университета; Джордж С.Каунтс – профессор Педагогического Колледжа Колумбийского университета; Джоэл Х.Хильдебранд – президент Американского химического общества; Х.Дж.Мюллер – профессор зоологии Индианского университета, лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине 1946 года; Уэнделл М.Стэнли – профессор биохимии Калифорнийского университета, лауреат Нобелевской премии по химии 1946 года; Конвей Зёркл – профессор биологии Пенсильванского университета.

² Цитаты из посланий взяты из брошюры Амкомлиба *A Free Voice at the Moscow University Bicentennial*, 1955.

³ Брошюра Амкомлиба *A Free Voice Salutes the Rebels of Vorkuta*, 1955.

⁴ Послания, связанные с юбилеем Достоевского, хранятся в архиве автора.

⁵ Письмо Бориса Шуба автору от 13 января 1956 г.

⁶ Harvey Breit, “In and Out of Books” // *New York Times Book Review*, February 26, 1956.

⁷ Когда Зингер умер в июле 1991 года, я послал его выступление, посвященное Достоевскому, в *Форвард* – еврейский еженедельник на английском языке. Задолго до того, как он стал нобелевским лауреатом, он печатал свои рассказы на идише в газете с таким же названием. Редакция напечатала статью и поручила РС передать ее по радио на Советский Союз на идише. Когда в 1971 году исполнилось 150 лет со дня рождения Достоевского, мы передали это послание наряду с другими посланиями 1956 года.

Глава 5. ХРУЩЕВ ВЫПУСКАЕТ АНТИСТАЛИНСКОГО ДЖИННА

¹ ЦРУ, по-видимому, получило его от израильской секретной службы Моссад, которая имела связи с руководителями Польской коммунистической партии. Рэй Клайн, один из тогдашних руководителей разведки, посчитал текст подлинным и предложил

его обнародовать. См.: Thomas Powers, *The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA* (New York: Knopf, 1979), p. 80.

² John Gunther, *Inside Russia Today*, 2nd ed. (New York: Harper & Row, 1962), p.246.

³ Выпущенные Амкомлибом “Policy Position Papers, June 1956 (For Internal Use Only)”, архив автора. 44 страницы документа отражают мнение американских и русских сотрудников, консультантов со стороны и работников Мюнхенского Института по изучению СССР. Теперь, спустя 30 лет, мы можем оценить смысл и значение этого документа. Здесь же прилагается мнение трех специалистов об особенностях пропаганды на РС: Роберта Ф.Бернса – профессора истории в Индианском университете; журналиста и писателя Уильяма Генри Чемберлена – одного из наших попечителей и Чарлза У.Тэйера – первого директора русской службы *Голоса Америки*.

Для того чтобы постоянно знать мнение экспертов о событиях в СССР, Сарджент поручил одному из сотрудников, бывшему дипломату, Дональду Данэму быть посредником между РС, советологами из Госдепа (такими, как Фрэнсис Стивенс) и учеными из академических и эмигрантских кругов.

⁴ См.: Gene Sosin, “Trotsky Redux” // *New Leader*, September 3, 1990. Приуроченная к 50 годовщине убийства, статья была посвящена выступлению Седовой на *Радио Свобода*.

⁵ Полный текст в архиве автора.

⁶ Магнитофонная запись в архиве автора.

⁷ Там же.

⁸ Sergei Khrushchev, *Khrushchev on Khrushchev* (Boston: Little, Brown, 1990), с.208-209.

⁹ Nikita Khrushchev, *Khrushchev Remembers: The Last Testament*, trans. and ed. Strobe Talbott (Boston: Little, Brown, 1974), с.77.

¹⁰ Nikita Khrushchev, *Khrushchev Remembers*, trans. and ed. Strobe Talbott (Boston: Little, Brown and Company, 1970), с.412-413.

¹¹ Там же.

¹² Магнитофонная запись в архиве автора.

¹³ Там же.

¹⁴ Текст в архиве автора.

¹⁵ Магнитофонная запись в архиве автора.

¹⁶ Будучи культурным советником в посольстве США в Москве (1967-1969), Йел Ричмонд часто слушал *Радио Свобода*. В письме Генри Лумусу от 11 декабря 1969 г. – заместителю директора Информационного Агентства США – Сарджент благодарил за ценную информацию, которую Ричмонд сообщал о глушении *Радио*: «Благодаря этому мы могли правильнее оценить

наши частоты и соответственно усилить их». Сарджент отмечал: Ричмонд «сообщал нам, что наш сигнал слышен в самом сердце Москвы и время от времени профессионально оценивал наши программы». Ричмонда сменил МакКинни Рассел, питомец *Радио Свобода*, который работал в отделе новостей в Мюнхенском филиале, затем успешно служил дипломатом в МИДе США. Он передавал на *РС* полезную информацию о слышимости станции внутри СССР.

¹⁷ См. Sig Mickelson, *America's Other Voice: The Story of Radio Free Europe and Radio Liberty* (New York: Praeger, 1983)

¹⁸ Wilbur Schramm, "A Communications Research Man Looks at Radio Liberation", Munich, August 1957. Архив автора.

¹⁹ Сюда входили: Теренс Кэтерман, Пол Кук, Ричард Дэвис, Дж.Т.Кендрик, Уильям Луэрс, Уолтер Стессел, Малколм Тун и Ханс Так.

²⁰ Текст в архиве автора.

²¹ Там же.

²² Магнитофонная запись в архиве автора. В 1996 году накануне избирательской кампании Бориса Ельцина и Геннадия Зюганова на *РС* записали мои воспоминания о выступлении миссис Рузвельт в 1958 году и воспроизвели магнитофонную запись того времени. Когда Хилари Родам Клинтон 4 июля 1996 года посетила новую штаб-квартиру *РС* в Праге, Кевин Клоуз, тогдашний президент *РСЕ/РС*, подарил первой леди копию этой записи. За несколько недель до этого миссис Клинтон признавалась, что она мысленно беседовала с миссис Рузвельт в Белом доме с помощью медиума. Я был очень рад, что она услышала настоящий голос своей знаменитой предшественницы с помощью моего медиума – магнитофона. См.: Gene Sosin, "Eleonor's Russia" // *Forward*, 5 июля, 1996.

Глава 6. ОТ ОСВОБОЖДЕНИЯ К СВОБОДЕ

¹ См.: Gene Sosin, "The Children's Theater and Drama in Soviet Education" // Ernest J. Simmons, ed. *Through the Glass of Soviet Literature* (New York: Columbia University Press, 1953)

² См.: Joshua Rubenstein, *Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Erenburg* (New York: Basic Books, 1996)

³ В некоторых изданиях, посвященных истории *РС*, ошибочно указывают 1964 год как год смены названия *Радио*. На самом деле, в этом году *Амкомлиб* стал называться *Комитетом Радио Свобода*.

⁴ О роли *РСЕ* в событиях 1956 года см.: Michael Nelson, *War of the Black Heavens: The Battles of Western Broadcasting in the Cold War*

(Syracuse, N.Y.: Syracuse University Press, 1997) и George Urban, *Radio Free Europe and the Pursuit of Democracy: My War Within the Cold War* (New Haven: Yale University Press, 1998).

⁵ Скрипт в архиве автора.

⁶ *New York Times*, April 21, 1956.

⁷ Roscoe Drammond // *New York Herald Tribune*, July 24, 1962.

⁸ Roy A. Medvedev and Zhores A. Medvedev, *Khrushchev: The Years in Power* (New York: Columbia University Press, 1976), с.146-147.

⁹ Телекс Бертрандиаса Сосину 23 марта 1962. Архив автора.

¹⁰ Были еще две женщины в Нью-йоркском отделении РС, которые активно участвовали в выработке программной политики: Кэтрин Донохоу и Джоан Бичер Малюков. Джоан была потомком Гарриет Бичер Стоу, позже она работала комментатором на Русской службе *Голоса Америки*.

¹¹ Через несколько недель РС подготовило к печати сообщение «Передачи *Радио Свобода* рассказывает советским слушателям о кубинском кризисе». Чтобы подчеркнуть искажения и умолчания в советских СМИ, тексты наших радиопередач противопоставлялись советским сообщениям.

¹² Письма в архиве автора. О работе РС по сбору данных о составе и мнениях советской радиоаудитории см.: R. Eugene Parta, "Soviet Area Audience and Opinion Research (SAAOR) at Radio Free Europe / Radio Liberty" // K.M.Short, ed. *Western Broadcasting over the Iron Curtain* (New York: St.Martin's Press, 1986), с.227-244. Давид Анин (Азархс) и Джордж Пери много лет проработали руководителями отдела по изучению аудитории РС.

Глава 7. ПРОГРАММЫ И КОНФЕРЕНЦИИ 1960-х

¹ См.: S.Frederick Starr. *Red and Hot: The Fate of Jazz in the Soviet Union* (New York: Oxford University Press, 1983, p.270-275).

² *New York Herald Tribune*, June 16, 1963. Starr, *Red and Hot*, p.271) описывает как в 1962 году в Ленинграде в гостинице *Астория* Гудман и его музыканты, среди которых были Зут Симз и Билл Кроу, всю ночь играли джаз. Здесь они встретили Геннадия Гольштейна и других «лучших музыкантов города».

³ Gene Sosin, "The Role of Radio Liberty" // John Boardman Whitton, ed. *Propaganda and the Cold War* (Washington, D.C.: Public Affairs Press, 1963, p.96).

⁴ Архив автора.

⁵ *Нева*, № 5, 1966.

⁶ Одна из работ Кантрила *The Invasion From Mars* имеет подзаголовок *Психология паники*. Работа, впервые опубликованная в 1940 году издательством Принстонского университета, а затем в 1966 году издательством Харпер и Роу, воспроизводит текст знаменитой передачи CBS, прозвучавшей в Хэллоуин 1938 года. Это была инсценировка Орсона Уэллса по роману Герберта Уэллса *Война миров*. Кантрил описывает реакцию американского общества, пребывающего в панике в предчувствии второй мировой войны.

⁷ *New York Times*, March 21, 1964.

⁸ *Ibid.*, November 30, 1961.

⁹ Архив автора.

¹⁰ «Белая книга» по делу А.Синявского и Ю.Даниэля. Составитель Александр Гинзбург (Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967), с.177. Книга вышла в карманном формате, чтобы облегчить ее распространение в СССР. Публикации такого рода именовались «тамиздатом», и тысячи экземпляров запрещенных книг вернулись назад в страну с помощью западных организаций и частных лиц. В книге Айзека Пэтча *Closing the Circle* есть глава *Книжная программа*, в которой рассказывается об одной, возможно, самой успешной попытке поставлять идеи в Советский Союз. При поддержке Хауленда Сарджента и ежегодном финансировании ЦРУ, Айк организовал издательство «Bedford» (отдельно от PC) со штатом в Нью-Йорке и высокопрофессиональными представителями в Лондоне, Париже, Риме и Мюнхене. Пэтч с особой признательностью называет имена Джоан Балкар, Бетти Картер, Морила (Билла) Коуди, Боба Шэнкленда, Джека Стюарта, Людмилы Торн и Элен Цвердлинг. Наряду с советскими туристами, возвращающимися с Запада, многие западные граждане, журналисты, ученые, врачи, юристы доставляли в Москву не только диссидентские произведения, но и сотни тщательно отобранных западных книг в русских переводах. Наташа, жена Солженицына, говорила Пэтчу, что до высылки писателя из СССР они «регулярно получали с Запада книги, провозимые нелегально».

¹¹ Там же, p.245. Синявский отбыл почти весь свой срок и освобожден в июне 1971 года. В 1973 году с женой Марией Розановой и сыном он эмигрировал во Францию. До 1994 года он преподавал русскую литературу в Сорбонне, после чего ушел на пенсию. Часто выступал по *Свободе*. Умер в феврале 1997 года.

¹² Речь «Communicating with the Soviet People», 19 ноября 1965 года на совместной конференции PC и Нью-йоркского Университета. Архив автора. См.: “The Shortwave Audience in the USSR: Methods for Improving the Estimates” // *Communication Research* (October 1982), p.581-606.

¹³ Распечатка конфиденциального коллоквиума на совместной конференции РС и Нью-йоркского Университета 20 ноября 1965 года.- Архив автора.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Будучи советником по национальной безопасности, Бжезинский убедил Картера усилить РСЕ/РС, и новый президент в марте 1977 года в своем докладе Конгрессу «О международном радиовещании» запросил еще одиннадцать 250-киловаттных передатчиков. Бжезинский писал позднее: «Поскольку Радио не может призывать к восстанию в восточных странах, оно, на мой взгляд, должно направлять все усилия на пропаганду политических сдвигов». Цит. по: *Robert M. Gates. From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War (New York: Simon and Schuster, 1996, p.95).*

¹⁶ Докладная записка Скотта Сардженту, июнь 1966.- Архив автора.

Глава 8. МЮНХЕНСКИЕ ГОДЫ: 1966-1970

¹ Pavel Litvinov, *Dear Comrades (Amsterdam: Alexander Herzen Foundation, 1971).*

² Архив автора.

³ Мариэтта Чудакова // Русская мысль, 21-27 сент. и 28 сент.- 4 окт., 1995. В постсоветской России книги Белинкова издаются благодаря исключительной настойчивости и преданности Наташи.

⁴ См. материалы конференции: Robert Farrell ed. *Studies on the Soviet Union*, V.11, No.2 (Munich: Institute for the Study of the USSR, 1971).

⁵ Архив автора.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Архив автора.

⁹ В интервью с Абрамом Брумбергом в журнале *Encounter* (июнь, 1977) Амальрик сказал: «Передачи зарубежных радио на русском языке имеют чрезвычайное значение. Для миллионов советских людей это единственный альтернативный источник информации. Сейчас растущая роль радио объясняется двумя причинами. Первая причина чисто техническая: количество транзисторных приемников в стране растет. Вторая причина в том, что активность диссидентов в СССР увеличивается, и благодаря зарубежным радио получает широкую известность».

¹⁰ *Tumanov: Confessions of a KGB Agent*. Пер. Давид Флорид (Chicago: Edition Q, 1993).

¹¹ Oleg Kalugin, *The First Directorate: My 32 Years in Intelligence and Espionage Against the West* Олег Калугин (New York: St. Martin's Press, 1994, p.194-197). Калугин рассказывает, как Туманов помогал готовить взрыв в здании и как потом, в 1986 году, он бежал назад в Москву и разоблачал Калугина как предателя.

¹² Архив автора.

Глава 9. РАДИО СВОБОДА: ПОКРОВЫ СБРОШЕНЫ

¹ New York Times, March 19, 1967.

² *Washington Post*, May 4, 1969. Корд Майер в книге «Facing Reality» (с.132-133), касается разоблачений журнала *Ramparts* и пишет о результатах доклад Катценбаха президенту Джонсону, в котором ни одному федеральному ведомству не разрешается прямо или косвенно оказывать тайную финансовую поддержку каким бы то ни было государственным образовательным или частным добровольным организациям. Тем не менее, администрация Джонсона сочла, что обе радиостанции «не являются ни частными, ни существующими на добровольные взносы, как оговорено в докладе Катценбаха, но скорее правительственными институциями, созданными по инициативе правительства и находящимися под официальным контролем». А потому могут субсидироваться ЦРУ. Их финансирование проходило по линии “surge funding”, в ожидании решения Конгресса по этому вопросу. Мейер добавляет, что «ответственные комитеты Конгресса согласились с этим компромиссным решением, хотя не обошлось без борьбы. Ричард Хелмз, директор ЦРУ, защищал в Конгрессе обе радиостанции с таким же упорством, как в свое время Аллен Даллес, но процесс был не из легких».

³ Архив автора.

⁴ Отчет Конгресса, 30 июля, 1971.

⁵ Там же.

⁶ Joseph G. Whelan. *Radio Liberty: A study of Its Origins, Structure, Policy, Programming and Effectiveness* (Washington, D.C.: Library of Congress Congressional Research Service, February 29, 1972). Цитаты ниже из доклада Уэлана.

⁷ New York Times, February 21, 1972.

⁸ Congressional Record, March 8, 1972.

⁹ Репринт в архиве автора.

¹⁰ Речь в сенате США, 6 марта 1972 года. Архив автора.

¹¹ Архив автора.

¹² В Москве Алексеева была одним из основателей Хельсинской наблюдательной группы (см. Гл.11), эмигрировала в США в 1977 году. Она регулярно выступала по *Радио Свобода* и *Голосу Америки* и, хотя часто критиковала наши передачи, в восьмидесятые годы она сыграла важную роль, рассказывая о нашем влиянии.

¹³ Архив автора.

¹⁴ Сюда входили Рудольф Л.Тёкес, Кендалл Бэйлз, Джордж Клайн, Александр Даллин, Роберт В.Даниэлз, Эдгар Лерман и Леон Липсон. Все они представляли американские университеты. Питер Реддауэй, Леонард Шапиро, Макс Хэйуард и Мартин Дьюхерст – из британских университетов. Кроме того, два еврея-эмигранта из СССР, Леонид Ригерман и Борис Цукерман, которые ранее были активными участниками правозащитного движения в Москве, в своих письмах горячо защищали *РС*.

¹⁵ Архив автора.

¹⁶ Там же.

¹⁷ A Setback for Liberty // *Washing Post*, February 26, 1972.

¹⁸ Дебаты в Сенате по пункту S.1914 об учреждении *Комитета по международному вещанию* и продолжению финансирования *РСЕ/РС* были опубликованы в Отчете Конгресса за 6 сентября 1973 года. Увлекательно читать все аргументы pro et contra, выраженные с такой страстью и красноречием. Главными сторонниками радиостанций были сенаторы Перси, Бакли, Джейвиц, Голдуотер, Термонд и Хамфри. Позицию сенатора Фулбрайта поддерживали сенаторы Черч, Саймингтон и Пастор. Законопроект прошел с большой разницей в голосовании. О спорах в руководстве между новым *Комитетом* и *Радиостанциями* см.: *William A. Buell. Radio Free Europe/Radio Liberty in the Mid-1980s // Short, Western Broadcasting, p.69-97.*

¹⁹ «Сарджент хотел остаться и стать первым президентом объединенных *Радиостанций*. Билл Дёрки (в то время президент *РСЕ*) планировал отказаться от своего поста в пользу кандидатуры Сарджента при условии, что мюнхенской штаб-квартирой будет руководить человек из *Свободной Европы*. Вопреки всем этим планам *Комитет* решил, что новым президентом должен быть человек со стороны. У Хауленда, таким образом, не оставалось выбора, и он ушел». (Письмо автору от Ральфа Уолтера, бывшего директора *РСЕ*, от 14 ноября 1996 года).

²⁰ Архив автора.

Глава 10. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

¹ Цитаты на следующих страницах взяты из материалов лондонской конференции. См. меморандум Бойтера от 23 апреля 1971 года: «The Future of Samizdat: Significance and Prospect».

² Телекс Сосина Бойтеру и Ван Дер Рору, 28 октября 1971 года.

³ Скрипт в архиве автора.

⁴ *New York Times*, 12 февраля 1972 года.

⁵ Там же, 3 апреля 1972 года.

⁶ Скэммел в своей книге *Solzhenitsyn* (с.286) пишет, что в январе 1974 года Солженицын специально поехал на дачу в Переделкино, чтобы «послушать отрывки из *Архипелага Гулаг*, которые передавались по *Радио Свобода*. Хотя передачи глушились, слышимость была очень хорошей, и ради этого писателю пришлось нарушить свой жесткий график, чтобы услышать по радио свое произведение».

⁷ *New York Times*, 12 февраля 1972 года.

⁸ Через 50 лет после гибели Москва воздала Михоэлсу почести. См.: *New York Times*, January 14, 1998.

⁹ Магнитофонная запись любезно представлена профессором Гербертом Пейпером, работавшим в Мичиганском университете. Сейчас он профессор Еврейского колледжа в Цинциннати (штат Огайо).

¹⁰ См.: *Заклинание Добра и зла: Александр Галич* (М.: Прогресс, 1991. С.293). 500-страничная книга составлена из статей и воспоминаний друзей, перемежаемых его прозой и стихами. Составитель Нина Крейтнер, падчерица Валерия Гинзбурга – брата Галича и известного кинематографиста. Крейтнер собрала также песни Галича для записи на фирме «Мелодия». Она проделала неутомимую работу по сохранению памяти и наследия Галича.

¹¹ Там же, с.201.

¹² Цитата из обзора Рональдса, октябрь 1973.- Архив автора.

Фрэнсис Рональдс сделал блестящую карьеру на РС. В начале пятидесятых годов он был одним из немногих мюнхенских сотрудников, свободно говоривших по-русски. В течение многих лет он руководил Отделом новостей, где отвечал за первую половину русских программ и большую часть материалов в нерусских редакциях. Позже, будучи программным руководителем, он отвечал за все программы *Радио*, пока в 1966 году не покинул Мюнхен и не стал заместителем директора *Голоса Америки* в Вашингтоне.

В 1971-м по приглашению ушедшего на пенсию Кена Скотта он вернулся на РС и занял место директора. Но еще до Мюнхена Рональдс сыграл ключевую роль в Вашингтоне, когда решалась

судьба *Радиостанций*. Он активно выступал в их защиту и посылал ценные материалы влиятельным членам Конгресса, особенно сенатору Чарльзу Перси, ведущему успешную борьбу за спасение *РС/РСЕ*.

Рональдс проработал в должности директора до 1977 года, покинул *РС* и снова перешел на *Голос Америки*. Середина 1970-х была периодом кризиса для *РС*: объединение со *Свободной Европой* даром не прошло. Стараясь подчинить себе *РС*, руководство *РСЕ* стремилось захватить власть над двумя организациями, что грозило увольнением всего административного персонала *РС*. Рональдс мужественно боролся против этого плана, зная, что это может обернуться для него увольнением. Несмотря на все, ему удалось сохранить цельность *Радио Свобода*.

Между тем, «смутные времена» для *РС* продолжались. Сам Рональдс считает наибольшей своей заслугой перед *РС* то, что он справился с девальвацией доллара относительно немецкой марки. Это вызвало финансовый хаос на *РСЕ*, поскольку они были вынуждены уволить большое число сотрудников, которые, согласно немецкому трудовому законодательству, имели право на получение компенсации в размере четырех годовых зарплат. Но благодаря экономическим мерам Рональдса, весь штат *РС* в Германии, за исключением нескольких американцев, сохранился. (Сокращение в основном коснулось персонала ретрансляционных станций в Испании и на Тайване, где увольнения были связаны с тем, что не было данных о слышимости этих передатчиков). Рональдсу удалось сэкономить даже больше денег, чем требовалось, и *Радио* смогло привлечь многих свежих, образованных, одаренных эмигрантов из СССР. Среди них были такие знаменитости, как Александр Галич, Виктор Некрасов и Андрей Синявский. С их приходом качество передач поднялось на небывалый уровень.

¹³ С середины 60-х годов я принимал активное участие в Американском движении в защиту прав советских евреев. В своих лекциях я описывал плачевную судьбу миллионов людей в Советском Союзе, к которым власти относились как к людям второго сорта, не допуская их учиться в лучшие вузы, устанавливая для них запреты на некоторые профессии, запрещая совершать религиозные обряды. Помимо прочего, их обвиняли в нелояльности советскому режиму из-за их растущих намерений искать счастья в Израиле. На лекциях я рассказывал, как *РС* оказывает поддержку евреям в своих передачах, в частности, рассказывая им о помощи Запада и оглашая самиздатовские петиции.

В течение многих лет мы с Глорией входили в совет директоров Нью-йоркской ассоциации в поддержку новых

американцев (НАЙАНА), крупнейшей организации, помогающей устройству советских евреев, переселяющихся в Соединенные Штаты для воссоединения с родственниками. Мы провели сотни бесед с советскими беженцами, выражавшими свое восхищение передачами *Радио Свобода* по общим вопросам и по нарушению их прав в СССР. И во время наших поездок в Израиль (последняя состоялась в 1996 году) мы продолжали встречать все новых и новых прибывающих, которые практически без исключения выражали свою признательность *РС*.

Хорошо известный отказник математик Евгений Леин рассказал мне, что его срок заключения был снижен с четырех лет до двух благодаря рассказу о его деле по *Радио Свобода*, что поставило КГБ в затруднительное положение. Леин выражал свою глубокую благодарность *Радио* – «не только источнику информации, но также и живительному источнику, давшему нам надежду, что мы не будем похоронены заживо». (Интервью. Иерусалим, 26 мая 1996).

Глава 11. ОТ ЗАСТОЯ К ГЛАСНОСТИ И ПЕРЕСТРОЙКЕ: 1976-1985

¹ Ежегодный отчет Комитета по международному вещанию за 1977 год.

² Там же.

³ Ежегодный отчет Комитета по международному вещанию за 1976 год.

⁴ Архив автора.

⁵ Там же.

⁶ Меморандум Джеймса Кричлоу Комитету по международному вещанию «Problems of the Radio Liberty Russian Service», 2 января 1981 года.

⁷ Письмо Перси Шекспиру от 9 апреля 1984 года.- Архив автора.

⁸ William Korey, “Flouting American Ideals” March 1984.- Архив автора.

⁹ *Newsweek*, 28 ноября 1983.

¹⁰ *Newsweek*, 5 декабря 1983.

¹¹ *New Republic*, 4 февраля 1985.

¹² *New Republic*, 18 февраля 1985.

¹³ Там же.

¹⁴ *Washington Post*, 11 марта 1985.

¹⁵ *Washington Post*, 27 марта 1985. Программа, посвященная Августу Четырнадцатого оценивалась по заданию *РС* группой

эмигрантов, недавно покинувших СССР. Пятеро из них были евреи и трое – русские, в основном это были профессионалы с высшим образованием. Трое из евреев с разной степенью критичности негативно отзывались о передаче. 36-летний математик говорил, что «антисемитизмом разит от каждого слова, и он на руку распространенному в Союзе мнению, что ответственность за революцию лежит на евреях, и стоит только избавиться от евреев, как все будет хорошо». Другой эксперт, 35-летний программист, сказал, что сравнение Столыпина с Богровым «только усиливает антисемитское звучание». Третий эксперт, 48-летний биохимик, сказал, что программа интересная, но «слишком сильно подчеркивает еврейство Богрова».

¹⁶ *New York Times*, 13 ноября 1985.

¹⁷ См.: Pyotr Grigorenko, *Memoirs*, trans. Thomas P. Whitney (*New York: W.W.Norton, 1982*).

¹⁸ Интервью в Праге, 3 октября 1996 года.

Глава 12. СОВЕТСКАЯ ЭРА ИДЕТ К КОНЦУ

¹ См.: Gloria Donen Sosin, “The Nobel Prize-Winner Nobody Knows” // *New York Times* (Westchester), January 3, 1988; “Goodbye Brodsky” // *Форвард*, 2 февраля 1966.

² Ежегодный отчет Комитета по международному радиовещанию за 1988 год, с.68.

³ См.: Gene Sosin and Gloria Donen Sosin, “Today’s Soviet Hero Made His Statement with Satire” // *International Herald Tribune*, June 25, 1989.

⁴ Среди ученых, у кого Шрагин брал интервью, были Джеймс Биллингтон, Роберт В.Даниельс, Виктор Эрлих, Ричард Пайпс, Маршалл Шульман, Роберт К.Такер и Адам Улам.

⁵ Интервью с Томасом Илвесом и Полом Гоблом. Вашингтон, август 1996.

⁶ *Shortwaves*, сентябрь 1989.

⁷ *Shortwaves*, июль 1991.

⁸ Там же.

Глава 13. ОТ ГОРБАЧЕВА К ЕЛЬЦИНУ

¹ *Shortwaves*, август-сентябрь 1991.

² Scott Shane, *Dismantling Utopia: How Information Ended the Soviet Union* (Chicago: Ivan R. Dee, 1994, p.266).

³ *Russia at the Barricades: Eyewitness Accounts of the August 1991 Coup*. Ed. Victoria E. Bonnell, An Cooper, and Gregory Freidin (Armonk, NY: M.E, Sharpe, 1994, p.289).

⁴ Там же, с.296. См. также: *Crisis Compendium: Analyses of Media Use in the USSR During the Coup Attempt, prepared by Media and Opinion Research.*- RFE/RL Research Institute, January, 1992.

⁵ Mikhail Gorbachev, *The August Coup: The Truth and the Lessons* (London: Harper - Collins, 1991), С.27.

⁶ *Shortwaves*, August-September 1991.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Елена Боннэр в: *Радио Свобода: 19-21 августа*. Москва: НИКО, 1992, с.3.

¹¹ *Shortwaves*, October 1991.

¹² Там же.

¹³ Jack F. Metlock Jr., *Autopsy on an Empire* (New York: Random House, 1995), С.634-647. См. также: Robert V. Daniels, *Russia's Transformation: Snapshots of a Crumbling System* (Lanham, Md.: Rowman and Littlefield, 1998).

¹⁴ *Shortwaves*, December 1991.

¹⁵ Ежегодный отчет Комитета по международному вещанию за 1992 год.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Shortwaves*, August - September 1992.

¹⁸ Там же, January 1992.

¹⁹ Письмо от С.Бережковой. - Архив автора.

²⁰ Вестник Московского Университета, № 2, 1993, с.52-62.

²¹ Бюллетень иновещания, № 1, 1992, с.16-17.

²² Там же, с.17.

²³ Там же, с.17-18.

²⁴ *Washington Post*, July 23, 1991.

²⁵ Бюллетень 20-21.

²⁶ Там же, с.22-23.

²⁷ Там же, с.27.

²⁸ Там же, с.28-29.

²⁹ Бюллетень иновещания, № 3, 1992, с.3.

³⁰ Там же, с.4.

³¹ Там же, с.6-7.

Глава 14. РАДИО СВОБОДА В НОВУЮ ЭРУ СВОБОДЫ

¹ *Shortwaves*, April 1993.

- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Сегодня*, 30 марта, 1993.
- ⁶ *New York Times*, 26 апреля 1993. С другой стороны, мощную поддержку радиостанциям оказали редакционные статьи четырех других влиятельных газет: *Wall Street Journal*, *Washington Post*, *Los Angeles Times* и *Baltimore Sun*.
- ⁷ Софья Борисовна Бережкова. *Радио «Свобода» в системе международного радиовещания на русском языке (1988-1994)*. Диссертация на факультете журналистики МГУ, 1995, с.165-166.
- ⁸ Interview, Washington, D.C., January 28, 1998.
- ⁹ Interview, Prague, October 6, 1996.
- ¹⁰ Interview, Prague, October 7, 1996.
- ¹¹ Interview, Prague, October 9, 1996.
- ¹² Interview, Prague, October 6, 1996.
- ¹³ Interview, Prague, October 8, 1996.
- ¹⁴ Interview, Prague, October 10, 1996.
- ¹⁵ Interview, Prague, October 11, 1996.
- ¹⁶ Interview, Prague, October 10, 1996.
- ¹⁷ Interview, Washington, D.C., January 28, 1998.
- ¹⁸ RFERL/RL Russian Programming: Internal Monitoring Panel and External Control Listener Reviews. Декабрь 1995, с.1-4.
- ¹⁹ Там же, с.29-30.
- ²⁰ Там же, с.34-35.
- ²¹ Ibid., March 1996, p.1-19.
- ²² Vladimir Matusevich, "From Radio Liberty to Radio Garden Ring Road", 1995. Рукопись в архиве автора. В 1998 г. в *Независимой газете* (24 февраля) Матусевич снова выступил с критикой программ РС.
- ²³ Там же, с.20.
- ²⁴ Andrei Sinyavsky, *The Russian Intelligentsia*, trans. Lynn Visson (*New York: Columbia University Press, 1997*), С.81.
- ²⁵ Беседа в Вашингтоне (округ Колумбия), август 1996, январь 1998, июль 1998.
- ²⁶ Interview in Washington, D.C., January 27, 1998.
- ²⁷ E-mail, June 26, 1998.
- ²⁸ Текст передачи, 4 июля 1996.- Архив автора.
- ²⁹ Интервью, Вашингтон (округ Колумбия), 28 января 1998. Клоус стал президентом Национального Публичного Радио в ноябре 1998 года.

³⁰ E-mail, 10 июня 1998. Национальное Публичное Радио брало у меня интервью в октябре 1998 года во время открытия *Радио Свободный Ирак*.

³¹ Grigory Yavlinsky, “Russia’s Phony Capitalism” // *Foreign Affairs* No.77 (May-June 1998), p.67-79.

Bibliography

Alexeyeva, Ludmilla. *Soviet Dissent: Contemporary Movements for National, Religious, and Human Rights*. Middletown, Conn.: Weslean Univ. Press, 1985.

Alexeyeva, Ludmilla. *US Broadcasting to the Soviet Union*. New York: Helsinki Watch Committee, 1986.

Alexeyeva, Ludmilla, and Paul Goldberg. Boston: Little, Brown, 1990.

Amalrik, Andrei. *Notes of a Revolutionary / Translated by Guy Daniels*. New York: Knopf, 1982.

Amalrik, Andrei. *Will the Soviet Union Survive Until 1984?* New York: Harper & Row, 1981.

Andrew, Christopher, and Oleg Gordievsky. *KGB: The Inside Story of Its Operations from Lenin to Gorbachev*. New York: HarperCollins, 1990.

Bauer, R.A.; A. Inkeles; and Kluckhohn C. *How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956.

Board for International Broadcasting. *Annual Reports*. Washington, D.C., 1974-1994.

Bohlen, Charles. *Witness to History, 1929-1969*. New York: W.W.Norton, 1973.

Bonnell, Victoria E.; Ann Cooper; and Gregory Freidin, eds. *Russia at the Barricades: Eyewitness Accounts of the August 1991 Coup*. Armonk, N.Y.: M.E.Sharpe, 1994.

Bonner, Elena. *Alone Together*. Translated by Alexander Cook. New York: Knopf, 1986.

Brumberg, Abraham, ed. *In Quest of Justice*. New York: Praeger, 1970.

Brzezinski, Zbigniew. *The Grand Failure: The Birth and Death of Communism in the Twentieth Century*. New York: Charles Scribner's Sons, 1989.

Bukovsky, Vladimir. *To Build a Castle: My Life as a Dissenter / Translated by Michael Scammell*. New York: Viking Press, 1979.

Chalidze, Valery. *To Defend These Rights*. New York: Random House, 1974.

Cohen, Stephen F., and Katrina van den Heuvel. *Voices of Glasnost: Interviews with Gorbachev's Reformers*. New York: W.W.Norton, 1989.

Coleman, Fred. *The Decline and Fall of the Soviet Empire: Forty Years That Shook the World, from Stalin to Yeltsin*. New York: St.Martin's Press, 1996.

Critchlow, James. *Radio-Hole-in-the-Head/Radio Liberty*. Washington, D.C.: The American University Press, 1995.

Daniels, Robert V. *Russia's Transformation: Snapshots of a Crumbling System*. Lanham, Md.: Rowman & Littlefield, 1998.

Daniels, Robert V. *The End of the Communist Revolution*. London; New York: Routledge, 1993.

Dear Comrade: Pavel Litvinov and the Voice of Soviet Citizens in Dissent / Ed. K.V.H.Reve. New York: Pitman Publ. Corp., 1979.

Détente / Ed. G.Urban. New York: Univ. Books, 1976.

Dobrynin, Anatoly. *In Confidence*. New York: Times Books, 1995.

Dulles, Allen. *The Craft of Intelligence*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1963.

Dunlop, John B. *The Rise and Fall of the Soviet Empire*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1993.

Eisenhower, Susan. *Breaking Free: A Memoir of Love and Revolution*. New York: Farrar Straus Giroux, 1995.

Farrell, Robert, ed. *Studies on the Soviet Union*. Munich: Institute for the Study of the USSR, 1971.

- Gates, Robert M. *From the Shadows: The Ultimate Insider's Story of Five Presidents and How They Won the Cold War*. New York: Simon & Schuster, 1996.
- Gerstenmaier, Cornelia. *The Voices of the Silent*. Translated by Susan Hecker. New York: Hart, 1972.
- Glad, John. *Conversations in Exile*. Durham, N.C.: Duke Univ. Press, 1993.
- Gleason, Abbott. *Totalitarianism: The Inner History of the Cold War*. New York: Oxford Univ. Press, 1995.
- Gorbachev, Mikhail S. *The August Coup: The Truth and the Lessons*. London: HarperCollins, 1991.
- Gorbachev, Mikhail S. *Memoirs*. New York: Doubleday, 1995.
- Grigorenko, Pyotr. *Memoirs*. Transl. by Thomas P. Whitney. New York: W.W.Norton, 1982.
- Gunther, John. *Inside Russia Today*. Second Edition. New York: Harper & Row, 1962.
- Haimson, Leopold. *The Making of Three Revolutionaries*. New York: Cambridge Univ. Press, 1988.
- Hayward, Max. *Writers in Russia 1917-1978*. Edited and with an introduction by Patricia Blake. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1983.
- In Quest of Justice*, Ed. Brumberg, A. New York: Praeger, 1970.
- Inkeles, Alex et al. *The Soviet Citizen*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1959.
- Israelyan, Victor. *Inside the Kremlin During the Yom Kippur War*. University Park, Pa.: The Pennsylvania State Univ. Press, 1995.
- Johnson, Priscilla, and Leopold Labedz, eds. *Khrushchev and the Arts: The Politics of Soviet Culture, 1962-1964*. Cambridge: M.I.T. Press, 1965.
- Kaiser, Robert. *Russia: The Power and the People*. New York: Atheneum, 1976.
- Kalugin, Oleg. *The First Directorate: My 32 Years in Intelligence and Espionage Against the West*. New York: St. Martin's Press, 1994.
- Kaminskaya, Dina. *Final Judgement: My Life as a Soviet Defence Lawyer*. Transl. by Michael Glenny. London: Harvill Press, 1983.
- Keep, John. *Last of the Empires: A History of the Soviet Union 1945-1991*. New York: Oxford Univ. Press, 1995.
- Kennan, George F. *Memoirs 1925-1950*. Boston: Little, Brown and Company, 1967.
- Kennan, George F. *Sketches From a Life*. New York: Pantheon Books, 1989.
- Khrushchev and the Arts: The Politics of Soviet Culture, 1962-1964* / Eds.: P. Johnson, L. Labedz. Cambridge: M.I.T. Press, 1965.
- Khrushchev, Nikita. *Khrushchev Remembers*. Transl. and ed. by Strobe Talbott. Boston: Little, Brown and Co., 1970.
- Khrushchev, N. *Khrushchev Remembers: The Last Testament*. Transl. and ed. by Strobe Talbott. Boston: Little, Brown and Co., 1974.
- Khrushchev, Sergei. *Khrushchev On Khrushchev*. Boston: Little, Brown and Co., 1990.
- Klose, Kevin. *Russia and the Russians: Inside the Closed Society*. New York: W.W.Norton, 1984.
- Koch, Stephen. *Double Lives: Spies and Writers in the Secret Soviet War of Ideas Against the West*. New York: The Free Press, 1994.
- Krasnov, Vladislav. *Soviet Defectors: The KGB Wanted List*. Stanford: Hoover Institution Press, 1985.
- Laqueur, Walter. *The Dream That Failed*. New York: Oxford Univ. Press, 1994.
- Laqueur, Walter. *The Long Road to Freedom*. New York: Charles Scribner's Sons, 1989.

- Lein, Evgeny. *Lest We Forget: The Refuseniks' Struggle and World Jewish Solidarity*. Jerusalem: Jerusalem Publishing Centre, 1997.
- Lisann, Maury. *Broadcasting to the Soviet Union: International Politics and Radio*.- New York: Praeger, 1975.
- Lodeesen, Jon. *Jon S. Lodeesen Papers*. Georgetown University Library Special Collections Division. Washington, D.C., 1996.
- Matlock, Jack, Jr. *Autopsy on an Empire*. New York: Random House, 1995.
- Medvedev, Roy. *Khrushchev*.- New York: Anchor Press/Doubleday, 1983.
- Medvedev, Roy, Giulietto Chiesa. *Time of Change: An Insider's View of Russia's Transformation*. New York: Pantheon Books, 1989.
- Medvedev, Roy A., Zhores A. Medvedev. *Khrushchev: The Years in Power*. New York: Columbia Univ. Press, 1976.
- Meerson, M., and B. Shragin, eds. *The Political, Social, and Religious Thought of Samizdat*. Belmont, Mass.: Nordland, 1977.
- Meyer, Cord. *Facing Reality: From World Federalism to the CIA*. New York: Harper & Row, 1980.
- Mickelson, Sig. *America's Other Voice: The Story of Radio Free Europe and Radio Liberty*. New York: Praeger, 1983.
- Mickiewicz, Ellen. *Changing Channels: Television and the Struggle for Power in Russia*. New York: Oxford Univ. Press, 1997.
- Nahaylo, Bohdan, and Victor Swoboda. *Soviet Disunion: A History of the Nationalities Problem in the USSR*. New York: The Free Press, 1990.
- Naylor, Thomas H. *The Gorbachev Strategy*. Lexington, Mass.: Lexington Books D.C. Heath and Company, 1988.
- Nekrich, Alexander. *The Punished Peoples*. Translated by George Saunders. New York: W.W.Norton & Co., 1978.
- Nelson, Michael. *War of the Black Heavens: The Battles of Western Broadcasting in the Cold War*. Syracuse: Syracuse Univ. Press, 1997.
- Nove, Alec. *Glasnost in Action: Cultural Renaissance in Russia*. Boston: Unwin Hyman, 1989.
- Orlova, Raisa. *Memoirs* / Transl. by Samuel Cioran. New York: Random House, 1983.
- Palazchenko, Pavel. *My Years With Gorbachev and Shevardnadze*. University Park, Pa.: The Pennsylvania State Univ. Press, 1997.
- Parta, R.Eugene; John C. Klensin and Ithiel de Sola Pool. *The Shortwave Audience in the USSR: Methods for Improving the Estimates*, in *Communication Research*, 9, no. 4 Beverly Hills, Calif.: Sage Publications, 1982.
- Patch, Isaac. *Closing the Circle*. Wellesley, Mass.: Wellesley College Printing Services, 1996.
- Popov, Nikolai. *The Russian People Speak*. Syracuse: Syracuse Univ. Press, 1995.
- Potok, Chaim. *The Gates of November: Chronicles of the Slepak Family*. New York: Knopf, 1996.
- Powers, Thomas. *The Man Who Kept the Secrets: Richard Helms and the CIA*. New York: Knopf, 1979.
- Propaganda and the Cold War: A Princeton University Symposium*. Ed. J.B. Whitton. Washington D.C.: Public Affairs Press, 1963.
- Pryce-Jones, David. *The Strange Death of the Soviet Empire*.- New York: Henry Holt and Co., 1995.
- Reddaway Peter, ed and trans. *Uncensored Russia: The Human Rights Movement in the Soviet Union*. London: Jonathan Cape, 1972.

- Remnick, David. *Lenin's Tomb: The Last Days of the Soviet Empire*. New York: Random House, 1993.
- Remnick, David. *Resurrection*. New York: Random House, 1997.
- Report of the Presidential Study Commission on International Radio Broadcasting: *The Right to Know*. Washington, D.C.: U. S. Government Print. Office, 1973.
- Rothberg, Abraham. *The Heirs of Stalin: Dissidence and the Soviet Regime, 1953-1970*. Ithaca, N. Y.: Cornell Univ. Press, 1972.
- Rubenstein, Joshua. *Soviet Dissidents: Their Struggle for Human Rights*.- Boston: Beacon Press, 1980.
- Rubenstein, Joshua. *Tangled Loyalties: The Life and Times of Ilya Ehrenburg*.- New York: Basic Books, 1996.
- Russia at the Barricades: *Eyewitness Accounts of the August 1991. Coup*. Armonk. Eds.: Bonnell, V.E., Cooper A., Freidin G.- N.Y.: M.E.Sharpe, 1994.
- Sakharov, Andrei. *My Country and the World*. Translated by Guy Daniels. New York: Knopf, 1975.
- Sakharov, Andrei. *Sakharov Speaks* / Ed. by H.Salisbury. New York: Vintage, 1974.
- Satter, David. *Age of Delirium: The Decline and Fall of the Soviet Union*. New York: Knopf, 1996.
- Scammell, Michael. *Solzhenitsyn*. New York: W.W.Norton & Co., 1984.
- Schmemmann, Serge. *Echoes of a Native Land, Two Centuries of a Russian Village*. New York: Knopf, 1997.
- Schroeter, Leonard. *The Last Exodus*. New York: Universe, 1974.
- Shane, Scott. *Dismantling Utopia: How Information Ended the Soviet Union*. Chicago: Ivan R.Dee, 1994.
- Shanor, Donald R. *Behind the Lines: The Private War Against Soviet Censorship*. New York: St.Martin's Press, 1985.
- Sharansky, Natan. *Fear No Evil*. New York: Random House, 1988.
- Shipler, David K. *Russia: Broken Idols, Solemn Dreams*. New York: Times Books, 1983.
- Shragin, Boris. *The Challenge of the Spirit* / Transl. by P.S.Falla. New York: Knopf, 1978.
- Shub, Anatole. *The New Russian Tragedy*. New York: W.W.Norton & Co., 1969.
- Shub, Boris. *The Choice*. New York: Duell, Sloane and Pearce, 1950.
- Sinyavsky, Andrei. *A Voice from the Chorus*. Transl. by Kyril.Fitzlyon and Max Hayward. London: Collins and Harvill Press, 1976.
- Sinyavsky Andrei. *The Russian Intelligentsia*. Translated by Lynn Visson. New York: Columbia University Press, 1997.
- Smith, Gerald Stanton. *Songs to Seven Strings*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1984.
- Smith, H. *The New Russians*. New York: Random House, 1990.
- Smith, Hedrick. *The Russians*. New York: Quadrangle Books, 1976.
- Sosin, Gene. *The Children's Theater and Drama in Soviet Education* In *Through the Glass of Soviet Literature*, ed. Ernest J.Simmons. New York: Columbia Univ. Press, 1953.
- Sosin, Gene. *Introduction to Albert L. Weeks. The Troubled Détente*. New York: New York Univ. Press, 1976.
- Sosin, Gene. *Magnitizdat: Uncensored Songs of Dissent // Dissent in the USSR* Ed. Rudolf .L.Tokes. Baltimore: The Johns Hopkins Univ. Press, 1975.
- Soviet Unofficial Literature: Samizdat. An Annotated Bibliography of Works Published in the West* Comps.: J.Wohl, V.Treml. Durham, N.C.: Duke Univ. Center for Intern. Studies, 1978.

Studies on the Soviet Union, ed. R.Farrell. Munich: Institute for the Study of the USSR.- 1971.- Vol.XI, N.2.

Starr, S. Frederick. Red and Hot:: The Fate of Jazz in the Soviet Union. New York: Oxford Univ. Press, 1983.

Stites, Richard. Russian Popular Culture. New York: Cambridge Univ. Press, 1992.

Svirsky, Grigory. Hostages: The Personal Testimony of a Soviet Jew // Transl. by G.Clough. New York: Knopf, 1978.

The Political, Social, and Religious Thought of Samizdat / Ed.: M.Meerson, B.Shragin. Belmont, Mass.: Nordland, 1977.

The Trial of the Four, ed. P.Litvinov. London: Longmans, 1972.

Tumanov, O. Tumanov: Confessions of a KGB Agent // Transl. by D.Floyd. Chicago: Edition Q, 1993.

Uncensored Russia: The Human Rights Movement in the Soviet Union / Ed. and transl. P.Reddaway. London: Jonathan Cape, 1972.

Urban, G. Radio Free Europe and the Pursuit of Democracy: My War Within the Cold War. New Haven: Yale Univ. Press, 1998.

Vlady, Marina. VLADIMIR ou le vol arête. Paris: Fayard, 1987

Voinovich, Vladimir. The Life and Extraordinary Adventures of Private Ivan Chonkin. Transl. by Richard Lourie. New York: Farrar Straus Giroux, 1977.

Western Broadcasting Over the Curtain, ed. K.R.M.Short. New York: St. Martin's Press, 1986.

Wettig, G. Broadcasting and Detente. London: C. Hurst & Co., 1977.

Whelan, Joseph G. Radio Liberty: A Study of Its Origins, Structure, Policy, Programming and Effectiveness. Washington, D.C.: The Library of Congress Congressional Research Service, 1972.

Whitton, John Boardman, ed. Propaganda and the Cold War: A Princeton University Symposium. Washington, D.C.: Public Affairs Press, 1963.

Wohl, Josephine, and Vladimir Trelml, comps. Soviet Unofficial Literature, Samizdat: An Annotated Bibliography of Works Published in the West. Durham, N.C. Duke University Center for International Studies, March 1978.

Белая книга по делу А.Синявского и Ю.Даниэля. Сост. А.Гинзбург. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967.

Бережкова, С.Б. Радио «Свобода» в системе Международного Радиовещания на русском языке (1988-1994). МГУ, Фак-т журналистики, 1995.- Дисс.

Боннер Е. Введение: *Радио Свобода, август 19-21*.- М.: НИКО, 1992.

Закливание добра и зла.: Александр Галич. Сост. Н.Крейтнер. Москва, Прогресс, 1991.

Новый Колокол, сост. Н.Белинкова. Лондон, 1972.

Памяти Виктора Франка. Munich: 1974.

Панфилов А. Радио США в психологической войне. М.: Междунар. отношения, 1967.

Панфилов А. За кулисами «Радио Свобода». М.: Междунар. отношения, 1974.

Сахаровские слушания. Четвертая сессия. Лиссабон, Октябрь 1983. Под ред. Семена Резника.. London: Overseas Publ. Interchange Ltd., 1985.

Сахаровский сборник. Составители А. Бабенышев, Р. Лерт, Е. Печуро. New York: Khronika Press, 1981.

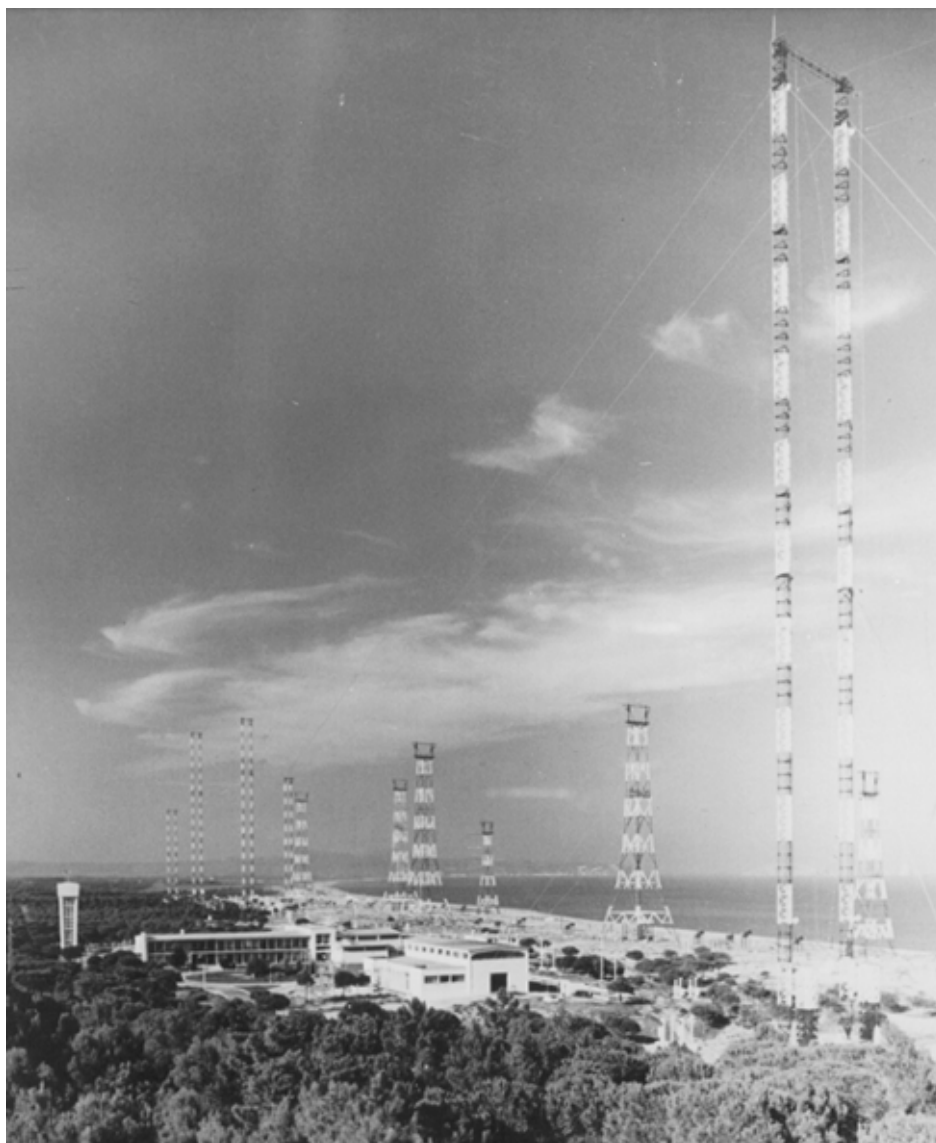
Синявский и Даниэль на скамье подсудимых. New York: Rausen, 1966.

Струве, Глеб. Русская литература в изгнании. Париж: YMCA-Press, 1984.

У микрофона Александр Галич. Под редакцией Юлиана Панича, Сергея Юрьенена, Ариадны Николаевой. Munich: Radio Free Europe/Radio Liberty, Inc., and Tenaflly, N. J. Hermitage, 1990.

Юрасов, Владимир. Параллакс. Нью-Йорк: Новое Русское Слово, 1972.

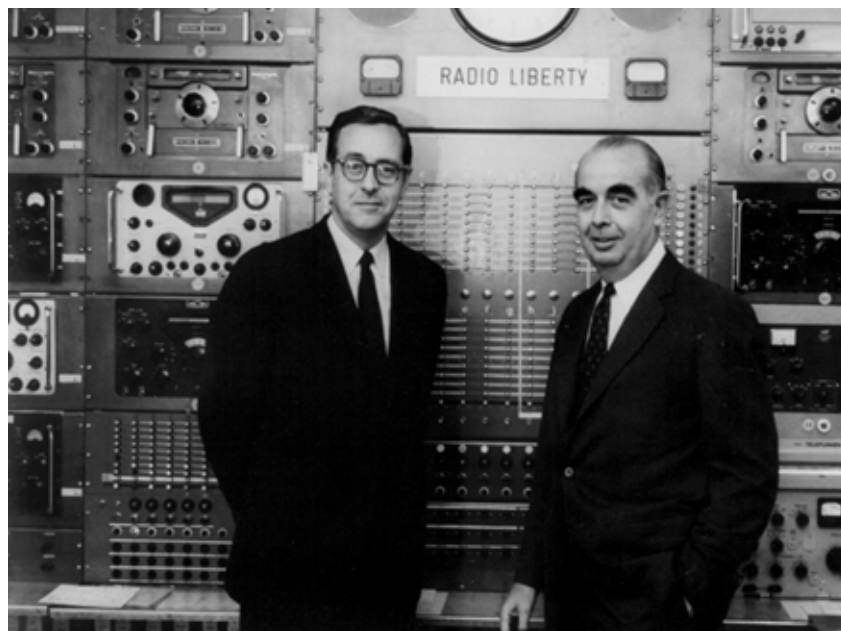
ФОТОГРАФИИ К КНИГЕ ДЖИНА СОСИНА

Самая большая группа передатчиков Радио Свобода, расположенная в Коста Брава, Испания (другие передатчики были в Западной Германии). Шесть 250-киловаттных передатчиков и многовibratorные антенны посылали мощный сигнал на территорию Советского Союза. Отражаясь от поверхности средиземного моря, сигнал значительно усиливался (фото РСЕ/РС).

В этом здании в Мюнхене с 1953 по 1967 год помещалась штаб-квартира Радио Свобода. Раньше здесь был административный центр аэропорта Обервизенфельд. Британский премьер-министр Невилл Чемберлен и премьер-министр Франции Эдуард Даладьё приземлялись здесь по пути на историческую конференцию с участием Гитлера, которая предрешила судьбу Чехословакии (фото предоставлено Джеймсом Кричлоу).

Уолтер К. Скотт, директор Радио Свобода с 1965 по 1975 год, с Джоном Чэнселлором, директором

Голоса Америки, во время визита последнего в Мюнхен в 1969 году (фото РСЕ/РС).

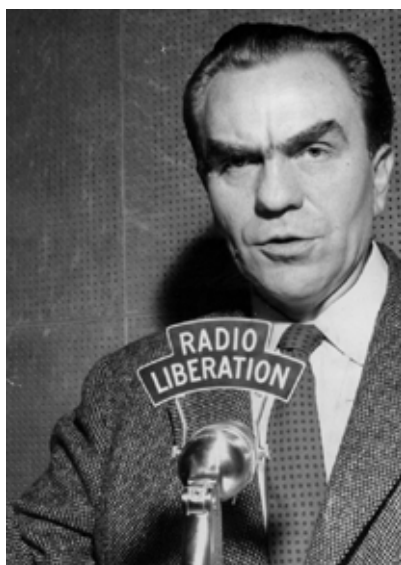
Хауленд Сарджент – президент Амкомлиба, позже переименованного в Комитет Радио Свобода (1954-1975) (фото Томми Вебера, предоставлено Дороти Сарджент).

Борис Шуб – руководитель Нью-йоркского программного центра Радио Освобождение (Радио Свобода). Первоначально центр готовил тексты на русском языке для передачи их из Мюнхена. В 1950-

е годы Шуб определял политику и содержание передач Радиостанции (фото Блэкстоун Студиоз, предоставлено Анатолием Шубом).

Владимир Рудольф (псевдоним: Владимир Юрасов), русский писатель-эмигрант, более 30 лет проработавший на Радио Свобода (фото из семейного архива)

Александр Галич (фото РСЕ/РС и издательство Эрмитаж)

Преподобный Мартин Лютер Кинг-младший (фото предоставлено РСЕ/РС)

Элеонора Рузвельт (фото предоставлено РСЕ/РС и Анной Мейер).

Автор книги на Красной площади во время своего первого визита в СССР в 1959 году (из архива автора).

Автор с Михаилом Горбачевым во время празднования 40-й годовщины Радио Свобода в Москве в 1993 году (фото предоставлено РСЕ/РС).

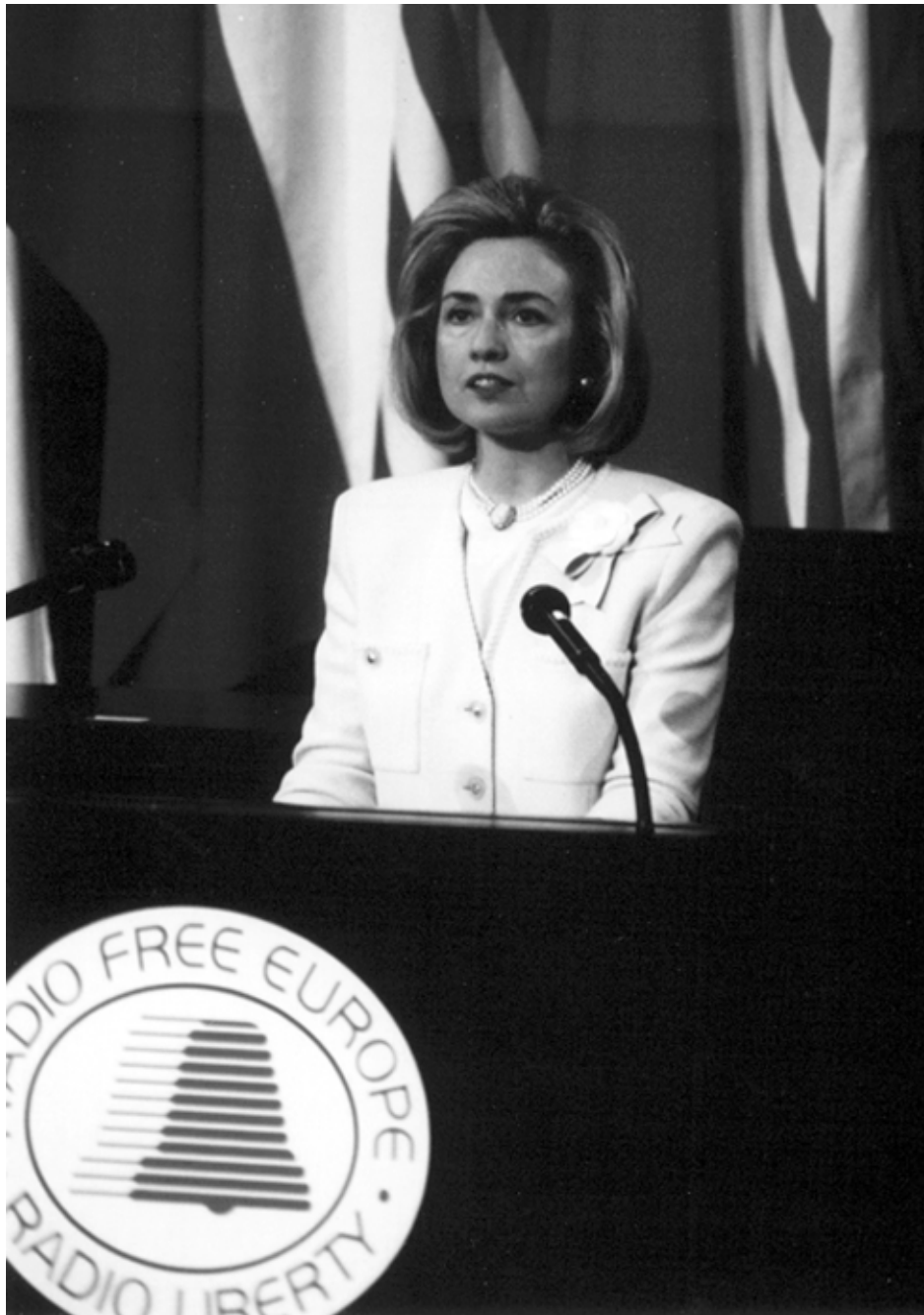
Советская карикатура, высмеивающая Радио Свобода и Радио Свободная Европа. "Все наше хают и поносят... Барбосы лают – ветры носят!" (Фото предоставлено Полом Гоблом).

Изображен сионист, шпионскую деятельность которого направляет ЦРУ: Радио Свобода и Радио Свободная Европа держат микрофоны, у туриста в руке книга с православным крестом, из книги сыплется "антисоветизм" (фото предоставлено Евгением Лейном).

"Портрет сплетника" из украинского сатирического журнала "Перец" (1963). На наушниках написано: Голос Америки, Би-Би-Си, Радиостанция "Свобода" и Радио Рим (фото предоставлено РСЕ/РС).

Хиллари Родам Клинтон в новой штаб-квартире РСЕ/РС в Праге, 4 июля 1996 года (фото предоставлено РСЕ/РС).